М. СВЕТЛОВ

2

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

МОСКВА. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1975

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том второй

ПЬЕСЫ

МОСКВА. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1975

Р 2
С 24

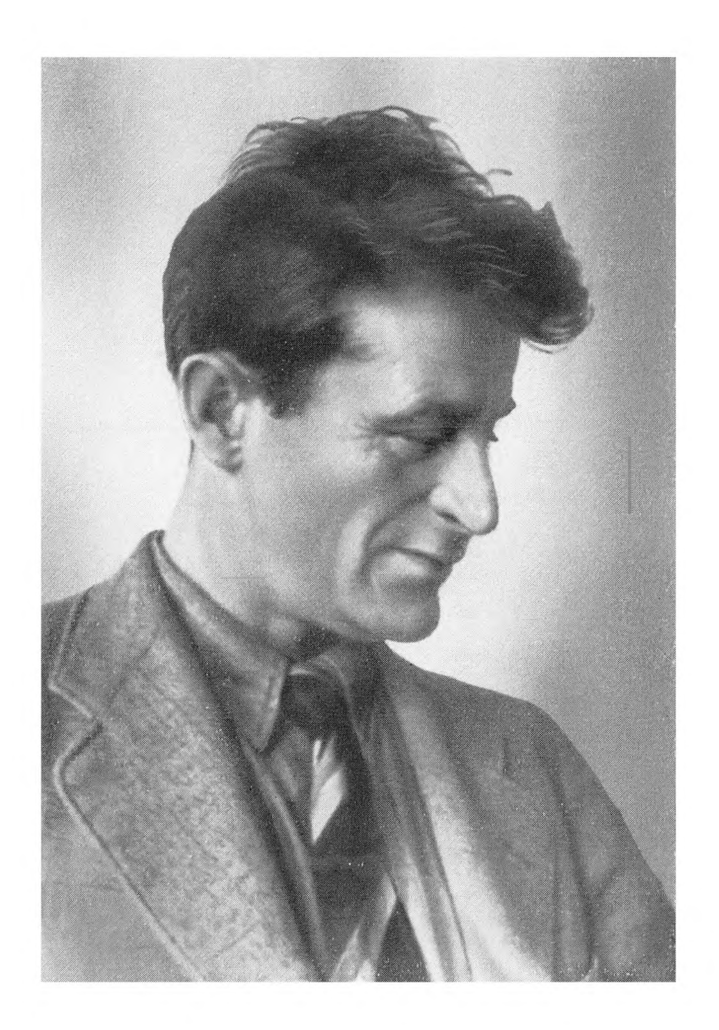
Составление
Р. И. Амирэджиби

Подготовка текста
Л. Н. Смирновой

Примечания
Л. Н. Смирновой, Ф. Г. Светова

Оформление художника
Ю. Алексеевой

С $\frac{70402\text{-}313}{028\ (01)\text{-}75}$ подписное

ПЬЕСЫ

ГЛУБОКАЯ ПРОВИНЦИЯ

ЛИРИЧЕСКАЯ ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ, ДЕСЯТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Серафима Викторовна Збышко-Истомина — заведующая столовой МТС. Огромная, лицо перекошенное, лет тридцати семи.

Поля — работница столовой.

Можаев — работник политотдела. Человек средних лет.

Бутылкин Сергей — помощник начальника, двадцати пяти лет.

Павел — начальник политотдела, тридцати двух лет.

Шульц — председатель артели имени Карла Либкнехта. Толстый добродушный немец.

Керекеш — председатель артели имени Бела Куна. Тщедушный венгр.

Петрович — директор МТС. В пьесе не участвует.

Главный старичок.

Старичок.

Старичок, похожий на Мечникова, именуемый в дальнейшем Мечников.

Старушка.

Человек в тулупе.

Женя — культработник политотдела, девятнадцати лет. Красивая.

Урядников Алексей Осипович — преподаватель музыки в коммуне имени Володарского. Рыжебородый старик.

Комсомолец, сопровождающий Урядникова.

Тракторист Окунь — поющий песни. Он же колхозный мейстерзингер.

Мальчуган.

Изящный помощник бухгалтера.

Прохоров — председатель артели. Большой некрасивый мужик.

Начальник станции — маленький старичок.

Кожухов — конюх.

Антон — колхозник.

Альтман — секретарь райпарткома.

Женщина с девочкой.

Больной мужик.

Баянист.

Пьяница.

Колхозники, колхозницы, красноармейцы, комсомольцы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Столовая машинно-тракторной станции. Один длинный стол. Два маленьких. На стенах портреты. Древний яркий лубок: «Духов день в Толедо». Дверь напротив зрителя. Слева от двери — шкаф. С е р а ф и м а возится у плиты. Б у т ы л к и н за маленьким столиком ест. М о ж а е в за другим столиком возится со счетами. П о л я — у шкафа.

С е р а ф и м а
(поет)

На углу на Греческой
У моих ворот
Песней человеческой
Соловей поет.

И когда умрет он
От пенья своего,
Много птичек будут
Хоронить его...

Много птичек песню
За него споют,
На его могилке
Перышко воткнут...

А моя могилка
Пропадет в снегу,
Оттого что в жизни
Петь я не могу...

(Пауза.) Когда мы выступали в Бердянске (Бердянск — это, конечно, не столица, но ничего город — там виноград хороший), так уверяю вас, я была непобедима. Пусть бы кто-нибудь попробовал вырваться из моего двойного нельсона!.. И только один раз меня оконфузили. Приезжает, представьте себе, маленькая, щуплая женщина. Ну никакого бицепса, никакого веса, ну прямо — доска и на ней два соска, но силища! Представьте, в пять минут ноль шесть восьмых секунды она меня положила!..

Бутылкин. И ты вынесла этот позор, Сима?

Серафима. Вынесла. Я еще и не то выносила, дорогой Бутя! Нехорошая у тебя фамилия — Бутылкин! Я тебя буду звать просто Бутей. Можно?

Бутылкин. Можно. Чего ж. Бутя так Бутя.

Поля. А по-моему, Бутя — это совсем не солидно. Придут колхозники. Где, спросят, товарищ Бутя? А сами смеяться будут: помощник начальника, а самого как будто еще грудью кормят... Бутя!

Бутылкин. А ну вас к черту! Зовите хоть Жоржиком!

Поля. А интересно, Серафима Викторовна, почему вы борцом стали? Вот я бы ни за что не стала...

Можаев. Напрасно. А тебе бы пошло.

Поля. Что вы! Стану я выходить голой на публику!

Можаев. Ну зачем — голой? В трико...

Поля. Это почти одинаково. А я еще девушка...

Можаев. Какой ужас! А ведь Сима-то наша тоже девушка... Правда?

Серафима. Правда.

Бутылкин. А вышла бы замуж? Мужа хотела бы иметь?

Серафима. Очень. *(Пауза.)* Очень! *(Пауза.)* Я потому и стала борцом, чтобы на меня обратили внимание. Ну что я — хожу некрасивая, плоть у меня, слава богу, бушует, а никого нет... Родители давно померли... Вон, видите, «Духов день в Толедо»? Это мне отец подарил, когда мне семь лет исполнилось. Я всегда, когда просыпалась утром в постельке, смотрела на нее. Синее небо... и тучки... чуть посинее... Люди ходят... священники... Теперь я понимаю, что они сволочи, а тогда они мне нравились... *(Пауза.)* Одна я... Вот готовить научилась. Для всей станции готовлю. А хорошо бы для одного... Чтоб ему любимые блюда выбирать. Женился бы на мне, Бутя...

Бутылкин. Что? Что такое?

Серафима. Ну чем бы тебе плохо было? Утром встаешь, пожалуйста — завтрак, брючки выглажены, белье свежее. Живи и толстей! А кроме всего, я какая ни на есть, а все-таки баба...

Бутылкин *(жалобно).* Так я же тебя не люблю, Сима!

Серафима. И не нужно! Я себе любовь сама выдумаю.

Можаев. Ты его, Сима, оставь... На него, может, Поля метит...

Поля *(обиженно).* Выдумываете все, товарищ Можаев.

Входит Павел. Снимает шинель. Быстро садится за стол.

П а в е л. Сима!
С е р а ф и м а. А?
П а в е л. Шульц был?
С е р а ф и м а. Не был.
П а в е л. Керекеш был?
С е р а ф и м а. Не был.
П а в е л. Давай обедать!

Серафима наливает. Поля подает ему щи.

Борщ постный, каша с маслом, сладкое подразумевается... Так ведь, Сима?

С е р а ф и м а *(истерически)*. А из чего я вам готовить буду? Свое мясо рубить, что ли? Я и сама об живой курочке мечтаю!

П а в е л. Ну не волнуйся! Ну не кричи! Зато щи какие! *(Подносит ложку ко рту.)* Амбра! Ну а чайком хоть побалуешь?

П о л я. Сейчас чаю накачаю...

П а в е л. Ты все в рифму... А знаешь, Сима, я на дворе у Шульца видел во какого поросенка! Ты бы его двойным нельсоном и к нам на кухню, а?

С е р а ф и м а. Ну да, а Шульц меня потом в гроб вгонит...

П а в е л *(восторженно)*. Это не щи, Сима! Это — райское блюдо. Этими щами беременных ангелов кормить надо!

С е р а ф и м а *(вздыхает)*. А если бы сюда еще сала кусочек!

П а в е л. Не говори, Сима! Я даже боюсь подумать! *(Становится серьезным.)* Ну а Петровичу снесла поесть?

С е р а ф и м а. Снесла.

П а в е л. Ну, как он?

С е р а ф и м а. Все так же плох... Все мучается...

П а в е л *(повышая голос)*. Надеюсь, ты ему ничего про его болезнь не говорила?

С е р а ф и м а *(раздраженно)*. Как же! Говорила! Так прямо пришла и сказала: «Товарищ директор! А у вас рак кишок! И мы вас скоро хоронить будем!» Такая я дура, как ты думаешь?

П а в е л. Ну ладно, ладно... Не сердись...

М о ж а е в. Я ему говорю: «Петрович, лег бы ты в больницу, живо поправился бы!» А он: «Что там больница! У меня, говорит, застарелый колит, а с такой болезнью в больницу и показаться стыдно».

П а в е л. Ты, Сима, за ним, как за ребенком, гляди. Чайком балуй, бульоном... И главное — смеши! Побольше смеши! Пусть он весело свою жизнь доживает. Скажи ему, например, что ты самого Поддубного в полторы минуты положила...

С е р а ф и м а. Да он не поверит!

П а в е л. Конечно, не поверит! А посмеется, сильно посмеется... Или расскажи ему тот случай, когда ты начальника станции кипятком обварила...

С е р а ф и м а *(горячо)*. А это правда. Ей-богу, правда.

Б у т ы л к и н. Сам видел.

С е р а ф и м а. А ты не вмешивайся, когда не просят. Я на этой проклятой станции пять лет проработала. Еще и теперь — только я засыпаю — в ушах начинают гудеть гудки, стучать колеса, стучать колеса, гудеть гудки...

Вваливаются Ш у л ь ц и К е р е к е ш.

К е р е к е ш *(указывая на Шульца)*. Вот он малютка, красавец!

Ш у л ь ц *(спокойно, торжественно)*. Дорогой Павел! Я тебя очень прошу: если ты хочешь, чтобы в этой

груди *(тычет себя в грудь пальцем)* не остановилось усталое сердце — убери от меня этого человека.

Керекеш *(запальчиво)*. Поступайте в театр — вы хорошо декламируете!

Можаев. «Прибежали в избу дети...»

Павел *(спокойно)*. Ну-с, чего это вы там не поделили?

Шульц. Слушай! Стою я на конюшне и смотрю на новую лошадь. Прохоров на ярмарке купил. Помнишь, тот Прохоров с бельмом, которого в прошлом году председателем выбрали...

Керекеш. К делу!

Шульц *(спокойно)*. Так вот! Стою и смотрю! Какая лошадь! Сильная! Огромная! А как она пьет! Как оратор. Часто и понемножку...

Керекеш. К делу!

Шульц *(сразу возбуждаясь)*. Как вдруг вваливается на конюшню этот самый Ку... Ке... Кекереш.

Керекеш *(сквозь зубы)*. Керекеш!

Шульц *(спокойно)*. Ке... Кукарекуш!

Керекеш *(вспыхнув)*. Какой я вам Кукарекуш? Вот вы Шульц, а я же не говорю, что вы Жульц! А я же мог сказать, что вы Жульц!

Шульц *(спокойно)*. Сейчас выучу... Ке-ре-кеш! Правильно?

Керекеш. Правильно.

Шульц *(спокойно)*. Так вот, вваливается Ке... *(Указывает на Керекеша.)* Он вваливается и говорит...

Керекеш *(перебивает его)*. И говорю: дорогой Шульц, вот распоряжение начальника политотдела. Ввиду недостатка тягла в твоей артели я, Керекеш, должен временно передать в твое, Шульца, распоряжение десять лошадей. *(Павлу.)* Было такое распоряжение?

Павел. Было.

Шульц. Тогда я ему отвечаю: если ты хороший наездник, то садись на свои десять лошадей и убирайся к чертовой бабушке! *(Керекешу.)* Правильно я передаю?

Керекеш. Абсолютно.

Павел. Ничего не понимаю. Ты же мне сам говорил, что тебе лошади нужны.

Шульц. Очень нужны.

Павел. Так в чем же дело?

Шульц. Ну да, а потом на районном конкурсе, когда Шульц получит первое место, он *(указывает на Керекеша)* будет ходить по всем артелям и трубить: это я, это мои лошади вытащили Шульца с последнего места на первое место! Нет, дорогой Ке... Дорогой друг! Заведите себе еще хоть десять конюшен, а не быть вам впереди Шульца!..

Керекеш *(скептически)*. Так?

Шульц. А хочешь — я тебе все трактора, всех рабочих отдам, пальцами буду землю пахать, а все-таки обгоню!..

Керекеш. Ах да! Я и забыл... Вы же ни-бе-лунг!

Павел. Слушайте, друзья. Вы видитесь каждый день?

Шульц *(измученно)*. По нескольку раз в день...

Керекеш *(еще более скорбно)*. А иногда и целый день...

Павел. Почему же, когда бы я вас ни видел, вы всегда ссоритесь? Уж лучше не встречались бы... Скажите, вам иногда не кажется, что вы друзья, что вам друг без друга скучно будет?

Керекеш. Пусть он научится правильно произносить мою фамилию, и мы будем как голуби!

Шульц. Сколько вы мне предлагали лошадей?

К е р е к е ш. Десять.

Ш у л ь ц. Беру пять. Мир!

Жмут друг другу руки.

П а в е л. Ну а теперь объявляю заседание реввоенсовета нашей станции открытым! Можаев, Сережа, сюда!

Все усаживаются за столиком Павла.

Докладывай, Можаев.

М о ж а е в. Во-первых, о новом директоре.

П а в е л. Никаких новых директоров!

М о ж а е в. Опытный директор. Работал где-то около Симферополя. Мы уже три месяца без директора.

П а в е л. Повторяю: никаких новых директоров!

Ш у л ь ц. Я понимаю, почему ты против.

П а в е л. Ну?

Ш у л ь ц. Ну и я тоже против!

П а в е л *(Можаеву)*. Слушай ты, чуткий товарищ! Вот представь себе: приезжает новый директор, начинает работать. Работает, допустим, неплохо. Но о том, что он приехал, узнают все?

М о ж а е в. Конечно, узнают.

П а в е л. И Петрович узнает?

М о ж а е в *(начинает догадываться)*. Да-а...

П а в е л. Значит, при нем, Петровиче, живом директоре, приезжает другой живой директор. Значит, сказке о колите, о временном расстройстве желудка — конец! Значит, он, Петрович,— человек обреченный?

М о ж а е в. Да-а...

П а в е л. А скажи, некоторое время без директора обойтись можно?

М о ж а е в. Трудно, конечно...

П а в е л. Но можно?

М о ж а е в. Можно.

П а в е л. Ну так вот: два лишних часа работы в день, и Петрович умирает спокойно. Согласны?

В с е. Согласны. Конечно. Да...

П а в е л. Ты, Можаев, пойди в райком, разыщи Альтмана и скажи ему: так-то и так-то, а директор нам не нужен. Я уверен, что он согласится с нами.

Б у т ы л к и н. Согласится!

П а в е л. Да, кстати, Сережа, ты чего это панику на все колхозы наводишь?

Б у т ы л к и н. Какую панику?

П а в е л. В какой бы колхоз ни приехал — все волком воют. Бутылкин твой, говорят, в гроб нас вгонит. Форточки ему захотелось!

Б у т ы л к и н. А! *(Смеется.)*

П а в е л *(тоже смеется)*. Знаешь старого Кучеренко? Я ему говорю, что ж, говорю, форточка полезная вещь — откроешь, не так душно будет. А он мне отвечает: ежели мне свежий воздух нужен, я на двор пойду — там его хоть отбавляй. А в хате пускай тепло будет. А Морозов тебе обещал морду расквасить. Если, говорит, Бутылкин бревен на новую хату не даст, так и передай ему — морду расквашу!

Б у т ы л к и н. Обещает форточки сделать в новой хате — дам бревен. Не обещает — не дам!

К е р е к е ш. Ты с ума сошел! Это же культурное начинание. Это же нельзя нажимом! Ты же всех колхозников рассердишь!

Б у т ы л к и н. А колхозники только притворяются, что сердятся, а сами почти довольны. Вчера был я у Тимофеева. Знаешь его старую бабку? Она всю жизнь с печи не слазила. Душно что-то, говорит, открой, сынок, форточку.

Все смеются.

Так, значит, говорит, морду расквасит? Ну, это пустяки! Прохоров тебе обещал кое-что похуже!

П а в е л. Мне?

Б у т ы л к и н. Он у тебя просил трактор?

П а в е л. Просил. Я ему не дал.

Б у т ы л к и н. Трактор ему нужен до зарезу.

П а в е л. А где я ему возьму? Сам знаешь, время какое!

Б у т ы л к и н. Ну так вот, говорит Прохоров, ежели мне товарищ Павел трактора не даст, я на него такое несчастье нашлю!.. А трактор обязательно получу!..

П а в е л. На меня? Несчастье? Что он, колдун, что ли?

М о ж а е в. Колдун не колдун, но если чего Прохоров захочет,— обязательно добьется! Упрямый мужик!

С е р а ф и м а *(сердито)*. Ешьте, не остроумничайте!

П а в е л. Что там у тебя еще, Можаев?

М о ж а е в. Вопрос о трактористах...

Ш у л ь ц. Серьезный вопрос.

П а в е л. Рассказывай подробно.

М о ж а е в. Значит, дело в следующем: по твоему распоряжению, Павел, трактористы третьего дня выехали в поле и живут в шалашах, каждый на своем участке. Это совершенно правильно. Чем выезжать каждый раз из МТС на далекий участок и тратить на дорогу половину горючего — поселить трактористов на своих участках на время посевной кампании. Совершенно, совершенно правильно.

П а в е л. Ты почему поднял этот вопрос?

М о ж а е в *(горячо)*. А потому, что я же получил заявление от трех трактористов. Они пишут, что если

им не выдадут хотя бы по пуду хлеба, то они сейчас же возвращаются домой!

П а в е л. И ты советуешь?..

М о ж а е в. И я не советую, а настаиваю на следующем: если мы человека загоняем в поле и он живет там совершенно как пустынник, если мы требуем от него сверхударной работы и он эту работу с честью выполняет *(Павел встал и нервно ходит по комнате)*, то мы обязаны, понимаешь, обязаны хотя бы накормить этого человека! Что ему эти четыреста грамм хлеба в сутки!

К е р е к е ш и Ш у л ь ц. Правильно.

П а в е л. Ты как думаешь, Сережа?

Б у т ы л к и н. Накормить, конечно, обязаны, но...

П а в е л. Но?..

Б у т ы л к и н. Но тут дело посложнее...

П а в е л. Много у тебя на складе хлеба, Можаев?

М о ж а е в. Маловато.

П а в е л. Ну как маловато? Надолго хватит?

М о ж а е в. При урезанном пайке?

П а в е л. При урезанном пайке.

М о ж а е в. Месяца на два с хвостиком, пожалуй, натянем...

П а в е л. А до нового урожая сколько осталось?

М о ж а е в *(высчитывая в уме)*. Месяца три с лишним.

П а в е л. Хорошо! Выдавай хлеб трактористам. Выдавай, выдавай...

Пауза.

М о ж а е в. Так выдавать?

П а в е л. Но если я через месяц увижу, что село ходит голодным, а у тебя в амбаре ни одного зерна, что

даже по пятьдесят грамм на едока не хватит, тогда мы с тобой в райкоме будем иметь очень интересную беседу!

Можаев. А если трактористы не получат муки, не выйдут в поле, ни одно га не будет вспахано, тогда, я думаю, наша беседа наступит несколько раньше. И не очень приятная для тебя, дорогой Павел!

Павел. Выйдут трактористы в поле! Земля будет вспахана!

Можаев. Это кем же?

Бутылкин. А где ты, скажи, через месяц хлеба возьмешь?

Павел. Вот, вот, вот!

Можаев. Через месяц и думать будем. А сейчас важно, чтобы трактора вышли в поле. А через месяц обратимся в центр: так, мол, и так — район голодаст...

Павел. А где тебе центр хлеба возьмет? Там сейчас сами голову ломают, как дотянуть до нового урожая!

Шульц. Значит, что же получается? Никакого выхода, значит?

Павел. Как никакого выхода? Вы что, товарищи, про меня думаете? Что вот-де приехал пижончик из центра, учился там на красного профессора, есть-де у него инструкция выполнить план, а на остальное ему, книжнику проклятому, наплевать? Так ведь, по-вашему? Пусть там где-то в поле недоедает затерянный человек, пусть его родня тут пояса подтягивает, лишь бы цифирьки, цифирьки были в порядке! Так ведь думаете?

Керекеш. Ну-ну-ну! Так уж и думаем!

Можаев. Понимаю. Все понимаю. Я не думаю про тебя, что ты пижон из центра, но ты-то, наверно, про меня думаешь: вот дуб из провинции! Понимаешь, я не могу сейчас смотреть на землю, когда ее не пашут! Когда меня Альтман посылал сюда, он сказал мне:

смотри, Можаев, я на тебя надеюсь! Осенью с урожаем будешь! Ну!.. А теперь что получается? Хлеба не будет, потому что трактористы не выйдут в поле, трактористов не будет, потому что хлеба нет!.. Пифагоровы штаны какие-то!

Павел *(Бутылкину)*. Сережа! Бери карандаш, бумагу, пиши: трактористу... точки. Дорогой товарищ... точки. Я знаю, как тебе тяжело быть одному в поле. Так. Написал?

Бутылкин. ...быть одному в поле... Написал.

Павел. И я знаю твое недовольство. Я получил о тебе очень плохие сведения... очень плохие сведения... Пишешь?

Бутылкин. Пишу.

Павел. Ты требуешь пуд хлеба и угрожаешь, что иначе в поле не выйдешь... Так вот, дорогой товарищ, хлеба нет...

Бутылкин. Хлеба нет! Дальше?

Павел. Хлеба нет, и добыть его неоткуда. Мы можем прожить до нового урожая только на урезанном пайке. А теперь...

Бутылкин. Одну минуточку! Урезанном пайке... Продолжай!

Павел. А теперь ты подумай над тем, что ты делаешь. Ты грабишь республику, то есть самого себя!

Бутылкин. ...самого себя...

Павел. Как тебе не стыдно думать, что государство имеет хлеб и не хочет тебе его давать? Мы с тобой работаем не первый день, и вот, как товарищ товарищу, я тебе говорю: мы перетерпим! Мы еще будем есть такие блины, каких еще не едали...

Бутылкин. ...каких еще не едали...

Павел. Погоди, Можаев! Что у тебя есть на базе?

М о ж а е в. На базе? Сапоги есть. Сорок с чем-то пар...

П а в е л. А рубашки эти украинские, помнишь? Не роздали еще?

М о ж а е в. Часть роздал. Дюжины три еще есть.

П а в е л. Теперь, на табак и на махорку я налагаю вето. Конфисковать!

М о ж а е в. Село взвоет...

П а в е л. Объяснишь, куда пошло,— никто выть не будет. Продолжай, Сережа!.. Надо любить свою родную Советскую страну и верить в нее. Тогда все будет хорошо. Хлеба нет, а вот то, что есть, от всей души посылаю тебе. Одень новую рубашку, натяни сапоги, закрути цигарку и с веселой песней...

Б у т ы л к и н. ...и с веселой песней...

П а в е л. ...и с веселой песней выезжай в поле! Крепко жму твою руку. Начальник политотдела — Павел. Помощник начальника — Бутылкин. Вот! А теперь можете меня четвертовать, если вспашка не пойдет полным ходом. Пойдет, Можаев?

М о ж а е в. Пойдет, Павел!

Ш у л ь ц. Я бы хотел быть трактористом и получить такое письмо.

К е р е к е ш. Вам только женщины пишут, Шульц.

Ш у л ь ц. Я только хочу сказать...

Входят т р и с т а р и ч к а и о д н а с т а р у х а. Они — явление полумистическое. Один из старичков похож на профессора Мечникова. Они подходят к группе политотдельцев и внимательно всматриваются в нее.

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Нам тут — который главный... Товарищ Павел...

П а в е л *(почти испуганно)*. Я.

Г л а в н ы й с т а р и ч о к *(интимно подходит*

к Павлу и умильно глядит на него). Мы к тебе с прошением... очень нужно...

П а в е л. Какое прошение? Что вам — хлеба, что ли?

С т а р и ч о к. Да какой хлеб! Нам его жевать нечем. У нас дело общественное. Мы для себя и просить не станем. *(Обращается к остальным старичкам.)* Верно?

С т а р и ч к и. Верно, верно...

П а в е л. Да откуда вы? Кто вы такие?

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Мы... мы из артели «Пионерский луч».

С т а р и ч к и. Верно... верно... «Пионерский луч»...

С т а р у ш к а. Правда... Ей-богу, правда...

М е ч н и к о в. Прохоровские мы...

Б у т ы л к и н. Вот оно — прохоровское несчастье!

П а в е л. Хорошо, но речь ведь шла об одном несчастье, а тут их целых четыре несчастья! *(Обращается к главному старичку.)* Ну, так что ты, вещий кудесник, собираешься мне сообщить?

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Мы к тебе с прошением...

С т а р и ч о к. Пустяки... Раз плюнуть...

П а в е л. Короче, короче, мои дорогие.

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Нам бы только один.

П а в е л. Чего один?

Г л а в н ы й с т а р и ч о к *(поднимает указательный палец)*. Один... трактор...

П а в е л *(громовым голосом)*. Трактор?

Ш у л ь ц. Вы слышите, Керекеш, трактор!

К е р е к е ш. Ступайте к ним — им не хватает пятого...

П а в е л. А зачем вам трактор? Вы что — курсы механиков кончили?

М е ч н и к о в. Так мы ж не для себя... Артельное дело...

П а в е л. А где я вам возьму? У меня все трактора в поле.

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Так нам ведь только один... *(Он, а за ним и остальные старички поднимают указательные пальцы.)*

С т а р и ч к и. Один...

М о ж а е в. Дело твое безнадежно, Павел... Выпросят.

П а в е л *(старичкам)*. Вот что, дорогие мои. Вы сейчас в свою артель направляетесь?

С т а р и ч к и. В артель... Домой направляемся...

П а в е л. Пойдемте... Я вас подвезу... На машине подвезу. Но надеюсь, мы еще с вами увидимся?

С т а р и ч к и *(дружно)*. Увидимся!

Все направляются к выходу.

Ш у л ь ц. Умница, Павел! Прямо царь Соломон!

К е р е к е ш. Уж не думаете ли вы, что вы царица Савская?

Шульц собирается вспылить.
Уходят. На пороге старичок приветливо машет ручкой.
Серафима и Поля остаются одни. Пауза.

П о л я. Очень смешные старики. *(Пауза.)* Серафима Викторовна!

Серафима молчит.

Пойдемте в клуб имени Луначарского, Серафима Викторовна.

С е р а ф и м а. Не хочется.

П о л я. Очень интересно сегодня в клубе имени Луначарского. Пение, танцы... Не пойдете?

С е р а ф и м а. Не пойду, Поля. Не хочется.

П о л я. Тогда я одна пойду в клуб имени Луначарского. *(Уходит.)*

Долгая пауза.

С е р а ф и м а
(поет)

На стене всю ночь стучали часики,
Сон бежал от утомленных век...
Снился мне покойный Луначарский —
До чего хороший человек!

Жизнь свою трудящимся отдавший,
Разжигавший мировой пожар,
Очень бледный, очень исхудавший,
Снился мне народный комиссар...

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Помещение политотдела. В левом углу — письменный стол. Справа от двери до стены — длинная скамья. С е р а ф и м а в платке, за письменным столом. У авансцены на четырех стульях расположились наши ч е т ы р е с т а р и ч к а.

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Долгонько нет его... Пойдем, что ли?

М е ч н и к о в. Куда торопиться?.. Подождем...

С т а р и ч о к. Подождем...

С т а р у ш к а. Подождем...

Пауза.

Главный старичок. Так, говоришь, подождем?..

Мечников. Подождем... Торопиться некуда...

Старичок. Некуда торопиться...

Старушка. Некуда...

Входит человек в тулупе. Он подходит к письменному столу и обрушивается на Серафиму.

Человек в тулупе. Я спрашиваю — кто это допускает такие безобразия?

Серафима *(раздраженно)*. Я допускаю такие безобразия!

Человек в тулупе. Ты начальник политотдела?

Серафима. Я — начальник политотдела!

Человек в тулупе. Я тебя спрашиваю: по какому праву ты морозишь людей в холодных бараках?

Серафима *(еще более раздражаясь)*. А я тебя спрашиваю — по какому праву ты кричишь в политотделе? Здесь тебе не конюшня!

Человек в тулупе. И у меня люди, а не лошади! Не имеешь ты права с колхозниками так обращаться! Я тебя еще раз спрашиваю...

Серафима *(внезапно оседая)*. Оставьте меня! Не кричите на меня. Я вовсе не начальник политотдела. Я несчастная, очень несчастная женщина...

Человек в тулупе оторопел. Входит Павел.

Вот начальник политотдела. На него кричите.

Человек в тулупе *(осторожно обходя Серафиму)*. Очень извиняюсь. Вы — начальник политотдела?

Павел. Я.

Человек в тулупе. Очень нехорошо получается, товарищ начальник... Приехали к вам переселенцы... из ЦЧО... Слыхали, наверно?

Павел. Знаю, знаю...

Человек в тулупе. Ну, думаем, будет нам тут, как в родной деревне, а глядишь: живем в бараках, холодно, сыро, грязно... Что ж это получается, товарищ начальник?

Павел. Безобразие получается. Я же распорядился, чтобы женщин и детей пока по колхозным хатам расселили!

Человек в тулупе. Расселили... Третьего дня расселили... Ну, а нам-то, мужикам, как быть? Простуда сплошная...

Павел. Вот с этим плохо. Понимаешь — лес есть, гвозди есть, плотников нет. Я уж приказал по всем колхозам искать плотников. Как только найдем плотников, сейчас же начнем сколачивать хаты. Ну, а среди ваших что, ни одного не найдется?

Человек в тулупе. Два плотника есть. Да что с них толку?

Павел. Ищи, ищи. А так и к зиме не справимся.

Человек в тулупе. Да уж и вы похлопочите, товарищ начальник.

Павел. Да уж и я похлопочу...

Человек в тулупе уходит.

Ну, а с тобой что, Сима? Очередная истерика?

Серафима. Я так больше не могу, Павел!

Павел. Чего ты, собственно, не можешь?

Серафима. Я не могу вас больше кормить, Павел! У меня муки не больше пуда осталось.

Павел. Пуд муки?

Серафима. Да. Не больше.

П а в е л. Дура! Надо говорить не «не больше», а «не меньше» пуда! Пуд муки! Ты знаешь, что это такое?

С е р а ф и м а. Очень хорошо знаю. Вот когда без хлеба будете сидеть — тоже узнаете.

П а в е л. Еще раз дура! Ты знаешь, как в Европе едят хлеб? Немцы, например? Вот такой тоненький ломтик хлеба и вот таку-ую тарелку каши! Пора перестать быть азиатами, Сима! Надо становиться европейцами!

С е р а ф и м а. Ты всегда шутишь, Павел. А я хочу, чтобы вы все сытые были!..

П а в е л. Симочка! Осенью, когда снимем урожай, мы устроим такой бал! Ты будешь царицей бала, Симочка!

С е р а ф и м а. Хорошо... я буду царицей бала... *(Уходит.)*

П а в е л *(прохаживается по комнате, замечает старичков)*. А! Наследие проклятого царизма! Вы здесь?

Старички согласно кивают головами.

Так, так. Очень, очень рад вас видеть...

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. И мы...

С т а р и ч о к. И мы с удовольствием...

П а в е л *(садится между ними)*. Ну-с, дети мои, так вы говорите, вам нужен трактор?

М е ч н и к о в *(проводит ладонью по горлу)*. Очень нужен...

П а в е л. А если, допустим, у меня трактора нет? Ну, нету трактора?

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Да у кого же есть, как не у тебя? *(Машет пальчиком.)* Ой, хитрый ты...

П а в е л. Ну, зачем вам трактор? Валенки, может, нужны,— дам валенки, полушубки...

Старичок *(обиженно)*. У нас дело общественное. Мы для себя и просить не станем. *(Обращается к остальным старичкам.)* Верно?

Старички. Верно... верно...

Павел. Ну, вот что. Доконали вы меня! Дам я вам один старый тракторишко, но только он неисправен... понимаете, его починить надо. Так и передайте Прохорову, что вот починить надо. Пускай механика ищет.

Мечников. Мы и механика найдем, ты нам только машину дай.

Главный старичок. Пускай и Прохоров похлопочет. Что ж ему — на все готовое, что ли?

Павел. Дам я вам трактор, но только с одним условием, друзья. Вы мне тоже должны оказать услугу...

Главный старичок. Со всей душой!..

Старичок. Со всей, со всей душой!..

Павел. Если я когда-нибудь о чем-нибудь вас попрошу — вы мне сделаете.

Мечников. Вот те крест — сделаем.

Павел. Хорошо. Идите к своему Прохорову и скажите ему, что он трактор получит.

Старички. Премного благодарны... Спасибо за содействие...

Уходят.

Павел. До свиданья, предки, до свиданья! *(Смотрит им вслед, прохаживается по комнате, садится за стол, просматривает бумаги.)*

Звонит телефон.

Алло! А! Здравствуй, Прохоров! Были твои старички, были... Да. Не устоял. Что? Ну ничего. Я тебе такую свинью подложу, что ты у меня плакать будешь! Ничего,

ничего! Час мести еще не пробил! Что? Целуешь? Тьфу! *(Вешает трубку. Погружается в бумаги.)*

Тишина. Входит Ж е н я.

Ж е н я. Мне нужен начальник политотдела.

П а в е л *(не отрываясь от бумаг)*. Я.

Ж е н я. Меня прислал райком. Я — культработник...

П а в е л *(не отрываясь от бумаг)*. Культработник? Чудесно, чудесно! Это прямо замечательно! Наконец-то, наконец-то прислали! *(Смотрит на Женю. Пауза. Громко.)* Не нужен нам культработник! Кто вас сюда прислал? Можете ехать обратно.

Ж е н я. Как не нужен? Вы же сами писали...

П а в е л *(раздраженно)*. Мало ли что писал! Раньше нужен был, а теперь не нужен! Бывает так: раньше нужен, а потом не нужен. Понимаете? *(Сосредоточенно продолжает смотреть на Женю.)*

Входит Б у т ы л к и н. С ним еще один к о м с о м о л е ц и У р я д н и к о в, старик с огромной рыжей бородой.

Б у т ы л к и н. Вот, Павел, к тебе делегация.

У р я д н и к о в. Действительно делегация. Можно сказать, два поколения. Молодежь *(указывает на комсомольца)* и я, га-га-га, чуть постарше...

Женя садится в уголок и молча наблюдает всю сцену.

П а в е л. А! Так сказать, старая Русь и новая Россия...

У р я д н и к о в. Позвольте, это кто же — старая Русь? Что я, по-вашему, га-га-га, служитель культа, что ли?

П а в е л *(улыбается)*. Нет, что вы? В смысле стажа, жизненного стажа...

Урядников. А! Так я согласен...

Павел. На что же вы жалуетесь? Давайте вашу историю болезни.

Урядников. История болезни? Га-га-га, недурно сказано. Разрешите представиться — Алексей Осипович Урядников, преподаватель музыки в коммуне имени Володарского.

Павел. Вот как!

Урядников. Представьте себе! Вы не смотрите, что у меня, га-га-га, борода интеллигентная. Я сын потомственного малоземельного крестьянина. Но, с детства увлекаемый божественными звуками, а также завидуя лаврам некоего Бетховена, пошел по музыкальной части, почему и ассимилировался. Впрочем, Бетховена из меня не получилось, но музыку в коммуне преподаю недурно...

Павел *(смеется)*. Значит, у вас нехватка в роялях? Вам, может быть, флексатоны нужны?

Урядников. Га-га-га! Представьте себе, речь идет вовсе не о музыке, хотя в жизни нашей коммуны несколько нарушена гармония....

Комсомолец. Говорите, Алексей Осипович, говорите. Только не так длинно...

Урядников. Уста младенца глаголят правду. Так вот в чем дело. Наша коммуна, насколько вам известно, существует уже девятый год. Сам я живу в коммуне уже пять лет. Вначале коммуна состояла из пяти семейств, но затем, терпя лишения и голод, преодолевая всяческие препятствия, выросла в большую коммунистическую семью и является гордостью всей области. Районный комитет партии отметил нас, как самую сытую и самую счастливую ячейку во всем районе. Отсюда и выросшие музыкальные требования...

Комсомолец *(умоляюще)*. Алексей Осипович!

У р я д н и к о в. Короче, говоришь? Пожалуйста. Третьего дня приезжает в коммуну известная вам особь под фамилией Можаев и развивает следующую великую мысль: что, мол-де, партия не настаивает на существовании коммун, что, мол-де, первоначальной клеточкой является артель и что, мол-де, если, мягко выражаясь, коммуна полетит к чертовой матери, партия не очень будет огорчаться!

П а в е л. Вы не так поняли эту музыку.

У р я д н и к о в. Музыку надо не понимать, а чувствовать. Вот когда я смотрю современные оперы, я не понимаю, а чувствую...

П а в е л *(улыбаясь)*. Что же вы чувствуете?

У р я д н и к о в. Чувствую... что композиторам надо что-то понять, га-га-га! Да, так вот — коммунары просили меня передать вам нижеследующее: коммуну мы строили в больших муках. Построили. Наладили. Счастливы. И что же получается? Коммуну долой, давайте снова артель! Что же это вы нас, говорят коммунары, назад к социализму тянете? Га-га-га!

Все смеются.

П а в е л. Что ж, это вы в самом деле думаете, что коммуну развалят?

У р я д н и к о в. Да нет! Но все же коммунары, так сказать, для душевного спокойствия просят вас приехать в гости и все подробно разъяснить. Вы, позволю себе выразиться, пользуетесь любовью масс, и в коммуне вас ждут теплый прием и горячие, га-га-га, вареники!..

П а в е л. Приеду... Обязательно приеду! А вы пока разъясните, что ничего мы силой делать не будем. Мы просто думали, что, может, для вас коммуна еще непривычна...

Урядников. Восемь лет живем — и не привыкли? Га-га-га! Вот вы посмотрите, какой я вам к колхозному празднику оркестр выставлю! Все сплошные Яши Хейфецы! Только он на скрипке, а они, га-га-га, на трубе!.. Ну-с, разрешите откланяться! *(Поднимается, указывает на комсомольца.)* А с моим... э-э-э... другом детства вы так еще и не познакомились? Андрюша — талантливейший барабанщик!

Урядников и Андрюша уходят. Старик напевает: «Жил-был король на свете».

Павел. Видал?

Бутылкин. Видал. От этого старикана вся коммуна со смеху помирает.

Женя. А как он попал в коммуну?

Павел и Бутылкин вздрагивают.

Павел. Ах да...

Бутылкин. Да, да, да...

Женя. Да-а-а... Ну, так что, нужен вам культработник?..

Павел *(неуверенно)*. Н-не нужен нам культработник...

Бутылкин *(неуверенно)*. Культработник нам... нужен. А может, обойдемся, Павел?

Павел *(энергично)*. Обойдемся, обойдемся, Сережа...

Женя. Что значит — обойдемся? Я, слава богу, взрослая женщина. Нечего со мной в жмурки играть!..

Бутылкин. Ты комсомолка?

Женя. Комсомолка.

Бутылкин. Ага... Ну, а какой-нибудь институт кончила?

Женя *(улыбаясь)*. Какой-нибудь институт кончила...

Бутылкин. Ага!.. Ну вот что! Мы сейчас посовещаемся. Отойди в сторону.

Женя отходит в правый угол.

Подальше, подальше!

Женя отходит в глубь сцены. Павел и Бутылкин — у левой рампы.

Ну?

Павел. Ну?

Бутылкин. Выходит, надо взять на работу!

Павел. Ты с ума сошел! Ни в коем случае!..

Бутылкин. Но почему? Нет никаких причин...

Павел *(интимно)*. Сережа! Скажи, только откровенно, если бы от тебя одного зависело, ты б ее взял?

Бутылкин *(мучительно думает. Решительно)*. Нет. Не взял бы!

Павел. Ты только подумай, она же нам всю станцию взбаламутит: тут же все от любви работать перестанут!.. Пойди скажи ей.

Бутылкин. Почему я? Ты же начальник...

Павел. Пойди, пойди...

Бутылкин *(решительно направляется к Жене)*. Ну так вот. Мы окончательно решили, что тебя ни в коем случае не следует...

Женя пристально смотрит на него.

...не следует... э-э-э... отсылать обратно! Работай! *(Грозно.)* И смотри — без прогулов!

Женя. Так бы давно сказали...

Павел *(из левого угла)*. И пойди сейчас же в сто-

ловую и скажи Серафиме, чтоб она тебя накормила... Слышишь?

Женя *(испуганно)*. Слышу... хорошо... скажу... *(Уходит.)*

Долгая пауза.

Павел. Какая девушка!

Бутылкин. Какая баба!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Шалаш тракториста. Койка. Несколько бочек с горючим. Плакат «Не курить!». Сваленные в кучу инструменты. На койке лежит тракторист. У него в руках балалайка. У койки на подстилке мальчуган, рядом — обеденная посуда. В поле страшный дождь. Гром.

Тракторист
(поет)

Девушка в соломе ночевала,
Ох, какая девушка была!
Сколько я ни снился ей, бывало,
Наяву запомнить не могла!

Чтобы снился я тебе пригожим,
Ты меня, ложась, предупреди:
Я надену новую одежу,
Я значок повешу на груди.

Девушка в соломе засыпает,
Девушка забыла про меня...
Вот уже, как дитятко, рыдает
Сумасшедшая любовь моя.

Звездочка склоняется все ниже,
Вот она совсем как точечка...
Спи же, спи же, спи же, спи, усни же,
Спи, усни, моя красоточка!..

Дурацкая жизнь! Понимаешь, малыш, жизнь у нас идиотская! Хотя что ты понимаешь, эмбрион ты неразвитый! Ну скажи, на кой черт нам в такую погоду, в такой дождь сидеть глубоко в поле и слушать этот проклятый ливень? Эх, сказал бы я тебе, что самое лучшее делать в такую погоду, да боюсь — испортишься!

Мальчуган *(просительно)*. Скажи-и!

Тракторист. В такую погоду, в такой дождь, в такой ливень самое лучшее, что может сделать человек,— это положить голову своей бабе на теплое плечо. Непонятно?

Мальчуган. Непонятно.

Тракторист. То-то же! И зачем, спрашиваю я тебя, попал я сюда? Жил я себе в городе Ростове, работал свое положенное время, как вдруг — здравствуйте! Не желаете ли на курсы шоферов? Пошел на курсы шоферов. Ну, думаю, кончу — в такси буду по городу кататься. Как вдруг — здравствуйте! Не угодно ли переквалифицироваться на тракториста? Что ж! Трактористом так трактористом, как вдруг...

Мальчуган. Здравствуйте!

Тракторист *(не слушая)*. Здравствуйте! Пожалуйте в МТС на посевную кампанию! В МТС так в МТС! Приехал, живу. Работаю. Как вдруг...

Мальчуган. Здравствуйте!

Тракторист *(сердито)*. Ты что это, старших дразнить?! Ишь ты!.. Как вдруг распоряжение политотдела: выехать всем трактористам в поле и жить там, в

поле, значит, всю посевную кампанию! Ну что ж, в поле так в поле. Как вдруг...

Бутылкин *(появляясь у входа в шалаш)*. Здравствуйте!

Тракторист *(сердито)*. Что?

Бутылкин. Здравствуйте, говорю.

Тракторист. Здравствуйте! Что это тебя в такой дождь носит?

Бутылкин. А так. Решил свежим воздухом подышать. А между прочим узнать, что это ты за волынку затеял?

Тракторист. Какую волынку?

Бутылкин. А с хлебом!

Тракторист. Ну, а как же без хлеба? Ты что, шутишь? Значит, нет хлеба?

Бутылкин. Надо думать, что нет.

Тракторист. Что ж это будет?

Бутылкин. От тебя зависит, что будет. Ты писал, что в поле без хлеба не выйдешь?

Тракторист. Писал.

Бутылкин. Значит, хлеб и осенью не будет.

Тракторист. Почему не будет?

Бутылкин. Откуда ж он появится, если землю не вспашут? *(Пауза.)* А письмо твое мы с начальником политотдела с большой радостью читали...

Тракторист. Как это с радостью?

Бутылкин. А так вот. Радовались мы, что есть у нас такой сознательный тракторист — Иван Афанасьевич Редько. Дашь ему хлеба — выйдет в поле, не дашь— не выйдет. Очень, очень сознательный. *(Пауза. Протягивает трактористу письмо.)* А вот тебе товарищ Павел отвечает...

Тракторист *(вскрывает письмо)*. «...очень плохие сведения... добыть неоткуда... блины, каких

еще не едали... и с веселой песней выезжай в поле...» Да-а-а...

Бутылкин. Что же ты ответишь начальнику?

Тракторист молчит.

Ничего не ответишь?

Тракторист. Отвечу. *(Пауза.)* Вот, понимаешь, тяжело без хлеба. Я же не в амбар прошу, а в рот прошу, понимаешь? Четыреста грамм — это мне, понимаешь, как слону дробина... Так, говоришь, совсем нету хлеба?

Бутылкин. Есть хлеб, но только мало его... Понимаешь — надо экономить, чтоб до нового урожая дотянуть...

Тракторист. Ты меня не агитируй! Я не маленький.

Пауза.

Бутылкин. Что же ты напишешь начальнику?

Тракторист. Ничего не напишу. А ты ему на словах передай, что вот сидит далеко в поле один-одинокий Иван Афанасьевич Редько и кругом него — проливной дождь. А вообще передай ему, что писем писать не люблю, а люблю дело делать. Погода бы прояснилась.

Бутылкин *(вынимает из сумки сапоги и рубашку)*. Рубашку сейчас примерять будешь?

Тракторист. Давай! *(Одевает рубашку.)* В горле узка. Ну ничего. Я нараспашку ношу.

Бутылкин. А сапоги?

Тракторист. Сапог примерять не буду. Портянки мокрые... *(Пауза.)* Ты мне лучше скажи, как там у вас Поля поживает?

Б у т ы л к и н. Хорошо поживает... А ты что, скучаешь по ней?

Т р а к т о р и с т. Скучаю, а тебе что?

Бутылкин вынимает папиросу и собирается закурить.

Не курить! Видишь надпись? Три бочки горючего...

Б у т ы л к и н. Верно. *(Прячет папиросу в карман.)* А для кого ж ты это повесил? У тебя ж никто не бывает.

Т р а к т о р и с т. А для себя. Знаешь, иногда до смерти закурить хочется. А посмотришь на надпись — и выйдешь. Сам себя в руках держу.

Б у т ы л к и н *(смеется)*. Правильно! *(Пауза.)* Сынок твой?

Т р а к т о р и с т. Нет, братишка.

Б у т ы л к и н *(мальчугану)*. У тебя по какому неуд?

М а л ь ч у г а н. По арифметике.

Сильный удар грома.

Т р а к т о р и с т *(раздраженно)*. Пропади ты пропадом, весна проклятая! Небо все в тучах небось? *(Отдергивает полог шалаша, смотрит в небо.)* Никакого просвета, тьфу ты, господи!

Ж е н я *(появляется у входа в шалаш)*. А ты не больно плюйся. Я и так мокрая...

Б у т ы л к и н. Женя! Ты как сюда попала?

Ж е н я. А я к трактористу... Постой... *(Вынимает конверт.)* Сергееву! *(К трактористу.)* Ты Сергеев?

Т р а к т о р и с т. Ишь куда тебя занесло! Сергеев в шести километрах отсюда!

Ж е н я. Так я и знала, что заблужусь! Я тут пережду. Можно?

Тракторист. Валяй! Вот тут у меня сухой плащ есть. Обогрейтесь! *(Подает плащ.)*

Женя. А еще плаща нету?

Тракторист. Нету. А вы под одним. Поприжмитесь — теплей будет.

Женя. Спасибо за совет. *(Накрывается плащом.)*

Бутылкин боязливо приподымает край плаща.

Тракторист. Смелей, смелей, товарищ Бутылкин! Тут, главное, не робеть!

Бутылкин тоже накрывается плащом.

Ну, вы тут... согрейтесь, а я пока маленько вздремну... *(Ложится на койку.)*

Долгая пауза.

Бутылкин. Ну как, тепло тебе?

Женя. Да нет, знобит немного...

Бутылкин. А ты прижмись... теплей будет.

Пауза. Тракторист тихо бренчит на балалайке.

Женя. Спел бы что-нибудь...

Тракторист. Вы Пушкина знаете?

Бутылкин. Александра Сергеевича?

Тракторист. Нет, нашего — колхозного. Хорошие песни пишет. Почти как товарищ Безыменский. Спеть, что ли?

Женя. Спой, спой!

Тракторист
(настраивает балалайку, поет)

Тыщи лет земля все та же,
А народ пошел иной!..
В центре русского пейзажа
Я поставлю трактор свой.

Эх, бездушная машина,
Мной оду-шевленная!
Эх, энергия бензина,
Мной уде-шевленная!

Закипай, живое дело,
От металла мертвого!
Выходи, машина, смело —
Землю перевертывай!

Я на общей полосе
Напрягу усилия,
Чтобы радовались все
От моей фамилии!

Чтоб от жизни от моей
Что-нибудь осталося,
Чтоб фамилией моей
Песня называлася:

Иванов, Петров, Попов,
Окунь, Пантелеев,
Сомов, Карпов, Судаков,
Сидоров, Андреев!..

Хороша песня?

Бутылкин. Очень хороша! *(К Жене.)* Тебе нравится?

Женя. Нравится.

Бутылкин. А как фамилия вашего Пушкина?

Тракторист. Окунь — фамилия. Но только мы его зовем — Беранжу. Он все народные песни пишет...

Б у т ы л к и н *(смеется)*. Вот как!..

Долгая пауза.

Ж е н я. О чем же мы с тобой говорить будем, товарищ Напиткин?

Б у т ы л к и н. Я не Напиткин, а Бутылкин!

Ж е н я. Знаю. Только тебя, говорят, Шульц зовет Напиткин. Верно?

Б у т ы л к и н. Мало ли что! Он меня еще и Закускин зовет. *(Долгая пауза.)* Тебе зябко?

Ж е н я. А что? Прижаться?

Молчание.

Скажи, Сережа, ты мне сейчас будешь говорить, что ты меня любишь, или после?

Б у т ы л к и н. Почему это так?

Ж е н я. А я по тебе вижу, что будешь... Начинай, Сережа.

Б у т ы л к и н. Ну, ты совсем... испорченная!

Ж е н я. Я не испорченная, но только я еще ни на одной работе не была, чтобы мне на следующий же день не объяснялись... Ты ведь не такой, Сережа?

Б у т ы л к и н *(горестно)*. Нет... Я именно такой...

Ж е н я *(с ироническим пафосом)*. Ну да? И ты бы хотел тратить на меня всю свою зарплату, одевать в меха, кормить апельсинами?

Б у т ы л к и н. Нет! Я бы хотел быть бедным, бедным, чтоб на последние деньги купить тебе чего-нибудь...

Молчание.

Ж е н я. Ты умница, Сережа!

Б у т ы л к и н *(неожиданно грубо)*. А скажи, у тебя муж есть?

Женя. Нет мужа.

Бутылкин. Ну, слава богу! А... как это называется... любимый?

Молчание.

Есть, значит?

Женя. Н-не знаю...

Бутылкин *(возмущенно)*. Как это не знаешь? Если бы у меня была... любимая, как ты думаешь, я бы знал или не знал бы?..

Женя. Знаешь что, Сережа? Мы еще немножко познакомимся, и я тебе все, все расскажу!.. Хорошо?

Бутылкин. Хорошо.

За сценой тихо перекатывается гром.

Женя. Погода плохая.

Бутылкин *(машинально)*. Очень плохая...

Женя. Знаешь что, Сережа? Ты меня люби, но только ты работай. Понимаешь, не переживай очень...

Бутылкин. Ладно. Постараюсь... Сколько тебе лет, Женя?

Женя. Девятнадцать.

Бутылкин. А мне двадцать пять. Четверть века... А ему сколько?

Женя. Кому ему?

Бутылкин. Любимому...

Молчание.

Та-ак... Ну что ж...

Женя. А хорошо нам сейчас, правда?

Бутылкин. Хорошо. Только тебе лучше. Ты все про меня знаешь, а я про тебя — ничего... Да-а... Так вот работаешь, работаешь, ничего не подозреваешь, как вдруг...

М а л ь ч у г а н *(сквозь сон)*. Здравствуйте!

Оба испуганно вздрагивают.

Ж е н я. Это он во сне...

Молчание. Дождь усиливается. Страшный удар грома.

(Прижимаясь к Бутылкину.) Боже мой!.. Как будто земля рушится...

Т р а к т о р и с т *(спросонок)*. Это не земля рушится... Это, научно выражаясь, электричество беспокоится...

Новый, еще более сильный удар грома.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Деревья. Между ними натянуты два гамака. В одном Серафима, в другом — изящный помощник бухгалтера. Тени ветвей и лучи солнца падают на них.

Серафима

(поет)

Мы друг в друге души не чаем,
Пригласи меня в гости к себе,
Напои меня сладким чаем,
Погорюй о моей судьбе...

Помбух. Я говорю, Серафима Викторовна, когда человек с большими культурными запросами попадает в глубокую провинцию, отрываясь, так сказать, от достижений цивилизации, очень, я говорю, тяжело человеку с большими культурными запросами...

Серафима

(поет)

Ах, кругом все люди чужие,
Никакой у меня родни...
Посмотри мне в глаза большие,
На обиду мою взгляни!..

Помбух. Разделяете ли вы мои взгляды, Серафима Викторовна? Я нахожу, что наша эпоха, эпоха весьма достойная и, я бы сказал, историческая, уделяет весьма мало внимания личному и красивому. Вы согласны со мной, Серафима Викторовна?

Серафима *(равнодушно)*. Очень возможно...

Помбух. Я нахожу, Серафима Викторовна, что в нашей трудовой жизни очень мало поэзии и красоты. Не скажу вам почему. Благодаря ли тому, что вкусы наши неразвиты, или же в этом виноваты высшие инстанции, не скажу, не знаю! Я честно признаюсь вам, Серафима Викторовна, что, находясь здесь на счетной работе и выполняя работу весьма и весьма напряженную, я, выходя после трудового дня на лесные просеки, а также посещая укромные уголки, не встретил еще ни одной красивой женщины!..

Серафима
(раскачивается в гамаке, поет)

Вот я выпью стаканчик чаю,
И пора уже уходить...
Я по-прежнему заскучаю,
Я по-прежнему буду жить...

Помбух. Я говорю, Серафима Викторовна, ни одной красивой женщины! Вот я читаю классические книги: «она была стройна, она была волнующа, она была изящна...» Где они? Где эти женщины? Где она, спрашиваю я вас, Серафима Викторовна, где довоенная красота?

Серафима. А зачем вам... красота?

Помбух. Чисто в целях платонических, Серафима Викторовна! Я по натуре — мечтатель!

Серафима. Хотите, я вам расскажу сказку?

Помбух. Люблю сказки, как вообще литературу,

С е р а ф и м а. Ну так вот. Жила-была одна некрасивая девушка. Не то чтоб урод, но — некрасивая! И работала она в одной сберегательной кассе. И вот происходит там однажды общее собрание по случаю помощи жертвам фашизма. И вот выступает моя Квазимода и говорит: двадцать пять процентов своей зарплаты отдаю в фонд, потому что очень жалею и люблю этих людей. Хороший поступок, правда?

П о м б у х. Весьма одобряю!

С е р а ф и м а. Ну, тут все, конечно,— браво! Что вот не замечали мы, сотрудники, какая среди нас жемчужина есть. Браво, молодцом, Сонечка, или Катечка, или как там ее звали! А получала она всего сто шестьдесят рублей. Долой двадцать пять процентов — остается сто двадцать. Но она идет домой счастливая, она знает, что принесла свою пользу, и сам заведующий ее провожает до дому. И вот входит она, счастливая, в свою комнатку, смотрит на свою одинокую постельку, а подушка-то холодная.

П о м б у х. А дальше что было?

С е р а ф и м а. Страшная сказка, правда?

П о м б у х. Вы очень сентиментальная, Серафима Викторовна.

С е р а ф и м а. Я не сентиментальная. Я — жалеющая... И главное — мне себя очень жалко... *(В упор помбуху.)* Правда ведь, я не красавица?

П о м б у х *(смущенно)*. Да... Есть кой-какие дефекты...

С е р а ф и м а. Вот вы ищете... красоту! Найдете или не найдете — мне все равно. Вы мне не нравитесь. Но, допустим, на вашем месте хороший парень. Если бы я не была такой жабой, он бы меня, может быть, полюбил. А так он посмотрит на меня и скажет: «Сима! Нет ли чего покушать?»

П о м б у х *(неопределенно)*. Да-а...

С е р а ф и м а. Уж что я не делала! Я боролась... Знаете, я могу вас одной рукой завернуть в гамак и сунуть в воду... Я работала на железнодорожной станции... До сих пор, как только засыпаю, меня гудки мучают... Меня вся железная дорога любила... Я ухаживала за больными, а они выздоравливали и говорили: «Спасибо, Сима» — и уходили с богом... *(Пауза.)* Я добрая, я очень добрая. Наверно, потому, что мне себя жальче больше всех и я боюсь, что все люди такие же несчастные...

П о м б у х. Это все ваши личные переживания, Серафима Викторовна. Надо смотреть глубже...

С е р а ф и м а. Ну да, а то, что вы ищете красивую бабу,— это дело очень общественное!.. Вот вокруг меня очень хорошие люди. И они всегда утомленные... Они идут к своему хорошему идеалу... И я стараюсь, пусть они хоть сытые будут на своей тяжелой работе. И пускай они добьются своего. Но только я не знаю, будет ли кто-нибудь из них даже тогда, при социализме, будет ли кто-нибудь любить меня?

П о м б у х. Все это не так страшно, Серафима Викторовна! Я ведь говорю об идеале. Но вы еще сравнительно молоды, и я бы сказал, что вы, некоторым образом, извините за выражение, даже пикантны. Я даже допускаю между нами некоторую близость...

С е р а ф и м а *(приподымаясь в гамаке)*. Что? Вот я мечтаю о любимом человеке, пусть он будет хотя бы без ног, но если вы придете ко мне, начнете снимать свою рубашечку, расстегивать запоночки, покажете свою грязную шейку, я вас так буду бить, так бить буду!

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

В гамаках — Шульц и Керекеш.

Керекеш. Я все думаю, дорогой Шульц: что было бы с вами, не будь Октябрьской революции? Вы были бы, наверно, учителем музыки в помещичьем доме. Знаете, как в старинных романах: «В комнату вошел добрый старый,— а вы уже староваты, дорогой Шульц,— герр Шульц. Его круглое толстое лицо было покрыто испариной», или, попросту говоря, пóтом, дорогой Генрих. Детишки прыгали бы вокруг вашего толстого живота и радостно пели: «Немец, немец, где ты был? — Я в Берлине водку пил!» Но единственного я себе не представляю: вы — и музыка!.. Или нет! Вы были бы управляющим у помещика! Вы бы насмерть засекали крестьян! Я ведь знаю ваш характер! И какой-нибудь Некрасов назвал бы вас сволочью!

Шульц *(добродушно)*. Вы давно не лечили вашу печень, дорогой Ке-ре-кеш! Я удивляюсь, как помещается столько желчи в таком маленьком сосуде!

Керекеш. Мы с вами отдыхаем, дорогой Шульц. Давайте добродушно издеваться друг над другом.

Шульц. Нет. Это для меня не отдых. Когда напротив меня лежит человечек, которого я могу накрыть крышкой от моих часов и задушить цепочкой от этих же часов, когда этот человек издевается надо мной и когда мне говорят, что я в это время отдыхаю,— я этому не верю!

Керекеш. А вот когда я знаю, что зерно через день-два будет уже в элеваторе, и когда я вспоминаю, как мы с вами славно поработали, дорогой Шульц, сердце мое смотрит на этого милого толстого человека, который лежит напротив меня, и сердце мое кричит:

«Ты любишь этого милого толстого человека! Подразни, подразни его!»

Ш у л ь ц. У вас нежное сердце, дорогой Керекеш!

Пауза. Оба тихо раскачиваются.

Знаете, Керекеш. Я — чистокровный немец, сын немецкого мастера и дочери немецкого мясника, я мог бы написать книгу под названием: «Как я, немец, иду по русской деревне!»

К е р е к е ш. Вам мало быть Шульцем! Вам еще надо быть Аксаковым!

Ш у л ь ц. «Как я, немец, иду по русской деревне!» Я встаю рано утром и иду. Я слышу, как мычат русские коровы, как ржут русские лошади. Потом я встречаю по дороге русских людей. Первым попадается мне навстречу маленький русский старичок. Он никогда не спит. Он страшно грязен. Ну прямо мусорный старичок. Он подходит ко мне и шамкает: «Ну как? Ш работой шправляеша?» Я говорю: «Да!» — «Шо ж! Так и должно. Наше дело работяшее». Потом он кладет мне руку на бедро и спрашивает: «По дому шкучаешь?» Я говорю: «Нет».— «Правильно. Ну их, фашиштов!» И когда я ухожу, он шепчет: «Эх, молодежь!» Потом я встречаю женщину. Она говорит: «У меня дите кашляет. Приди, помоги, Шульц!» Я вхожу в хату и делаю ребенку антидифтерийную прививку. Я это со студенческих лет запомнил. Потом я встречаю еще много людей. Один из них говорит мне: «Ты член партии, Шульц, как ты допускаешь такое безобразие?» Я иду и исправляю безобразие. Пионер, запыхавшись, нагоняет меня: «Когда же наконец будет барабан, товарищ Шульц?» Я говорю, что барабан будет очень скоро. Потом...

К е р е к е ш. Потом?

Ш у л ь ц. Потом я иду в поле. Я проверяю наряды, я смотрю, как работают люди, как поднимается хлеб. Я исправляю перебой в тракторе. А колхозники даже не смотрят на меня. Понимаете, Керекеш, я необходим в их хозяйстве. Попробовал бы я, Шульц, не быть в поле, когда они работают?!

К е р е к е ш. В Венгрии тоже недурные поля. Я давно их не видел... Вы тоскуете по родине, Шульц?

Ш у л ь ц. Понимаете, Керекеш, вы коммунист, и я коммунист. Но между нами большая разница. Вы попали в Россию военнопленным, вы только здесь вступили в партию, здесь, где коммунисты — государственная партия. Вы только смутно представляете себе, что значит — коммуниста преследуют! За вами, как за мной, не ходил шпик по всей Унтер-ден-Линден. А за мной ходил! Я, толстый, неповоротливый Шульц, я надул всю берлинскую полицию. Представьте себе, Керекеш! И поэтому вы, наверно, больше скучаете по родине, чем я.

К е р е к е ш. Я скучаю не по родине, я скучаю по своему детству. Я привык, чтобы вокруг меня говорили по-венгерски, чтобы плясали венгерские девушки венгерские танцы. Понимаете, у меня уже выработался такой вкус. И если бы Венгрия стала советской, я бы ничего не имел против, чтобы меня послали туда работать, честное слово!

Ш у л ь ц. Это, конечно, правильно.

К е р е к е ш. Это очень правильно. Вы себе представляете: пляшут русские девушки — Кати, Тани, Елены, Аннушки... И вдруг среди них промелькнула ваша Гретхен! Это было бы недурно, а? У вас ведь где-нибудь существует какая-нибудь Гретхен?

Ш у л ь ц. Да. У меня даже есть песенка о Гретхен. Хотите, я вам ее спою?

Керекеш. Пойте. «Песенка о красной Гретхен» в исполнении председателя артели имени Карла Либкнехта — он же народный артист республики — Генриха Шульца.

Шульц. Перестаньте шутить, Керекеш. Это очень серьезная песня. *(Поет.)*

Ночь спускается в Курфюрстендам...
Гретхен пиво подает штурмовикам.
— Это сволочи! Это белые ж!
Сумасшедшая! Что ты делаешь? —
Я гляжу на милую свою —
Гретхен улыбается глазами:
— Я их, как скотину, напою!
Ты возьмешь их голыми руками!.. —
Сколько в этой девушке огня!
Вот какая Гретхен у меня!..

Нравится вам?

Керекеш. Безумно! Ей-богу, я, кажется, начинаю вас любить, Шульц.

Шульц. Благодарю вас. Ваша любовь украсит мою старость.

Керекеш. О, вы уже усвоили мою манеру...

Пауза.

Шульц. Завтра погрузка. Давайте отдыхать, Керекеш...

Керекеш. Спать, значит? Я не хочу, я не могу спать! Мне скучно спать! Мне тяжело быть неподвижным! Я даже в гамаке лежу через силу. Я лежу в этом проклятом гамаке только потому, что знаю, что коммунистам тоже иногда надо отдыхать. Я себя чувствую, как акула в сетях. Я сейчас выскочу, Шульц!

Я хочу нырять и плавать! Мои жабры не выдерживают!.. Вы слышите, Шульц? *(Шульц тихо похрапывает. Керекеш укоризненно.)* Кипучая натура!

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната Павла. Кровать. Стол. На столе — телефон. Книжный шкаф. На стене маленький портрет человека с бородкой. П а в е л и Б у т ы л к и н за столом. Бутылкин дремлет. Павел будит его.

П а в е л. Это хамство, Сережа!.. Прийти в гости и спать! Черт знает что такое!

Б у т ы л к и н *(спохватывается)*. Прошу прощения, товарищ начальник! Устал очень, спать хочется...

П а в е л. И мне хочется. Но раз ты пришел ко мне в гости, значит, я терпеть должен.

Б у т ы л к и н. Который час? Три часа! Смотри, светает уже! *(Подходит к окну, потягивается. За окном слабый рассвет.)* Так! В двадцать пять лет старику Бутылкину снятся эротические сны. Очень интересно!.. До сих пор я думал, что для культработы в политотделе не нужен специальный работник. Партия думает иначе. И оттого, что партия думает иначе, старику Бутылкину снятся эротические сны. Очень интересно! *(Павел дремлет у стола.)* Обсудим же ситуацию, товарищ Бутылкин. Любит ли она вас? Нет, не любит! Почему не любит? Потому что в вас нет ничего выдающегося. Потому что вы серый и неинтересный провинциал, товарищ Бутылкин! *(Пауза.)* Хотя, собственно, что такое выдающийся? Очень остроумный? Так вы достаточно остроумны, товарищ Бутылкин, чтобы не сказать пошлости. Подвигов

не было? Потому что подходящего случая не было, Евгения Васильевна!.. Грубоват несколько? Нет, не грубоват. Это я только от вас защищаюсь, Евгения Васильевна!.. Как ты находишь, Павел, я грубоват? *(Павел дремлет. Бутылкин будит его.)* Это хамство, Павел. К тебе пришли гости, а ты спишь!

Павел *(вскакивает)*. Простите, простите, товарищ Бутылкин. Устал немного... Вы, кажется, чаю хотели?

Бутылкин. Давай!

Павел *(наливает чай)*. Жаль, нет Симы. Она бы тут покряхтела, что вот, будь мука, были бы булочки, были бы булочки — были б мы сыты...

Бутылкин. Знаешь, у меня такое впечатление, как будто вымерло два или три поколения людей и все свои несчастья оставили Симе в наследство...

Павел. А когда я смотрю на Симу, я еле сдерживаюсь от того, чтобы не сказать ей: «Будь счастливой, Симочка! Не горюй!»

Бутылкин. Со мной то же самое.

Павел. Но мы ей ничем помочь не можем. Мы для нее — все, а она для нас только... предмет жалости. Понимаешь?

Бутылкин. Понимаю. Вот мне тоже хочется сделать ей что-нибудь очень хорошее, а что именно — не знаю...

Павел. А как она трогательно за Петровичем ухаживает! *(Смотрит на портрет человека с бородкой.)* Помрет скоро наш Петрович!

Бутылкин *(тоже смотрит на портрет)*. Его сейчас и не узнаешь... Да... И главное, его навещать нельзя. В последний раз, когда я у него был, он говорит: «Что это ты зачастил ко мне, Сережа? Значит, смерть моя близко? Прощаться ходишь?»

П а в е л. Он уже давно в свой колит не верит... «У меня, говорит, корь! Мне бы на детской коечке полежать...» И смеется... А песню его помнишь? *(Напевает вместе с Бутылкиным.)* «Юность, юность, юность моя...» Он только одну эту строчку и пел...

Б у т ы л к и н. А до чего его любили!

П а в е л. Нас всех любят, Сережа! Вот я читаю в «Правде» или в «Известиях»: такой-то район сдал полностью и в срок зерно государству — и больше ничего. А что это значит — сдал полностью и в срок? Это не значит, что вот мужик заплатил свою подать. Это значит, что нас с тобой любят, Сережа! Скажи, хоть раз колхозники встретили тебя без теплой улыбки?

Б у т ы л к и н. Верно...

П а в е л. Вот когда меня посылали сюда, мне сказали: «Поезжай! Мы уверены, что ты с работой справишься!» Что значит — справлюсь? Выкачаю зерно и — будьте здоровы?.. С каждым днем становимся деревне все роднее! Вместо того чтобы сказать: «Поезжай поработай в деревне», нам партия может сказать: «Поезжай и стань деревне родным!» Но нам этого не говорят, потому что мы сами это поняли. Мы приезжаем сюда не только для зерна: мы для людей сюда приезжаем! Верно ведь, Сережа?

Б у т ы л к и н. Верно...

П а в е л. Хочешь еще чаю?

Б у т ы л к и н. Давай!

П а в е л *(наливает Бутылкину чай)*. И вот я хожу по земле, на которой работаю неплохо... Правда ведь неплохо, Сережа?

Б у т ы л к и н. Очень неплохо...

П а в е л. И замечательно себя чувствую... Понимаешь, меня любят! Любят не потому, что во мне такой-то

процент обаяния, любят как члена партии, дорогого на-ше-го Павла!

Звонит телефон.

(Подходит к телефону.) Я. Здорово, Прохоров! Выходишь в поле? Я тоже скоро буду. Что? Тьфу!

Б у т ы л к и н. Целует?

П а в е л. Целует, проклятый! Где он этому научился: «Ну, целую»? Так вот. Мы недавно с Шульцем тоже говорили на эту тему. Он прочел массу книг о русской деревне. Он говорит мне: «Павел, я хочу видеть отсталого русского мужичка! Покажи мне отсталого покорного русского мужичка!» А где я ему возьму? Хочешь еще чаю?

Б у т ы л к и н. Давай!

Павел наливает чай. Слышен гудок паровоза.

Поезд пришел... Приехала, значит...

П а в е л *(задумчиво)*. Приехала... «Вам нужен культработник?» Ты давно ее видел?

Б у т ы л к и н. Видел...

П а в е л. Ну... как она?

Б у т ы л к и н. Ничего... *(Пауза.)* Павел! Ты мне объясни одну очень простую вещь. Почему всегда так бывает: как только хорошая баба, так у нее или муж, или любимый где-нибудь болтается? Прямо хоть стой над колыбелью и жди, пока вырастет, чтоб никто другой не перехватил!..

П а в е л *(задумчиво)*. Хорошая девушка!.. И умница, должно быть...

Б у т ы л к и н *(восторженно)*. Умница! Мало сказать — умница! Это Гегель, понимаешь?

П а в е л. Хочешь еще чаю?

Б у т ы л к и н. Давай!

П а в е л *(наливает чай)*. Редко встречаются такие девушки...

Б у т ы л к и н *(горячо)*. Я еще никогда не встречал таких, Павел! Вот вчера, например, сидят на лавочке у клуба наши девчата. У нас ведь, знаешь, неплохие девчата — дай бог всякому колхозу!.. Выходит Женя из клуба, спешит куда-то. Так она прошла мимо этих девчат, как... как поезд мимо нищих!..

П а в е л. И, понимаешь, никакой вульгарности...

Б у т ы л к и н *(горячо)*. А ты бы слышал, как она смеется!

П а в е л *(тоже горячо)*. Смеется она потрясающе!

Б у т ы л к и н. И понимаешь, с ней страшно говорить — сейчас же обрежет...

П а в е л. Я, начальник политотдела, чувствую себя перед ней, как мальчишка...

Б у т ы л к и н. И вместе с тем она как будто такая слабенькая... Ее так приголубить хочется!..

П а в е л *(горячо)*. За такую девушку можно десять лет молодости отдать!

Б у т ы л к и н *(пораженный)*. Павел!

П а в е л *(тихо)*. Да, да, Сережа!

Б у т ы л к и н. И ты?.. *(Пауза.)* Что ж теперь делать?

Пауза. Неслышно входит Ж е н я. В руках у нее два длинных шеста, на которые навернуто полотно.

Ж е н я. Вам нужен культработник?

Оба вздрагивают.

Б у т ы л к и н. Чтоб тебя!

П а в е л. Что это у тебя за пики в руках?

Ж е н я. Это полотно для экрана.

П а в е л. А! Значит, не хватает только механика, передвижки и киноленты! А остальное все есть?

Ж е н я. Это все есть. А вот не хватает только... сообразительности у начальника политотдела!

П а в е л. Это что за оскорбление начальствующего состава?!

Ж е н я. Мне очень досадно было, Павел, что вот на других станциях есть кинопередвижки, а у нас нету. Когда я была в городе, я зашла в управление фотокинопромышленности. Сидит там за столом толстый-толстый, неподвижный-неподвижный человек. Я ему говорю: «Здравствуйте!» А он: «Гм!» Я ему говорю: «Нельзя ли передвижечку для МТС?» А он: «Гм». И даже глазом не моргнет. Я, признаться, немножечко растерялась. Когда человек каждое свое движение оценивает рублей в пятнадцать, вы себе представляете, что это значит? Тогда я отчаянно кричу: «Я из райкома партии!» Тогда этот человек поворачивается на своих шарнирах и говорит: «Сейчас вам выпишут!» Вот какая у вас подчиненная, товарищ Павел!

П а в е л. Ишь ты! А мы-то думали, что ты смирная овечка...

Б у т ы л к и н *(угрюмо)*. Ничего... Отольются овечке волчьи слезки!..

П а в е л. Мрачный юмор, Сережа!.. *(К Жене.)* Ты мне лучше скажи, что ты как культработник сделала для предстоящего колхозного праздника?

Ж е н я. Я сговорилась с райкомом и с типографией о выпуске специальной газеты, посвященной нашему празднику...

Б у т ы л к и н. Это ты сама придумала?

Ж е н я. Сама.

П а в е л. Молодцом!

Ж е н я. В наробразе мне обещали сто библиотечек для лучших ударников и два школьных микроскопа...

П а в е л. Очень хорошо!

Ж е н я. Я заказала фейерверк с видами...

П а в е л. Чудесно!

Ж е н я. И наконец, мне Союз писателей обещал прислать на праздник двух живых писателей!

Б у т ы л к и н. Живых?

Ж е н я. Живых.

П а в е л. Чудесно! Теперь нам надо сообща обсудить два вопроса: где нам взять плотников для праздника и для выставки?

Все задумываются.

Ж е н я. У Прохорова много плотников... Но только он не даст. Он хочет свою выставку чуть ли не карельской березой отделать!

П а в е л *(возбужденно)*. Ты говоришь — у Прохорова?

Ж е н я. Да. Но это безнадежно...

П а в е л *(довольно потирает руки)*. А, голубчик! Попался! Бедный Прохоров! Я на него такое несчастье нашлю!

Б у т ы л к и н. А-а-а!

П а в е л. Я его атакую его же старичками! Ты их помнишь, Сережа? Ведь это же сила несокрушимая! Выпросят, обязательно выпросят. *(Подражая старичкам, поднимает указательный палец.)* «Пустяки! Мы же не для себя! У нас дело общественное!» Будут плотники!.. Теперь второй вопрос. Из алкогольных напитков к празднику я наметил только пиво. Но некоторые колхозники говорят, что без водки скучно будет. Покупать водку?

Ж е н я. Не покупать! Пиво покупать, а водку предоставить личной инициативе колхозников...

П а в е л. Я тебе еще раз говорю, Женя, что ты гений!

Б у т ы л к и н *(торжественно)*. А теперь скажи нам со всей большевистской прямотой: любишь ты...

За окном дикий грохот. Голос Серафимы: «Сюда! Сюда станови!»
Входит С е р а ф и м а.

С е р а ф и м а. Я была в дивизии и выпросила у них походную кухню. Вот!

Все подходят к окну.

П а в е л. Красота! Это не кухня, это какой-то передвижной цирк! Одна труба чего стоит! Браво, Симочка!

За окном голос Керекеша: «Меня удивляет ваша энергия, Шульц!»
Входят Ш у л ь ц и К е р е к е ш.

А вот и сиамские близнецы! Пошли в поле!

К е р е к е ш. Пошли, пошли, пошли!

П а в е л. Сима! Ты по дороге зайди к Степанову и скажи ему — пусть поторопится с починкой комбайна... В поле, в поле, в поле!

Все уходят. Серафима уходит последней. На пороге она останавливается.

С е р а ф и м а. Ком-байн! Хорошее слово: ком-байн! *(Уходит.)*

Сцена пуста. На столе одиноко звонит телефон. За окном поют петухи.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната Серафимы. Голубые обои. Девичья постель. На стене гитара. Телефон. На пороге двери в следующую комнату, облокотясь о косяк, стоит Серафима.

Серафима. Мир праху твоему, дорогой Петрович! Завтра тебя будут хоронить с красными знаменами, будут говорить речи... А сейчас я одна с тобой, дорогой Петрович! Ты перестал стонать. Тебе уже не больно... Правда, не больно? Вот ты лежишь, мертвый коммунист, а товарищи твои далеко в поле, и я не могу позвать их... Я последнюю ночь ночую рядом с тобой... Дорогой Петрович! Попроси у меня чего-нибудь! Скажи, чтобы я тебе подушку поправила... Мир праху твоему, дорогой Петрович!

Звонит телефон.

(Серафима снимает трубку.) Я слушаю... его нет... он в поле... он тоже в поле... он тоже в поле... он умер... *(Вешает трубку, медленно идет по комнате.)* «Юность, юность, юность моя!..» *(Задевает гитару. Механически проводит пальцами по струнам. Снимает гитару, играет, потом поет.)*

Заря над хатой огнем зардела,
В траве бульбулькает роса...
Заснул начальник политотдела
Всего, быть может, на полчаса.

Прошло всего лишь минут пятнадцать.
Вставай, начальник, вставай! Вставай!
Пора, товарищ, тебе подняться!
Пора бороться за урожай!

В моем районе не спится людям,
Они, быть может, утомлены...
Мы спать не будем, но видеть будем
С тобою розовые сны!..

(Поднимается, кладет гитару на стул, закидывает руки за голову, потягивается.) «Мы спать не будем»... А поспать все-таки надо... Третий час ночи... *(Подходит к постели, снимает туфли, кофточку, расстегивает юбку. Гасит свет.)*

В темноте издалека начинают постепенно нарастать стук колес и гудки паровозов.

З а н а в е с

КАРТИНА ПЯТАЯ

Гудки продолжаются. Они уже гудят у самой сцены. На сцене — свет. Помещение у железнодорожной станции.
Стены уставлены мешками с зерном. Дверь на перрон. Большое окно. Ш у л ь ц, К е р е к е ш и П р о х о р о в сидят на мешках. Звонит телефон. Прохоров подходит, снимает трубку.

П р о х о р о в. Откуда звук? Здорово! Что? Зерно под открытым небом? Всех грузчиков забрали? А мы что будем делать? Я спрашиваю, как мы грузить будем? Самим выворачиваться? Ну, спасибо, спасибо... Удружил, нечего сказать. Ну, целую!.. Целую, говорю!.. Ха-ха-ха! *(Довольно смеется.)*

К е р е к е ш. Что, отплевывается?

П р о х о р о в. Еще бы!... Я его взасос...

Ш у л ь ц. Дорогой Прохоров! Я вас прошу об одном маленьком одолжении...

П р о х о р о в. Всегда готов, дорогой Шульц.

Ш у л ь ц. Я вас очень прошу, дорогой Прохоров! Когда вы говорите со мной по телефону, не целуйте меня! Мне это противно!

П р о х о р о в. Хорошо. Буду целовать, но реже...

Старенький, в железнодорожной фуражке, входит н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Он старчески медленно проходит мимо Керекеша. Керекеш хватает его за рукав.

К е р е к е ш. Товарищ начальник, что это такое? Погрузка даже не начиналась... Надо спешить, понимаете? Я спрашиваю вас, почему вы такой медлительный?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и *(умильно смотрит на Керекеша, говорит, отчеканивая слова)*. Я медлительный потому, что я не сплю четвертую ночь. Дайте мне выспаться, и я стану сангвиником. *(Идет дальше.)* А вагоны сейчас будут. *(Уходит.)*

П р о х о р о в. Вагоны сейчас будут, а грузчиков — это уж извините, нет грузчиков!

К е р е к е ш *(вскакивает)*. Как это нет грузчиков? Что же, втроем мы все это погрузим?

П р о х о р о в. Втроем не втроем, а положение действительно неважное. В Поповке все зерно под открытым небом. Нельзя же его так оставлять...

Звонит телефон.

(Снимает трубку.) Кто беспокоит? Здорово, Бутылкин! Ты уже знаешь? Да! Ни одного грузчика! Комсомольцев мобилизуешь? Это дело, дело! Ну, целую. *(Вешает трубку.)*

Показываются ч е т ы р е с т а р и ч к а. Они медленным кольцом окружают Прохорова.

А! Друзья дорогие! Давно вас не видел! Как живете, хлеб жуете?

Главный старичок. Спасибо... сытые... и... бодрые, бодрые... *(Обращается к остальным старичкам.)* Верно ведь?

Старички. Верно... Верно... бодрые.

Прохоров. Ну и очень хорошо!... Что ж вы сюда притащились? Вам нужно дома сидеть, на завалинке, вы старенькие...

Мечников. Мы к тебе с прошением...

Прохоров *(тревожно)*. Вот оно что! Шульц! Спаси меня! Они у меня что-то нужное хотят выпросить! *(К старичкам.)* Что вам? Крышу починить? Хлебца выдать?

Главный старичок *(обиженно)*. У нас дело общественное... Мы для себя и просить не станем! *(Обращаясь к остальным старичкам.)* Верно ведь?

Старички. Верно, верно...

Прохоров. Ты не знаешь этих старичков, Шульц! В чужих руках — это страшное оружие! *(К старичкам.)* Ради бога, скажите прямо, что вам от меня нужно?

Главный старичок. Пустяки! *(Обращаясь к остальным старичкам.)* Верно ведь, пустяки?

Старичок. Верно...

Мечников. Пустяки...

Старушка. Ерунду, можно сказать...

Прохоров. Да говорите же! Говорите!

Главный старичок растопыривает обе ладони.

Чего?

Старичок. Десять...

Прохоров. Чего десять?

Главный старичок *(умиленно)*. Плотников десять.

Прохоров. Вы что? Совсем выжили? Мне же для выставки плотники нужны.

Старички *(обрадованно)*. Вот, вот, вот... Для выставки... Общее дело.

Прохоров. Мне для моего павильона нужны, поняли?

Мечников. Мы же не тысячу просим, не сто! Десять плотников — подумаешь, цифра!

Прохоров тяжело задумывается.

Старушка. Десять плотников — великая важность!

Прохоров. Вас Павел ко мне прислал?

Старички. Товарищ Павел... Во-во-во...

Прохоров *(в отчаянии)*. Так я и знал! Знал бы — никогда бы трактора не просил! Что ж теперь делать?

Старичок. Не откажешь, товарищ Прохоров? Пустяки ведь!..

Прохоров. А если бы вы у меня детей моих попросили? *(Копируя старичков, поднимает два пальца.)* Пустяки — двое детей! Разве вам можно отказать? Вы знаете, кто вы? Вы — сила несокрушимая!

Старички чинно усаживаются на мешки.

Главный старичок. Вот и мы свою пользу принесли...

Старушка. Батюшки! А зерна-то сколько!

Мечников. Это у нас только! А со всех колхозов — это и ум неймет!

Старушка. А колхозов-то, поди, тыща будет?

Главный старичок. Это где? На всей земле?

Старушка. На всей земле...

Мечников. Тоже загнула! Тыща! А семьсот, пожалуй, будет!

Главный старичок. Семьсот, пожалуй, будет...

Старичок. Сколько ж это народу прокормить можно?

Входит Можаев. Керекеш накидывается на него.

Керекеш. Где грузчики?

Можаев. Нет грузчиков. Вот Бутылкин своих комсомольцев собирает, потом в политотделе дивизии обещали прислать добровольцев па погрузку...

Керекеш. Я не могу больше ждать. Я сейчас сам начну грузить эти мешки!

Шульц *(спокойно)*. Два вагона вы не нагрузите. Вы же не Самсон, Керекеш!

Слышен шум подкатывающихся вагонов. В дверях показывается начальник станции.

Начальник станции. Вагоны поданы, товарищи и граждане.

Керекеш. А грузчики? Где грузчики, я вас спрашизаю?

Издалека слышна приближающаяся многоголосая комсомольская песня.

Прохоров. Идут, идут, байстрюки...
Все. Идут... Идут...

С другой стороны доносится песня запевалы:

Наша песня кочевала
Вдоль глухих дорог...
По Сибири, по Уралу
Путь тридцатой лег.

Красноармейцы за сценой поют припев:

От голубых Уральских гор
К боям чонгарской переправы
Прошла дивизия вперед
В пламени и славе...
(Два раза.)

С левой стороны входит колонна комсомольцев, справа — колонна красноармейцев.

Бутылкин. Вот и мои ребята! Начнем, что ли?
Комсомольцы. Давай! Начнем! Поехали!

Взваливают на плечи мешки, несут к выходу.

Красноармеец. А мы чем хуже?!
Красноармейцы. Па-аддавай!

Грузят мешки. Можаев становится у двери и записывает.

Керекеш *(кубарем прыгает через мешок)*. Вот это я понимаю — дело!

Прохоров. А ну, Шульц, давай твои плечи! *(Взваливает ему на спину мешок.)* А мы чем хуже? *(Одной рукой взваливает себе на плечо мешок и несет к выходу.)*

Вбегает, запыхавшись, Серафима.

Серафима. Я слыхала, что здесь нужны сильные руки! Вот они!

Скрывается за сценой и появляется нагруженная двумя мешками. Крики: «Браво! Ну и Серафима! Вот тебе и двойной нельсон!» Из-за кулис появляются наши старички. Они стремительно несут вчетвером один мешок, каждый ухватившись за угол мешка. Крики: «Ай да иждивенцы! Ну и силища!»
Старички проходят. Доносится многоголосая женская песня. Все перестают грузить.

Прохоров. Это что такое?

Керекеш. Ничего не понимаю.

На сцене появляется большая группа колхозниц, предводительствуемая Женей.

Женя. А вот и мы!

Бутылкин. Ты зачем сюда?

Женя *(указывает на колхозниц)*. Слабый пол, но все же отличные грузчики!

Колхозница. А ну, бабы, давай!

Колхозницы. Давай! Давай! Не отстанем!

Поля *(только что вошла, поднимает мешок)*. Овес и пшеница — брат и сестрица!

Погрузка идет полным ходом. Бутылкин и Женя несут мешки, сталкиваются.

Бутылкин. Ты умница, Женя!

Женя. А ты только заметил?

Расходятся.

Прохоров *(взваливает мешок)*. Не пропадем мы с тобою, Шульц! Есть у нас комсомольцы, есть красноармейцы, есть работящие бабы!

Шульц. Мало ли что у нас есть! У нас есть Шульц! У нас есть Прохоров!

Прохоров *(бросает наземь мешок, обнимает Шульца)*. Ах ты рожа моя немецкая!

Шульц. Только не целуй! Ради бога, не целуй!

Сцена уже очищена от мешков. Их выносят из-за кулис.

Бутылкин. Баста! Все!

Колхозница. Все погрузили?

Бутылкин. Все!

Появляется начальник станции.

Н а ч а л ь н и к   с т а н ц и и. Погрузка кончена. Отправляется поезд номер семьсот двадцать четыре.

Слышен свисток кондуктора. Гудок паровоза. По стенам, по людям все быстрее пробегают тени уходящих вагонов. Завороженные люди смотрят вслед уходящему поезду.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

На большой поляне установлены две грубо отесанные деревянные статуи. Они обращены лицом друг к другу. На протянутой ладони каждой статуи по громадному арбузу. В арбузах — небольшие шесты, к которым прикреплено красное полотнище: «Милости просим!» Покрытые скатертями столы, уходящие далеко в глубь сцены. Музыка. Пир.

Павел. Внимание, товарищи! Месяц тому назад мы премировали лучших ударников колхоза. И только одного мы не премировали. Не потому, что мы забыли о нем, а потому, что сегодня ему исполнилось шестьдесят лет, и мы решили премировать его в день его рождения. Я говорю, товарищи, о всеми нами любимом, о замечательном старом конюхе, Андрее Андреевиче Кожухове!

Бурные аплодисменты. Кожухов смущенно поднимается.

Дорогой Андрей Андреевич! Ты беззаветно, ты по-настоящему, ты по-хорошему ухаживал за колхозными лошадьми. Ты по-настоящему понял, что они — твоя, что они наша общая колхозная собственность. Ты незаметно и скромно делал свое настоящее дело. И политотдел в благодарность тебе, отмечая твою замечатель-

ную работу, решил подарить тебе именные серебряные часы. *(Передает Кожухову часы.)*

Крики: «Браво, Андрей Андреевич! Ура!» Аплодисменты. «Отвечай, Андрей Андреевич! Слово Андреичу!» Кожухов смущенно поднимается. Пучком соломы он вытирает губы. Несколько раз прокашливается, прежде чем начинает говорить.

Кожухов. Я... очень извиняюсь... товарищи... Мое, товарищи, большое спасибо! *(Обращается к рядом сидящему колхознику.)* Степаныч, дай, ради бога, водки стакан — мне же говорить надо. *(Смех. Колхозник извлекает спрятанную бутылку и наливает в стакан. Кожухов выпивает залпом и, погладив усы, говорит более уверенно.)* Я, товарищи, в конюхах живу сорок три года. Вот, бывало, барин на праздник позовет к себе и вынесет на кухню стакан водки. А я стою, дурак, и не обижаюсь и радуюсь, думаю, барин хороший... Сволочь какая барин, а? Эти дорогие серебряные часы не барская водка! Это ваш дорогой мне подарок! Это я век помнить буду! Я, товарищи, долгую жизнь с лошадями провел, а люди-то, оказывается, тоже... хорошие!.. Спасибо вам! Спасибо! *(Аплодисменты. Кожухов садится, потом опять поднимается.)* Есть у меня к вам дело, товарищи...

Голоса. Давай! Давай!

Кожухов. Вы мою Искру знаете?

Голоса. Знаем... Кобылка знаменитая!

Кожухов. Ну вот... Мне, значит, сегодня шестьдесят лет, а ей четыре года исполнилось. Мы с ней в один день родились... *(Встает из-за стола, подходит к небольшой деревянной стенке, отодвигает фанеру. В венке из роз высовывается морда лошади.)* Вот она — вороная!

Крики: «Вот она Искра! Привет имениннице!» Сквозь столики к Павлу пробирается Поля.

П о л я. Вас там спрашивают, товарищ Павел!

Павел выходит из-за стола. Навстречу ему идет, чуть похрамывая, средних лет человек. На просцениуме они сталкиваются.

П а в е л. Альтман!

А л ь т м а н. Я, я. Без паники. Никому не объявляй. А то зашумишь: секретарь райкома, приветствия, пойдет официальщина. Пускай веселятся.

П а в е л. Ты надолго?

А л ь т м а н. Проездом. Я еду в Измайлово. Там какая-то беда с элеватором. Явное вредительство... Ну, как у вас праздник проходит? Весело?

П а в е л. Как будто ничего...

А л ь т м а н. Хорошо, хорошо, все очень хорошо! *(Осматривает пирующих.)* Этот вон там паренек — это твой помощник?

П а в е л. Да.

А л ь т м а н. Бутылкин?

П а в е л. Да.

А л ь т м а н. Я его помню. А эта рядом с ним — хорошенькая девушка — это культработник?

П а в е л. Да. Ты же ее нам прислал...

А л ь т м а н. Верно, верно... Ну как она — хорошо работает?

П а в е л. Чудесно работает...

А л ь т м а н. Я бы сказал, что он смотрит на нее очень... сочувствующими глазами. Там что — любовь?

П а в е л *(смутившись)*. Не знаю... возможно...

А л ь т м а н. Так, так... Понимаешь, Павел. Ни в программе, ни в уставе партии нет ни одного параграфа о любви. Но я думаю, что это подразумевается. Она что, кажется, учится в Харькове?

П а в е л. В Харькове.

А л ь т м а н. Так, так... А ему ведь тоже учиться надо?

П а в е л. Да. Он уже давно мечтает.

А л ь т м а н. Ну так почему ему надо учиться в другом месте, а не в Харькове?

П а в е л *(смутившись)*. Не знаю, возможно...

А л ь т м а н. Постой, постой. Мне что-то кажется, что ты... тоже... хочешь учиться в Харькове?

П а в е л *(смущенно)*. Ты немного... преувеличиваешь.

А л ь т м а н. Не знаю, не знаю... Тут мое руководство кончается... Ну, я тороплюсь. Пойдем. Ты меня проводи.

Альтман и Павел уходят. На авансцену, покачиваясь, выходит п ь я н и ц а.

П ь я н и ц а
(поет)

Эх, не умру я под трамваем,
Не убьют меня на войне!
Упаду в могилку я
Силой собственной тяжести...

Входит П а в е л.

П а в е л. А ты уже успел нализаться, пьянчужка?

П ь я н и ц а. Дорогой товарищ Павел! Ты, пожалуйста, не думай, что вот я, старый пьянчужка, что я под забором валяюсь, что, может, жену, детей бью, неприличными словами матюкаюсь! Не-е-ет! Я социалистический пьяница! Я ежели что нехорошее вижу, я сразу трезвым становлюсь! А сейчас я пьян, пьян... *(Покачиваясь, уходит.)*

Появляются ч е т ы р е с т а р и ч к а.

П а в е л. Привет нашему самому старшему поколению!

Аплодисменты.

П р о х о р о в. Они самые старшие, но они самые счастливые! Им скоро будет каждому по сто лет, и тогда они начнут жить сначала!

Аплодисменты.

Предлагаю выпить за их новую жизнь! *(Пьет.)*

Аплодисменты.

А вообще, этот гражданин в очках *(указывает на Мечникова)* — мой родной дедушка.

П а в е л. Ну как, предки? Нравится вам наш праздник?

Г л а в н ы й с т а р и ч о к. Очень даже нравится!

С т а р у ш к а. Чудно... Прямо как в тиатре!

С т а р и ч о к. Красиво... Грех обижаться, очень красиво...

М е ч н и к о в. Думаю приступить к закуске...

Серафима, слегка охмелевшая, подходит к Керекешу.

С е р а ф и м а. Керекеш! Дорогой! Ты думаешь, я сильная? Это у меня только кость широкая. А только я слабая, слабая женщина!.. *(Приходит в себя.)* Но только смотри: скажешь кому — я тебе!..

Г о л о с а. Слово Антону!

— Антону слово!

П а в е л. Говори, Антон!

А н т о н *(поднимается, долго думает)*. Я, товарищи, хочу рассказать вам про свое удивление. А я удивляюсь вот чему: выходит в Москве на съезде доярка и

хорошо говорит, выходит конюх и хорошо говорит, выходит пастух... ну, наш пастух, Савельев, пастух... и хорошо говорит. С чего бы это? Темный русский мужик и хорошо говорит! Значит, мы умные стали, верно?

Голоса. Верно!

— Правильно!

Антон. Очень я удивляюсь, товарищи!

Голоса. Окуня!

— Давай Окуня!

— Окуня!

Тракторист Окунь поднимается на возвышение. На нем рубашка, принесенная Бутылкиным, блестящие сапоги. В руках у него — балалайка в чехле.

Голос. Беранжу! Снимай паранджу!

Смех. Тракторист извлекает из чехла балалайку.

Тракторист. Я, товарищи, говорить не буду. Я петь буду.

Голоса. Тракториста!

— Колхозную!

— Боевую!

— Тракториста!

Тракторист *(берет несколько аккордов)*. Боевая колхозная!

Аплодисменты.

Как средь стареньких тополей
Молодая сосенка,
Поднялася среди людей
Боевая песенка!

Я хотел бы с тобой, Алена,
Вместе рядышком бы пойти,
Чтобы нашей любви знамена,
Как знамена полка, нести!

До свидания! Будь счастлива!
На прощанье давай плясать!
Есть партейная директива —
Удовольствиям не мешать!

Ты одна мне на целом свете,
И, влюбленный в твою красу,
Я с махоркой в одном кисете
Всю любовь нашу унесу!

Выступаем мы утром рано,
Ты на бой проводи меня,
Без изъяна д'обезьяна,
Эх ты, миленькая моя!

К жизни радостной и семейной,
Признаюся, я не привык,
Я сражаюся — беспартейный,
Но отчаянный большевик!

Как средь стареньких тополей
Молодая сосенка,
Поднялася среди людей
Боевая песенка!

Голоса. Браво Окуню! Браво!

Оркестр играет туш.

Урядников. Прошу слова, товарищ Павел!

П а в е л. Говорите, товарищ Чайковский.

У р я д н и к о в. Я очень боюсь одного, товарищи! Я боюсь, что вы подумаете, что мои оркестранты из классического наследства усвоили только туш. Этот взгляд противоречит действительности. Для доказательства мы вам сейчас исполним «Турецкий марш» покойного Бетховена.

Б у т ы л к и н *(Окуню)*. Что ж это ты, негодяй, не сказал мне, что ты Окунь. А ты, оказывается, не только Редько!

Т р а к т о р и с т. Я еще — Окунь!

Б у т ы л к и н. И Беранжу!

Т р а к т о р и с т. И Безыменский!

Оркестр играет «Турецкий марш».

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

В ЛЕСУ

СЦЕНА 1

С е р а ф и м а и Ж е н я. Далекий «Турецкий марш».

С е р а ф и м а

(поет)

Иду я по старой меже,
Как все изменилось на свете!
И вот исчезают уже
Дегенеративные дети...

Знакомой межи не узнать,
Как много созданий счастливых!
И в солнечный день погулять
Выносят младенцев красивых...

(Пауза.) Вот, говорят, очень развиваются наука и техника. А скоро, я тебя спрашиваю, Женя, можно будет переселять человека? Переселять... из одного организма в другой организм...

Женя. Я не понимаю, чего ты хочешь, Сима?

Серафима. Мне мое тело надоело, Женя... Я хочу переселения душ, Женя! *(Пауза.)* Вот, Женя, ты молодая и, главное, красивая, Женя! Ты очень, очень красивая! Ты можешь посмотреть на самого хорошего, на самого необыкновенного человека, и тебе ничего не стоит, чтобы он тебя полюбил...

Женя. Не мучайся, Сима! Мне тебя становится так жаль!

Серафима. Вот, помню, когда я была еще молоденькой девушкой, я мечтала: вот я стою одна... в глубокой провинции... на опушке леса... и ветер дует, и осенние листья падают... и мне так хорошо... и вот идет мимо бедный, бедный мужичок... какой-нибудь Антон-Горемыка... и я ему даю рубль... серебряный рубль, и он так счастлив... и мне так хорошо, так его жалко... А теперь... Теперь мне жалеть некого! Теперь меня все жалеют!.. *(Плачет.)*

Женя. Симочка! Ну, перестань же, перестань!

Серафима. Я в молодости хотела, чтобы за меня дрались мужчины. Но этого никогда не было, Женя! Теперь я мечтаю совсем о другом. Я знаю, что где-нибудь существует пожилой усталый человек и что

я ему очень, очень нужна. Но только где он, где этот пожилой усталый человек?

Входит Прохоров.

Прохоров. Опять жалуешься, Серафима Викторовна?

Серафима. Опять жалуюсь.

Прохоров. И как тебя уму-разуму научить, Серафима Викторовна? Все красотой своей недовольна?

Серафима. Все недовольна...

Прохоров. Несознательный ты человек, Серафима Викторовна. Не с лица же воду пить!.. Тебе бы, Серафима Викторовна, всю жизнь воду таскать, битой быть, голодной, как наши бабушки жить, ты бы тогда только о сытой жизни и думала. Ты бы не сочиняла всякую психологию. *(Пауза.)* Пойдем по грибы, Серафима Викторовна?

Серафима. Пойдем по грибы, Прохоров...

Прохоров *(уходя с Серафимой)*. Главное, Серафима Викторовна, заключается в том...

Уходят.

Женя
(напевает)

У кукушки двое деток,
А кукушке наплевать!..
Будь сознательной, ведь этак
Можно деток потерять!

Среди лесных зеленых веток
Поспеши меня обнять!
Будь сознательным, ведь этак
Можно лето потерять!

Входит Бутылкин. Он задумчив. Бродит, не замечая Жени.

Ж е н я. Здравствуйте, Сергей Николаевич!

Б у т ы л к и н. Здравствуйте, Евгения Васильевна!

Ж е н я. Что это вы такой печальный, Сергей Николаевич? Неудачная любовь вас мучает или что-нибудь общественное?

Б у т ы л к и н. Да... меня мучают беспорядки... на острове... Гонолулу...

Ж е н я. Ты хорошо знаешь географию, Сергей.

Б у т ы л к и н. Недурно... *(Долгая пауза. Громко.)* Пойдем по грибы?

Ж е н я. Ты развиваешь бешеную деятельность, Сережа! *(Пауза.)* Что ж, пойдем по грибы!..

Уходят. Входит П а в е л. Он останавливается, смотрит вслед уходящим. Прохаживается. Садится на скамейку. Пауза.

П а в е л. «Юность, юность, юность моя...» *(Вдруг яростно начинает снимать сапог. Извиняющимся голосом зрителю.)* Жмет, проклятый!.. *(Снова обувается.)* Так!.. Что еще делать?

Голос Поли: «Товарищ Бутылкин! Ау!» Вбегает П о л я.

П о л я. Где товарищ Бутылкин? Его срочно спрашивают!

П а в е л. Передай, что товарищ Бутылкин очень занят.

П о л я. А где его найти можно?

П а в е л. Передай, что товарищ Бутылкин пошел укладывать чемоданы. Он едет в Харьков... Учиться едет... Понимаешь?

П о л я. Так и передам... Учиться едет... Понимаю... *(Уходит.)*

Голос Серафимы: «Женя! Ау, Женя!» Входит С е р а ф и м а.

Серафима. Ты не видал Женю, Павел?

Павел. Видал... Я ее послал по очень важному делу. Понимаешь, по очень важному делу!

Серафима. А скоро она освободится?

Павел. Не думаю...

Голос Прохорова: «Ау, Серафима Викторовна!»

Серафима. Ау! *(Уходит.)*

Через сцену проходят Шульц, Керекеш и баянист. Они разучивают «Гретхен». Баянист фальшивит.

Шульц. Вы не отличаете «до» от «си», дорогой мой! «Вот какая Гретхен у меня!»

Керекеш. С таким слухом я бы покончил самоубийством!

Удаляются.

Павел *(поднимается)*. «Вот какая Гретхен у меня!» *(Уходит.)*

Входят четыре старичка.

Главный старичок. Я так думаю, что тут дело гиблое...

Старичок. Да... не поделют... не поделют...

Мечников. Как думаешь? По-моему, все-таки Павла?

Главный старичок. Павел — он, конечно, умнее, солиднее... Это верно. С другой стороны — Бутылкин... тоже ничего...

Старушка. Насчет уважения — это, конечно, Павел... А насчет мужа — это, безусловно, Бутылкин, Бутылкин, Бутылкин... У меня на это нюх есть...

Старичок. Не поделют... никак не поделют...

Старушка. Что ж это мы все трепемся!.. Надо дело делать, а мы все трепемся.

Мимическая сцена. Старички молча спорят. Они поднимают по два, по три, по четыре пальца. Наконец останавливаются на трех и грозным видением направляются к очередной жертве.

СЦЕНА 2

В лунном столбе — пьяница.

Из-за темного леса выходит луна,
Я за солнце ее принимаю спьяна...
Здравствуй, темное солнышко, здравствуй!
Очень, очень приятно!

СЦЕНА 3

«Ау! Ау! Ау!»

СЦЕНА 4

Павел и Можаев.

Можаев. Знаешь, Павел, как-то странно получается. Была гражданская война — были у меня одни товарищи, был нэп — были другие товарищи... А сейчас — ты, Бутылкин, Шульц, Прохоров... Ты мне какой этап ни назови — у меня на каждый этап товарищи есть! И все славные ребята...

Павел. Знаешь, Можаев, за что я тебя люблю? Вот про тебя никто не скажет: ты — хороший парень, хороший партиец или ты плохой парень. А на самом деле ты хороший парень, только никто этого не знает! Делаешь себе свое дело, и ладно! *(Пауза.)*

Входят Шульц, Керекеш и баянист. Они поют:

Мы с тобой провинциалы оба,
Мы с тобой работаем до гроба...
На истории провинциалы
Высекли свои инициалы...

Павел. А! Русско-немецко-венгерский хор! Ну, как получается?

Керекеш. Я тебе говорю, Павел, ансамбль на редкость!

Шульц. Правда, Павел, замечательная песня?

На истории провинциалы
Высекли свои инициалы...

Павел. Хорошая.

Тихо напевают.

Солнце светит русским семицветом...
Что ты, немец, думаешь об этом?

Мне, товарищ, это все равно —
Солнышко у нас с тобой одно!

Солнышко одно у нас с тобой
Ходит по дорожке голубой.

Ходит по дорожке целый день
Мимо городов и деревень...

Показываются Бутылкин и Женя.

Шульц. А! Жрецы любви! Сюда, сюда!

Керекеш *(Бутылкину)*. Я уже вижу у тебя в кармане билет в Харьков. Едешь?

Бутылкин. Еду!

Керекеш *(к Жене)*. И ты едешь?

Женя. Приходится...

Керекеш *(Бутылкину)*. Слушай ты, донжуан! Если ты мне, сукин сын, не будешь длинные письма писать, то я сообщу в ЦК, что ты сволочь и приспособленец, слышишь?

Бутылкин. Ладно, ладно, Керекеш.

Павел. Бедный Сережа! Начинается твоя семейная жизнь! Беспокойств сколько будет!

Бутылкин. Каких беспокойств?

Павел. А ты как думаешь — человечество тебе так и простит то, что у тебя красивая жена?

Все смеются.

Мне тебя очень, очень жаль, Сережа! Хотя, собственно говоря, что мне еще остается делать?!

Шульц. А хорошо приехать, поработать как следует, потом уехать на новое место и опять здорово работать! Замечательно! Сегодня ты начальник политотдела, потом комиссар дивизии, а потом вдруг — заведующий музеем изящных искусств! Большевики все умеют! Правда?

Все смеются. Входит женщина с девочкой.

Женщина. У меня дите неразумное, Павел. Устрой ее в школу.

Павел. Да ей уже замуж выходить надо! О чем же ты раньше думала?

Женщина. Несознательность моя виновата, товарищ Павел. Чистая несознательность.

Входит больной мужик.

Больной мужик. Меня экзема мучает, Павел. Определи меня в больницу...

Входит мальчуган.

М а л ь ч у г а н. Здравствуйте, товарищ Павел! Что такое непонятное слово — ситуация?

С двух сторон входят к о л х о з н и к и.

К о л х о з н и к и. Товарищ Павел!

Крики из лесу: «Павел! Павел!» Отовсюду — из лесу, с просцениума — идут к о л х о з н и к и. Опять крики: «Павел!.. Павел!..» Много людей. Они заполняют всю сцену. Павла уже за ними не видно. Снова крики: «Павел! Павел!..»

СЦЕНА 5

Сумерки. Высокий пень. Контуры тракториста. Песня.

Мы с тобою, товарищ,
Не заснули всю ночь —
Мы мечтали-гадали:
Как нам людям помочь?

Вот в предутреннем небе,
Над землею горя,
На красивой телеге
Выезжает заря...

Не заснем мы, товарищ,—
Надо нам обсудить:
Как на эту телегу
Всех людей усадить?

Над родимой деревней
Солнце радугу льет...
И навстречу телеге
Полетел самолет...

Из воздушпой кабинки
(Ишь куда занесло!)
Смотрит старый колхозник
На родное село...

Ни ему и ни детям
Ни о чсм пе тужить —
На веселой планете
Замечательно жить!..
На веселой планете
Замечательно жить!..

Занавес

1935

СКАЗКА

**ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
ДЕСЯТИ КАРТИНАХ И ПЯТИ ИНТЕРМЕДИЯХ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Иван Анисимович — директор геологического института.

Таня — дочь Ивана Анисимовича, очень маленького роста, девятнадцати лет.

Шурик — сын Ивана Анисимовича, одиннадцати лет.

Катя — подруга Тани, бывшая беспризорная, учится в геологическом институте.

Вилен — товарищ Шурика, живет в той же квартире, почти двенадцати лет.

Ваня — большого роста, учится в геологическом институте.

Виктор — учится там же, бывший беспризорный, двадцати двух лет.

Моисей — учится там же.

Яков — учится там же, цыган, двадцати одного года.

Старатель — молодой украинец, двадцати восьми лет.

Поспелов Аркадий Абрамович — управляющий прииском, говорит очень быстро, пятидесяти двух лет.

Гидротехник.

Больной старик.

1-й старик.

2-й старик.

Охотник.

Хромой.

Серафим, **Федорович**, **Колыбельный** — приискатели.

1-й мужик, **2-й мужик** — старатели.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Две смежные комнаты. В большой комнате за столом студенты: Таня, Катя, Ваня, Яков, Виктор и Моисей. Они чокаются, звон стекла им нравится. «Еще! Еще!» — кричит Таня; и они чокаются по нескольку раз, прежде чем выпить. В соседней маленькой комнате — раскрытая пустая постель. Шурик, в длинной ночной рубашке, босиком, стоит у противоположной стены и постукивает по ней.

Студенты
(хором поют)

Полночь странствует над Союзом,
Сонный ветер шуршит в лесах...
По созвездью над каждым вузом
Ночь развесила в небесах.

Мы внимательно изучаем
Каждый шорох земных глубин,
Наше мужество мы считаем
Самой главной из дисциплин!

Припев

Веселее, друзья, глядите!
Первым делом — не унывать!..
От студенческих общежитий
До бессмертья — рукой подать!

Нам останется вечно дорог
Этот круг молодых ребят,
Старость нас не застанет в сорок,
Чуть покажется в шестьдесят.

До последней минуты песню
Вместе с нами, товарищ, пой,
Умирая, как буревестник,
Между тучею и волной.

Припев

Веселее, друзья, глядите!
Первым делом — не унывать!..
От студенческих общежитий
До бессмертья — рукой подать!

Так поднимем, друзья, бокалы
За невиданные пути,
Чтобы смерть нас в бою искала
И никак не могла найти.

За счастливые наши звезды
И за небо страны родной!
За пространство, за свет, за воздух
Нашей родины дорогой!

Припев

Веселее, друзья, глядите!
Первым делом — не унывать!..
От студенческих общежитий
До бессмертья — рукой подать!

Т а н я. Т-шш! *(На цыпочках подходит к двери в соседнюю комнату и прислушивается.)*

Слышен отчетливый неровный стук. Таня резко открывает дверь. Шурик отскакивает от стены.

Боже мой! Так я и знала. Не спит. Подумайте, двенадцать часов ночи, а он у телеграфа! *(Шурику.)* Ты ведь целый день вместе со своим Виленом...

Ш у р и к. Ладно, ладно, иди. Не выросла еще — мне замечания делать.

Т а н я *(стараясь говорить солидно)*. Сейчас же спи. Мне папа поручил смотреть за тобой. Я ему передам, что ты всю ночь с Виленом перестукиваешься.

Ш у р и к. Ну и передавай. Очень я тебя испугался.

Т а н я *(быстро и горячо)*. И папа поговорит с отцом Вилена, и тот его будет в другой комнате укладывать спать.

Шурик быстро поднимается, хочет что-то сказать, но только возмущенно и громко вздыхает.

Нет, правда, ты постарайся заснуть, Шурик, а я папе не передам. Это я так, нарочно сказала.

В а н я. Может быть, мы мешаем? Давайте помолчим, пока он заснет.

Ш у р и к. Нет. Я лучше засыпаю, когда шумно. Вы заведите патефон — тогда я моментально засну. Или спойте хором.

Т а н я *(закрывает дверь)*. Знаете что... знаете что... Давайте посидим тихо немного.

К а т я. Тише всех сидит Моисей. Он совсем тих. Он — мышка.

Все хохочут. Моисей спит.

Сейчас я его разбужу. *(Басом.)* Горные породы делятся, собственно, на два основных вида: изверженные и...

М о и с е й *(протирает очки, свежим голосом).* ...осадочные... Причем изверженные, в свою очередь, делятся на интрузивные и...

Смех.

В а н я *(наливая бокал).* Почему ты всегда спишь, Моисей?

М о и с е й. Потребность организма. После одиннадцати часов вечера меня клонит ко сну.

К а т я. Тебя клонит ко сну и в одиннадцать часов утра тоже.

М о и с е й. Это потому, что я не высыпаюсь. Если б я ложился вовремя, я был бы всегда свежим, как огурчик...

Смех.

Т а н я. Завтра можно долго спать. И послезавтра. Эта зима прошла очень быстро. *(Пауза.)* Будем все вместе устраиваться на практику.

Я к о в. Обязательно. Как мы жалели в прошлом году, что ты не поехала!

М о и с е й. Отличное было лето! Замечательные находки: вольфрамовые руды, хромиты... Каждый день что-нибудь новое.

К а т я. А вечерами Ваня нам рассказывал сказки. Мы слушали развесив уши. И даже Моисей не спал.

В и к т о р. А почему бы Ване сейчас не рассказать нам сказку?

Я к о в. Пожалуйста, расскажи сказку.

К а т я. Ты ведь поэт, что тебе стоит!

Т а н я. Поэт! Поэт должен быть худым и задумчивым. А ты у меня такой здоровый. *(Шутливо таскает его за волосы.)* Такой, такой, такой здоровый!

В а н я. Еще, еще потаскай!

Т а н я. Хватит с тебя. *(Повелительно.)* Сказку!

В а н я. О чем же вам придумать сказку?

В и к т о р. О золоте.

Т а н я. О дружбе.

Я к о в. О мужестве.

В а н я. О золоте, о дружбе, о мужестве... Хорошо, все это будет в сказке.

К а т я. И, пожалуйста, без волшебниц. Терпеть не могу волшебниц.

В а н я. Хорошо. Ни одну волшебницу я близко не подпущу.

Т а н я. И чтобы там был Великий Охотник.

В а н я. Приглашу Великого Охотника. *(Задумывается.)*

В соседней комнате Шурик стучит в стенку два раза.

К а т я. Он будет сидеть и думать, а мы будем, как дураки, смотреть на него.

В а н я. А вы про меня забудьте. Разговаривайте, пойте, танцуйте. Мне все равно.

Т а н я. Мы посидим тихо.

В и к т о р. Посидим, покурим, поговорим.

Я к о в. О себе. Пусть каждый расскажет о своем детстве.

К а т я. Только не расскажет, а споет. Вот ты, Яша, первый.

Я к о в. Почему я первый?

К а т я. Потому что ты цыган и у тебя самое интересное прошлое.

Я к о в. Я не хочу петь о прошлом. Я хочу петь о настоящем, о будущем.

В и к т о р. Пой о чем хочешь. Катюша, ты будешь конферансье.

К а т я. А острить можно?

Виктор. Нет. Острить не надо. Это очень трудно, когда ты остришь.

Таня. Но если смешно, то можно.

Виктор. Она не умеет смешно.

Катя. Ах, так? Пожалуйста, я буду унылой и официальной. Итак, вечер, посвященный окончанию учебного года, объявляю открытым. Итак, слово для песни предоставляется последнему представителю табора...

Яков. Почему последнему?

Катя. Ну, первому геологу табора...

Яков. Почему первому?

Катя *(махнув рукой)*. Пой.

Яков медленно прохаживается по комнате. В это время тихо отворяется дверь из коридора в соседнюю комнату. К Шурику входит Вилен.

Вилен *(громким шепотом)*. Наши в театре. Зачем вызывал?

Шурик. Ваня будет рассказывать сказку. Он думает, а потом расскажет. А сейчас Яков будет петь.

Вилен и Шурик прислушиваются.

Яков

(поет)

Я всегда мечтаю лишь о малом,
Я могу немногого желать —
Я хотел бы к нашим идеалам
На горячей лошади скакать.
И, друзей сзывая поименно
На веселый праздник боевой,
Я хотел бы красные знамена
Оттенять зеленою травой...

Мне б с бумагой тайного приказа
Вдоль границ республики скакать!
Мне бы все четыре ветра сразу
На горячей лошади догнать!
И, с веселой песней наготове,
Мне б лететь сквозь ветер и сквозь тьму...
Сто врагов — цена цыганской крови!
За нее дешевле не возьму!

Таня. Боже мой, как хорошо. Яша, ты очень хорошо поешь. Еще, пожалуйста.

Яков смущен, отрицательно качает головой и прячется за Ваню.

Ваня. А теперь Виктор.

Катя. Нет, теперь Моисей, а то он опять заснет.

Моисей *(испуганно)*. Как? Что? Я должен петь? Я? Петь?

Все придвигаются к нему, становятся цепью. Моисей растерянно машет руками.

Да что вы в самом деле! *(Ныряет под руки и убегает.)*

Все гонятся за ним. В комнате остаются Ваня и Таня.

Ваня *(деловито)*. Никак не могу вспомнить, говорил ли я тебе сегодня, как я тебя люблю?

Таня *(сердито)*. Говорил раз пятнадцать. И вообще, вместо того чтобы сочинять сказку, ты думаешь о каких-то пустяках.

Ваня. Постой немного рядом. Мне лучше думается.

Они стоят рядом молча.
В соседней комнате разговаривают Шурик с Виленом.

Шурик. Хорошо, если Виктор споет про цирк.

Когда он был маленький, он работал акробатом, а потом убежал.

В и л е н. Убежал? Из цирка? Сам?

Ш у р и к. А потом он был беспризорным и тогда еще познакомился с Катькой.

В и л е н. Неужели она тоже была беспризорной? Такая... на каблучках...

Ш у р и к. И вообще противная. Только начнут о чем-нибудь рассказывать, она сразу: «Шурик, ты — мальчик». Это чтобы я ушел. Выламывается...

В и л е н. Нет, она все-таки ничего. Помнишь, научила меня в четыре пальца свистеть, а я только в два умел. А почему твоя Таня всегда говорит «боже мой»? Она в бога верит?

Ш у р и к. Ну да! Верит!.. Она лекции безбожные читает. Просто привычка такая.

В компату врываются К а т я, В и к т о р, Я к о в. Они тащат за руки и за ноги М о и с е я.

К а т я. Мы его на лестнице поймали, так он чуть в пролет не прыгнул.

М о и с е й. Ладно, хорошо, я спою. Все равно не отвяжетесь. Я лучше сразу... *(Поет.)*

Летит атаман за военной добычей,
Земля полыхает кругом,
Но спит Житомир, и спит Бердичев,
И спят местечки кругом.

Стоит синагога, сквозь сумрак темнея,
Стоит, как Ноев ковчег.
На белые бороды старых евреев
Падает белый снег.

Сестра! Разбуди утомленного брата,
Собраться в поход помоги...
Овчинная шапка, ручная граната,
Походные сапоги...

Иду на рассвете по снежной пороше,
Сверкает штыка острие...
Я самую сильную молнию брошу
В проклятое детство мое...

Мне с вами шататься по белому свету —
Друзьям разлучаться нельзя...
Я рюмочку эту, лафитничек этот
За вас поднимаю, друзья...

(Кончая последний куплет, поднимает рюмочку с горчицей и начинает ее пить.)

Все кидаются к нему.

Таня. Боже мой, выпил горчицу!

Катя *(с ужасом)*. Всю? С чем теперь будем есть сосиски?

Моисей. Да нет, я немного... Я сразу почувствовал, что вкус не тот... Надо рот пополоскать и умыться. *(Уходит.)*

Таня *(кричит ему вслед)*. Выпей молока! На окне в кухне!

Катя *(Ване)*. Как у тебя дела, гений?

Ваня не отвечает.

Таня. Как у тебя дела, Ванек?

Ваня. А? Да, да, все в порядке. Еще несколько минут — и сказка будет готова.

В и к т о р. Надеюсь, мы все будем участвовать в сказке?

Я к о в. Сказка, в которой я не участвую,— это не сказка. Это пустые разговоры.

В а н я. Но, кроме нас, в сказке могут быть и другие люди?

К а т я. Конечно. Даже приятно будет познакомиться с новыми людьми.

Т а н я *(повелительно)*. Думай!

Молчание.
В соседней комнате движение: Шурик отодвигается от двери.

Ш у р и к. Как ты думаешь, Вилен, если я пойду к ним, я буду участвовать в сказке?

В и л е н. Как — пойдешь? Без меня? А я?

Ш у р и к. Но я тебе все буду рассказывать. Я буду приходить и советоваться с тобой.

В и л е н. Как знаешь. Я бы на твоем месте не пошел. Я на тебя не обижусь, но только знай — ты последний человек будешь, если без меня уйдешь. И не приходи тогда. Очень ты мне нужен. Обойдусь без тебя.

Ш у р и к. Вилен... Послушай, Вилен... Ты пойми... Да ты не понимаешь... Ну ты пойми... Понимаешь...

Вилен сурово отходит. Шурик начинает взволнованно одеваться.

В а н я. Я не могу думать, когда вы молчите и смотрите мне в рот. Делайте что-нибудь.

К а т я. Давайте я спою. Можно мне спеть?

В с е. Не надо. Не надо...

В и к т о р. Сомнительное удовольствие нам предстоит.

К а т я. Я тихонько и не про себя. *(Поет громко, плохо и о себе.)*

Ах, это все не шутка,
Ах, это явь была:
Я — нежная малютка —
На улице росла.

В с е. Довольно! Отставить!

Входит М о и с е й, мокрый, с полотенцем, перекинутым через плечо.

М о и с е й. Танюша! Нет ли здесь полотенца? Сам держал в руках, а потом как сквозь землю провалилось.

В и к т о р. За то, что ты избавил нас от прелестного Катиного голоса, я найду тебе полотенце. *(Подходит к нему, снимает с его плеча полотенце и дает ему.)*

К а т я. Ты зато певец! Посмотрим, как тебя примут. Объявлять выступление?

В и к т о р. Объявляй.

К а т я. Сейчас перед вами выступит в роли певца бывший циркач. О нем можно сказать, что такого голоса не было, нет и... не надо. *(Одиноко хохочет.)*

В и к т о р. Как вы думаете — это острота? Не смешно что-то.

Я к о в. Даже грустно как-то...

Т а н я. По-моему, это все-таки острота.

К а т я. Я буду молчать. Я буду высокомерно молчать. Вы будете умолять меня поговорить, но я только усмехнусь снисходительно.

В и к т о р. Товарищи, а вдруг она действительно будет молчать? Минут пять.

Я к о в. Не искушай судьбы. Пой.

В и к т о р. Так... О себе, значит? Ну что ж, о себе так о себе... *(Поет.)*

Я помню жизнь вначале,
Как в цирке Чинизелли
Меня вверху качали
Воздушные качели.
Вздымался шест высоко,
И лампы в ряд горели —
Внизу, внизу далеко
Арены ожерелье...
Я маленькой рукою
Скользящий шест нащупал,
Над детской головою
Висит огромный купол.
Но все сильней качаться
Не страшно и не больно!
И все внизу боятся,
И все кричат: «Довольно!»
И руки чуть трясутся,
И сердце бьется часто,
Но все быстрей несутся
Воздушные гимнасты.
Пусть будет делом чести —
Клянемся в этот вечер! —
Идти с другими вместе
Опасности навстречу.

Т а н я *(задумчиво)*. Хорошая песенка... Ваня, где же хорошая сказка о хороших людях?

В а н я. Но ведь вы хотите сказку о жизни. А в жизни не бывают одни хорошие люди. Как же рассказывать сказку, когда вы все такие милые и никого из вас не хочется делать плохим?

К а т я. Придется назначить негодяя. Выдвигаю кандидатуру Виктора в негодяи. Кто «за»?

В и к т о р. Ага, заговорила! Штраф. Быть тебе негодяем. Ваня, пиши ее.

Т а н я. А никак нельзя, чтобы все были хорошие?

В а н я. Сказка не получится, Танюша.

К а т я. Тогда пускай Моисей. Он все равно заснет.

Т а н я *(укоризненно)*. Тихого, кроткого Моисея?.. Не дам животную мучить.

В а н я. Ну ладно. Я что-нибудь придумаю. Итак...

В комнату, одетый «по-походному», входит Ш у р и к. Все удивлены.

Т а н я. Боже мой! Не спит. Подумайте, не спит! Кто тебе разрешил одеться?

К а т я. Шурик, ты — мальчик.

Ш у р и к *(глядя в сторону)*. Я хочу участвовать в сказке. Возьми и меня в сказку, Ваня.

В а н я *(обнимает его)*. Идем. *(Всем.)* Да, если нам в сказке будет особенно хорошо — давайте говорить стихами. Условились?

В с е. Условились.

В а н я. Постойте... Танюша! Кого бы ты еще хотела видеть в сказке?

Т а н я. Кого? Папу... Он должен прийти.

В а н я. Ивана Анисимовича? Пожалуйста. *(Повертывает выключатель.)*

В комнате становится полутемно.

Внимание. Сказка начинается. Войдите, Иван Анисимович!

Полный свет. Входит И в а н А н и с и м о в и ч.

В с е. Здравствуйте, Иван Анисимович!

И в а н А н и с и м о в и ч *(строго)*. Здравствуйте. Вы почему не спите?

К а т я. Зачем спать? Мы еще повеселимся.

И в а н А н и с и м о в и ч. Спать! Немедленно спать!

В а н я. Почему?

И в а н А н и с и м о в и ч. Потому что мы едем в экспедицию.

Я к о в. Куда?

И в а н А н и с и м о в и ч. В тайгу!

В и к т о р. Зачем?

И в а н А н и с и м о в и ч. За золотом!

М о и с е й. Когда?

И в а н А н и с и м о в и ч. Завтра.

Т а н я. Прямо как в сказке!..

И в а н А н и с и м о в и ч. С собой взять только необходимое. Мы едем через Урал, Сибирь и затем к золоту следующим путем. *(Вынимает из кармана план.)* Вот приблизительный план. Рассмотрим его. *(Кладет план на стол.)*

Все наклоняются над планом. Иван Анисимович замечает Шурика.

Ты почему не спишь?

Ш у р и к. Я тоже с вами поеду.

И в а н А н и с и м о в и ч. Куда?

Ш у р и к. В тайгу.

И в а н А н и с и м о в и ч. Зачем?

Ш у р и к. За золотом. Завтра.

И в а н А н и с и м о в и ч. Ну, вряд ли. Тебе еще, брат, сантиметров подогнать надо. Маловат. Мерка не подходит.

Шурик. Танька очень высокая! Мы с ней почти одного роста.

Иван Анисимович. Образование у вас не одинаковое. Тебе еще надо в школе лет шесть учиться да в вузе годика два. А так, конечно... Ну, спать, спать!

Шурик *(умоляюще)*. Честное слово, папа, я вам пригожусь!

Иван Анисимович. Это тайга, мальчик. За железной дорогой, за Ингодой. Трудный, длинный путь...

Шурик *(радостно)*. За Ингодой? Так я только до Ингоды. Ты меня там у тети Лизы оставишь.

Иван Анисимович. У тети Лизы? Подумаем...

Шурик. Нет, ты сейчас скажи, папа. Иначе я ни за что не засну. Да? Да?

Иван Анисимович. Ложись, ложись. А то категорически не возьму.

Шурик уходит. Иван Анисимович подходит к столу. Неожиданно гаснет свет.

Что такое? Кто потушил? Зажгите свет!

Таня зажигает настольную лампу. Плана на столе нет.

Где план? Это еще что за шутки? Кто взял план?

Все растерянно смотрят друг на друга.

Немедленно положите на место!

Таня *(чуть не плача)*. Это шутка, папа, это, конечно, шутка. Сейчас все выяснится. Ну ничего. Глупо получилось, но ничего. В общем, даже смешно. Положите план.

Молчание.

К а т я. Моисей! Ты не принял его за носовой платок или за блинчик со сметаной?

В и к т о р. Да, Моисей, ты не съел ли его?

Все растерянно и невесело смеются.

Я к о в. Ну, хватит шутить! Давайте план!

Молчание.

И в а н А н и с и м о в и ч. Может быть, шутнику стало неловко? Потушим свет. Пусть в темноте положит план на стол.

Ваня гасит свет. Короткая пауза.

Зажги.

Снова свет. Плана на столе нет.

Так. Это уже не шутка.

К а т я. И наша чудесная экспедиция не состоится!

В а н я *(снимает пиджак)*. Обыщите меня! Обыщите нас всех, Иван Анисимович!

И в а н А н и с и м о в и ч. Надень пиджак, Ваня.

Тягостное молчание.

(Неожиданно.) Шляпы! Я взял план!

В а н я. Вы?! Иван Анисимович!

Т а н я. Боже мой! Как ты нас напугал!

И в а н А н и с и м о в и ч. Мы едем в очень опасную экспедицию. Неожиданность ждет нас на каждом шагу. Вот я и приучаю вас к таким неожиданностям! Ну, а теперь отдыхать! К завтрему всем быть бодрыми и свежими.

К а т я. Ну, я теперь всю ночь не засну! Мне такое будет сниться...

Я к о в. Как же тебе будет сниться, если ты не заснешь?

Виктор. Она может. Она все может...
Катя. Тебя не спрашивают.
Таня. Пойдем, я тебя провожу, Ваня.

Молодежь уходит.

Иван Анисимович *(вслед)*. Завтра в шесть часов вечера. Сбор у Северного вокзала. *(Медленно подходит к столу, снимает со стола скатерть. Смотрит за диваном. Садится, задумывается, молчит.)* Кто же взял план? Кто мог взять план? *(Медленно берет телефонную трубку.)*

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ

Шурик взволнованно одевается. С ним Вилен.

Вилен. И что же? Всех берут в экспедицию? Никого не оставляют?
Шурик. Ясно. Разве можно кого-нибудь из нас оставить? И притом — они все-таки друзья. Они почти такие же друзья, как мы с тобой.
Вилен. Неужели всех?
Шурик. А кого же из нас можно оставить?
Вилен. Ну... Якова...
Шурик. Якова! Яков — лучший хавбек сборной Наркомпроса. Он будет играть на союзном первенстве.
Вилен. Может быть, Виктора?
Шурик. Виктора! У Виктора собака выше меня! Она с ним целуется и умеет смеяться! Виктора!
Вилен. Значит, и девчонок берут?
Шурик *(недоуменно)*. Берут. Не понимаю!

В и л е н. Неужели и Катьку берете?

Ш у р и к. Берем. Я ее вот такой знаю. *(Показывает рукой до колена.)* Она у нас столько лет жила...

В и л е н *(ехидно)*. А может, тебя самого не возьмут?

Шурик в ужасе машет руками и убегает.

(Кричит ему вдогонку.) Не возьмут! *(Смеется, потом становится грустным, садится на край сцены и болтает ногами.)* Хорош товарищ! Ушел... Не буду я с ним больше дружить. *(Помолчав.)* Хоть бы скорей возвращался, старый черт!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Тайга, небольшая поляна и палатка, в которой сидит с т а р а т е л ь и, промывая песок, тихо поет. На поляне горит костер.

С т а р а т е л ь

Ни души, ни дыханья,
Ни друзей, ни врага —
Все деревья, деревья,
Все тайга да тайга...

По таежным тропинкам
Бродит медленный зверь...
Про родную Полтаву
Вспоминаю теперь.

Там цветут — за Полтавой —
Голубые края.
Ходит там — по Полтаве —
Дорогая моя.

Словно малый ребенок,
Я за сказкой пошел,
Золотой самородок
До сих пор не нашел.

Никого не осталось,
Все пропали друзья...
Ты меня не отыщешь,
Дорогая моя!

Ты меня не отыщешь,
Не отыщешь вовек,—
На сто тысяч деревьев
Я один человек!..

Пауза. Шум за сценой. Вбегает Шурик.

Шурик. Человек... Папа! Человек.

Старатель. Люди!.. Ей-богу, люди! Сюда, сюда, товарищи.

Входят участники экспедиции.

Иван Анисимович. Здорово! Ты здешний?

Старатель. Нет. Я не здешний. Я полтавский.

Иван Анисимович. Что же ты сюда забрался?

Старатель. А мы втроем — я и еще двое — отправились за золотом. Так они меня бросили: я заснул, а они ушли. На жилу, что ли, напали и чтоб на долю больше досталось?.. Взяли лошадей, а меня кинули. *(Кричит в тайгу.)* Гады! *(Короткая пауза.)* Мне без лошадей отсюда вовек на выбраться. Хорошо, вы пришли. Вы как, сами по себе или от государства?

Иван Анисимович. От государства. А ты что же, приятель, для себя золото хотел добывать?

Старатель. Да ведь известно...

Иван Анисимович. Что же ты с ним будешь делать?

Старатель. С золотом-то? *(Смеется.)*

Иван Анисимович. С золотом.

Старатель. Да с золотом... с золотом все купишь...

Иван Анисимович. Что все?

Старатель. Ну, дом новый поставлю...

Иван Анисимович. А что — плох у тебя дом?

Старатель. Не так чтобы плох... Хата у меня приличная...

Иван Анисимович. Чего же тебе еще? Не батраков же нанимать?

Старатель *(растерянно)*. Да золото-то... Костюм куплю, патефон еще...

Иван Анисимович. Бедный твой колхоз, значит, что за костюмом да патефоном в тайгу полез. Да сколько денег на дорогу истратил да трудодней потерял.

Старатель. Зачем бедный! Наш колхоз не бедный. А только золото-то... А вот вы-то тоже не за картошкой сюда приехали.

Иван Анисимович. Наше золото для колхозов пойдет. В чем дело, Яков?

Яков отводит его в сторону и что-то говорит.

Старатель. Да ведь золото!.. Золото — оно в каждой сказке... *(Неуверенно разводит руками.)*

Иван Анисимович *(Якову)*. Лошади, говоришь, устали?.. *(Шурику.)* Видишь ты, тип, надо

было оставаться у тети Лизы. Я знал, что сегодня до приисков не доберемся. Что ж, придется устраиваться на ночлег.

Ш у р и к *(деловито)*. Надо помочь Якову накормить лошадей. Вы тут пока раскладывайтесь.

И в а н А н и с и м о в и ч. Постой. Как-нибудь без тебя обойдутся. *(Старателю.)* Вот уложи в своей палатке паренька.

Ш у р и к *(чуть не плача)*. В палатку лучше женщин устроить, папа, а мы здесь.

Иван Анисимович подталкивает его к палатке.

К а т я. Шурик, ты — мальчик!

Ш у р и к. Тебя-то, старая дева, не спрашивали... *(Останавливается, ждет старателя.)*

В и к т о р *(старателю)*. Милый, а где здесь Золотая Долина?

С т а р а т е л ь *(указывает далеко)*. Вон она, за теми горами, Золотая Долина.

Т а н я. И много там золота?

С т а р а т е л ь. А ты пойди перекопай ее всю! Ей одна длина сто километров.

Ш у р и к. Мы вас завтра возьмем с собой. Не беспокойтесь.

С т а р а т е л ь. А я и не боюсь. Разве можно человека оставить одного? *(Останавливается, кричит в тайгу.)* Гады! *(Входит за Шуриком в палатку.)*

И в а н А н и с и м о в и ч. Спать, спать, ребятишки! *(Зажигает фонарь.)* Ты что притихла, Катюша?

В а н я. Она обдумывает очередную остроту. Она их заранее придумывает. Я сам видел.

К а т я. Лгун. То есть ты врешь. А тебе, бедняге, и заранее ничего не изобрести.

В и к т о р *(примирительно)*. Скорее всего, она ничего не придумывает, а то бы мы слыхали хоть когда-нибудь что-нибудь смешное...

К а т я *(угрожающе подходит к нему)*. Что-о? Повтори-ка!

В и к т о р *(закрывает лицо руками)*. Катюша! Я не брит... Ты уколешься. Смотри! Смотри! *(Указывает ей на Моисея, улегшегося на приготовленную Катину постель.)*

К а т я. Это уже хамство, Моисей!

Моисей спит.

Основы динамической геологии требуют того...

Моисей поднимает голову.

...чтобы ты покинул мое ложе.

М о и с е й. А? Извиняюсь... *(Покорно поднимается, ложится рядом на голую землю, спит.)*

Яков осторожно подкладывает под него куртку, потом обходит все постели, поправляет их. Иван Анисимович закрывает фонарь так, чтобы свет не падал в сторону девушек.

И в а н А н и с и м о в и ч. Ну, друзья, приятных сновидений!

Яков садится рядом с Иваном Анисимовичем, подбрасывает хворосту в костер.

Яков! Как ты себя чувствуешь?

Я к о в. Чудесно, Иван Анисимович. Никогда в жизни...

И в а н А н и с и м о в и ч *(перебивает его)*. А ловко это я вас обманул с планом?

Я к о в. Это было так невероятно! Этого быть не может, чтобы кто-нибудь из нас...

Иван Анисимович. Конечно, этого быть не может... Но ты все-таки готов ко всяким неожиданностям? Если случится что-нибудь невероятное, то, я думаю, ты достаточно умен, чтобы понять, что это уж не моя шутка.

Яков. А разве...

Иван Анисимович *(перебивает его)*. Ничего не разве! Все может быть! Чем черт не шутит. Правда?

Яков. Правда.

Иван Анисимович. То-то же. Ну, иди на боковую!

Яков отходит. Иван Анисимович смотрит ему вслед.

Виктор *(на дереве)*. Хорошо поспать под открытым небом.

Катя. Хорошо поспать под открытым небом. Тем более что нет другого выхода.

Таня. Хорошо, очень хорошо.

Музыка.

Ваня
(в кресле на просцениуме)

Завтра мы отправимся в дорогу,
Мы нарушим этих гор покой,
Чтобы все вершины перетрогать
Теплой человеческой рукой.

Таня

Над землей ни шороха, ни звука.
Две звезды мигают вдалеке...
Стоит только протянуть к ним руку —
Две звезды засветятся в руке.

Моисей

Я пройду через пороги бедствий,
Через океаны проплыву,
Будто все, что мне приснилось в детстве,
Оживает рядом наяву.

Виктор

Много лет ты шла не уставая,
Выли вьюги, выли ветры, солнце жгло,—
На плечо мое склонись, страна родная,
Мне ничуть не будет тяжело.

Катя

Я хочу прожить на этом свете
Самою веселой для друзей...
Самый сильный, самый страшный ветер
Не потушит юности моей.

Яков

И под кочевыми облаками
В грозовую, в штормовую ночь
Сильными цыганскими руками
Я хочу товарищам помочь!

Молчание.

Ваня остается в кресле на просцениуме до конца картины, он как бы созерцает созидаемую им сказку.

Таня. Катя, ты спишь?

Катя. Сплю. А что?

Таня. Нет, если спишь, то ничего...

Катя. А если не сплю, то что?

Таня. Понимаешь, быстро очень жизнь проходит. Вот совсем недавно, кажется вчера, мне было одиннадцать лет, а теперь девятнадцать. Де-вятнадцать!

Катя. Да. Совсем пожилая. Что же мне говорить? Я-то старше тебя. Вот и Шурик меня старой девой зовет.

Таня. Он меня с четырнадцати лет зовет старой девой. Это из зависти... *(Пауза.)* Как тихо... Удивительно тихо... Как перед чем-то изумительным... Сейчас вот музыка заиграет или запоет чудесный голос...

Моисей *(поднимается)*. Где мои очки?

Катя *(смеется)*. Чудесный голос. Скажи еще что-нибудь, Моисей.

Моисей. Ты не видала мои очки?

Таня *(сердито)*. Спи. Нечего сейчас разглядывать. Завтра найдешь.

Моисей покорно ложится. Снова молчание.

Катя! Ты спишь?

Катя. Сплю. А что?

Таня. Нет. Если спишь, то ничего...

Молчание.

Катя *(приподнимается)*. А знаешь, молодость действительно прошла. И так незаметно. Хоть бы сделать что-нибудь героическое, перезимовать на дрейфующей льдине, полететь в стратосферу... Ну что-нибудь. *(Поворачивается на другой бок, с криком вскакивает и одним прыжком оказывается на другом конце сцены.)* Лягушка! Честное слово, лягушка!..

Все поднимаются. Иван Анисимович подходит к Кате и кладет руку ей за шиворот.

Иван Анисимович. Да это очки! Моисей! Лови свои очки. *(Кате.)* Эх ты, герой! А если медведя встретишь?

Катя *(укладываясь)*. Так то медведь. Лучше медведь, чем лягушка. Она холодная, скользкая... *(Натягивает одеяло на голову.)*

Иван Анисимович. И довольно болтать. Спите...

Пауза.

Таня *(тихо)*. Ты спишь, Катя?

Катя *(сонным голосом)*. Нет.

Таня. Значит, спит. *(Вздыхает.)* Никак не могу заснуть. *(Пауза.)* Папа! Я не могу заснуть. Можно с тобой посидеть?

Иван Анисимович. Иди сюда, девочка. Ляг. *(Кладет ее голову к себе на колени.)* Давай немного подвинемся, тебе фонарь светит прямо в лицо.

Таня. Нет. Так хорошо. *(Сонным голосом.)* Это не фонарь, а луна.

Иван Анисимович *(гладит ее по голове)*. Спи, Танюша, спи... *(Поет колыбельную песню.)*

Спи, Танюша, без забот,
Спят твои товарищи...
Много лет еще пройдет,
Прежде чем состаришься...

Будет издали глядеть
Юность давней сказкою,
Будешь в кресле ты сидеть,
Вся в морщинках ласковых...

Внучек станет у стола
(Выпачканы лапушки):
«Неужели ты была
Комсомолкой, бабушка?..»

Перед ним весь мир расцвел
Синими дорожками,
Он в грядущее вошел
Маленькими ножками...

Спи, Танюша, спи легко,
Спят твои товарищи...
Бесконечно далеко,
Далеко до старости...

На сцене постепенно темнеет. Освещается кресло Вани. Кукует кукушка на старинных часах. Медленный бой часов.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Контора прииска. За занавеской из оленьих шкур — управляющий прииском Поспелов. Он, очевидно, моется. Все участники экспедиции расположились на своих мешках. В углу безмолвно сидит больной старик.

Иван Анисимович. Итак, нам необходимо, во-первых, несколько опытных золотоискателей...

Поспелов. Сомневаюсь.

Иван Анисимович. Затем нам нужен проводник, знающий не только путь к Золотой Долине, но и самую Золотую Долину.

Поспелов. Очень сомневаюсь.

Иван Анисимович. Кроме того, вы должны нам помочь лошадьми и провиантом на все время изысканий.

Поспелов. Весьма сомневаюсь.

Иван Анисимович. Нам нужны не ваши сомнения, а ваша помощь.

Поспелов. Я человек деловой. Вам нужны несколько опытных золотоискателей? Их не будет.

Ваня. Почему?

Поспелов *(из-за занавески показывается его сердитая физиономия)*. Потому, что Аркадий Абрамо-

вич — я то есть — знает душу старого приискателя. Потому, что Аркадий Абрамович — то есть я же — даже с медведем может на короткой ноге жить. Это, брат, еще не современный прииск. Это, брат, еще старина, старина... *(Опять исчезает.)* С Золотой Долиной связаны страшные легенды, и добираться к ней нужно через десять ущелий, через сто вершин, через тысячу препятствий. Пусть там пудами лежит золото, никто к нему не подойдет. По тем же причинам вы не достанете проводников.

Яков. А лошади и провиант?

Поспелов. Лошади и провиант у меня есть. Но я вам не дам.

Иван Анисимович. Почему?

Поспелов. Жалко. Вы не знаете, с каким трудом это все сюда доставляется. И вдруг я — сойди с ума, возьми и вывали все вам, что у меня есть. А прииск? А мои рабочие?

Таня *(важно)*. Боже мой! Поймите же, что это нужно не нам, а государству.

Поспелов *(опять показывается)*. А я, по-вашему, для барона Ротшильда стараюсь? *(Исчезает.)* Повторяю: всего того, что вам нужно, достать невозможно, но...

Иван Анисимович. Но?..

Поспелов. Но если постараться, то можно достать.

Иван Анисимович. Ничего не понимаю. Если можно, то почему нельзя, а если нельзя...

Поспелов *(входит)*. А я вам объясняю, чтобы вы поняли, как это трудно. *(Внезапно преображается, жмет всем руки.)* Милые мои! Вы себе не представляете, как я вам рад. Душевно рад. Аркадий Абрамович Поспелов. Поспелов Аркадий Абрамович. *(Тане.)* Де-

вочка сердитая. Я же начальство. Не могу же я сразу согласиться — то давай, это давай.

Иван Анисимович. А с людьми как — действительно плохо?

Поспелов. Не скажу — плохо. Туго. Приискатели — они же как дети. Тигра не испугаются, а скажи им: Золотая Долина — на версту не подойдут. Ну дети! Буквально дети! Агитнуть надо, уговорить — пойдут. А пока попробуем организовать вам завтрак и отдых. *(Тане.)* Ты, малышка-коротышка, драгу видела?

Таня. Нет.

Поспелов. А знаешь, что это такое — драга?

Таня. Знаю. Это... *(Ищет слова.)*

Шурик *(его не было видно за спиной Вани)*. Драга — это такая большая машина. Она добывает речной песок, она же его промывает.

Поспелов *(всплескивает руками)*. Да у вас участники экспедиции солидного возраста. Это чей же?

Иван Анисимович *(смущенно)*. Мой. Я вам его подкину на время изысканий, если не возражаете.

Поспелов. Отчего же. Веселей будет. Как, молодой человек, сходим на драгу? До еды? Ты что на сладкое хочешь?

Шурик. Мороженое.

Поспелов. Мороженое? Это трудновато. А что ты еще любишь?

Шурик. А еще крем шоколадный. И взбитые сливки, и желе лимонное, и еще миндальное пирожное, и еще...

Поспелов. Постой, постой. А ты... кисель любишь?

Шурик *(вздохнув)*. Что же... и кисель ничего.

К а т я. Иван Анисимович! Вы все на драгу пойдете, а я — к приискателям в бараки. Хорошо?

В и к т о р. Зачем это?

К а т я. А я их сагитирую, вот увидите.

И в а н А н и с и м о в и ч. Не надо, Катюша. Мы лучше парней туда отправим. Им легче будет договариваться.

Ш у р и к. Ясно. А то придет туда девчонка...

К а т я *(сухо)*. Я тебе не девчонка, а тетя...

Ш у р и к *(иронически)*. Тетя! Тетя Катя! Здрасте, тетя!..

К а т я. До свиданья. Мы в тайгу уходим за золотом, а ты здесь остаешься.

Шурик вспыхивает и выскакивает из комнаты, ударив дверью входящего человека. Это г и д р о т е х н и к. Он трет ушибленный лоб и пытается благодушно улыбнуться.

Г и д р о т е х н и к. Стремительный юноша. Нет ли у вас пятачка?

М о и с е й *(протягивает ему бумажный рубль)*. Вот рубль!

Таня протягивает ему пятак. Тот прикладывает его ко лбу.

П о с п е л о в. Знакомьтесь. Наш новый гидротехник.

Г и д р о т е х н и к *(пожимает всем руки правой рукой, левой трет пятаком шишку)*. В Золотую Долину путь? Дело хорошее. Только трудновато. План есть?

И в а н А н и с и м о в и ч. Примерное расположение известно. Ну, поищем...

Г и д р о т е х н и к. Поискать придется. Кто же вас поведет?

И в а н А н и с и м о в и ч. В том-то и дело, что проводников нет. Вот посоветуйте...

Гидротехник. Кое-что у меня есть на примете. Я вам это устрою. Курите? *(Предлагает всем папиросы.)* Отличные папиросы. Я с собой привез изрядный запасец.

Чья-то рука из-за его плеча берет папироску. В дверях охотник; он закуривает папиросу.

Поспелов. А, охотник! *(Всем.)* Лучший охотник в крае. Что давно не был? Зачем пожаловал?

Таня *(Кате, тихо)*. Великий Охотник!

Охотник *(неторопливо)*. Табак вышел. Патронов маловато.

Поспелов. Ну? Все расстрелял? Значит, шкурок много... *(Всем.)* У него каждый патрон — шкурка. Ни одного мимо. *(Ударяет рукой по столу.)* Вот вам проводник! *(Охотнику.)* Мы с тобой друзья?

Охотник. Приятели.

Поспелов. Проводи вот товарищей в Золотую Долину.

Охотник *(оглядывает всех, останавливается на старателе. У старателя деревенский вид)*. Кто такие?

Старатель *(неожиданно и важно)*. Мы от государства. Золото для колхозов ищем.

Иван Анисимович. Ай да полтавский! В экспедицию, значит?

Таня *(охотнику)*. Пожалуйста, идемте с нами...

Короткое молчание.

Охотник. Когда выходим?

Радостное движение.

Иван Анисимович. Да хоть завтра. Вот только прискателей несколько человек надо уговорить. Как, мальчики, за работу? На драгу и в бараки.

П о с п е л о в. Идите вперед. Вам охотник дорогу покажет. Я вас сейчас догоню. Меня тут товарищ ждет. *(Указывает на больного старика.)*

Все выходят.

П о с п е л о в *(старику)*. В чем дело, дедушка?

Б о л ь н о й с т а р и к. Болен я... очень болен...

П о с п е л о в. Что ж, что болен. Подлечиться можно. Доктора — это сила...

Б о л ь н о й с т а р и к. Плох я... Я сегодня помру...

П о с п е л о в. Что ты, дедушка! С чего тебе помирать? Поживешь еще.

Б о л ь н о й с т а р и к *(упрямо)*. Я сегодня помру. Я свой час знаю.

П о с п е л о в. Чудной ты человек! Чего же ты хочешь?

Б о л ь н о й с т а р и к. Одному помирать тяжко. Надо, чтобы кто-нибудь возле.

П о с п е л о в *(задумывается, потом кричит в окно)*. Нюра!

Голос Нюры за сценой: «А?»

Пойди на драгу, там на палубе два старика работают. Скажи, чтобы их сняли с работы, пусть придут в Старые Пни, к Трофимову. *(Старику.)* Идем, дедушка. Я тебя провожу. *(Берет старика под руку, тот опирается на его плечо.)*

Входит Ш у р и к.

Ш у р и к. Товарищ Поспелов! Я вас жду. Все уже ушли на драгу.

П о с п е л о в. А! Мой новый заместитель. Вот плохо дедушке. Проводим его домой?

Шурик *(подставляет плечо)*. Опирайтесь сильней, пожалуйста. Да вы нажимайте сильней, дедушка. Почему так слабо?

Поспелов гасит свет. Уходят. Темнота. Потом дверь открывается, входят двое. Свет. У стола большое кресло с высокой спинкой, заслоняющей от зрителя сидящего в кресле человека.

Гидротехник. Что же? Экспедиция, как видите, состоялась. Вы украли план, а они... они теперь настороже. И экспедицию не остановили. Так что работы вашей пока не видно. Вам, безусловно, доверяют ваши... эти друзья... и вы могли найти десятки способов задержать экспедицию. Однако это не сделано. Вам нужен помощник? Я вам это устрою. *(Высовывается в окно, делает знак.)*

Входят Хромой и два мужика.

(Мужикам.) Как сюда попали?

1-й мужик. Пошли вот золото искать... втроем. А только время идет, продовольствие уходит,— ну, мы земляка тово... в тайге и оставили.

Гидротехник. А земляк ваш, что в тайге остался, черноватый, курчавый?

2-й мужик. Курчавый, дьявол.

Гидротехник. Бороденка такая неровная, снизу растет? Шапка черная?

Оба мужика *(испуганно)*. Он! Он! Здесь, дьявол?

Гидротехник *(Хромому)*. Значит, в экспедицию им нельзя. Сзади пойдут. А для начала вот что. Напугайте-ка девчонок так, чтобы не лезли на рожон. Все-таки меньше народу пойдет. Ну, ступайте.

Оба мужика кланяются и уходят с Хромым.

(Подходит к письменному столу, садится напротив в кресло.) Значит, план таков. Мы следуем за экспедицией, впереди экспедиции, по бокам экспедиции. Экспедиция должна вернуться, не дойдя до озера, или не вернуться совсем. До зимы уже недалеко. Тогда вход в Золотую Долину будет закрыт, а мы тем временем разыщем золото. Ну, желаю успеха.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ваня
(в кресле на просцениуме)

В час закатный и на рассвете
По таежным углам глухим
Бродят сказки — родные дети
Андерсена и братьев Гримм.

Свет у его кресла гаснет. На сцене возникает скверик возле барака.

Таня
(на дереве, продолжает стихи Вани)

Бродят сказки, и видят дети —
Едет принц в золотой карете,
Восемь бабочек впереди,
Два кузнечика позади...

В темной чаще лесов суровых
Буду с выдумкой рядом жить,
Чтобы толпами сказок новых
Всю республику заселить...

К новой сказке подходят звери.
«Мы пришли, отворите двери!
Неужели все дети спят?» —
Звери вежливо говорят...

Рядом с Таней вырастают два мужика. Их лица зловещи. Поблескивают ножи.

(Вздрагивает.) Боже мой! Какие вы страшные! Вы бы хоть... помылись.

1-й мужик *(растерявшись)*. Помылись?.. Да, понимаешь, все некогда...

2-й мужик. Поработала бы, как мы работаем...

Они опять начинают ее пугать, как пугают ворон. Входит Катя.

Катя. Таня! А я тебя ищу. Кто это?

Таня. Это... бандиты, Катюша...

1-й мужик *(смущенно)*. Да нет... Какие мы бандиты... Мы старатели. Мы только напугать...

2-й мужик. Так... только напугать...

Катя *(кричит на них)*. Как вы смеете ее пугать? Вы же видите, что она маленькая!

Входит Хромой.

Старатели! Ступайте старайтесь в другом месте, а то наши ребята вас так постараются пугануть...

1-й мужик *(наступая на Катю)*. Ты еще откуда такая взялась? Мы тебя сейчас...

Хромой *(мужикам)*. Ну, ребята, проваливай! Делать вам тут нечего.

Мужики медлят.

(Кричит.) Кому говорят?!

Мужики уходят.

Ну и народ! Темные люди. Вы их не очень пугайтесь. Они, может, только с виду злые. *(Уходит.)*

Катя *(Тане)*. Ты такая храбрая. А знаешь — я струсила. Попробуй, как сердце колотится. Но я независимо говорила, да? Независимо? Таня! Тогда я пойду приискателей уговаривать. А? Как ты думаешь?

Таня. Я думаю, раз папа сказал, что не надо,— так не надо.

Катя. Я все-таки пойду. Ты увидишь — я их уговорю. Только молчи. *(Подбоченившись, уходит в бараки.)*

Входят приискатели: Серафим, Колыбельный и Федорович.

Колыбельный. Здравствуйте.

Таня. Здравствуйте.

Приискатели садятся и перешептываются между собой.

Серафим. Вы, барышня, кто будете?

Таня. Золотоискатель.

Смех.

Федорович. Золотоискатель? Да. Оно сразу видно.

Серафим. Дайте-ка бинокль — рассмотреть этого золотоискателя.

Таня *(зовет)*. Ваня!

Входит Ваня.

Ваня. Скажите, товарищ, вы из четвертого барака?

Серафим. Из четвертого. А зачем это вам понадобилось?

В а н я. У вас еще от экспедиции никого не было? С вами никто не говорил насчет Золотой Долины?

К о л ы б е л ь н ы й. Это что? Вы в Золотую Долину собираетесь?

В а н я. Да. Мы хотели предложить желающим сопровождать нас. Вы знаете, товарищи...

С е р а ф и м. Ты нас не агитируй. Нас агитировать ни к чему.

Входит Х р о м о й.

К о л ы б е л ь н ы й. Были у нас уже ваши делегаты. Беседовали.

В а н я. Были? Таня! Ну, тогда мы в шестой барак пойдем.

Х р о м о й. В шестой барак? Пойдемте. Я вас провожу. Я дорогу знаю.

Уходят.

Открывается дверь барака. Оттуда пулей вылетает К а т я. Вслед ей раздается насмешливый хохот. Катя взволнована и смущена.

Ф е д о р о в и ч. Что, уговорили?

К а т я. Почти. Только надо еще кому-нибудь туда пойти. Там мой берет остался.

Вторично открывается дверь, и вылетает ее берет.

(Отряхивает берет, поворачивается к двери и говорит с независимым видом.) Спасибо.

К о л ы б е л ь н ы й. У наших были? Экспедицию собирали?

Катя молча кивает головой.

Ф е д о р о в и ч. Ну, кого записали?

Катя молчит, садится на землю, подпирает подбородок кулаком,

С е р а ф и м *(с гордостью)*. Нас уговоришь! Нам, милая, еще агитатор не родился.

К а т я. Да, я агитатор неважный. Никуда не гожусь...

К о л ы б е л ь н ы й. Учитесь? На инженера?

К а т я. На геолога. Скоро кончу... *(Задумчиво.)* Никуда не гожусь...

К о л ы б е л ь н ы й. Плохо учитесь?

К а т я. Нет, учусь ничего, на «отлично». Плохо говорила...

Ф е д о р о в и ч. На геолога. Землю, значит, раскапывать? Молодая...

Молчание.

С е р а ф и м. Отец, мать живы?

К а т я. Мать умерла. Отец — не знаю...

К о л ы б е л ь н ы й. Не интересуетесь?

К а т я. А я была беспризорной. Потом в детском доме воспитывалась.

С е р а ф и м. Без отца-матери росла...

К о л ы б е л ь н ы й. Мать что делала? Чем кормилась?

К а т я. Прачкой была.

Ф е д о р о в и ч. Белье, значит, стирала...

С е р а ф и м. Бедная жизнь...

К а т я. Очень бедная. Мать моя всегда говорила: «Ничего, Катюша! Ты будешь жить хорошо. Ты будешь играть на пианино».

К о л ы б е л ь н ы й. Играете?

К а т я. Играю.

Молчание.

А у вас дети есть?

К о л ы б е л ь н ы й. Не знаю.

Катя. Не интересуетесь?

Серафим. Наша жизнь бродячая. На месте не сидим...

Молчание.

Катя. Вы бы спели. Говорят, у золотоискателей хорошие песни есть.

Колыбельный. Где нам петь...

Серафим. От нашего голоса, знаешь, зверь за версту бежит, и ты...

Катя. Ничего. Я выдержу...

Молчание.

Ну?..

Серафим. Что ж, разве нашу старинную...

Приискатели
(солидно откашливаются и запевают)

Ветер мчится по тайге сердитый,
Всю листву с деревьев посрывал...
Над своею юностью прожитой
Золотоискатель зарыдал...

«Что ж ты плачешь, золотоискатель?
Или счастья сроду не видал?..» —
«Плачу я, что жизнь свою истратил,
Посреди деревьев растерял...

Как я жил на этом белом свете,
О проклятой участи своей
Я хочу пожаловаться детям,
Только нету у меня детей...»

Он поднялся и пошел, рыдая,
Через лес, равнины и поля.
И лежала перед ним большая,
Золотом богатая земля...

Молчание.

Колыбельный. Вот... Нету у нас детей...

Серафим. У меня дочка могла быть, как ты. Геолог! *(Качает головой.)* Тайга — опасное дело. Ты остерегайся. И люди здесь попадаются... Хуже волка люди...

Входит Хромой.

Федорович. Конечно, мы бы могли пойти...

Катя встрепенулась.

Колыбельный. Только Золотая Долина — место проклятое.

Хромой. Проклятое место — эта самая Золотая Долина...

Федорович. И не говори. *(Кате.)* Хочешь, я тебе такое расскажу, что ты десять дней спать не будешь?

Катя. Я не могу так долго не спать.

Федорович. А хочешь, я тебе расскажу, как один черт керосин покупал?

Катя *(удивленно)*. Керосин?

Федорович. Ну да, керосин.

Катя. Интересно.

Федорович. То-то же. Ну так вот. В тысяча восемьсот шестьдесят втором году, двадцать пятого июня, в четыре часа дня, из адского пекла вышел черт. И держал он направление в Золотую Долину. А так как,

известно, в аду жара несусветная, а путь был долгий, черт захотел пить. А то лето было знойное, и все ручейки повысыхали...

П р и и с к а т е л и *(подтверждают)*. Ну да... в шестьдесят втором году...

Ф е д о р о в и ч *(продолжает)*. На его, черта, счастье, недалеко от Золотой Долины, в двух верстах от нее, проживал старичок по имени Артамон Афанасьевич. И был этот старичок уже в летах и даже забыл, когда он родился. И промышлял этот старичок мелкой торговлей. И вот входит к нему черт и говорит: «Будьте настолько любезны, не найдется ли у вас кружечки пива?» Пива! В тайге — пива! Вот черт! «Нету пива»,— говорит старичок. «Извиняюсь. А вода под названием ситро у вас есть?» — «Нету у меня такого»,— обиделся старичок. «Ну, тогда, извиняюсь, может, у вас керосин найдется?» — «Керосин у меня найдется. А найдется ли у вас посуда?» — спрашивает Артамон Афанасьевич. «Посуды,— отвечает черт,— мне не надо. Я этот керосин на месте выпью». Ну, старичок, конечно, обомлел. «Вы, говорит, случайно не черт будете?» — «Черт!» — отвечает черт и уже наливает вторую кружечку. Только хотел было третью налить — а у него изо рта огонь! Огонь! Пламя необычайное!

Подходит В и к т о р.

К а т я. Виктор! Ты подумай, из-за какой-то нечистой силы, из-за какого-то черта наша экспедиция может не состояться.

К о л ы б е л ь н ы й. Ты насчет черта поосторожней. Тут вот тоже ходили лет десять назад такие храбрые, так у них, как они туда ступили, такое наваждение пошло — вещи прямо на глазах исчезали.

Катя. Вещи исчезали? Тоже чудеса! Виктор, покажи-ка им свои фокусы.

Виктор показывает ряд фокусов с исчезновением вещей.

Федорович *(плюется)*. Тьфу, нечистая сила! Оборотень.

Катя *(смеется)*. Да он циркач. Он раньше в цирке работал, там и научился. Он только бриться не любит, а так ничего. *(Пауза.)* Мы пойдем и одни в крайнем случае, но, конечно, без вас в тайге...

Входят Иван Анисимович, Поспелов, охотник.

Серафим. А! Охотник! Как белка, соболь? Бьешь?

Охотник. Бью.

Колыбельный. К нам надолго? Куда путь держишь?

Охотник. Экспедицию поведу. В Золотую Долину.

Приискатели переглядываются.

Серафим. Соседи, значит, будем. Попутчики.

Движение удивления.

Хромой. И меня пишите. С хорошими людьми хоть на край света не жалко. Кто у вас главный-то? Когда собираться?

Иван Анисимович. На рассвете. Успеете собраться?

Федорович. Наши сборы короткие.

Колыбельный. Мешок на плечи — и вся недолга.

Серафим. Пойдем, значит, с товарищами прощаться. *(Охотнику.)* Поздороваешься с нашими-то?

Колыбельный, Серафим, Федорович и охотник уходят.

Поспелов. Лучшие наши приискатели. Даже обидно отпускать.

Иван Анисимович. Это чья же работа?

Катя. Моя! Вот я какая! Вот... какая я!

Иван Анисимович. Вот ты какая... Что же ты им говорила?

Катя. Я им говорила... Я им говорила... *(Восторженно бросается на грудь Ивану Анисимовичу.)* Я сама не знаю, что я им говорила...

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ

Шурик бежит по просцениуму с вечным пером в руке. Вилен сидит там, где он оставался в прошлый раз.

Шурик *(окликает его)*. Вилен!

Вилен поднимает голову.

Только я на минутку. Экспедиция отправляется через несколько часов.

Вилен *(угрюмо)*. Давно не приходил. Я уже думал, ты и вовсе не придешь.

Молчание.

Шурик. Лошадей дали слепых. Только Яков — цыган, он сразу заметил. А то, знаешь, их трудно отличить.

Вилен. Что это у тебя?

Шурик *(небрежно)*. Вечное перо. Папа просил принести. Они без меня шагу ступить не могут. То — то, то — другое.

Вилен *(тоже небрежно)*. Мне мама обещала на рожденье вечное перо подарить. Недолго ждать. Двенадцать стукнет. Уже не первая молодость.

Шурик. Да... И мне скоро... А давно ли нам по девять лет было?

Вилен. Ну, тебе-то, положим, не так скоро...

Шурик. Не так скоро? Через четыре месяца.

Вилен. Положим, через пять.

Шурик. Через четыре с половиной.

Вилен. Через четыре месяца и двадцать два дня. Какая же это половина? Это, по-моему, почти пять.

Шурик *(немного обиженно)*. А такую ручку никак подарить не могут. Это «Паркер». Здесь перо — настоящее золото.

Вилен. Давай посмотрим.

Шурик открывает ручку. Они ее разглядывают.

Шурик *(видя, что Вилен огорчен)*. Если мы найдем золото, Вилен, я возьму кусочек, и нам сделают золотые перья. *(Задумывается.)* А на что еще может быть нужно золото?

Оба думают.

Вилен. На зубы.

Шурик. Теперь из нержавеющей стали делают. Гораздо красивее.

Вилен *(неуверенно)*. Может, на украшения разные?

Шурик презрительно машет рукой.
Молчание.

Шурик. Можно морские пуговицы сделать из золота! На них много может пойти. Знаешь, их сколько — моряков! Да у каждого если по две куртки.

Они оба повеселели.

Вилен. Да. И потом на кинжалы, на оружие. Насечки можно сделать. Я сам видел у дяди Миши такое.

Шурик. Конечно.

Вилен. А часы? Часы золотые...

Шурик. Ну, я пойду. Я теперь скоро приду. А то они там крик подымут. Шагу без меня ступить не могут.

Вилен. Берут с собой в Золотую Долину?

Шурик. Н-нет... Оставляют. *(Уходит невеселый.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Рассвет. Больной старик. В стороне, в тени, сидят два старика.
Молчание.

1-й старик. Вот... умирает.

2-й старик. Я его полвека знаю... Родился без крику и умирает тихо...

1-й старик. А ведь совсем еще молодой... Ему бы жить да жить.

2-й старик. Слабый здоровьем был. В гражданскую его шомполами замучили. С тех пор и захирел.

Больной старик что-то шепчет. 1-й старик наклоняет ухо, потом садится по-прежнему.

1-й старик. Спасибо, говорит, провожаете.

Оба старика приветственно качают головами больному старику.

2-й старик. Полвека знаю. Шустрый мальчонка был. А теперь вот... отходит...

Пауза.
Тихо входит Шурик.

Шурик (*шепотом*). Я ему пастилы принес. Как вы думаете, дедушки, можно ему пастилы?

1-й старик. Ничего ему уже не надо... Уехали твои-то?

Шурик. Уехали наши. Вы, дедушки, наверное, устали. Идите, я посижу.

2-й старик. Ничего... Ты сиди, и мы посидим. Ему веселее.

Молчание.
Больной старик шевелится.

Шурик. Он, кажется, пить хочет. (*Подходит, наливает из бутылки остатки морса, дает больному старику пить.*)

Старик пьет.

1-й старик (*берет бутылку*). Вся вышла. Надо еще принести. Мы сейчас.

Старики уходят. Шурик остается один с больным стариком. Мальчику не по себе. Больной старик открывает глаза и смотрит на него.

Шурик. Вам что-нибудь надо, дедушка?

Молчание.

Наши ушли в Золотую Долину. Там, говорят, масса золота.

Молчание.

Не умирайте, дедушка...

Молчание.
Больной старик будто зовет его.

Что, дедушка?

Старик что-то шепчет.

Что? *(Наклоняется.)* В Золотой Долине?.. Что?.. В десятом году?.. Что?.. Что?.. Клятву дали не говорить? Что?.. До самой смерти? Что?.. Говорите громче, дедушка. *(Начинает сам кричать все громче.)* С левой стороны по хребту? Что? От озера?.. Что?.. Что?.. У начала ручья? В сторону от холма?

Больной старик *(громким шепотом)*. Восьмая...

Шурик. Восьмая... что восьмая? Что восьмая?.. Дедушка... Да вы подождите.

Молчание.
Шурик выпрямляется, растерянно смотрит по сторонам. Входят два старика с морсом. Следом за ними — Поспелов.

Шурик. Кажется, он умер... *(С отчаянием.)* Неужели он умер?

Старики подходят к умершему, наклоняются, выжидают несколько секунд.

1-й старик. Царствие ему небесное! Хороший товарищ был...

Поспелов. Прощай, Никита Захарович!

Ш у р и к. Аркадий Абрамович! Дайте мне вечное перо. Только скорей. А то я забуду.

Поспелов дает ему карандаш.

(Быстро записывает, повторяя вслух.) «С левой стороны по хребту... до озера... у начала ручья... в сторону от холма... восьмая...»

Все удивленно смотрят на него.

Мне нужна лошадь и проводник, Аркадий Абрамович. Только немедленно.

П о с п е л о в *(иронически)*. Немедленно. Стоят и тебя дожидаются. Что это ты, милый?

Ш у р и к *(взволнованно)*. Дедушка мне перед смертью открыл, где золото. Я записал.

П о с п е л о в *(протягивает руку за запиской)*. Ну-ка.

Ш у р и к *(отскакивает)*. Ни за что! Я должен сам передать ее отцу. Одному ему.

П о с п е л о в. Мальчик мой! Кто же с тобой поедет, даже если я и согласился бы?

Старики шепчутся.

2-й с т а р и к. Мы пойдем. Раз воля покойного. Мы дорогу знаем.

П о с п е л о в. Отлично. Но не тяжело ли это для вас будет? В летах вы уже.

1-й с т а р и к. Нам что ходить, что сидеть — все равно устаем.

П о с п е л о в *(еще сомневаясь)*. Ваша воля.

Ш у р и к. Они же только вышли, Аркадий Абрамович. Мы их через час нагоним. *(Видя, что тот*

колеблется.) И сразу обратно. *(Прячет записку за курточку.)*

Поспелов. Ну, пойду выберу лошадей... поспокойней да побыстрей! *(Уходит.)*

1-й старик. Поедим, да и в дорогу. *(Шурику.)* Покушаешь с нами?

Шурик *(сердито)*. Я не хочу есть. Ешьте сами.

2-й старик. Да ты не сердись. Конечно, можно и потом поесть, в дороге.

1-й старик. Зайдем домой собрать кое-что и поедем. Через пятнадцать минут едем.

Шурик *(весело)*. Едемте, дедушки. Я видел, как они пошли. Я поведу вас. *(Решительно идет вперед.)*

Старики идут за Шуриком; он выходит прямо вперед. Занавес за ним закрывается.

ИНТЕРМЕДИЯ ТРЕТЬЯ

Шурик появляется на просцениуме с Виленом.

Шурик. Видишь — я скоро. Через пятнадцать минут я еду в тайгу. Вдогонку за нашими. Я узнал, где золото. Смотри! *(Вынимает записку и тихо читает ее Вилену, оглядываясь, чтобы никто не услыхал.)* Здорово, да? Ну, я пойду. Сколько минут прошло?

Вилен. Минуты две... Ты, главное, следи хорошенько, чтобы лошадям не перерезали жилы. Это часто бывает.

Шурик. Но там столько народу.

Вилен. А ночью? Ночью все спят.

Шурик. Я не буду спать. Ни разу. Пока не найдем золото.

В и л е н. Не спать нельзя. Ты днем спи, а ночью стереги.

Ш у р и к. Ладно. Сколько минут прошло?

В и л е н. Минут пять.

Ш у р и к. Как долго.

В и л е н. Конечно, если скучно, так иди... *(Садится, начинает выстукивать какой-то мотив.)*

Ш у р и к. А я знаю, что ты сейчас стучишь.

В и л е н. Что?

Ш у р и к. Ну, еще, сначала... Та-та-та-та-та-та... *(Начинает петь песню.)*

Вилэн немного погодя присоединяется к нему, и они поют вдвоем.

В и л е н и Ш у р и к
(поют «Песню двух друзей»)

Под вспышки молний грозовых —
Не маленькие дети —
Идут два друга молодых
По пожилой планете.

Сквозь цепи гор, сквозь чертов мост,
Бегом через овраги...
Догнать пытается норд-ост,
Но где ему, бедняге!..

Проходят вместе сто дорог
Друзья высокой пробы,
И океан притих у ног
И просится на глобус...

Мы вышли с самого утра,
И мы весь день в движенье,
И дети нашего двора
В огромном удивленье!..

Последние слова песни они поют, уходя. На сцене пусто. Пауза. Потом появляется Шурик; за ним два старика с котомками.

Шурик
(входит, напевая)

Под вспышки молний грозовых —
Не маленькие дети —
Идут два друга молодых
По пожилой планете...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Тайга. Рассвет. Лагерь экспедиции. В и к т о р на дереве. Внизу К а т я с полотенцем.

В и к т о р. Ка-тя!

Катя озирается, никого не видит.

Екатерина Борисовна!

К а т я *(озирается)*. Кто это?

В и к т о р *(басом)*. Лесной зверь.

К а т я *(поняв игру)*. Медведь?

В и к т о р. Нет. Куница.

К а т я *(замечает его)*. Как живете, товарищ куница?

В и к т о р. Да понимаешь, Катюша, неважно.

К а т я. Почему, товарищ хорек?

В и к т о р. Понимаешь, я ловкий, я быстрый. Мне хочется сделать для экспедиции что-нибудь такое, чего другой не может. *(Грустно.)* Вот я и лазаю по деревьям.

К а т я. Огромная польза для экспедиции.

В и к т о р. Ну, а если я не сделаю ничего выдающегося? Ты будешь ко мне хуже относиться?

К а т я. Нет, я подожду.

Виктор. Долго?

Катя. До следующей экспедиции.

Виктор. А если я и тогда не совершу ничего выдающегося?

Катя. Неважно. Я знаю, что ты можешь совершить.

Виктор *(радостно)*. Значит, куница для тебя не совсем чужой зверь?

Катя. Да. Я люблю зверушек. Ну, надо будить экспедицию. *(Кричит петухом.)*

Входят Иван Анисимович, Шурик и два старика.

Иван Анисимович. Что такое? Откуда здесь петух взялся?

Шурик. Это не петух, а курица. Мокрая курица.

Катя *(лицемерно-заботливо)*. Иван Анисимович! Когда вы Шурика обратно отправите? Жалко ребенка, он ведь устанет.

Иван Анисимович. Да, Шурик, ты нам очень помог. Но все же пора тебе возвращаться. И так далеко зашли. Что же ты нас так поздно догнал вчера? Ходок!

Шурик. Так, папа,— дедушки не могут же быстро идти. И там, где нельзя было ехать, они плелись медленно-медленно...

Старики встают.

1-й старик *(Шурику)*. Ты зачем выдумываешь? Ведь сам просил помедленней...

2-й старик. Сначала гнал как сумасшедший, а потом вдруг начал задерживать.

1-й старик. Сам говорил: ничего, если к вечеру догоним, а то сразу обратно отправят.

Ш у р и к *(сердито)*. Вы, дедушки, сами не знаете, что говорите... потом, папа, ты обещал меня Сашей звать, а не этим девчонским именем.

И в а н А н и с и м о в и ч. Верно, обещал. Ты извини, запамятовал. Сразу так не привыкнешь. Ну, Саша, спасибо да собирайся в обратный путь...

Ш у р и к. А может быть, папа...

И в а н А н и с и м о в и ч. Нет, нет, сынок. И речи об этом не заводи.

Шурик грустно уходит. Катя берет ложку и ударяет по кастрюле, как в гонг. Входят Т а н я, В а н я и Я к о в.

К а т я. Десять минут на мытье. Все знают, где «водопровод»? Слева. Теплый кран не работает.

Т а н я. День-то какой, Ваня!.. Солнышко!..

В а н я *(смотрит на нее)*. Да... Здравствуй, солнышко!

Яков собирает вещи. Появляются п р и и с к а т е л и и с т а р а т е л ь.

С е р а ф и м. Катя! Как насчет пожевать?

К а т я *(басом)*. Сейчас соберу!

Молодежь уходит. Через сцену, озираясь, проходит Х р о м о й.

К о л ы б е л ь н ы й. Не нравится мне этот Хромой...

Ф е д о р о в и ч. Надо было только с нашего бараку людей брать.

С е р а ф и м. Вчера Ваню напоил...

С т а р а т е л ь. Как видно, вредный человек.

Ф е д о р о в и ч. Очень вредный...

К а т я с засученными рукавами вбегает, берет что-то из мешка.

К а т я. Мыться, дяди, мыться! *(Убегает.)*

К о л ы б е л ь н ы й. Мыться?

С е р а ф и м. Ну, раз мыться так мыться!..

Берут полотенца. Уходят. Входит И в а н А н и с и м о в и ч.

И в а н А н и с и м о в и ч *(кричит)*. Шурик!..

С т а р а т е л ь *(вбегает)*. Лопни мои глаза, я их вчера видел! Так в кусты и шуганули. На одном мой зипун. Он его прихватил, еще когда они удирали да меня одного в тайге бросили! Ух, до золота они жадные, боже мой!

Т а н я *(проходя)*. Вы почему говорите «боже мой»? Вы что — верующий?

С т а р а т е л ь. Нет. Я не очень верующий. Это я так — по привычке.

Т а н я *(сурово)*. Отвыкать надо!.. *(Уходит.)*

И в а н А н и с и м о в и ч *(старателю)*. Пойдем, покажи, где ты их видел.

Уходят. Остаются два старика. Короткая пауза. Вбегает Ш у р и к. У него возбужденный вид, в руке зажат рак.

Ш у р и к. Дедушки, смотрите!.. *(Спохватывается и отворачивается.)*

1-й с т а р и к. Ну, покажи, покажи...

Ш у р и к. Нет, ничего. *(Отходит.)*

2-й с т а р и к. Обиделся. Нравный.

Молчание.

Ты что же надулся?

Ш у р и к. Вы зачем папе рассказали? Он потому меня и не оставил.

2-й с т а р и к. И не потому вовсе... Да ты не сердись. Как мы с таким сердитым поедем?

1-й старик. Мы отцу скажем, что в шутку это выдумали.

Шурик. Теперь уже поздно.

2-й старик. Давай по-хорошему. Помиримся.

Шурик *(ворчливо)*. По-хорошему, по-хорошему... *(Молчит. Потом вдруг неожиданно любезно.)* Давайте по-хорошему, дедушки!

1-й старик. Так и мы говорим... Чего ж...

Шурик. Вот что... По секрету... *(Подходит к ним и начинает возбужденно что-то шептать.)*

2-й старик *(громко)*. В овраге, говоришь?

Шурик *(в ужасе)*. Тише, дедушки! По секрету. *(Продолжает что-то шептать.)*

1-й старик *(громко)*. Один останешься?

Шурик. Тише! Неужели нельзя тише? *(Продолжает шептать.)*

2-й старик. Как-то неладно получается...

Шурик *(обиженно)*. С вами не сговоришься...

1-й старик. Опять рассердился. Уж и не знаю...

Шурик *(топает ногой)*. Ну, дедушки!

1-й старик *(немного испуганно)*. Да ладно, ладно.

2-й старик. Не совсем ладно...

Шурик досадливо ударяет кулаком.

Ну, да ладно. Все равно ведь по-своему сделаешь.

Шурик убегает.

Упорный!

1-й старик. Характер есть. Младший мой такой был. Партизан.

Уходят. Входит Ваня. За ним — Таня.

Т а н я. Ваня, ты ничего не ешь.

В а н я. Не хочется, Танюша. Голова болит.

Т а н я *(зло)*. Выпил вчера лишнее... Скажи, когда смешивают разные вина — это называется «ерш»?

В а н я *(недоумевающе)*. Да...

Т а н я. А по-моему, «ерш» — это не тогда, когда пьют разные вина, а когда пьют с разными людьми. Зачем ты пьешь? И с кем попало. Вот с этим Хромым...

В а н я *(сердито)*. Все знаю, все, что скажешь. Сначала общая часть о вреде алкоголя, затем подробное развитие темы о том, какой я ужасный...

Т а н я *(зло)*. Что ты, что ты! Наоборот. Мне так нравятся твои недостатки. Ах, как мне нравятся твои недостатки! Так мило, когда ты напиваешься и еле ноги волочишь. Глаза становятся красными, как у кролика...

В а н я *(злобно)*. Перестань...

Входят И в а н А н и с и м о в и ч и другие у ч а с т н и к и э к с п е д и ц и и.

И в а н А н и с и м о в и ч *(старикам)*. Мы вас проводим немного, до конца хребта. Надень Танину кофточку, Шур... Саша, на случай дождя.

Шурик покорно надевает вязаную кофточку.

К а т я. Прелестная, очаровательная девочка.

Ш у р и к *(вспыхивает, но сдерживается)*. Хорошо, что не старая дева. Правда, тетя Катя?

К а т я *(качает головой)*. Что-то он подозрительно послушный. Едет без возражений, женскую кофточку надел...

И в а н А н и с и м о в и ч. Прощайся, и едем.

Ш у р и к. До свиданья, товарищи! До свиданья, Виктор!

Виктор. Мы вас проводим.
Охотник. Добрый путь!
1-й старик. Всего вам хорошего.
2-й старик. Золото найти...
1-й старик. ...да поскорей прийти.
2-й старик. Ни пуху...
1-й старик. ...ни пера!

Все уходят. Из-за камня поднимается Моисей. Он потягивается, зевает, затем выбегает на середину сцены и начинает делать гимнастику.

Моисей. Который час, Яша?

Никто не отвечает.

Никого! Неужели ушли?

Входят Хромой и Ваня.

Ваня *(тихо)*. Подожди. Я сейчас уберу нашего ученого. Моисей! Там Иван Анисимович поднял сейчас кусок малахита, что ли, и уверяет, что это не может быть местным, а завезено.

Моисей. Хорошо. Я сейчас. *(Хочет надеть ботинок.)* Ух, что такое? *(Вынимает оттуда камень, удивленно.)* Зернистый кварц с золотистым пиритом!.. *(Сосредоточенно уходит.)*

Хромой. Ну, то ли, се ли, а по маленькой. *(Наливает две рюмки спирта. Чокается с Ваней.)*

Таня *(внезапно подойдя)*. А мне?

Хромой и Ваня смущены.

Хромой. Как же вам, барышня? Это спирт.

Ваня. Это не для женщин, Танюша. Питье золотоискателей.

Таня. А я, по-твоему, не золотоискатель?

Хромой. Рюмок у меня только две...

Таня. А я стаканом! *(Берет стакан Моисея, выплескивает остатки чая.)* Плесните-ка.

Хромой нерешительно наливает немного.

Еще, еще, не бойтесь. Мы привычные. Ну, опрокинем! Вот и выпили. Друзья все должны делить вместе. Ты ведь мне друг?..

Ваня. Друг.

Таня. Тогда выпьем еще.

Ваня. Хватит. И вообще мне это не нравится.

Таня. Неужели?

Хромой незаметно уходит.

Не хочешь? Как угодно. Ну, что ты такой мрачный? Все хорошо, все замечательно. И главное — море по колено. Ты ведь ш-широкая натура... И никого не надо. Меня не надо! Экспедиции не надо!

Ваня хочет что-то сказать.

Молчи! И пей, пей, Ванюша!

Ваня берет ее за руку.

Не трогай меня!.. А где твой приятель? Хромой ворон! Похож он на ворона? Все похожи на какое-нибудь животное. Ты на верблюда похож. Хоть и красивый, а верблюд. Катя — на зайчика. А я на кого? На кого, на кого?

Ваня. Не знаю... На себя ты сейчас не похожа.

Таня *(с пьяной настойчивостью)*. На кого, на кого? Нет, ты скажи, на кого?

Ваня. На пьяную...

Таня. Сам ты пьяный. Я могу пройти по прямой. *(Идет напряженно, но спотыкается.)* Пьяные песни

поют. Всякие старые песни... *(Идет, шатаясь, поет.)* «Бывали дни веселые...» *(Спотыкается, падает.)*

Входит Катя.

Катя. Что с тобой, Танюша?

Таня. Мне как-то нехорошо... Так все вертится, и всего помногу... Тебя, Катя, три... Ваней... Ваней шесть... восемь... Я хотела отучить Ваню пить и притворилась, что я пьяная...

Катя. Кажется, ты действительно выпила. Пьяным всегда кажется, что они притворяются.

Ваня. Танюша! Милая! Какая ты бледная!.. Бледная моя!.. Бедная моя...

Катя. Что же делать? Ей надо поспать. Нам надо идти...

Таня. А я пойду... Вот я иду... иду... *(Ложится.)*

Катя. Ей надо поспать. Нам надо идти... и надо, чтобы Иван Анисимович не узнал. И вот — я дежурная. И вот все идут. Надо что-нибудь придумать! Надо что-нибудь придумать! Отнеси ее туда!

Ваня уносит Таню.

Надо что-нибудь придумать!

Входят участники экспедиции. Впереди Иван Анисимович. У Кати на лице невыразимая боль.

Иван Анисимович. Что за фокусы, Екатерина?

Катя *(дико кричит)*. А-а-а-а... *(Падает, корчится.)* Живот б... болит...

Виктор *(бросается к ней)*. Катюша! Что, очень болит? Может быть, отравление?

Катя. Оч-чень... *(Ивану Анисимовичу.)* Но у меня это иногда бывает. Часа два поболит и пройдет.

В и к т о р. Что ты говоришь! Никогда этого у тебя не бывало.

К а т я *(сердито)*. Кому лучше знать! А-а-а-а...

И в а н А н и с и м о в и ч. Надо что-нибудь предпринять. Аптечку! *(Уходит с Виктором за аптечкой.)*

С е р а ф и м. Горячие камни на живот хорошо.

К о л ы б е л ь н ы й. А то паром еще, над кипятком подержать. Кожа слезет, боль как рукой снимет.

С т а р а т е л ь. С мух еще настой пьют. С перцем.

Ф е д о р о в и ч. Лягушку еще настоять да выпить. Очень помогает.

От каждого нового предложения Катины глаза раскрываются все шире от ужаса.

К а т я. Нет, у меня уже проходит. Я чувствую, что сейчас пройдет. *(Видит приближающегося Ивана Анисимовича.)* А-а-а-а...

В и к т о р *(вбегает)*. Иван Анисимович! Иван Анисимович!

И в а н А н и с и м о в и ч. Что такое?

В и к т о р. Лошади и весь провиант пропали. Яков бросился вдогонку! Наперерез, через овраг!

Катя вскакивает.

И в а н А н и с и м о в и ч *(Кате)*. Лежи. *(Остальным.)* За мной!

Убегают. На сцене одна Катя. Она напряженно смотрит вслед убежавшим. Очень конспиративно, ползком на животе, появляется Ш у р и к.

Ш у р и к. Никого!

К а т я *(хватает его за шиворот)*. Если я — никто!

Ш у р и к *(барахтается у нее в руках)*. Катя! Катюша! Ты меня не выдашь?

Катя. Выдам! Обязательно выдам!

Шурик. Понимаешь, Катя, дедушки отпустили меня. Я вернулся. Я не могу, чтобы все было без меня! Катя! Ты не знаешь, куда пошел Моисей? Один... Далеко...

Катя *(растерянно)*. Моисей?.. Один?.. Не знаю...

Вбегает разъяренный охотник. Он набивает сумку патронами.

Что? Что случилось?

Охотник *(кричит)*. Украли продукты! И лошадей угнали! Нагоним! И лошадей вернем!

Шурик и Катя убегают. Входит Хромой. Он тяжело дышит, будто устал от погони, садится. Охотник поднимает ружье и целится в сторону Хромого. Хромой в ужасе старается увильнуть из-под направленного на него дула.

Хромой. За что же? Почему?

Охотник *(отводит ружье)*. Прицел проверяю!

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

На просцениуме Шурик и Вилен.

Шурик. Тогда медведь бросается на него. Охотник стреляет, а выстрела нет. Стреляет опять. Осечка. Тогда медведь начинает его рвать когтями, но он наносит ему удар ножом прямо в сердце. Медведь падает, и охотник падает рядом с ним, весь в крови...

Вилен. Умер?

Шурик. Жив. Только без сознания. Рука, правда левая, вся изранена. Знаешь, от верха вот досюда.

(Показывает ниже локтя.) Ведь это Великий Охотник. Он никогда в жизни не промахнулся!

Вилен. Ну, а провиант нашли?

Шурик. Нет.

Вилен. Ты-то что смотрел?..

Пауза.

Шурик. И еще Моисей пропал. Второй день нету. Исчез.

Вилен. Я бы его нашел! Я бы его наверное разыскал! Эх ты!.. Много ты им помогаешь!..

Шурик *(вспыхивает)*. Много. Кто узнал, где золото?

Вилен. Узнал!.. А записал не все. Ищи теперь!.. Восьмая! А что — восьмая?.. Гора, река, верста?..

Шурик. Так он же умер, Вилен! Начал говорить и... умер!

Вилен. Подумаешь! Это бы и Катька записала, если бы случайно узнала.

Шурик. Катька? Катька не могла бы этого узнать! Такая трусиха... И вовсе не случайно. Что-то у других таких случаев нет.

Вилен. А я почем знаю — есть или нет. Я там не был.

Шурик. Ну, не был, так молчи. И вообще мне некогда. Это тебе нечего делать, а я занят... Прощай!.. *(Поворачивается. Бормочет.)* «Случайно»!

Вилен. Пожалуйста. Я тоже занят. *(Вслед уходящему Шурику.)* У меня, может, дела поважнее! Как будто он один у меня товарищ! У нас в классе все отличные ребята. Могу со всеми дружить. Могу и ни с кем не дружить. Чего, в самом деле! Вот Гоголь один был, без товарищей, а потом взял и написал «Ревизора»... Стану я тут время терять!.. *(Прочно усаживается.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ваня
(у освещенного кресла на просцениуме)

Мы не ждали никакого чуда,
Сами мы творили чудеса,
Потому что слышали — повсюду
Дружеские пели голоса.

И когда единственного друга
Я просил у родины моей,—
Шел со мной сквозь ветер и сквозь вьюгу
Миллион единственных друзей...

Свет у кресла гаснет. Свет на сцене. Золотая Долина. Возле лежащего охотника стоит Иван Анисимович. В стороне двумя группами расположились прискатели и девушки.

Охотник *(открывает глаза, приподнимается)*. Мое ружье тридцать лет не давало осечки... Я стал стар.

Пауза.

Хромой. Принесла нас нелегкая...

Федорович. Уж и не говори.

Серафим *(неопределенно)*. М-да...

Колыбельный. Родился в тайге, жизнь прожил, седеть начал, а в Долину эту проклятую ходить берегся.

Таня. Жалко охотника.

Катя. Ничего, он поправится.

Таня. А если рука не будет действовать?

Катя. Вряд ли. Ну, можно жить и без руки.

Т а н я. Без руки? Лучше умереть, чем быть калекой.

К а т я. Нет. Лучше жить. Можно гулять, бегать, плавать даже...

Т а н я. А если без ноги?

К а т я. И без ноги. Можно читать, сидеть на солнышке, смотреть на облака.

Т а н я. А если без глаз?

К а т я. Все равно: слушать стихи, музыку, самому играть, цветы нюхать.

Т а н я. А без ушей?

К а т я. Тогда... думать можно... сочинять, дышать... есть мороженое.

Появляются Я к о в, В и к т о р и с т а р а т е л ь. Все напряженно смотрят на них.

И в а н А н и с и м о в и ч. Моисей?..

Я к о в. Никаких следов.

И в а н А н и с и м о в и ч. Так...

В и к т о р. Что с охотником?

И в а н А н и с и м о в и ч. Поправится... *(Пауза.)* Вчера он говорил, что собирается на медведя. А сегодня ружье дало осечку. *(Протягивает молодежи ружье.)* Как видите — боек сбит...

С т а р а т е л ь. Чья-то рука работает.

Х р о м о й. Кто бы это мог сделать?

И в а н А н и с и м о в и ч *(ходит по сцене)*. Это не первый случай. Пытались обменять лошадей — не вышло! Украли продукты — попытка вернуть нас — не вышло! И теперь... Мы остаемся без проводника и почти без продуктов. Расчет на срыв экспедиции. Не выйдет!.. *(Пауза.)* Но вернуться придется.

Т а н я. Но мы не хотим возвращаться. Надо спешить.

Иван Анисимович. Чай организуй, Танюша... *(Уходит в палатку.)*

Молодежь шепотом о чем-то совещается.

Шурик *(осматривает ружье)*. Чья-то рука работает... *(Вздрагивает, наклоняется очень низко.)* Рука, выпачканная в желтой глине... Нет, розовой... нет, розовато-желтой... *(Взволнованно поднимается, подходит к прискателям, незаметно начинает разглядывать их руки.)*

Серафим. Закурим с горя.

Прискатели набивают трубки. Серафим зажигает трубку и дает прикурить Колыбельному и старателю.

Федорович *(тушит спичку)*. Третьим не прикуриваю.

Шурик *(разглядывает их руки)*. А почему третьим нельзя прикуривать, дядя?

Федорович. К смерти это...

Шурик *(презрительно)*. Все суеверие...

Пауза.

Катя. Ну, бросим жребий, и Шурик принесет воды.

Шурик *(сердито)*. Если жребий, то еще неизвестно,— может, ты принесешь.

Серафим *(поднимаясь)*. Костер, что ли, разжечь?

Колыбельный. Чайком побаловаться, что ли?

Серафим и Колыбельный уходят.

Яков *(передает Шурику чайник)*. Принеси воды.

Шурик. Ладно. *(Замечает выпачканные руки Якова. Испуганно.)* В чем у тебя руки, Яков?

Я к о в *(спокойно)*. Глина. Трудно смывается. *(Отходит.)*

Ш у р и к *(хочет пойти за ним, потом бросается к отцу)*. Папа! *(Трагическим шепотом.)* Папа! Я знаю, кто похитил продукты, кто сбил боек охотнику! Смотри! *(Тащит его к ружью.)* Видишь?

И в а н А н и с и м о в и ч. Вижу. Глина... Желтая. Нет, розовая... нет, розовато-желтая...

Ш у р и к. Теперь ты понимаешь?

И в а н А н и с и м о в и ч. Нет. Не понимаю.

Ш у р и к *(таинственно)*. Следы этой глины должны быть на руке преступника!

И в а н А н и с и м о в и ч. Гениально! Ну что же, арестуй меня. Я преступник. *(Поднимает руки; они в глине.)*

Ш у р и к *(в ужасе)*. Ты?

И в а н А н и с и м о в и ч. Я. Но у меня был соучастник: мой собственный сын. Подними руки!

Шурик поднимает руки,— они в глине. Шурик сконфужен.

Эх ты, Шерлок Холмс!..

В а н я *(негромко)*. Ну, давайте я скажу. *(Нерешительно.)* А он скажет, что мы не знаем дороги.

Т а н я. А ты скажи, что уже и не надо. Мы уже у самого озера.

В а н я. Хорошо. *(Останавливается.)* А он скажет, что нельзя оставить охотника.

К а т я. А ты скажи, что мы его на носилках понесем.

В а н я. А Моисей? Так и не будем больше ждать его?

Я к о в. Кто-нибудь останется ждать.

В а н я. Я скажу. *(Громко.)* Иван Анисимович!

(Тише.) Я хочу... то есть мы хотим, мы просим вас идти дальше.

Иван Анисимович. А кто нас поведет?

Яков. Мы уже совсем близко. Мы сами пойдем.

Иван Анисимович. А продукты?

Таня. Мы можем меньше есть.

Иван Анисимович. Не годится — меньше есть. Работать надо.

Виктор. Дичи настреляем.

Таня *(упрямо)*. Мы не можем остановиться. Мы не будем больше ждать!

Виктор. У нас есть задание. Мы должны его выполнить.

Яков. И мы его выполним!

Старатель. Уж ты, Иван Анисимович, им уступи. Вернуться — пути не будет.

Катя. Ну, будем рисковать. Мы ведь ждали препятствий!

Ваня. Мы понимаем — вы о нас заботитесь.

Таня. Не надо о нас заботиться! Не надо думать о нас, как о детях. Я не только твоя «маленькая Танюша!». Я геолог! Я член экспедиции! Я комсомолка! Я верю в героев. Это Ваня. Это Яков. Это Виктор...

Виктор. Это ты, это Катя...

Яков. Мы идем, Иван Анисимович!

Иван Анисимович. А Моисей? Так и бросим товарища одного в тайге?

Виктор. Я могу остаться.

Яков. Или я...

Катя. Я могу остаться...

Старатель *(восхищенно)*. Ну и ребята! Золото, а не люди! Чистое золото!

Иван Анисимович. Хорошо еще раз убедиться в том, что имеешь дело с мужественными людьми.

Катя *(радостно)*. Значит, мы идем дальше?!

Иван Анисимович. Нет.

Виктор. Мы возвращаемся?

Иван Анисимович. Нет.

Таня *(в отчаянии)*. Что же мы делаем? Я не понимаю...

Иван Анисимович. Мы остаемся на месте ждать помощи. Разыскивать Моисея.

Тягостное молчание. Иван Анисимович обнимает Таню.

Нас ведь послали в экспедицию?

Таня молчит.

Послали?

Таня. Послали.

Иван Анисимович. Значит, о нас думают?

Таня. Думают.

Иван Анисимович. Значит, помогут?

Таня. Помогут.

Иван Анисимович *(всем)*. Значит, помогут. *(Подходит к охотнику.)* Катюша! Где йод? К тебе в мешок не попал?

Катя. Не знаю. Может быть. Да, кажется, у меня. Сейчас посмотрю. *(Нехотя поднимается.)*

Иван Анисимович. Сиди. Я сам. *(Открывает ее мешок.)* Да что это у тебя тут? *(Достает лакированные туфли на высоких каблуках.)* Зачем тебе бальные туфли в тайге?

Катя *(достает йод, смущенно)*. Просто так. Если сапоги порвутся. Вот йод. *(Отходит.)*

В и к т о р. Она без своих лакированных туфель шагу не сделает. Если бы ее послали открывать Северный полюс, она бы их с собой обязательно взяла.

К а т я. Ерунда какая! Случайно захватила.

Шурик тихонько надевает туфли и, смеясь, делает несколько шагов.

(Оглядывается, кричит.) Сними! Сейчас же сними! Растопчешь...

Шурик ковыляет от нее. Катя бежит за ним.

С е р а ф и м. Сними Катины туфли.

Шурик спотыкается, падает, снимает туфли и, с ужасом увидев оторванный каблук, поспешно укладывает туфли в Катин мешок. Катя подходит к мешку и садится на него.

К а т я. И без того плохо. Нашел время для шалостей!..

Шурик притихает.

В и к т о р *(взобравшись на скалу)*. Мо-и-сей!..

Молчание.

Ф е д о р о в и ч. А вот месяц молодой. Ему надо через левое плечо золото показать. Тогда непременно золото будет.

Ш у р и к *(заинтересованно)*. Ну? *(Спохватывается.)* Все суеверие... У меня и золота-то никакого нет. *(Достает из кармана медную монету, пробует натереть ее о сапог, чтобы она блестела, как золотая; понимая, что это безнадежно, прячет монету в карман, подходит к Тане и тихо говорит.)* Таня, у тебя ничего золотого нет?

Т а н я. Никогда не бывало.

Ш у р и к. Я так и думал. *(Помолчав.)* Папа, дай мне на минуту твое золотое... вечное перо.

И в а н А н и с и м о в и ч *(протягивает ему ручку)*. Не сломай.

Шурик отходит.

Катюша, смотри, как все носы повесили. Развесели их.

К а т я. Кажется, у меня не получится.

И в а н А н и с и м о в и ч. А ты попробуй.

Катя опускает голову и молчит.

Ш у р и к *(небрежно Федоровичу)*. Через какое плечо-то золото показывают?

Ф е д о р о в и ч. Через левое.

Ш у р и к *(презрительно)*. Все суеверие. *(Отходит. Открывает перо и, озираясь, показывает его месяцу.)* А черт его знает...

Катя видит эту сцену и хохочет. Шурик смущается и подходит к ней.

В а н я. С чего это веселье?

В и к т о р *(убежденно)*. Истерика.

К а т я *(смеется)*. Ох, я вам скажу... *(Смотрит на Шурика.)* Ох!..

Ш у р и к *(тихо Кате)*. Если ты скажешь... я... клянусь, оторву тебе каблуки на лакированных туфлях...

И в а н А н и с и м о в и ч *(Кате)*. Что тебя вдруг разобрало?

К а т я. Знаете... знаете...

Шурик, глядя на Катю, делает жест, будто отрывает каблук.

Вспомнила... вот вы сами угадайте — кого? *(Снимает тужурку, прячет за нее лицо и изредка выглядывает, как Поспелов из-за занавески в первой картине второго действия.)* Я человек деловой. Вам нужны золотоискатели? Их не будет. Вам нужны лошади и проводники? Их не будет. Почему? Жалко! *(И, как Поспелов, меняя тон.)* Милые мои! Вы себе не представляете, как я вам рад. Очень рад. Душевно рад. *(Жмет всем руки. Виктору.)* Ну ты, малышка-коротышка...

В и к т о р. Неинтересно.

Входит П о с п е л о в.

П о с п е л о в. Напротив, очень интересно. Здесь как будто изображают одного моего хорошего знакомого.

В с е *(шумно приветствуют его)*. Аркадий Абрамович! Дорогой! Здравствуйте. Каким образом?

Шурик вскарабкался ему на спину.

П о с п е л о в. Очень обыкновенным. По советскому закону, каждому гражданину полагается отпуск. Значит, и мне. Ну где, думаю, провести отпуск? В Ялту ехать? В Сочи?.. Во-первых, далеко, во-вторых, неинтересно. Дай, думаю, навещу Ивана Анисимовича и малышку-коротышку. Я человек деловой. Во-первых — свежий воздух, во-вторых — друзья, в-третьих — отпуск пройдет. Вот и отправился. Думаю, возьму-ка я с собою всего побольше, месяца на три. Мало ли что. Несчастье могло быть, и продовольствие пропало... Так чтобы не быть в тягость... Дедушки вот меня повели. Они эту Долину как свои пять знают...

Входят о б а с т а р и к а.

Таня. Боже мой! Мы идем дальше!

Яков. Отлично.

Иван Анисимович *(тихо Поспелову)*. Я тебя с утра жду. Пойдем поговорим.

Уходят.

Катя. Вот если быть суеверной, как некоторые *(насмешливо смотрит в сторону Шурика)*, то можно сказать, что это я его приговорила.

Виктор. Ну конечно, ты. Кто же в этом сомневается?

1-й старик *(Шурику)*. Здравствуй, партизан. Как поживаешь?

2-й старик. Да что ты опять недовольный? Нас, что ли, не рад видеть?

Шурик. Нет. Я рад. Очень рад! Здравствуйте, дедушки.

1-й старик. Попало тебе тогда от отца-то?

Шурик. Не очень. *(Увидев входящих приискателей, кидается к ним. Старикам.)* Ну, я потом вам расскажу.

Входит Иван Анисимович.

1-й старик. Спешит все...

Иван Анисимович. Ну, дедушки, вы решаете. Поведете?

1-й старик. А конечно. Раз воля покойного...

2-й старик. Только что, может, не так быстро.

Иван Анисимович. Не быстро! Нас-то вы как догнали!

Поспелов. Ну, вы шли, да копали, да оглядывались, а мы по вашим следам...

1-й старик. Да спим мы, старики, меньше, чем молодые.

2-й старик. Да не спешим. Не спеша-то иной раз быстрее выходит. По-хозяйски идем. Зарубки делаем.

Шурик *(про себя)*. Зарубки? Это дело.

Хромой. Это кто же пойдет? Мне еще голова дорога. Я дальше не пойду. *(Отходит в сторону.)*

Серафим. Почему не идти?

Колыбельный. А что же. Хромой дело говорит. Чего себя губить. *(Отходит и садится рядом с Хромым.)*

Федорович. Нечистая Долина. И галки вчера не к добру кричали. *(Садится рядом с Хромым и Колыбельным.)*

Иван Анисимович. Так вот. Экспедиция разбивается на две партии. Одна партия, с Поспеловым, остается здесь с охотником и разыскивает Моисея. Остальные вперед!

Катя *(вскакивает на камень)*. Экспедиция идет дальше!

Иван Анисимович. В дорогу, товарищи!

Шурик. Идем! Выходим!

Катя. Иван Анисимович! Разве Шурик не остается здесь?

1-й старик. Нет. Уж он с нами. Нам без него скучно.

Яков. Кликнем еще раз Моисея! Мо-и-сей!

Молчание. Дальнее эхо. Снова молчание.

Иван Анисимович. Пошли!

Старики
(затягивают песню)

Вдоль да по речке
Плыли две дощечки...

Остальные подхватывают:

Январь, февраль, март, апрель —
Плыли две дощечки...

На одной дощечке
Плыли две овечки...

Январь, февраль, март, апрель —
Плыли две овечки...

На другой дощечке
Ехал дед на печке...

Январь, февраль, март, апрель —
Ехал дед на печке...

Участники экспедиции трогаются в путь. Поспелов их провожает. Оставшиеся смотрят им вслед, приветственно машут руками. Короткая пауза. Поспелов уходит. Остальные рассаживаются. Молчание.

Федорович. Ну что же... Разве сказку досказать?..

Хромой. Это про черта с керосином?

Федорович. Ну да.

Хромой. Доскажи.

Федорович. Ну вот... Значит, выпил черт этого керосину, жажду свою утолил и идет себе дальше. Ну и попадается ему навстречу человек. Простой человек. Обыкновенный. Незначительный. Ну и вынимает этот человек револьвер *(вынимает револьвер)*, уставляет его в лицо черту *(направляет револьвер в лицо Хромому)* и говорит: «Руки вверх!»

Хромой *(недоумевая, медленно поднимает руки)*. Это он черту?

Федорович. Нет, это я тебе.

Хромой. Ты это серьезно?

Колыбельный *(набрасывается сзади на Хромого)*. Очень серьезно.

Федорович. И выходит, милый человек, что не я чертей боюсь, а меня черти боятся!

Входит Поспелов.

Есть!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

В а н я
(в освещенном кресле на просцениуме)

Через необъятные края
Проплывает выдумка моя,
Сквозь леса фантазий вековых
Я веду товарищей своих.

В эту ночь товарищам не спится,
По дорогам сказки молодой
Звери рыщут и взлетают птицы
Под моей неопытной рукой.

Свет у кресла гаснет.

Пещера. Наверху — ветер, дождь, буря. В пещеру спускаются И в а н А н и с и м о в и ч, К а т я, Т а н я, В и к т о р, с т а р а т е л ь, д в а с т а р и к а, В а н я, Ш у р и к, С е р а ф и м; все мокрые, отряхиваются.

К а т я. Ужасный дождь. Я совершенно промокла.

В и к т о р. Чудесный дождь. Он освежает...

И в а н А н и с и м о в и ч. Веселей, веселей, ребята!

Серафим. Веселого мало. Роем, роем — нет золота. Соврал покойник-то...

1-й старик. Еще покопать надо кругом.

2-й старик. Покойный — он не обманывал. Правдивый человек был. Золото есть. Его найти надо.

Иван Анисимович. Поищем. Мы уже у самой цели.

Катя *(бродит по пещере, вдруг на что-то натыкается, испуганно отскакивает)*. Медведь! Медведь!

Общее движение.

Иван Анисимович. Что такое?

Все собираются вместе и напряженно смотрят на находящийся в пещере маленький грот. Виктор швыряет туда камень, затем второй. Напряженное ожидание. Иван Анисимович и Серафим прицеливаются.

Ваня *(выскакивает из грота)*. Не стреляйте. Это Моисей! *(Зажигает фонарь.)*

Фонарь освещает Моисея. Возгласы: «Моисей!»

Моисей *(выползает из грота)*. А!.. Привет, друзья! Очень рад вас видеть!

Иван Анисимович *(сурово)*. Где ты пропадал? Кто тебе позволил уйти одному? Ты в экспедиции!

Моисей *(растерянно)*. Я... Иван Анисимович... Я... Это было так. Я шел по тайге и чувствовал, ну прямо руками, пальцами нащупывал дорогу к золоту. Я боялся потерять след. И я шел. Я шел и шел...

Таня. Боже мой! Три дня? И ничего не ел?

Моисей. Разве три дня? Первое время я, кажется, что-то ел. У меня что-то было с собой... Я совсем не чувствовал голода. Земля стала прикрывать золото чуть-чуть. Я шел, шел. Мне было хорошо, очень хорошо.

Столетние деревья предо мной
Застыли в удивительном молчанье...
Я шел и шел... Я слышал под землей
Золота тяжелое дыханье.

Я шел и шел... Не помню, сколько дней.
Потом присел. Потом пришла усталость.
А золото все звало: «Моисей!
Я близко! Рядом! Я тебя дождалось!

В безмолвном протяжении веков
Я знало: ты возьмешь меня с любовью —
Не в пыльный плен тяжелых сундуков,
Не с криком голода, не со слезою вдовьей!

Для мужества высокого рожден,
Возьми меня! Возьми, хозяин, смело:
В руках у пограничника — ружьем,
Игрушкою — в руках ребенка сделай...»

Я шел тайгой. И дождь шумел ветвями.
И мне казалось все ясней, ясней,
Что счастье падает обильными дождями
Над золотою родиной моей!..

Таня. Моисей! Милый! Мы так о тебе беспокоились!

Иван Анисимович. Боюсь, что ты не понимаешь все-таки, что ты сделал. Нам пришлось из-за тебя разбить экспедицию, часть людей оставить на перевале. Мы не знали, где ты. А нам сейчас нужно быть всем вместе. Мы в тайге не одни. Ты это великолепно знаешь.

Моисей *(виновато)*. Да... я, кажется, поступил

нехорошо. Да, да. Вы правы. Вы правы... Но это больше не повторится, Иван Анисимович!

Иван Анисимович. И поешь, поешь сейчас же! *(Кричит наверх.)* Яков! Сюда!

Яков *(сверху)*. Чего взять?

Катя *(сложив руки рупором)*. Всего! Повкусней и побольше.

Виктор. Для медведя!

Яков *(нагруженный продуктами, спускается вниз. Отряхивается. Видит Моисея. Не верит глазам)*. Моисей?.. Моисей?.. *(Хватает его и кружит по воздуху.)* Моисей! Где ты пропадал, бродяга?

Моисей *(смущенно)*. Ничего... ничего... Я же нашелся, видишь...

Яков. Да. Но как ты сюда забрался?

Моисей *(смотрит наверх)*. Действительно, как я сюда забрался?

Виктор. Медведь...

Ваня. Моисей, я принесу тебе плащ... *(Уходит.)*

Катя *(Шурику)*. Гул туры мур! Кас кас Нафири. *(Вытягивает два пальца.)*

Таня. Что это ты?

Катя. Такое заклинание, чтобы золото найти. Для суеверных.

Шурик *(злится)*. Ты придумай себе заклинание, чтобы жениха найти.

Иван Анисимович *(ходит по пещере)*. Ваня!.. Где же Ваня?

Яков. Ваня! *(Идет к лестнице.)*

Лестница ползет вверх.

Кто? Что это? *(Подпрыгивает, хочет поймать лестницу.)*

Лестница быстро исчезает.

Иван Анисимович *(стреляет наверх)*. В сторону! Левей! Так. Если будут стрелять, сюда не попадут!

Напряженная пауза. Слышен шум дождя и ветра.

Таня. Но там Ваня! Ваня там!..

Серафим. Делать пока нечего...

Старатель. Как видно, нечего...

Иван Анисимович. Поспелов! Как ему дать знать, где мы?

Таня. Но там Ваня! Неужели мы не можем его спасти?

Сверху отверстие заваливается камнем. В пещере сразу становится темно.

Иван Анисимович. Камнем завалили... Зажечь фонари!

Зажигают фонари.

Вот, дедушка, как нескладно получается. Дожил до седых волос, а попался, как мальчишка.

1-й старик. Всяко бывает... Ты еще молод. Поживешь с наше...

Иван Анисимович. Этот выход отпадает. Поищем другой...

Расходятся по пещере. Мелькание фонарей.

Серафим. Пояс подтянуть придется...

Старатель. Да...

Все рассаживаются.

Шурик. Папа! Как в волшебной пещере.

Катя. И ничего волшебного нету. *(Берет камень в руки и говорит тоном старенького профессора.)* Эта

порода называется... *(Вглядывается в камень, подносит его к фонарю и говорит возбужденно.)* Эта порода, если я не ошибаюсь, называется: золото...

Виктор *(вскакивает)*. Золото!

Моисей *(берет камень)*. Совершенно верно, золото! Здесь оно и должно быть.

1-й старик. Оно. Я же говорил.

2-й старик. Оно. Покойный зря не болтал.

Иван Анисимович. Теперь понятно, что такое — восьмая! Восьмая пещера!

Все поворачиваются, поднимают фонари: в их свете пещера искрится золотыми блестками.

Таня *(восторженно)*. Боже мой! Золото!

Иван Анисимович. Тише! Погасить фонари!

Фонари гаснут. Горит только один фонарь — Ивана Анисимовича.

Катя *(тихо)*. Хочется кричать, петь, бросать шапки...

Теперь в темноте стало заметно, что со стороны, противоположной входу в пещеру, пробивается слабый свет.

Смотрите! Смотрите!

Все устремляются к отверстию. Напряженно смотрят.

Иван Анисимович. Нет. Не пробраться.

Виктор. Там и ребенок с трудом пролезет.

Шурик. Я, правда, не ребенок, но, может быть, я пролезу.

Таня *(испуганно)*. Ты? Нет, как же... И не достать.

Шурик. Достать... Ух, мы с Виктором такие упражнения делали! Если он кому-нибудь на плечи, и мои ноги в руки, и поднимет меня к самому верху...

Таня. Папа! Может быть, я попытаюсь? Я ведь тоже маленькая.

Шурик. Нет, тебе не добраться. И потом — тебя увидят.

Таня. Но ведь тебя тоже увидят!

Шурик. Да, но меня трудней догнать. Я здорово бегаю...

Иван Анисимович. Так, молодой человек. Допустим, что здесь вы проскочите. Как же ты дальше дорогу найдешь?

Шурик. А я по зарубкам буду идти. Мы с дедушками зарубки делали!

Старатель. Как видно, развитой.

1-й старик. Вылитый мой партизан...

Короткая пауза.

Катя *(тихо Шурику)*. Ты расскажи охотнику, что я золото нашла.

Шурик. Ты?

Катя. А не я?

Шурик. Так это случайно. Все равно бы нашли. Начали бы копать — и нашли. *(Задумывается.)* Виктор! Послушай. *(Отводит его в сторону.)* Если все будет в порядке и я приведу наших, можно будет сказать, что это случайно я вас выручил?

Виктор. Нет, конечно. Почему же случайно?

Шурик. Так он может сказать, что это потому, что отверстие оказалось узким, а я случайно меньше всех ростом...

Виктор. Кто — он?

Шурик. Да Вилен...

Иван Анисимович взволнованно шагает по пещере. Шурик присоединяется к нему, заглядывает ему в глаза. Они останавливаются.

Иван Анисимович *(обнимает Шурика).* Ты меня очень любишь, Саша?

Шурик *(обнимает его).* Очень.

Иван Анисимович. Больше всех?

Шурик. Больше всех.

Иван Анисимович. Если бы от тебя зависело, Саша, ты бы меня пустил одного в тайгу для спасения товарищей?

Шурик *(смотрит на него, еще крепче обнимает).* Пустил бы.

Иван Анисимович *(целует его).* Ну, иди.

Шурик начинает подниматься кверху.

2-й старик. По зарубкам иди...

1-й старик. Не подкачай, партизан...

Шурик взбирается наверх. Он заслонил своим телом отверстие. Секунду в пещере темно. Потом — снова луч света. Все напряженно смотрят вверх.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Снова пещера.

Серафим
(поет)

Через пни да кочки,
Десять дней не евши,
Шел тайгой дремучей
Старый серый заяц...

Старый серый заяц
К ручейку подходит,—
Перед ним песочек
Желтым светом светит...

Он нашел — голодный —
Золотую россыпь,
Перед ним — голодным —
Золото сверкает...

Старый серый заяц
Говорит чуть слышно:
«Золота не надо,
Мне б капустки надо!»

Посреди песчинок
Золото мерцало...
Старый серый заяц
Потихоньку умер...

Молчание.

1-й старик. Все — золото, золото! А кто от него богат — от золота?

2-й старик. Много за него людей гибло. Все жадность человеческая.

Яков *(Тане)*. Я помню, когда мой отец получал золотой пятирублевик, он пробовал его на зуб — не фальшивый ли — и осторожно прятал в карман. Я ненавидел золото. Я ненавидел самое слово «золото»...

Таня. Ты такой хороший, Яков. Ты даже не знаешь, какой ты хороший. Ты мне совсем родной.

Яков *(восторженно касается ее волос)*. Золото мое!

1-й старик. Новые люди пошли. Не для себя ищут... Для пользы, для радости...

Серафим. Разные бывают люди. Те-то, что лестницу вытащили, тоже люди, из жадности жизнью рискуют...

Становится светло. Сверху опускается лестница.

Иван Анисимович *(напряженно смотрит наверх, громко зовет)*. Шурик!

Молчание.

Поспелов!

Молчание.

Моисей *(он было задремал)*. Вот же лестница. Там же Ваня. Товарищи! Чего же мы ждем? *(Идет к лестнице.)*

Катя *(бросается к нему и, заслонив его собой, пытается отвести от отверстия)*. Моисей! Берегись! Там враги!

Иван Анисимович. Назад! Сейчас же назад.

Сверху выстрел. Катя падает. Ее окружают. Молчание.

Катя *(открывает глаза)*. Не больно. *(Смотрит на руку и говорит удивленно.)* Кровь? *(Пытается усмехнуться, морщится и тихонько вскрикивает.)* Вот... Я так и думала, что сначала не больно. Только я не знала, что так сильно... *(Короткая пауза.)* Почему же вы все здесь?

Серафим. Ждем, дочка, ждем...

Катя. Как же вы теперь?

Иван Анисимович. Как-нибудь придумаем. Поправляйся скорей.

Катя. Я не поправлюсь. Я знаю...

Таня. Ну что ты говоришь, Катенька?! Ты не должна... Ты не можешь.

Катя. Оказывается, могу. Не плачь, Танюша. Могло ведь быть и хуже... Ну... если бы я осталась калекой...

Таня. Помнишь, ты говорила: и калекой, только бы жить.

Катя. Нет. Зачем же калекой... И еще есть рак, и зубная боль, и неразделенная любовь... Так что ты не плачь, пожалуйста. Мне и так страшно. Плохо быть трусихой...

Виктор *(берет ее руку)*. Ты смелая. Ты самая смелая. Ты бросилась спасать Моисея.

Катя. Что ты! Я выскочила от страха. Я так за него испугалась. Шурик бы крикнул: «Выскочка и хвастунья...» Передайте ему привет.

Виктор. Ты сама передашь ему привет.

Катя. Я не успею. Ничего, что я болтаю? Это вместо того, чтобы кричать.

Виктор. Тебе очень больно?

Катя. Нет... ничего, не больно. *(Всхлипывает.)* Заткните уши — я покричу немного.

Все затыкают уши. Катя тихонько стонет.

Какие вы все любезные. Вы даже петь мне сейчас позволите.

Иван Анисимович. Нельзя петь, Катюша. И разговариваешь ты много.

Катя *(вздыхает, улыбается)*. Петь все-таки нельзя... И я так громко умираю.

Виктор. Что мне делать, Катюша? Что мне делать, Катя, Катенька?

К а т я. Побриться... *(Смеется, морщится.)* Виктор, милый! Воды... *(Приподнимается.)*

Таня прижимает к ее губам флягу с водой. Катя делает глоток.

Темно... Так вот... как это начинается... Ух, как звенит в ушах... Так... я... и не совершила... ничего... героического...

Пауза.
Таня наклоняется к Катиному лицу.

Т а н я *(сквозь слезы)*. Папа! Посмотри... неужели...

С е р а ф и м. Дочка, дочка...

Все становятся вокруг Кати. Короткая пауза. Наверху шум, голоса, выстрелы. Все настороженно отступают в сторону. Иван Анисимович взводит курок и прицеливается в спускающегося человека.

Ш у р и к *(спускается по лестнице)*. Папа!

П о с п е л о в *(заслоняясь рукой от револьвера Ивана Анисимовича, спускается вслед за Шуриком)*. Нечего сказать, приветливо друзей встречаете. Стоило по тайге ноги ломать.

И в а н А н и с и м о в и ч *(грустно)*. Опоздали, друзья. Долго шли...

П о с п е л о в. Так если бы не Шурик — и вовсе не пришли.

Г о л о с о х о т н и к а. Колыбельный, держи на мушке! Закуришь после!

Ш у р и к. Сейчас я пойду покараулю...

1-й с т а р и к *(второму)*. Герой! Ничего не боится.

Ш у р и к *(тоном Кати)*. «Ребенок! Шурик, ты — мальчик!..» Катя!

И в а н А н и с и м о в и ч. Кати уже нет...

Ш у р и к. Как так нет?..

С е р а ф и м. Убили ее...

Ш у р и к. Катю? *(Растерянно усмехается.)* Катю? Этого не может быть!

Все расступаются. Поспелов подходит к Кате и стоит около нее молча несколько секунд. Иван Анисимович подходит к нему. Молчание.

(Не отрываясь смотрит на Катю.) Как же так?.. Катю?! *(Подходит к ней и нерешительно касается рукой ее плеча. Зовет ее.)* Катя! Тетя Катя! Это неправда. Она притворяется. Я ее знаю. Сейчас как вскочит... *(Подражает Кате.)* «Шурик! Ты — маль... *(голос его прерывается)* мальчик!..» Виктор! Ведь неправда, что Катю...

Виктор молчит.

Как же так? Вы все остались, а она — самая веселая... самая молодая... *(Поднимает с земли Катину туфлю.)* Очень она сердилась?

В и к т о р *(глухо)*. Нет. Нисколько. Она просила передать тебе привет.

Ш у р и к. На самом деле? Как сказала? Какими словами?

В и к т о р. Она сказала: «Шурик бы крикнул: «Выскочка и хвастунья»,— это потому, что она впереди всех пошла.— «Передайте ему привет».

Ш у р и к. А ты что сказал?

В и к т о р. Я сказал: «Ты сама передашь ему привет».

Ш у р и к. А она что?

В и к т о р. А она сказала: «Я не успею». *(Отворачивается.)*

Ш у р и к *(глотая воздух)*. Вовсе бы я так не крикнул! Зачем же мне ее так называть? *(Опускает голову,*

чтобы скрыть слезы. Приставляет каблук к туфле.) И каблук сломал.

Виктор *(обнимает его)*. Не плачь... Не надо...

Шурик *(сдерживая слезы)*. Я не плачу... Только как же теперь...

Таня. Будем добывать золото. И потом все поедем домой.

Шурик. Все... Нас осталось так мало...

Виктор. Так мало...

Пауза.

Таня. А где же Ваня?

Поспелов. Сейчас увидишь Ваню...

Все в ужасе расступаются. Из глубины пещеры под конвоем охотника и Колыбельного появляется Ваня.

Яков *(Ване)*. Ты?!

Ваня стоит с опущенной головой.

Ты? Ты — предатель?

Моисей. Ты мешал экспедиции?

Виктор. Ты убил Катю?

Иван Анисимович. Ты украл план?

Таня *(в отчаянии)*. Скажи, что это не ты!

Выстрел. Убитый Ваня падает на камень.

Иван Анисимович *(яростно)*. Кто его убил?

Молчание.
С револьвером в руке выходит Ваня.

Ваня. Я убил. Я, комсомолец Ваня, убил предателя, которого выдумал в сказке!

Шурик *(кричит)*. Придумай как-нибудь иначе!

В а н я. Я не могу...

Ш у р и к. Тогда кончай сказку! Скажи Кате, что сказка кончилась.

Ваня молчит.

Тогда я сам, сам ухожу из сказки!

Темно.

(В темноте.) Вилен! Вилен!

З а н а в е с

ИНТЕРМЕДИЯ ПЯТАЯ

Ш у р и к и В и л е н. Шурик плачет навзрыд.

В и л е н. Что? Что случилось?

Ш у р и к *(продолжает плакать)*. Катю...

Глядя на Шурика, Вилен, еще ничего не понимая, тоже начинает плакать.

В и л е н. Что? Что — Катю?

Ш у р и к. Катю... убили!

В и л е н *(в ужасе)*. Катю?

Оба рыдают.

Ш у р и к. Она.., она просила передать мне привет...

В и л е н *(сквозь слезы)*. А мне?

Ш у р и к. Не знаю... Кажется, тоже. Меня там не было...

В и л е н. Ну да... Если бы кто-нибудь из нас был, мы бы этого не допустили. Почему, почему ты меня оставил дома?..

Ш у р и к. Ну, ты ведь знаешь, что это не от меня зависело.

Плачут.

В и л е н. Я тебе говорил: «Не ходи! Не ходи! Эта сказка не для нашего возраста...»

Ш у р и к. Ну да... А тебе все про коровок и про собачек... *(Пауза.)* Ну, я иду...

В и л е н. Я... я тоже пойду...

Шурик и Вилен, пожимая друг другу руки, молча расходятся.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Обстановка и люди первой картины. Невообразимый шум. Все набросились на В а н ю. Ш у р и к плачет у стола.

В а н я *(перекрикивает их)*. ...и тогда Шурик крикнул: «Придумай как-нибудь иначе!» Но сказка уже не слушалась меня, и я не мог изменить судьбу своих героев... Мы стояли над убитой Катей, и каждый из нас думал о долге, о родине, о борьбе, о молодости...

К а т я. Какое безобразие! Убить меня — такую молодую, такую милую...

Т а н я. Как ты смел сделать себя негодяем!

В а н я *(смотрит на всех)*. А кого же?

Т а н я. Кого угодно, только не себя!

В а н я. Мне так не хотелось быть негодяем! Я до восьмой картины думал остаться хорошим. *(Моисею.)* Ты меня прости, Моисей, но я даже сначала решил сделать тебя негодяем. Ты рассеянный, ты вечно спишь. Но ты — проснулся! И ты стал чудесным!

М о и с е й. Ага! Ага!

Ваня. Кого же, Танюша? Якова? Виктора? Катю? Тебя? Нет, лучше я сам...

Моисей *(возмущенно)*. Это из-за меня, из-за моей рассеянности убили Катю! Я не такой уж рассеянный.

Виктор. Я протестую. По-твоему, я способен только на то, чтобы любить Катю! И больше я ничего не умею?

Яков. А я? У меня руки заныли от безделья!

Катя *(Якову)*. Ты молчи. Тебе полагается молчать. Роль незаметного героя.

Виктор. Хорошо. А если бы Иван Анисимович тебя обыскал и нашел план?

Ваня. Он не мог этого сделать...

Виктор. Почему?

Ваня. Я же сочинял сказку! *(Пауза.)* И все моя авторская скромность! Все потому, что я сочинил сказку. В следующий раз пусть Катя расскажет. Уж я тогда покритикую!

Катя. А что, думаешь — не умею? Не умею? *(Торжественно.)* Внимание! Сказка начинается! Войдите, Иван Анисимович!

Пауза.
Все смотрят на дверь. Никто не входит.

Я не умею рассказывать сказки.

Таня *(дерет Ваню за волосы)*. Вот тебе за сказку! Вот тебе!

Ваня. Еще, еще потряси!

Все наваливаются на Ваню. Входит Иван Анисимович.

Иван Анисимович. Вы почему не спите?

Таня. Сказку слушали.

Иван Анисимович. Кто рассказывал?

Таня. Ваня.

Иван Анисимович. Он у нас мастер. А пел?

Виктор. Нет. Не пел.

Иван Анисимович. Значит, послушаем...

Телефонный звонок.

(Берет трубку.) Алло! Да. Привет. Да. Так... Одну минуточку. *(Ване.)* Ваня, иди сюда.

Ваня подходит к Ивану Анисимовичу. Остальные у стола наливают бокалы, шепчутся, смеются.

Возьми карандаш, записывай. Телефонограмма из управления. *(Тихо диктует.)* «Получены сведения месторождения золота... Срочно организовать экспедицию. Завтра договориться о деталях. Главное управление...» Так... Слушаю... Хорошо. До свиданья. *(Вешает трубку. Ване.)* Что ж! Едем в тайгу.

Ваня *(радостно)*. Возьмете с собой?

Иван Анисимович. Возьму. *(Смеется.)* Если хорошую песню споешь. Только не говори сейчас никому. А то такой шум поднимут... *(Громко.)* Ну, Ваня, за тобой песня.

Ваня. Я и сказку рассказывай, и песню пой...

Катя. Если б меня не убили, я могла бы спеть, но теперь придется тебе самому.

Таня *(сердито)*. Пой, пожалуйста.

Ваня
(поет)

Все волшебней, все чудесней
Нашей выдумки полет —
Наша сказка, наша песня
С нами рядышком живет...

Над республикой все выше
Звезды светлые горят...

(Указывает на заснувшего Шурика.)

Надо быть возможно тише,
Потому что дети спят...

Закрывает мальчик глазки —
Очень поздно, спать пора...
До свиданья, наша сказка!
До свиданья! До утра!

В с е

До свиданья, наша сказка!
До свиданья! До утра!

З а н а в е с

1938

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
ДЕВЯТИ КАРТИНАХ, С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Семен — председатель ревкома.
Валя — девушка, пришедшая в комсомол.
Яков — секретарь комитета комсомола.
Комсомольцы:
Сашка.
Моисей.
Тося.
Дуня.
Коля.
Ваня.
Костя и Вася — близнецы, по прозвищу «Налево» и «Направо».
Берта Кузьминична — хозяйка комсомольского общежития.
Лука — наборщик, по прозвищу «Лукомор».
Люда, **Нина** — подруги Вали.
Д'Артаньян — лейтенант королевских мушкетеров.
Атос, **Портос**, **Арамис** — мушкетеры.
Первый часовой.
Второй часовой.
Разводящий.

Время действия — 1919 год.

ПРОЛОГ

Песнею, поэмою, трибуною,
Ничего от близких не тая,
Повторись опять, моя сумбурная,
Юность комсомольская моя!

Пролетай же, память, через трещины,
Постарайся день со днем связать...
Это мной уже давно обещано,
Это я обязан рассказать!..

Повторяется юность заново
Очень трогательной, чуть смешной,
Будто в детском театре занавес
Раскрывается передо мной.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Занавес еще закрыт. Музыка. Песня.

Тысячи лет над несчастной землею
Солнышко в небе живет...
Вечное счастье достанется с бою.
Слово скажи, пулемет!

Шаг отряда.

В черном дыму под шрапнель и гранаты
Будем в походе шагать,
Круглое солнышко, месяц рогатый
Будут друг друга сменять...

Шаг отряда.

Раскрывается занавес. Ночь. Два тополя у входа в ревком. Часовой. Отряд уже прошел. Доносится конец песни.

Неотразимым смертельным ударом
Славный поход завершим,
Солнышко, месяц и звезды подарим
Маленьким детям своим...

Шаг отряда все тише. Входят разводящий с другим часовым. Смена караула.

Разводящий *(новому часовому)*. Без пропуска никого не пускать. Ни с кем ни слова. *(Проходит.)*

Часовой. А петь можно?

Разводящий. Петь? На посту? В такое время! *(Возвращается.)* Хотя... если все спокойно и никого нет — пой... Тихо пой, вполголоса... *(Уходит.)*

Тишина. Потом оживление. Пробегают вестовые. Проходят вооруженные люди. Они одеты пестро, будто одно обмундирование выдано на троих: в пальто и в обмотках, в шинели и в брюках навыпуск, в папахе и в демисезонке. Цокот проезжающей конницы. Часовой стоит напряженно. Когда все кругом утихает, он несколько ослабляет позу.

Часовой
(тихо поет)

Человеческий голос не слышен,
Бесконечны ночные края...
Посреди тополей, между вишен
Ты живешь, дорогая моя!..

Ты мне вслед так печально глядела,
Ты ждала,— может, я обернусь...
В чем же дело, товарищ, в чем дело?
Я к тебе непременно вернусь!

Входит Валя. Она видит часового, останавливается, потом делает несколько нерешительных шагов. Часовой штыком преграждает ей дорогу. Валя медленно отступает. Она взволнованно ходит под окнами ревкома, потом приближается к часовому.

Валя *(стараясь говорить совсем спокойно)*. Мне нужно видеть председателя ревкома. Только на минутку. Ну, я пройду... Хорошо? Хорошо?

Часовой протягивает штык. Валя растерянно смотрит по сторонам.

Но я не могу так уйти. Не могу!

Валя не замечает, как в ревкоме гаснет свет и оттуда выходит человек в штатском и внимательно следит за ней.

Она стучит в окно.

Человек. Что тебе нужно, девочка?

Валя оборачивается. Она испугалась того, что сделала. Человек подходит к ней.

Валя. Я... Мне нужно видеть председателя ревкома!

Человек. Я — председатель ревкома.

Валя. Вы... послушайте... он не виноват... Уверяю вас, он ни в чем не виноват... Вы не знаете...

Человек. Знаю. *(Отводит ее в сторону и садится рядом с ней на скамейку.)*

Короткое молчание.

Когда его в первый раз привели на допрос, мы спросили его: «Может быть, ты сделал это несознательно? Может быть, тебя уговорили? Какая-нибудь девушка?» — «Да! Да! Она во всем виновата!» — «Как ее зовут?» Он ответил: «Валя!» Тебя ведь зовут Валя?

Валя *(тихо)*. Да.

Человек. Ты его любишь?

Валя. Люблю.

Человек. На втором допросе мы спросили его: «Может быть, товарищи твои виноваты?» Мы перечислили ему одного за другим всех его друзей, и он всех признал виновными. Тогда мы спросили его: «И Семен виноват?» Он ответил: «Да!» А мы знали, что у него ни одного знакомого по имени Семен не было. Это меня Семеном зовут.

Пауза.

Ты все еще его любишь?

Валя. Люблю.

С е м е н *(поднимается на крыльцо, останавливается, оборачивается к Вале)*. Иди к нему. Он свободен. Он оказался невиновным в том, в чем его обвиняли, и мы его отпустили. Он уехал и даже не вспомнил о тебе. А ты все еще его любишь... *(Уходит.)*

Шум автомобиля. Входит ш о ф е р, предъявляет часовому пропуск в ревком. Валя сидит неподвижно. Ш о ф е р выходит из ревкома. За ним — С е м е н.

(Замечает Валю.) Что же ты не идешь?

В а л я. Куда?

С е м е н. Иди домой. К родителям.

В а л я. У меня нет родителей.

С е м е н. Где же ты живешь?

В а л я. У родственников.

С е м е н. Они тебя не любят?

В а л я. Я их не люблю.

Валя мерзнет в своем летнем пальтишке. Семен снимает с себя пальто и заботливо укрывает Валю.

С е м е н. Мне сейчас некогда заниматься твоей судьбой, девочка. Но пойдем. Может, мы что-нибудь придумаем. *(Обнимает Валю за плечи, уходит с нею.)*

Часовой остается один. Грохот приближающегося броневика. Когда становится совсем тихо, часовой кончает песню.

Ч а с о в о й
(тихо поет)

День и ночь разрывались гранаты,
И когда умирать мне пришлось,
Из далекой украинской хаты
Ветер голос любимой донес.

Смерть из каждой атаки глядела,
Я не вышел живым из огня...
В чем же дело, товарищ, в чем дело?
Ты пойди отомсти за меня!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ночь. Комсомольский клуб. Это большая комната в бывшем барском особняке. Люстра. Высокое зеркало. Камин. Сейчас здесь спят на полу, на рояле и даже на вешалке,— есть такие большие вешалки с перекладиной наверху. Очень холодно. Валя дремлет в кресле. Сашка, накрытый шинелью, лежит на вешалке. Он возбужденно читает затрепанную книгу. Молчание.

Сашка. «Клянусь священными реликвиями, хранящимися здесь, я была невинна!» *(Замолкает и продолжает жадно читать, поеживаясь от холода. Но в особо патетическом месте не выдерживает и кричит на всю комнату.)* «Шпагу наголо, сударь! Шпагу наголо!» И тогда д'Артаньян воскликнул: «За шпагу? Отлично! Это дело по мне!» В два прыжка д'Артаньян очутился перед своим противником. Их шпаги скрестились. Д'Артаньян с обычной ловкостью пустил в ход свой излюбленный прием — терц...» Терц, терц... Что это такое — терц? *(Продолжает читать возбужденным шепотом.)*

Лежащие на полу двое ребят просыпаются от его крика. Они поднимают голову одновременно. Это — близнецы. Они очень похожи друг на друга. Только у одного клок волос торчит на левой стороне головы, а у другого — на правой. Так их и прозвали: Налево и Направо— еще потому, что они всегда вместе. Сначала они молчат, не совсем понимая происходящее.

Н а п р а в о. С этим мушкетером нельзя спать в одной комнате.

Н а л е в о. Он кричит так, как будто в Париже петлюровцы. *(Пауза.)* Как ты думаешь, он еще будет кричать?

Н а п р а в о. Не знаю. Смотря какую страницу он читает.

Они прислушиваются.

Давай спать!

Н а л е в о. Давай!

Они одновременно ложатся. Сашка возбужденно, но уже молча продолжает читать.

Н а п р а в о. А если бы она продолжала ломиться в ревком, ты бы ее ударил?

Н а л е в о. Н-не знаю.

Н а п р а в о. Не ударил бы! Она ведь женщина!

Н а л е в о. А я — часовой! Это еще больше, чем женщина! *(Короткая пауза.)* Я потом стоял на посту и думал, куда это Семен повел ее? А потом прихожу, мне говорят: «Она здесь...» Вон она — спит. *(Указывает на кресло.)* Я очень расстроился. Я еще никогда не видал такой. Она красивее, чем Тося, чем Дуня, чем... Вообще она самая красивая...

Н а п р а в о. И не очень дура?

Н а л е в о. По-моему, не очень...

Н а п р а в о. А здесь ее встретил Яков. Они немного поговорили, и Яков уложил ее спать в кресло.

Н а л е в о. А о чем они говорили?

Н а п р а в о. Я не слышал.

Н а л е в о. Не понимаю, чего они с ней возятся.

Н а п р а в о. Белые уже в Софиевке.

Н а л е в о. Белые в Софиевке? Неужели мы отдадим город?

С а ш к а. «Я этого не допущу. Ко мне, друзья!»

Н а п р а в о. «Я здесь, маркиз. Моя шпага к вашим услугам».

Я к о в *(просыпается)*. В чем дело? Я тоже хочу кричать.

В а л я *(проснувшись)*. А если кричать, согреешься?

Н а л е в о *(толкает Направо, шепотом)*. Посмотри! Видишь, видишь?

В а л я. Здесь, кажется, очень холодно.

Входит М о и с е й.

М о и с е й. Здесь невероятно холодно. *(Удивлен присутствием Вали, подходит к ней, смотрит на нее и не знает, что сказать.)* Здравствуйте.

В а л я. Здравствуйте.

М о и с е й. Что вы здесь делаете?

В а л я. Мерзну.

Я к о в. Возьмите мою шинель, Валя. Правда, она не очень теплая. Вот это — Моисей.

М о и с е й *(снимает с себя тулуп и передает Вале)*. Вот отличный тулуп, очень теплый.

В а л я. Нет, зачем же...

М о и с е й. Берите, берите. Мне все равно и в нем холодно.

Сашка прыгает с вешалки.

Это — Сашка...

С а ш к а. Пожалуйста. Вам будет теплей под двумя шинелями.

В а л я. Нет, зачем же...

С а ш к а. Пожалуйста, пожалуйста. Можно закрыть ею ноги. Вам будет теплей под двумя шинелями.

Н а л е в о *(снимает с себя свитер)*. Возьмите свитер. Он, кажется, шерстяной.

Направо снимает с себя шарфик и молча кладет его Вале на плечо.

С а ш к а. А это два брата: Налево — Направо. То есть это — Направо, а это — Налево.

Н а п р а в о. Наша фамилия — Каменские.

Н а л е в о. Мы уже познакомились.

В а л я. Когда?

Н а л е в о. Вечером, у ревкома.

В а л я *(всматривается в него)*. Да... Правда. Вы стояли на часах! Я еще удивилась, что вы маленький, а винтовка такая большая.

Н а л е в о. Винтовки все одинаковые.

Молчание.

Ребятам холодно. Чтобы согреться, они начинают толкать друг друга. Это переходит в шумную игру. Сашка с кочергой бегает по комнате и вопит: «Терц! Терц!» Ему на голову накидывают шинель и усмиряют его. Ребята усаживаются в кружок, греясь друг о друга.

С а ш к а. Побегайте, побегайте! Сразу теплее станет.

В с е. Погрейтесь, погрейтесь!

В а л я. Как же вы здесь живете в таком холоде?

Я к о в. Это наш клуб.

С а ш к а. Комсомольский. «Третий Интернационал».

Н а л е в о. Сейчас очень тревожно, и мы все собрались сюда, чтобы в случае чего быть всем вместе.

В а л я. А живете вы где?

Н а п р а в о. Вы Рыбаковую Балку знаете?

В а л я. Рыбаковую Балку? Это где-то на самом краю города?

Н а п р а в о. Правильно. И наш дом прямо над обрывом.

Н а л е в о. Это рядом с кирпичным заводом. Там наш отец работает. Мы тоже начали там работать, но ввиду революции перестали.

М о и с е й. А вы живете на Стародворянской улице. Я знаю.

В а л я. Правда. Откуда вы знаете?

М о и с е й. Я вас там видел. Мы с отцом проходили мимо, и он сказал, что там очень красивые дома и очень красивые девушки и что нам нужно проходить мимо.

Н а п р а в о. Он всегда гуляет с папой по Стародворянской улице.

Все смеются.

М о и с е й. Да. Мой папа старый дворянин. Мне даже кажется, что его не существует, что его просто выдумал Шолом-Алейхем. И вот я нахожусь здесь, а он целый день сидит дома и говорит, что торговля пришла в упадок.

В а л я. Он торговец? А я думала, что все комсомольцы из рабочих.

М о и с е й. Он страшный торговец. Он и еще три или четыре еврея собирают все свои капиталы, покупают пуд вишен или яблок и потом продают на фунт. И вся прибыль идет на мое образование.

Снова смех.

Н а п р а в о. Я бы с удовольствием вздремнул еще часок, если бы Сашка обещал не декламировать.

Н а л е в о. Завтра утром набежит масса народу, и мы будем целый день на ногах.

С а ш к а. В семь утра у меня собрание в депо.

Моисей *(Вале)*. Жаль, что вы не слыхали, как Сашка выступает: «Товарищи!», и еще раз: «Товарищи!», и еще раз: «Товарищи!»

Сашка. Ты хорошо выступаешь! Как будто читаешь скучную книгу.

Моисей. А ты тарахтишь одно и то же, как будто читаешь только то, что написано на переплете.

Направо. Завтра мы провожаем на фронт девятый полк.

Налево. Завтра конференция беспартийной молодежи. Яков делает доклад.

Яков *(Вале)*. А Налево читает стихи. Он стихами открывает конференцию.

Сашка. Стихами на конференции много не сделаешь. Там будет очень упрямый народ. Там нужно говорить так, чтобы самому было страшно.

Яков. Там нужно говорить так, чтобы никому не было страшно. Ты так умеешь?

Сашка. Умею.

Направо. «...воскликнул д'Артаньян».

Яков. Да. Завтра много работы.

Валя. Вам бы следовало еще отдохнуть.

Моисей. Невозможно спать в таком холоде.

Направо. По случаю приезда маркизы не мешало бы затопить камин. Как ты думаешь, Сашка?

Сашка. Я ничего не думаю.

Направо *(Вале)*. Понимаете, тут у нас есть хозяйка. Ее зовут Берта Кузьминична.

Моисей. Полька.

Сашка. Финка.

Яков. Чухонка!

Сашка *(смеется)*. Чухонка!

Направо. Ничего женщина, только очень гордая. Она нам давала дрова, а мы ей давали наш паек.

Так мы и жили. И вот мы ей не дали чаю. Ну не было, не выдали. А она заперла сарай, и вот теперь холодно.

Н а л е в о. А теперь у нас есть чай. Но мы тоже не хотим идти кланяться.

М о и с е й. Мы тоже гордые.

В а л я. Так вы и мерзнете?

Н а п р а в о. А она чаю не пьет и тоже мерзнет.

С а ш к а. Чухо-онка... *(Смеется.)*

Н а п р а в о. А хорошо бы у горящего камина.

С а ш к а. Я не пойду.

В а л я. Тогда, может быть...

Я к о в. Что?

В а л я. Может быть, я пойду?

Все молчат.

Где у вас чай?

Моисей молча указывает на камин. Валя берет чай и уходит.

Я к о в *(Моисею)*. Что слышно?

М о и с е й. Я не хотел говорить при ней.

Я к о в. Я так и понял.

М о и с е й. Ни в ревкоме, ни в партийном комитете никого нет. Семен целый день в штабе.

Я к о в. Это мы знаем.

М о и с е й. У кого я ни спрашивал, никто ничего не говорит.

С а ш к а. Так ты ничего и не узнал?

М о и с е й. Вот слушайте. Сегодня меня разыскал отец и сказал: «Передай своим коммунистам, чтобы они удирали из города».

Н а п р а в о. Почему?

М о и с е й. Он говорит: на базаре ходят разные слухи.

С а ш к а. На базаре!

Моисей. Я ему тоже не поверил. А он говорит: «Слушай, дурак, ты и твоя компания пропащие люди, но я вас жалею».

Яков. Ерунда!

Сашка. Идут!

Ребята разбегаются по комнате. Они усиленно обмахиваются руками, делая вид, что им невероятно жарко. Входит Валя. За ней появляется хозяйка. Поверх пальто она еще закутана в платок и одеяло.

Молчание.

Хозяйка *(медленно)*. Разоблачите меня.

К ней бросаются Налево, Направо и Моисей и раздевают ее. Обнаруживается маленькая, худенькая женщина. Она говорит неожиданно быстро.

Вот ключ от сарая. Скорей, скорей, я так долго не выдержу.

Моисей и Сашка убегают. Ребята подвигают кресло к камину.

Я бы с вами давно уже помирилась, я только ждала, когда вы придете. Я бы скорей замерзла, но я бы сама ни за что не пришла.

Входят Тося и Дуня.

Яков. Где вы были?

Дуня. В типографии.

Тося. Там такие меньшевики!

Яков. Разве?

Тося. Ужасные! Они все разбежались. Там теперь остался только один старичок, и тот со скрипом работает.

Яков. Ничего. Если ты на него хорошенько наскочишь...

Тося. Не дразни меня, пожалуйста.

Н а п р а в о. Не надо ее дразнить. Она такая раздражительная, ужас, ужас...

Т о с я. Я совсем не раздражительная. У меня очень спокойный характер.

С а ш к а и М о и с е й принесли дрова, разжигают камин.

Н а л е в о. Я, я зажгу.

Х о з я й к а. Кто будет заваривать чай?

Д у н я. Я сейчас заварю.

Ребята раздувают огонь в камине.

В а л я *(Якову)*. Сядьте поближе к огню. Вашей руке, наверно, нужно тепло.

Я к о в. Моей руке ничто не поможет. Перебит нерв.

В а л я. Вас давно ранили?

Я к о в. Месяца два. Но я уже привык работать левой рукой. Вот — смотрите. Как ваша фамилия?

В а л я. Новикова.

Я к о в *(пишет)*. Но-ви-ко-ва. Видите, очень легко разобрать.

В а л я. Да, совсем почти как правой.

Я к о в. Ну вот видите, через год я уже буду работать как левша.

В а л я. Да.

Н а л е в о. Дуня! Тося! Подойдите сюда.

Дуня и Тося подходят.

Это — Дуня, это — Тося, это — Валя.

В а л я. Я вам помогу.

Отдаленный артиллерийский гул.

М о и с е й. Вот. Фронт уже совсем рядом.

Я к о в. Ну и что?

М о и с е й. Ничего. Я говорю — фронт рядом. Может быть, следует...

Я к о в. Все, что следует, нам скажут.

С а ш к а. Скажут, скажут! Когда скажут?

Н а л е в о. Не пугайтесь, это петлюровский разъезд. А сами петлюровцы еще далеко.

С а ш к а. Если бы мне встретился петлюровский разъезд!..

М о и с е й. Что бы ты сделал?

С а ш к а. Сколько человек?

М о и с е й. Ну, человек пять-шесть.

С а ш к а. Я бы их уничтожил!..

Н а п р а в о. «...воскликнул д'Артаньян».

Т о с я. Ты столько хвастаешься, Сашка, столько хвастаешься!

С а ш к а. Ну, Дуня, пусть меня пошлют. Пусть посмотрят. Но меня не посылают.

Д у н я. Я положила три куска сахару. Я знаю, что ты любишь совсем сладкий.

Н а л е в о. А что вы у нас будете делать?

Х о з я й к а. Это был очень богатый дом, когда я поступила сюда работать. И я надеялась, что за мной начнет ухаживать сын хозяина. Но этого не случилось. Потом, в начале войны, сюда привезли раненого. Я за ним ухаживала, как ни в одном романе не ухаживают. Я думала, что, когда он выздоровеет, он на мне женится или хотя бы обманет меня. Но он выздоровел и уехал.

Д у н я. Еще рассказывайте...

Х о з я й к а. Я помню, когда я была совсем маленькая, ну лет двенадцати — тринадцати, в нашем городе, где я родилась, жил поэт. Он был калека. У него что-то было с ногами, и он плохо ходил. И дочь самого большого богача, самая красивая девушка в городе, влюбилась в него. Ведь он был поэт!.. И отец ее проклял,

но она ушла к своему поэту, и они вдвоем поселились в избушке в лесу. И когда мы приходили к ним в лес, она укладывала свою красивую голову на его колени, и он пел песню, которую сам сочинил.

Н а л е в о. Вы не помните эту песню?

Х о з я й к а. Помню. Очень хорошо помню. *(Поет.)*

Неужели ты, боясь морозов,
Улетишь в далекие края?
Неужели ты меня покинешь,
Ласточка волшебная моя?..

И так он повторял много раз. И мы все слушали и молчали, а старые женщины плакали.

Н а л е в о. В детстве я мечтал жениться на графине.

М о и с е й. Ты? На графине?

Н а л е в о. Да. На графине. Я бы на ней женился, я бы так прожил год или два, а потом я бы ее бросил, конечно...

Н а п р а в о. А потом что было?

Х о з я й к а. Потом я поступила сюда экономкой. Потом сын хозяина женился, и вечерами все собирались у камина и гасили свет, и дети читали стихи...

Налево подымается и гасит свет.

Я к о в. Зачем это?

Н а л е в о. Пусть будет, как у буржуазии!

В а л я. Тогда надо читать стихи.

Х о з я й к а. Я бы с удовольствием послушала стихи.

М о и с е й. Если бы я умел писать стихи, я бы обязательно прочитал. Но я не умею, а ты умеешь.

Я к о в. Налево, прочитай. Тебе все равно надо завтра выступать.

В с е. Прочитай!

В а л я. Прочитайте!

Н а л е в о. Хорошо, я прочту. *(Стоит, освещенный огнем камина. Он, видимо, стесняется.)* Нет! Я — отсюда! *(Выходит на просцениум. Читает.)*

Под пули, под грохот орудий,
Под свист нескончаемых вьюг
Семнадцатилетние люди
Выходят из дряхлых лачуг.

Сраженьями юность гремела,
И я обращаюсь к стране:
«Выдай оружие смелым,
И в первую очередь — мне!»

Нам гром наступлений не страшен!
Пусть дымом закрыт горизонт,
Мы скажем родителям нашим,
Что вот мы уходим на фронт.

Нам в детях ходить надоело!..
И я обращаюсь к стране:
«Выдай оружие смелым,
И в первую очередь — мне!»

Традиций борьбы не забывший,
Опять собираясь в поход,
В Российской империи бывшей
Поет комсомольский народ.

Я жду приказания штаба,
Когда в перекрестном огне
Оружие выдадут храбрым,
И в первую очередь — мне!..

Валя. Как жаль, что я не умею писать стихи!

Налево. А я вам могу дать свои стихи. А вы их читайте, как свои.

Яков. А нам, значит, ничего? Все Вале?

Налево. Почему? Я вам могу каждому раздать по стихотворению. Хотите?

Все. Хотим. Очень хотим.

Налево *(вынимает тетрадку)*. Хорошо. Только я сначала посмотрю, кому какое подходит. *(Вырывает листок и протягивает его Вале.)* Возьмите. Тебе, Сашка, самое феодальное. Ты любишь про рыцарей и баронов. *(Якову.)* Тебе самое серьезное. *(Тосе.)* Тебе самое любовное. Ты это любишь.

Тося. Вовсе я этого не люблю.

Налево. Любишь, любишь, я знаю. *(Направо.)* А тебе не надо — ты мой брат. *(Моисею.)* А тебе, Моисей, самое-самое грустное стихотворение.

Моисей. Я такое не возьму.

Налево. Бери, бери. Нету другого. А тебе, Дуня, вот... Я очень люблю это стихотворение. *(Хозяйке.)* А вам ничего не осталось.

Хозяйка. Мне не надо. Мне раньше надо было дарить стихи.

Сашка. Я сейчас прочту эти стихи. Они мне очень нравятся.

Направо. Ты ведь громко читаешь, только когда мы спим.

Сашка. Во-первых, неправда.

Направо. Читай, читай, феодал.

С а ш к а *(бросается на него)*. Сам ты феодал! Оставь ты меня в покое.

Н а п р а в о *(прячется от него)*. Умоляю, барон, простите!

Д у н я. Читай, Саша!

С а ш к а. Подожди. Я немного остыну.

Все молчат и ждут, когда Сашка «остынет». Потом он взмахивает рукой перед началом чтения.

М о и с е й *(передразнивая Сашку)*. «Товарищи!» *(Видит, что Сашка рассердился, и успокаивает его.)* Читай, читай!

С а ш к а
(читает)

Коня вороного ведет слуга
В раскрытые настежь ворота...
Трубят рога, зовут рога —
Идет барон на охоту.

Глядит баронесса, взойдя на балкон,
На ласточек под карнизом...
Лети, барон, скачи, барон,
Кончается феодализм!..

И я в музее спустя сто лет
Твой прах на путях встречаю...

Н а л е в о *(поправляет его)*. На пути!

С а ш к а *(упрямо)*. На путях!

Н а л е в о. На пути! На пути!

С а ш к а *(проверил, согласился)*. На пути...

Твой прах на пути встречаю,
Бросаю заржавленный пистолет
И маузер вынимаю.

Вовремя ты не успел умереть...
Слышишь ли гул набата?
Пулям свистеть, пушкам греметь,—
К старому нет возврата...

Моисей. Так себе стихи. Смешные.

Валя *(Налево)*. Вы очень, очень талантливый.

Направо. Но вы знаете, он такой неряха. У него все стихи пропадают. *(Налево.)* Ну, скажи, у тебя есть копия?

Налево. Нет.

Направо. Вот видите. Сашка! Дай мне это стихотворение. Я его перепишу.

Валя *(Налево)*. А скажите, вы пишете только стихи?

Налево. Только.

Тося. Хорошо, если бы ты умел писать пьесы, как Островский. Ты бы тогда написал такую пьесу, чтобы я тоже участвовала. Чтобы когда-нибудь увидели со сцены, какие мы все были, как мы время проводили...

Моисей *(уныло)*. Какие мы были веселые!

Сашка. И мужественные! Покажи, как мы презирали страдания!

Тося. Нет! Пьесы надо писать только радостные.

Дуня. Да, только радостные! И если мне придется кого-нибудь огорчить своею смертью, сделай так, чтобы в эту минуту закрылся занавес.

Молчание.

Налево. Это очень правильно — все, что вы говорили. И я, наверное, никогда так правильно не напишу. Но я обещаю вам, что напишу такую пьесу. Но только надо записать слово в слово все, что вы говорили.

Н а п р а в о. Я сейчас запишу. *(Пишет.)* Но лучше всех говорила Дуня, и я ее первую запишу... «И если мне придется кого-нибудь огорчить своею смертью...»

В а л я. А я, может быть, смогу организовать у вас драматический кружок.

Т о с я. Правильно! В клубе Максима Горького есть драмкружок. А у нас нет.

Я к о в. Моисей организует оркестр. Он у нас музыкант.

М о и с е й. У меня нет инструментов. У меня только одна труба.

В а л я. Неважно. Мы обойдемся одной трубой. Принесете?

М о и с е й. Хорошо, принесу.

Входит С е м е н.

С е м е н. Жизнь в полном разгаре. Я так и думал. Это все из-за тебя, Валя?

Н а п р а в о. Нет, это из-за Сашки. Он читал «Трех мушкетеров» и сошел с ума.

Все окружают Семена.

С е м е н. Сидите, сидите. Это я так, случайно зашел. Здравствуйте, Берта Кузьминична! Мне через два часа надо быть в казармах. Идти домой нет смысла. Я у вас немного отдохну.

Т о с я. Вы можете даже поспать. Мы вас разбудим.

С е м е н. Нет, зачем же. Если я засну, меня потом пушкой не разбудишь.

Х о з я й к а. Я вам могу уступить свое кресло.

С е м е н. Не надо, Берта Кузьминична. Сидите... Я отлично устроюсь.

Х о з я й к а. Мне все равно надо идти. А вы можете здесь отдохнуть. Это старинное очень удобное кресло. До свидания. *(Уходит.)*

С е м е н *(садится в кресло)*. Значит, вы уже помирились с хозяйкой? Война мышей и лягушек кончилась? Тепло. Очень тепло. Яков!

Яков подошел к нему.

(Тихо.) Дело такого рода. Положение довольно серьезное. Фронт слишком растянут. Возможно, придется оставить город. Возьми с собой кого-нибудь из ребят, пойди на вокзал, собери там всех комсомольцев и проверь всю подготовку эвакуации.

Я к о в. Хорошо. Конференцию отменить?

С е м е н. Все продолжается, как было.

Я к о в. А журнал? Он уже набирается.

С е м е н. Ты стал такой непонятливый. Я же тебе сказал, все продолжается, как было.

Яков надевает шинель. Сашка и Направо порываются идти с ним, но Яков их останавливает и уходит. Ребята смотрят ему вслед.

Ну, я отдыхаю. *(Усевшись поудобнее, тут же засыпает.)*

Тишина.

В а л я *(тихо)*. Вы давно его знаете?

Т о с я. Давно. Может быть, год! *(Говорит еще тише, чтобы не разбудить Семена.)* Он помог нам достать этот клуб, он почти все время с нами и советует нам, когда есть что-нибудь важное.

В а л я. Он ваш начальник?

Т о с я. Он наш партийный руководитель. Это официально так называется. *(Гладит Семена по рукаву.)* Я бы еще хотела... вот так посидеть... рядом с Лениным... Но я бы, наверно, растерялась. Это же человек, какого никогда не было. И вдруг — здравствуйте: Тося пришла! *(Продолжает гладить Семена по рукаву.)* А я бы очень хотела.

Семен *(не открывая глаз)*. Почему вы замолкли, ребятки? Вы мне ничуть не мешаете. Моисей! Сыграй что-нибудь.

Моисей одним пальцем начинает наигрывать «Чижик-пыжик», потом садится за рояль и играет «Осенний вальс». Направо изящным жестом приглашает Тосю к танцу. Начинается вальс. Налево танцует с Валей, Направо — с Тосей, Сашка — с Дуней. За окном совсем близко перестрелка. Музыка умолкает. Танцующие останавливаются, смотрят на Семена. Семен сидит в кресле совершенно спокойно. Моисей опять ударяет по клавишам. Танец продолжается.

Моисей
(напевает)

Гром сражений в степях раздавался,
Грохотала команда «вперед!»,
И под звуки «Осеннего вальса»
Проходил девятнадцатый год...

(Опять ударяет по клавишам.)

Вальс продолжается.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Типография. Глубокая ночь.

Т о с я. Товарищ Лука! Журнал называется «Юный пролетарий». Это должно выглядеть очень красиво.

Н а б о р щ и к. Я сделал все, что мог. На оберточной бумаге лучше не выйдет. И потом это будет печататься на американке. Конечно, это хуже, чем «Нива» или «Солнце России», но все-таки это ничего.

Т о с я. Нет, это так себе! Так себе! А должно быть очень красиво. Это наш первый комсомольский журнал. Первый номер. Ну что это за крендель?

Н а б о р щ и к. Это называется не крендель, а виньетка.

Т о с я. Уберите ее.

Н а б о р щ и к. Нет.

Т о с я. Знаете что? Сделайте так, чтобы шрифт тут уменьшился, а тут увеличился. Вот так. «Юный пролетарий»! Это будет красиво.

Н а б о р щ и к. Я себе не представляю журнала без кренделя.

Тося смеется.

Без виньетки, без виньетки...

Тося. Уберите. Вы увидите, что так будет гораздо красивей!

Наборщик *(продолжает набирать)*. Вы любите все очень красивое. А вы понятия о красоте не имеете. Вот вчера в депо выступал один из ваших... из комсомольцев...

Тося. Кто выступал?

Наборщик. Ну... такой молодой человек... с широкими движениями...

Тося. Наверное, Сашка.

Наборщик. Не знаю. Может быть, его зовут Сашка. Он вскочил на бочку и оттуда произнес горячую речь. А если бы он никуда не вскакивал, его все равно было бы видно и слышно. Он думает, что это красиво: как во французскую революцию, вскакивать на бочку.

Тося. Да, вы правы... Это во французскую революцию говорили с бочки или с баррикады. А в Октябрьскую революцию можно сидеть на стуле и разговаривать, и все равно это будет возвышенно.

Наборщик. Верно, верно...

Тося *(торжествующе)*. Верно?

Наборщик. Верно.

Тося. Тогда уберите виньетку!

Наборщик *(показывает набор)*. Ну а теперь?

Тося. Вот видите. Так гораздо лучше! А вы не хотели. А по-вашему?

Наборщик. По-моему?.. По-моему, плохо! *(Пауза.)* Вы понятия не имеете о красоте. Вы понятия не имеете о том, что нужно рабочему классу. А вы говорите: «Мы для рабочего класса!»

Тося *(после некоторого раздумья)*. Да. Я твердо не знаю, что нужно рабочему классу, но я знаю, что нужно мне. А это, наверно, нужно рабочему классу.

Молчание. Тося закрывает глаза.

Н а б о р щ и к. Что заставляет тебя не спать, девочка?

Т о с я. Вы заставляете! Я боюсь оставить вас одного с вашими виньетками... Вы много разговариваете. Я боюсь, что журнал завтра не выйдет.

Н а б о р щ и к *(смотрит на нее сквозь очки)*. А что, если я устал и не хочу работать? Вот брошу все и пойду домой! Что ты тогда будешь делать? Журнал не выйдет.

Т о с я. Я позову наших комсомольцев.

Н а б о р щ и к. Они не знают набора.

Т о с я. Ничего. Мы у каждой буквы поставим по комсомольцу, и журнал выйдет.

Н а б о р щ и к. Вот это глупо... А я? Ты скажешь, чтоб меня арестовали?

Т о с я. Да. Вас арестуют как саботажника.

Н а б о р щ и к. В молодости я не был таким жестоким.

Т о с я. Если бы я была жестокой, я бы сейчас пошла домой. Мне очень спать хочется...

Тишина. Тося дремлет, прислонившись головой к наборной кассе. Наборщик берет набор и тихо выходит. На стене за открытой дверью тень работающего наборщика. Доносится однообразный шум американки. Входит Н а п р а в о. Он оглядывает комнату, видит спящую Тосю, подходит к кассе, берет из разных ящичков понемногу шрифта и быстро прячет в карман, потом подходит к Тосе и смотрит на нее. Тося просыпается под его взглядом.

Ты опять воровал шрифт?

Н а п р а в о. Да. Только теперь с разбором. А то я в прошлый раз набрал полные карманы «і» с точкой и твердых знаков.

Т о с я. И для чего это тебе? Не понимаю.

Н а п р а в о. Мало ли для чего! Пригодится. Пойдем домой. Я тебя провожу.

Т о с я. Я не могу уйти. Здесь нужен глаз да глаз. Откуда ты?

Н а п р а в о. С вокзала. Там очень трудно. Там все развалилось и всего пять комсомольцев. Надо будет подбросить туда еще ребят. *(Видит, что Тося задремала, и хочет подбодрить ее.)* Ты знаешь, Яков сказал, что ты курносая!

Т о с я *(сразу оживляется)*. Я знаю. И нечего мне напоминать об этом. Если бы я не была курносой, я бы думала, что он шутит. А так — он серьезно. Конечно, Валя красивее меня.

Н а п р а в о *(значительно)*. Кому что нравится!

Т о с я. Я не обижаюсь! Не обижаюсь! Но только бы я хотела быть самой красивой в мире.

Н а п р а в о. А я хотел бы быть самым талантливым. Но у меня не получается... Вот что, Тося... Мы ведь с тобой друзья?

Т о с я *(убежденно)*. Друзья!

Н а п р а в о. Да. И у нас даже есть намек на другие отношения, но это неважно. Скажи мне, почему так бывает, что в одной семье два брата и один из них талантливый, а другой — так себе? Вот я и мой брат.

Т о с я. Загадка природы.

Н а п р а в о. Не шути. Я сам люблю пошутить, но я знаю меру. *(Пауза.)* Я сегодня всю ночь думал. Наверно, я тоже талантливый. Ну не в стихах, так в чем-нибудь другом. Знаешь, я кое-что смыслю в музыке. У тебя хороший слух?

Т о с я. Абсолютный.

Н а п р а в о. Ну, так слушай! Только ты потом никому не рассказывай.

Тося делает знак: «Ни в коем случае».

Я сегодня у брата нашел стихи и придумал к ним музыку. Но для песни нужен припев. А там припева не было. И я сам этот припев сочинил. Ты сама понимаешь, что слова ужасные. Там даже есть такие слова: «Гой-да, гой-да, гой-да-дай!» Это даже не слова. Но главное — музыка. Хочешь со мной петь?

Тося. Очень, очень хочу.

Направо *(протягивает ей бумагу)*. Держи. Давай петь.

Когда Направо начинает петь, Тося пристально смотрит на него, с тем чтобы подхватить припев и запеть вместе с ним.

Тося и Направо
(поют)

Веселую песню поют кашевары,
Тачанка в степях мельтешит...
Я рад, что в огне мирового пожара
Мой маленький домик горит!

Гой-да, гой-да, гой-да-дай!
Ты меня не покидай,
Будь со мною рядом
Под любым снарядом!

Земля схоронила свои урожаи
Под жарким дыханьем огня...
Я рад, что в атаку не я провожаю,
Что ты провожаешь меня!

Гой-да, гой-да, гой-да-дай!
Не тоскуй и не рыдай,
А со мною рядом
Обменяйся взглядом.

Проходят по селам полки молодежи,
И юность берет города...
Я рад, что родился не раньше, не позже,
А именно в эти года.

Гой-да, гой-да, гой-да-дай!
Не тоскуй и не рыдай...

Они замолкают и прислушиваются. Слышно, как наборщик за стеной кончает припев.

Наборщик

Будь со мною рядом
Под любым снарядом.

Направо и Тося
(продолжают)

Гой-да, гой-да, гой-да-дай!
Не тоскуй и не рыдай,
А со мною рядом
Обменяйся взглядом!..

Наборщик появляется у двери и молча смотрит на них. Свет медленно гаснет на их восторженных лицах.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Снова клуб. Комната прибрана. Дуня перебирает в шкафу. Валя помогает ей.

Валя *(Дуне)*. Он бледный, у него серые усталые глаза, мягкие волосы... Что мне еще в нем нравилось? Забыла. Понимаешь, забыла.

Дуня. Что же ты помнишь?

Валя. Он жалкий, трусливый. Ты только представь себе — когда он кончил гимназию, у него был бал... вот в этой комнате, где сейчас ваш... наш клуб. И он не позвал моего отца. Потому что мой папа только учитель чистописания. Самый не важный урок в гимназии.

Дуня. А после этого?

Валя. После этого я встречалась с ним и была влюблена в него. *(Пауза.)* Ну подумай, вот если бы ты была на моем месте.

Дуня. Мне кажется, я не могла бы быть на твоем месте...

Валя. Да, наверное. Но если бы ты полюбила такого человека?

Дуня. Мне кажется, я не могла бы его полюбить.

Валя. А ты только представь себе.

Дуня. Нет! Не могу я представить!

Валя. Ну нарочно! На минуту!

Дуня. Нет, не могу!

Валя. А ты, наверно, никого не любишь, Дуня? Правда, никого?

Дуня *(после паузы)*. Люблю. Только я не люблю, чтоб об этом знали.

Валя. А он... тоже не знает?

Дуня. Никто не знает.

Валя. А ты?.. Твердо знаешь?

Дуня. Твердо.

Валя. Ты мне его покажешь?

Дуня. Он уехал.

Валя. А когда приедет, покажешь?

Дуня. Нет.

Шум проезжающего броневика. Вбегают Налево, Направо, Сашка и Моисей.

Сашка. Опять броневик.

Налево. Да. Это уже четвертый. И все они уходят на север. А фронт южнее.

Валя. Почему это?

Налево. Очевидно, потому, что так надо.

Сашка. Долго мы еще будем сидеть здесь?

Направо. Сиди, сиди, анархист.

Сашка. Сам ты анархист!

Направо. Я думал, ты не любишь, когда тебя феодалом называют. И анархистом, значит, нельзя?

Дуня. Успокойся, Саша, Яков сейчас вернется.

Моисей. Вот всегда так бывает. Как только начинается что-нибудь настоящее, мы сидим, ждем, как гимназисты в приготовительном классе.

Сашка. Правильно. Комсомол — это же фронт... Бить буржуев... А так... Эх!..

Молчание.

Моисей. Ну и книжица! Я всегда все дочитываю, а эту не мог.

Валя. Что это за книга?

Моисей *(далеко швырнул книгу)*. О любви. Мура страшная. Как сделать так, чтобы она тебя полюбила, или наоборот. Я так и не понял. В общем, как приготовить борщ из гнилой капусты.

Валя *(Саше)*. А у вас что за книга?

Моисей. Спорю, что у него «Три мушкетера».

Сашка. На что спорим?

Моисей. На что хочешь!

Сашка. Американское!

Моисей. Американское. Покажи!

Сашка *(показывает книгу)*. Ты проиграл. Это не «Три мушкетера». Это «Двадцать лет спустя».

Моисей. Покажи. «Двадцать лет спустя»! *(Пе-*

релистывает книгу.) Да это же она самая. Вот и герои тэ же — д'Артаньян, Áтос.

Сашка. Атóс!

Моисей. Пратос!

Сашка. Пратос, ха! Портос, швабра!

Моисей. Арамис...

Сашка. Герои те же, а книга другая. Это продолжение. Это через двадцать лет спустя!

Направо. Что же с ними стало через двадцать лет спустя?

Сашка. Так всего не расскажешь.

Направо. Но все-таки? Конкретно?

Сашка. Они дрались!

Моисей. За что?

Сашка. За многое. Они боролись против Людовика Тринадцатого.

Моисей. За кого?

Сашка. Тоже за Людовика. Только у того Людовика была другая цифра. Ну, они ездили, пили, воевали, влюблялись...

Моисей. Постой, постой! Они же двадцать лет назад делали то же самое.

Сашка. Да.

Моисей. Значит, ты проиграл!

Сашка. Здравствуйте! Почему проиграл?

Моисей. Выходит, что это та же самая книга.

Сашка *(возмущенно)*. Ну, Дуня, скажи, кто проиграл?

Налево. Стойте! Разрывы!

Все прислушиваются.

Слышите?

Моисей. Бум! *(Бросает в Сашку комок бумаги.)*

Сашка бросается за шинелью, одевается.

Н а л е в о. Ты куда?

С а ш к а. Куда? Сидеть? Ждать? Революция зовет — на печке сидеть?

Все бросаются к вешалке.

Д у н я. Ребята! Надо дождаться Якова!

Стук в дверь.

С а ш к а. Слышите?

Н а п р а в о. Это дверь хлопнула.

С а ш к а. Я хлопну, я хлопну!..

Н а п р а в о. Я — серьезно...

Н а л е в о. Яков пришел!

Входит Т о с я с журналами.

Т о с я. Яков где?

Н а п р а в о. Что это у тебя?

Т о с я. Где Яков?

Н а п р а в о. В ревкоме. Сейчас придет.

Д у н я. Наш журнал!

Тося отбивается от ребят, навалилась на журналы, раздает по одному.

Т о с я. Ребята! Чтобы не пачкать!

М о и с е й. Покажи, покажи!

Т о с я. Тебе не покажу. Там ни одной твоей запятой нету.

М о и с е й. Я никогда не любил знаки препинания.

В а л я. «Юный пролетарий».

Н а л е в о. Номер один!

С а ш к а *(разочарованно)*. Ну!.. Я думал, что это будет гораздо красивее.

Т о с я *(зло)*. Ну да! С виньетками? Как во французскую революцию?

Направо *(к Налево)*. Вот твои стихи. Я хотел, чтобы был твой портрет, но наборщик говорит, что ты еще не Пушкин.

Моисей. Журнал для конференции?

Тося. Ну?

Моисей. Статью о конференции нужно было пустить первой. Куда ты ее засунула?

Валя. Статья о какой конференции?

Налево. Конференция беспартийной молодежи.

Сашка. Беспартийная молодежь! Не понимаю, как это молодежь может быть беспартийной.

Тося. Журнал должен открываться стихами! Это журнал.

Сашка. Если это журнал, то здесь нужно печатать «Двадцать лет спустя» с продолжением... Чтобы все ждали!

Тося. Двадцать лет, двадцать лет...

Валя *(мечтательно)*. Через двадцать лет! Что будет через двадцать лет?

Тося. Через двадцать лет будет социализм!

Сашка *(без знаков препинания)*. Безусловно очень возможно.

Тося. А когда социализм действительно будет, так это как будто мы прожили тысячи лет. Потому что и тысячу лет назад мечтали о социализме. Но это как-то непонятно. Вот социализм — и я вдруг живу!.. И Дуня, и Сашка, и Налево — Направо. Только тогда вы будете называться наоборот: Направо — Налево! Потому что надо, чтобы и это изменилось в эту тысячу лет, которые двадцать лет, то есть в эти двадцать лет, которые тысяча... Ну, вы меня поняли.

Направо *(притворно-мечтательно)*. Через двадцать лет Тося будет знаменитой артисткой.

Тося. Буду! Обязательно буду!

Н а п р а в о *(удрученно)*. С таким лицом, с таким носом!..

Т о с я *(ничуть не обижается, подходит к зеркалу)*. Ничего! Под гримом сойдет. Вот Стрепетова — это ужас какая была, а очень способная артистка. *(Вале.)* Вот увидишь на драмкружке, какая я буду! Я буду играть главную роль! Хотя как же ты?

В а л я *(с уверенностью красивой девушки)*. А я буду играть старух. Я очень люблю играть старух.

Н а л е в о *(галантно)*. Тогда я буду играть старика. Старше вас на несколько лет.

М о и с е й. А Дуня что будет делать?

Д у н я. А я буду говорить: «Кушать подано!»

М о и с е й. А я переспрошу: «Подано?» — и пойду кушать.

В а л я. А какую пьесу мы будем играть?

Т о с я. А мы напишем сами. С главной ролью для меня.

Н а п р а в о. Кто это — мы?

Т о с я. Ну, Налево! Он обещал.

Н а л е в о. Ну пока я еще напишу. Я ведь не умею писать прозой. Я все время невольно перехожу на стихи.

С а ш к а. А что тут уметь! Стихи — это действительно трудно, а прозу каждый может.

Н а п р а в о. Если каждый, значит, и ты?

С а ш к а. И я.

Н а п р а в о. «...воскликнул д'Артаньян...»

С а ш к а. Подождите! У меня есть план. Вы занимайтесь, а я пока буду распределять роли. *(Садится, что-то пишет.)*

Т о с я. Все-таки Лукомор сделал к сроку. Видите?

В а л я. Какой Лукомор?

Т о с я. Наш наборщик. Его зовут Лука. А мы его зовем Лукомор, как у Пушкина. Помнишь?

В а л я. Черномор?

Т о с я. Ага! Он очень похож! Вылитый... Красивый журнал?

В а л я. Красивый. Только почему нет ни одного рисунка?

Т о с я. Потому что для этого нужно специальное кли-ше! Ясно, понятно? А это сейчас невозможно. И здесь не все поместилось. Нужно еще вклеить эти листочки. Давайте!

Все помогают ей.

С а ш к а *(увлечен своими театральными планами и ничего не видит и не слышит)*. Ну, девчат легко, а вот кто будет играть мушкетеров? Ну, д'Артаньян — это, конечно, я! А Портос? Кто может играть Портоса? Весельчак, любит поесть... Может быть, Направо? А Налево — Арамис! Ухажер, поэт... Моисей будет играть трактирщика. А Атос? Кто сыграет Атоса? Мужественный, красивый, высокий, благородный... Нет Атоса.

Входит К о л я. Это рослый парень с широкой улыбкой. Видно, что он вернулся из похода. Сашка первый увидел его и подбегает к нему.

Атос! Коля! Ты будешь играть Атоса!

Ребята обступают Колю. Одна Дуня в стороне.

Н а л е в о.
Н а п р а в о. } Коля! Коля! Коля!
Т о с я.

Н а п р а в о. Когда ты приехал?

К о л я. Дуня! Подойди сюда! Я тебя обниму.

Дуня подходит к нему, и он обнимает ее, как взрослый маленькую.

Как живешь, Дуня?

Д у н я *(смотрит ему в глаза)*. Хорошо живу, Коля.

М о и с е й. Откуда ты?

К о л я. Из-под Лозовой. Я две ночи не спал. Я сейчас ке-ек засну!

Н а п р а в о. Подожди спать. Расскажи, что хорошего?

К о л я. Мало хорошего.

С а ш к а. Говори. Ты ведь знаешь, что мы не из трусливых.

К о л я *(смотрит на него, улыбается, потом опять становится серьезным)*. Мы отступаем повсюду. Наш полк вернулся сюда. Четверть полка.

Т о с я. Почему?

К о л я. Все, что осталось. И вот меня опять вернули к вам. И вот я опять с вами... Я проезжал одну деревню. Она называется Журавлевка. На эту деревню напала какая-то банда. Убили шесть комсомольцев. Я смотрел на них... и потом так торопился сюда. Мне хотелось поскорей узнать, что с вами, где вы, как вы...

Д у н я. Мы ждем Якова...

Н а л е в о. Теперь мы, наверно, отправимся вместе с тобой!

С а ш к а. Теперь я ни за что не останусь.

Входит Я к о в с каким-то в и х р а с т ы м п а р н и ш к о й. Парнишка принес несколько винтовок. Яков под левой рукой тоже принес две. Они ставят их в угол. Ребята молча смотрят на сосредоточенного Якова. Яков здоровается с Колей.

Я к о в. Товарищи! Конференция откладывается!

В с е. Как? Опять? Почему?

Я к о в. Конференция откладывается потому, что вечером в городе будут белые.

Молчание.

Т о с я *(волнуясь)*. Я не понимаю, почему все так волнуются? Мы этого ждали со дня на день...

С а ш к а *(бросается к винтовкам)*. Значит, оружие ты принес для нас? Когда мы выступаем?

Я к о в. Подождите! Сейчас придет Семен, тогда все выяснится.

Все берут оружие и рассматривают его.

(Парнишке.) Ванек! Ты можешь идти.

В а н я. Что ж, я тебе только носильщик, что ли? Я бы тогда лучше чемоданы на вокзале таскал.

Я к о в. Чего же ты хочешь?

В а н я. А я посижу здесь, пока наш полк не пройдет. Он должен пройти мимо вашего дома. И я подожду, пока придет товарищ Семен. Я хочу послушать его перед дорогой.

Н а л е в о. Ты уходишь вместе с полком, Ваня?

В а н я. Чего же? Я думаю, вместе пойдем. Может, для этого Яков винтовки взял. Я их таскал, как дурак, а он меня гонит.

Я к о в. Я тебя не гоню.

В а н я. То-то же! Меня, брат, пять раз из училища выгоняли, пока я сам не ушел.

Все смеются. Входит С е м е н.

С е м е н. Почему вы с винтовками?

М о и с е й. Потому что мы мобилизованы.

Семен. Да. Вы мобилизованы. И поэтому вы останетесь здесь.

Тяжелое молчание.

Яков! *(Отходит в сторону с Яковом.)*

Налево. Есть такие хорошие слова: боевое крещение.

Семен. Есть такое хорошее слово: подполье. Это еще трудней, еще тяжелей. И это тоже очень почетно... Что с вашим драматическим кружком? Он уже начал работать?

Тося. Мы хотели... Только теперь уже...

Семен. Теперь этот кружок — все! Валя будет руководить этим кружком. Пройдет несколько дней, может быть, недель. Вы будете отсиживаться дома. Валя будет находиться здесь. Ее не тронут. И когда все будет спокойно, она сообщит мне. И здесь вы начнете собираться. Здесь, в бывшем комсомольском клубе, вас уже никто не будет искать. Это покажется невероятным.

Моисей. А если вернутся хозяева?

Семен. Валя знакома с хозяевами. Она им скажет, что в их отсутствие она просвещала некультурных рабочих. Это у них бывает.

Моисей. А мы будем сидеть, как в клетке, и ждать, чтобы нас выпустили?

Семен. А вы будете сидеть, как в клетке, которую надо разломать! А для этого надо работать. Вы будете работать так, как никогда не работали. Агитация, подпольная агитация! Переброска оружия, связь с партизанами, подготовка к вооруженному восстанию... Мужество — это не только красиво. Мужество — это еще очень тяжелая кладь, которую надо терпеливо носить изо дня в день. Больше всего в жизни

я бы хотел увидеть вас опять живыми и веселыми, когда вернутся наши.

На улице — гармоника. Все бросаются к окну.

Ваня. Это мой полк! До свиданья, товарищи! *(Пожимает всем руки.)* Извините за разлуку, но я тут ни при чем! *(Убегает.)*

За окном песня:

Ох, придется тебе не скоро
Сына милого обнимать, —
В исторические просторы
Ухожу я, родная мать!

Припев

Эй, трубач молоденький!
Затруби такое,
Чтобы наша молодость
Потекла рекою!

Нашу молодость боевую
Никогда не согнуть дугой, —
Не пойдем мы на мировую
В революции мировой!

Припев

Эй, трубач молоденький!
Затруби такое,
Чтоб до счастья нашего
Нам достать рукою!

Коля кулаком распахивает окно и поет в улицу:

Мы идем в ураган шрапнели,
Чтоб в далекие времена,
Словно ласточки, пролетели
Комсомольские имена!

Ему с улицы отвечают припевом.

П р и п е в

Эй, трубач молоденький!
Затруби такое,
Чтобы наша молодость
Потекла рекою!

Вбегает В а н я.

В а н я. Яков! Произнеси речь! Они очень просят. Произнеси речь!

Т о с я. Возьми журналы!

В а н я. Давай!.. До свиданья, товарищи! *(Убегает.)*

Я к о в *(в открытое окно)*. Товарищи! Счастливых боев вам, товарищи! Вспоминайте о нас в ваших победах! Мы тоже в них участвуем, в ваших победах, потому что мы всегда с вами! Прощайте, товарищи!

Крики с улицы: «Прощайте, товарищи!»

С а ш к а *(в окно)*. Товарищи-и!.. Прощайте! Товарищи-и!

Крики с улицы: «Прощай, Сашка-а!» На улице становится все тише. За окном — пустой город.

С е м е н. Это ушел последний полк. Теперь в городе нет ни одного красноармейца.

Все стоят молча. Моисей вертит в руках трубу.

Т о с я. Можешь спрятать свою трубу. Драмкружок кончился.

С е м е н. Почему кончился? Драмкружок только начинается.

С а ш к а *(протягивает Семену книгу, робко)*. Я вот хотел предложить, чтобы мы играли «Двадцать лет спустя».

Семен. Двадцать лет спустя! Представьте себе, что прошло двадцать лет, и что вы сидите среди комсомольцев тысяча девятьсот сорокового года, и что ты, Яков, выступаешь, как старый комсомолец. Что бы ты им сказал?

Пока Семен говорит, медленно зажигается свет в зрительном зале.

Яков *(в наполовину освещенный зал)*. Товарищи! В тысяча девятьсот девятнадцатом году в городе, окруженном со всех сторон белыми, собралась группа комсомольцев. Они уходили в подполье. Сейчас, перебирая архивы истории комсомола, вы знаете, кто из нас дожил до ваших дней и кто погиб славною смертью. Мы этого еще не знали. Мы жили одним дыханием. И вот будто бы снова я сижу в этой знакомой комнате, будто рядом со мной опять мои молодые друзья, и наш комсомольский поэт читает свои стихи.

Налево *(поднимается и читает стихи)*.

Мы в жизнь вошли с простертыми штыками,
И ветер будущего знамя шевелит,
И снова время новыми громами
Над новым поколеньем загремит!

Но наши дни, но годы боевые
В сохранности в грядущее нести
Мы обещаем вам, чтоб рядом, как живые,
По Красной площади в Октябрьский день
пройти.

Мы шли в походах, отдыха не зная,
Чтобы потом, чтобы в конце дорог
Земля уродливая, грязная, больная
Такой красавицей легла у ваших ног!

Яков
(начинает напевать «Песню о сороковом годе». Остальные присоединяются к нему)

Шумит над нами время боевое,
Прифронтовою линией летя...
Мы будем жить легендой молодою
И через год и двадцать лет спустя.

О прошлых днях, о первом наступленье,
О тех, кто шел в передовом ряду,
Споет о нас другое поколенье,
Споют о нас в сороковом году.

И молодежь подхватит песню эту,
И пронесет через года побед,
И передаст ее, как эстафету,
Далеким дням шестидесятых лет...

К концу песни постепенно гаснет свет на сцене и в зрительном зале. И уже в полной темноте, будто из далекого прошлого, звучит труба Моисея.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната, которая раньше была комсомольским клубом. Направо и Валя у окна. За окном под марш проходят белые войска.

Направо. Ты посмотри, сколько войска! Они идут и идут... Они идут уже больше часа... И подумать только, что мы должны их всех победить!

Валя. Когда я смотрю на них, мне кажется, что это невозможно!

Направо. Тебе, наверно, немного страшно? Из роскошной жизни прямо в подполье!

Валя. У меня никогда не было роскошной жизни. Вы все напрасно так думаете.

Направо. Но все-таки ты не жила так худо, как мы.

Валя. Да, конечно, не так плохо.

Направо. Вот я сегодня ходил по улице и думал: в городе белые! Меня окружают тысячи врагов! Мне должно быть страшно. А мне ни капельки не страшно. Мимо меня проходил какой-то офицер. И мне захотелось выпачкать ему спину мелом, или оторвать шпору, или еще что-нибудь такое... Наверное, потому,

что я очень веселый и контрреволюция слаба, чтобы сделать меня грустным.

Звонок.

Шрифт! *(Бросается к креслу.)*

Из соседней комнаты выбегают Сашка и хозяйка. Звонок и стук в дверь.

Хозяйка. Вы — мои рабочие! *(Выходит.)*

Стук еще настойчивее и сильнее.

Голос: «Чей это дом?»
Голос хозяйки: «Это особняк Домбровских!»

Хлопнула дверь. Голоса затихают.

Хозяйка *(входит)*. Они спрашивают: «Чей это дом?» Я говорю: «Это особняк Домбровских».— «А где хозяин?» — «Скоро приедет».— «А сейчас ты здесь живешь, бабка?» Я говорю: «Я не люблю, чтобы со мной грубо разговаривали: я не бабка, я экономка».

Валя. И они ушли?

Хозяйка. Они постояли, посмотрели вокруг и ушли. Они поняли, что со мной трудно разговаривать. Экономка! Меня нужда сделала экономкой. Я могла бы жить более интересной жизнью.

Звонок. Входит Моисей.

Моисей. Это совсем не похоже на наш клуб. Мне кажется, что я пришел в гости к богатым людям и что меня сейчас выгонят.

Вбегает Сашка с ведром и метлой.

Сашка. Моисей, ну как?

Моисей. Хорошо.

С а ш к а. Чья работа?

Н а п р а в о. «...воскликнул д'Артаньян...»

С а ш к а. Ладно, ладно! Не трудящийся не ест! *(Уходит.)*

Входит Я к о в.

Я к о в. Еще не репетируют? Я не опоздал?

С а ш к а. Нет, нет. Мы ждем, пока все соберутся.

Я к о в. Берта Кузьминична!..

Х о з я й к а. Ну, я вижу, я вам мешаю. Я пойду.

Входит Д у н я.

Д у н я. Здравствуйте, Берта Кузьминична! Как вы хорошо все прибрали!

Х о з я й к а. Мои рабочие. *(Уходит.)*

Я к о в. Дуня, иди сюда... Коротко, Моисей! Как с бумагой для листовок?

М о и с е й. Бумага есть. Сегодня вечером ее принесут ко мне. Утром она будет у наборщика.

Я к о в. Ты отнес шрифт?

Н а п р а в о. Нет еще. Сейчас придет Тося. Она скажет, куда его нести.

Я к о в. Где же он?

Н а п р а в о. Еще здесь.

Я к о в. Ах ты!.. Когда же они будут готовы? Не позднее субботы листовки должны быть в Павлограде.

С а ш к а. Мы сегодня здесь всю ночь работали.

Я к о в. Дуня!

Д у н я. Я была на своей фабрике. Арестовали Гаврилова, Петренко, весь фабричный комитет. Завтра я буду в гильзовом цехе. Мне обещали там все подробно узнать.

Я к о в. Я был в больнице. Там очень хороший доктор. Между прочим, он нам может пригодиться.

В приемной я разговаривал с солдатами,— кажется, в городе остается всего два полка. Все?

В а л я. Да, сейчас сюда приходили. Спрашивали, чей это дом. Берта сказала, что хозяин скоро вернется. И они ушли.

Я к о в. Молодец Берта!

Н а п р а в о. А братишку не встречал?

Я к о в. С утра не видел, соскучился? Скоро придет. Я его в депо послал. Семен просил.

С а ш к а. В депо надо было меня послать. Я там свой человек.

Я к о в. А вот скажи-ка мне, свой человек, если ты собираешься вечером расклеивать подпольные листовки, то весь город должен об этом знать?

С а ш к а. Почему знать?

Я к о в. Ведь это надо додуматься — ходить по всем лавочкам и спрашивать, нет ли у вас порожних банок из-под какао. Ты бы уж прямо в контрразведку за клеем пошел. Конспиратор!

С а ш к а. А как они могут догадаться, для чего мне эти банки? Может, я в них червей для удочки собираю?

Я к о в. В общем, Сашка, если ты сюда еще хоть что-нибудь принесешь, то лучше прощайся с нами.

С а ш к а. А вот Направо принес шрифт, а ты на него не кричишь.

Я к о в. Возьми кошелку и немедленно выбрось всю эту дрянь.

Сашка послушно уходит.

Теперь о шрифте. Как только придет Тося, вы с Сашкой отнесете шрифт в типографию.

М о и с е й. А где он?

Н а п р а в о. Вот он. Я его несколько месяцев собирал.

М о и с е й. За это время можно было собрать целую типографию.

Н а п р а в о. Я так и думал. Я хотел собрать шрифт на целую комсомольскую типографию. И чтобы там печатался наш журнал. И чтобы там вышла первая книга стихов моего брата. Я даже ей название придумал: «Винтовка и сердце». Но он говорит, что это по-мещански. Ну, пусть я мещанин!

Звонок.

Ну вот и Тося пришла. И твои подруги тоже.

Я к о в. Вы идете на базар?

Н а п р а в о. А что особенного? Куда хочу, туда иду.

Я к о в *(Вале)*. Валя, открой им и действуй.

Валя выходит.

М о и с е й. Сашка!

Вбегает С а ш к а с кошелкой. Вместе с Яковом они достают из рояля банки, и Сашка уносит их. Вбегает Т о с я.

Т о с я. Скорей идем. Наборщик нас ждет!

Н а п р а в о. Мы идем на базар!

Входят В а л я, Л ю д а и Н и н а.

Н и н а. Я тут уже год не была.

Л ю д а. Я думала, что я уже никогда здесь не буду. А что у вас сейчас там?

Валя, Люда и Нина уходят в соседнюю комнату.

М о и с е й. Я не знаю, как с ними разговаривать. Им, наверно, после каждого слова нужно говорить: «извините», «пожалуйста»...

С а ш к а. А по-моему...

Входят В а л я, Л ю д а и Н и н а.

Т о с я. Валя! Они меня сейчас познакомили с одним офицером. Такой интересный, такой интересный...

Л ю д а. Это Вадим, мой двоюродный брат. Он тебя знает. Он очень хочет с тобой познакомиться. Он хотел прийти к нам сюда.

Т о с я. А я сказала: «Приходите прямо на представление, когда все будет готово».

Л ю д а. Когда вы ушли, он сказал...

Т о с я. Что он сказал?

Л ю д а. Он сказал, что вы совсем не похожи на артистку...

В а л я. И я тоже?

Л ю д а. Нет, ты ему очень нравишься. Знаешь, как он называет наш кружок? «Смерть искусству»!

В а л я. Пусть смеется... Увидим, увидим...

Л ю д а. Да... мы еще не познакомились. Власовская.

С а ш к а. Александр Сергеев.

Я к о в. Яков.

Л ю д а *(тихо Вале)*. Это они — Налево — Направо?

В а л я. Нет. Они сейчас придут. Они вам очень понравятся. Они такие веселые. Очень смешные. Они вам понравятся.

Н и н а. Мы их ждем?

Входит Н а п р а в о.

Н а п р а в о. Здравствуйте, Люда... Здравствуйте, Нина...

Л ю д а *(тихо Вале)*. Это Направо?

Н а п р а в о. Нет. Я — Налево.

Н и н а. Это вы поэт?

Н а п р а в о. Я.

Н и н а. Вы давно пишете стихи?

Н а п р а в о. С детства.

Л ю д а. Посвятите мне, пожалуйста, стихотворение.

Н а п р а в о. С удовольствием. Вот сейчас вернусь и посвящу, мне ничего не стоит.

Н и н а. Куда же вы уходите? Сейчас начнется репетиция.

Т о с я. Мы придем ко второй сцене. Мы в первой не нужны.

С а ш к а. Мы пойдем на базар искать что-нибудь для занавеса. Сами понимаете: раз театр, должен быть настоящий занавес.

Н а п р а в о. Ну-с... Я к вам еще вернусь. *(Тосе.)* Пойдем, курносая.

Направо, Сашка и Тося уходят.

Н и н а. Что же, они не будут с нами репетировать?

В а л я. Они скоро вернутся. Сейчас мы можем начать репетицию. Мы репетируем сцену в трактире. Ты, Моисей, играешь трактирщика. *(Люде.)* Ты — госпожу де Лонгвилль. *(Нине.)* Ты — Анну Австрийскую. А ты, Дуня,— королеву Генриетту... Здесь будет трактир. Это стул для Атоса.

Н и н а. А где же Атос?

В а л я *(беспокойно Якову)*. Да, где же он?

Входит К о л я.

Коля. Здравствуйте. Я не опоздал?

Валя. Мы тебя ждем. Садись. Ты — Атос!

Коля. Хорошо.

Валя *(суфлируя)*. «Эй ты, слуга!»

Коля. «Эй ты, слуга!»

Валя. Громче, Коля! Громче. *(Суфлируя.)* «Я здесь, сударь!»

Моисей. «Я здесь, сударь!»

Валя *(суфлируя)*. «Бутылку бургонского!»

Коля. «Бутылку бургонского!»

Валя. «Слуга уходит и сейчас же быстро возвращается». Салфетку повяжи. Да не так! *(Подходит и вместе с Моисеем завязывает салфетку.)*

Коля *(тихо)*. Надо, чтобы посторонние ушли. Что-то случилось.

Моисей. Что случилось?

Коля. Я еще не знаю. Придумай что-нибудь, чтобы они ушли.

Моисей. Хорошо. Постараюсь. *(Громко.)* Давайте продолжать.

Валя. Давайте продолжать. *(Суфлируя.)* «Сударь, а где деньги?»

Моисей. «Сударь, а где деньги?» *(Ищет.)*

Смех.

Валя. «Нет, его деньги».

Моисей. «Его деньги».

Смех.

Валя. «Ему, ему...»

Моисей. «Ему».

Смех.

Люда. Он не может.

М о и с е й. Нет, я так не могу. В трактире нет ни госпожи де Лонгвилль, ни Анны Австрийской. Чепуха получается.

Н и н а. Ну и что же?.. Мы посидим и посмотрим в уголочке.

Л ю д а. Мы не помешаем. Мы будем сидеть тихо в уголочке.

М о и с е й. Нет, вы помешаете. Я не настоящий артист. Вы смеетесь, и я стесняюсь.

Н и н а. Что же, нам удалиться?

В а л я. Перестань капризничать, Моисей. Ну что тут особенного?

М о и с е й. Нет! Я могу играть при публике, когда спектакль, а сейчас я репетируюсь!

Л ю д а. Мы пока погуляем на бульваре.

Н и н а. Но в трактире нет и королевы Генриетты, и Дуне надо уйти?

Д у н я. Хорошо.

В а л я. Но Дуня еще играет хозяйку в трактире, поэтому ей надо остаться, Моисей!

М о и с е й. Ладно, пусть остается.

Н и н а. А надолго нам уйти?

М о и с е й. Вот через полчаса начнется ваша сцена. Тогда и приходите.

Л ю д а. Пойдем, Нина.

Девушки выходят. Ребята с напряженным ожиданием смотрят на Колю.

К о л я. Я только что встретил Тосю. Она бежала изо всех сил. Я окликнул ее, но она только обернулась, растерянно посмотрела на меня и побежала дальше... Она ушла одна?

В а л я. Нет. С нею были Сашка и Направо.

Тяжелое молчание.

Я к о в. Она была с кошелкой?

К о л я *(припоминает)*. Да.

Опять молчание.

Я к о в. Они вместе шли к наборщику. И если Тося бежала одна, значит...

Входит н а б о р щ и к. Он неловко останавливается у двери. Все смотрят на него.

Н а б о р щ и к. Простите, здесь бывает такая беленькая девочка по имени Тося?

М о и с е й *(резко)*. Ее сейчас здесь нет.

Д у н я *(подходит к наборщику)*. Здравствуйте!

Н а б о р щ и к *(обрадованно)*. Здравствуйте, Дуня. *(Моисею.)* Я знаю, что ее здесь нет. Я сам сейчас только от нее. *(Молча осматривается.)*

Д у н я. Можете говорить.

Н а б о р щ и к. Она прибежала ко мне. Она принесла шрифт. Как только донесла она такую тяжесть! Она прибежала вся в слезах. Она сказала, что с ней шли двое мальчиков, что их остановили и велели развернуть сверток и что мальчики крикнули ей: «Беги, Тося!» — а сами начали драться. И она побежала, и услышала выстрел, и увидела, что один из них упал, а другого схватили.

Я к о в. Дальше!..

Н а б о р щ и к. Потом она очень долго молчала, и потом: «Передайте ребятам, что убили Направо». Я его знал. Это был очень веселый мальчик. Он всегда таскал у меня шрифт... Он думал, что я этого не замечаю. И сейчас, когда я шел сюда, я видел, как он лежит у киоска. *(Пауза.)* А Тося плакала и все просила меня развер-

нуть шрифт и посмотреть, не растеряла ли она по дороге...

Молчание.

Коля. А Костя, его брат? Он еще не знает?

Наборщик. Не знаю. Я его не видел. *(Тихо уходит.)*

Яков взволнованно ходит по комнате. Он посмотрел в окно.

Яков. Костя идет.

Ребята не знают, как быть. Они смотрят друг на друга. Моисей играет на рояле что-то бессвязное. Входит Налево. Видно, что он знает. Моисей его не видит, он сидит спиной к двери и продолжает играть. Яков берет Налево за руку. Музыка смолкает.

Коля. Костя!

Налево *(всматривается в него)*. Я ничего не вижу... Я только вижу, как он лежит там... у киоска... вниз лицом...

За окном грянул оркестр. Налево бросается к выходу. Все удерживают его.

Если бы мне только найти тех людей, которые его убили! Я бы... я бы...

Моисей. Это гражданская война, Костя...

Дуня *(Моисею)*. Не надо! Пусть он сам говорит!

Налево. Он был очень веселый... и очень мужественный. Он не боялся смерти... ни чужой, ни своей... И вот он теперь сам в списке убитых. Мы теперь...

Коля. Костя!

Налево. Раньше нас звали Налево — Направо. И только я один называл его Вася... Потому что он мой

брат и я с детства так привык: Вася, Вася... А теперь меня зовут Костя, и мне от этого так грустно. *(Садится у стола.)* Когда умирает великий человек, его именем называют город или улицу... А он был только маленьким, незаметным комсомольцем. Но мне хочется назвать его именем каждый переулочек, потому что... потому что... *(Отворачивается, плачет.)*

Д у н я *(подходит к столу и становится против Налево)*. Мы все очень хотим утешить тебя, Костя. Но, наверно, это невозможно. И я не знаю, что тебе говорить. А мне очень хочется... Хочешь, я прочту тебе стихи, которые ты мне подарил? *(Продолжает в упор смотреть на него.)*

Славный товарищ мой! Друг мой большой!
Пусть повторится знакомое имя
Всеми надеждами, всей душой,
Всеми товарищами твоими.

Не разлучить нас дням и годам!
Друг мой! Торжественно обещаю:
Все, что я выдумаю,— отдам,
Все, что останется,— не потеряю...

Громкою песней, гулом боев
Вот она встала перед тобою —
Жизнь, наполненная до краев
Неукротимым дыханием боя!

Налево сидит, опустив голову. Дуня в упор смотрит на него. Кругом неподвижно стоят товарищи.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Берты Кузьминичны. За окном — далекое танго. Часы отбивают десять ударов. Хозяйка и Тося. Тося смотрит в окно.

Молчание.

Тося. Наверно, он уже приехал.

Хозяйка. Кто приехал?

Тося. Костя. Он уехал в Павлоград.

Снова молчание.

Хозяйка. Вы напрасно от меня что-то скрываете. Я совсем не болтунья. У меня тоже есть свои идеалы. Вот вы же перешли в мою комнату, потому что здесь безопаснее. Значит, вы немножко верите мне...

Тося. Берта Кузьминична! Мы вас очень любим, мы вам очень благодарны.

Хозяйка. Вот я хожу по улицам, я вижу страшную силу и думаю: а мои ребятки — против!.. Мои ребятки!.. Я люблю людей, но не со всеми я ласкова... Ко мне нужно найти подход...

Пауза.

Тося. Берта Кузьминична, а тот свитер, который вы вязали... Направо, вы подарили его Косте?

Хозяйка. Я хотела утешить его.

Тося. Он был мне очень родным...

Хозяйка. Я видела... Тебе очень грустно? Можешь мне жаловаться.

Тося. Спасибо. Он был мне очень родным, но я бы не хотела, чтобы меня утешали.

Пауза.

Хозяйка. Да. Не всегда можно и нужно утешать. Валя сегодня была очень красивая. Это платье ей очень идет. Куда она пошла? Вот ты опять не хочешь мне сказать. А я знаю. И ты беспокоишься... я вижу... И я тоже беспокоюсь... Я не могу понять, зачем это понадобилось? Комсомольцы в такое время идут с офицером в ресторан,— зачем это нужно?

Тося. Валины подруги познакомили ее с этим офицером. И когда... это... случилось, Яков сказал Коле: «Ты оденься красиво и пойди с Валей и этим офицером в ресторан. Напои его там и узнай, что с Сашкой... жив ли он?»

Хозяйка. Это хорошо для выдумки. В жизни так не бывает.

Тося. А Коля сказал: «Я ведь не умею пить. Я никогда не пил». А Яков ответил: «Ты очень сильный, крепкий, здоровый. Ты сможешь. Это нужно для дела. И никакого другого способа узнать о Сашке нету». И вот они сейчас там, в ресторане, а я сижу и жду...

Пауза.

Хозяйка. А что же? Этот офицер много знает?

Тося. Он у них почти самый главный. Когда меня с ним познакомили, у меня прямо сердце упало, и я так глупо хихикала, что мне самой стало противно.

Хозяйка. Вообще говоря, это неплохая мысль... В пьяном виде он обязательно что-нибудь выболтает.

Входит Яков.

Яков. Их еще нет?

Тося. Нет.

Яков садится.

Я к о в. У меня еще никогда так не болела рука, как сегодня. Мне сказали — перебит нерв. Но почему же так болит?

Молчание.

Х о з я й к а. Яков! Валя была сегодня очень красивая. Вам надо на ней жениться, Яков. Она, по-моему, вас очень любит.

Я к о в. Почему я сейчас должен об этом думать?

Х о з я й к а. Надо всегда думать об этом. Если бы у меня были самые сильные боли, я бы все равно думала об этом... Интересно, когда я буду умирать, о чем я буду думать? Наверно, тоже об этом...

Входит М о и с е й.

Я к о в. Ты ничего не видел?

М о и с е й. Я несколько раз прошел мимо окон. Там была чуть раскрыта занавеска, и кое-что можно было увидеть.

Все вопросительно смотрят на него.

Этот офицер — здоровенный детина. Вряд ли Коля его осилит...

Т о с я. А что Валя?

М о и с е й. Валя сидит так, как будто она никогда не выходила из ресторана. Она все время что-то говорит и смеется, и офицер сильно ухаживает за ней. *(Пауза.)* А вообще это довольно противно — ресторан. Если бы у меня было много денег, я все равно ни за что не пошел бы в ресторан. Я бы лучше хорошо питался на дому.

Я к о в. А Дуня что делает?

М о и с е й. Дуня осталась на улице. Она ходит мимо окон и наблюдает... Я опять пойду к ней. Нельзя ее оставлять одну. Мало ли что может случиться.

Я к о в. Моисей, будь осторожен, не бросайся в глаза. Еще не хватает, чтобы тебя схватили.

М о и с е й. Я никогда не бросаюсь в глаза... Вообще я незаметный. *(Уходит.)*

Х о з я й к а. Он милый мальчик, этот Сашка. Только очень молодой и еще глупенький. Ему надо постареть лет на десять, и из него хороший человек получится... Хорошо, если вам удастся его спасти.

Входят В а л я и Д у н я. Валя в нарядном платье.

Я к о в. А где Коля?

В а л я. Я их оставила. Пусть посидят вдвоем. Может быть, тогда что-нибудь получится. А так он все время ухаживал за мной, и мы ничего не могли узнать.

Д у н я. Я сказала Моисею, чтобы он ждал у выхода, потому что Коля сам не дойдет.

В а л я. Коля держится очень спокойно. Но лицо у него совсем красное. Они заказали еще вина, когда я уходила.

Т о с я. Может быть, этого не следовало делать?

Я к о в. Может быть, может быть... Но я бы расцеловал того человека, который указал бы мне другой путь к спасению Сашки...

В а л я *(подходит к Якову, кладет ему руку на плечо)*. Ты не огорчайся, никто тебя не осуждает.

Я к о в. Как назло, я нигде не мог найти Семена, чтобы посоветоваться с ним. *(Резко снимает Валину руку.)* Не утешай меня. Я отвечаю за то, что делаю.

Молчание.

Х о з я й к а *(Вале)*. Где вы достали такое шикарное платье? Теперь такого материала не найти. *(Пауза.)* У меня тоже есть очень красивое платье. Почти такое, как это. Только я его не надеваю. Не для чего.

Т о с я. Я пойду. Я хочу посмотреть, что там делается. Я не могу спокойно сидеть.

Д у н я *(тихо)*. Не надо.

Тося остается. Молчание.

Х о з я й к а. Ну-с, чтобы вам не было так грустно, я могу вам рассказать что-нибудь о своей жизни. Я помню...

В дверях — К о л я. Его поддерживает М о и с е й. Коля очень хорошо одет, но на нем все в некотором беспорядке. Он старается держаться спокойно и воспаленным взглядом смотрит на друзей.

М о и с е й. Садись, садись, Коля... *(Подводит его к креслу.)*

Коля тяжело усаживается. К нему подходит Яков.

К о л я *(с трудом узнает Якова)*. Я-ков... Не дай мне заснуть!.. Яков... Это очень... очень важно... Не дай мне заснуть! *(Засыпает.)*

Я к о в *(тихо и настойчиво)*. Не спи! Не спи!

К о л я *(открывает глаза)*. Не посылай меня больше на такое дело... Яков... Я... ничего... не помню...

Я к о в. Вспомни. Вспомни.

К о л я. Да... да... Вот я вспоминаю... Мы сидели... Потом Валя ушла... Потом он стал совсем пьяный, и он вспомнил свое детство... и он закричал... на весь кабак закричал: «Ма-ма!..» А я не кричал... Я только подумал... *(Яростно вскакивает.)*

Я к о в *(усаживает его)*. Не это. Не это!

К о л я. Да, да... Подожди... я вспомню... Потом он сказал, что у Сашки взяли список... всех комсомольцев... там ты... и я... и все...

Я к о в. Какой список? У него не могло быть никакого списка!

К о л я. Был список...

Я к о в. Откуда он взял этот список?

К о л я. Не знаю... но они знают всех... Только они не знают, где мы... Буди меня! Еще... очень важное... Буди меня...

Я к о в *(ожесточенно трясет его левой рукой)*. Говори! Говори!

К о л я. Потом он сказал... Что он сказал?

Часы бьют один раз.

В одиннадцать часов у железнодорожников... облава... в одиннадцать часов. Ну вот... все... *(Довольный, заснул.)*

Я к о в. Осталось полчаса. Надо бежать. Бежать так, чтобы лопнуло сердце! Тося! Моисей! *(Дуне.)* Ты останешься с Колей.

Д у н я. Хорошо.

В а л я. Я тоже пойду.

Я к о в *(смотрит на ее платье)*. Переоденься сначала... Идем...

Яков, Тося, Моисей убегают. Валя уходит в соседнюю комнату. Дуня и хозяйка смотрят на спящего.

Х о з я й к а. Он очень намучился. Я принесу ему что-нибудь под голову. *(Выходит.)*

Д у н я *(все так же глядя на спящего, отходит от него на несколько шагов, потом говорит громко и отчетливо)*. Я тебя очень люблю, Коля. Я тебя никогда не перестану любить!

Входит х о з я й к а с подушкой и осторожно подкладывает ее под голову спящему.

Х о з я й к а *(очень тихо)*. Пусть спит...

Д у н я *(тоже очень тихо)*. Пусть спит...

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На тюремной стене возникают образы мушкетеров.

Песня

Трусов плодила
Наша планета,
Все же ей выпала честь,—
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть!

Другу на помощь,
Вызволить друга
Из кабалы, из тюрьмы,—
Шпагой клянемся,
Шпагой клянемся,
Шпагой клянемся
Мы!

Смерть подойдет к нам,
Смерть погрозит нам
Острой косой своей,—
Мы улыбнемся,
Мы улыбнемся,
Мы улыбнемся
Ей!

Скажем мы смерти
Вежливо очень,
Скажем такую речь:
«Нам еще рано,

Нам еще рано,
Нам еще рано
Лечь!»

Если трактиры
Будут открыты,
Значит, нам надо жить!
Прочь отговорки!
Храброй четверке —
Славным друзьям —
Дружить!..

Трусов плодила
Наша планета,
Все же ей выпала честь, —
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть!

Сашка в тюрьме, он лежит со связанными руками.

Д'Артаньян *(Сашке)*. Затем ты перепилишь ею решетку окна. Веревочную лестницу в пироге доставит тебе Гримо. Ночью, после смены караула, ты спустишься с крепостного вала... Вы возьмете на себя часового, Портос!

Портос. О, я это сделаю!

Д'Артаньян. Внизу тебя будет ждать оседланная лошадь и четыре лучших шпаги Франции!

Портос. Чудесно, чудесно, клянусь Геркулесом!

Арамис. Лучшего ничего не придумаешь!

Д'Артаньян. Почему вы молчите, Атос?

Атос. Когда я молчу, значит, я одобряю! Моя шпага к вашим услугам!

Д'Артаньян. Что скажешь, мальчик?

Сашка. Д'Артаньян! Я знал, что вы придете! Слишком уж много я думал о вас в последнее время. Как вы прошли? Тюрьма усиленно охраняется.

Мушкетеры хохочут.

Д'Артаньян. Ты слишком наивен, мальчик, если считаешь, что для нас это препятствие.

Арамис. Я думал, что ты лучшего мнения о нас.

Сашка. Меня вчера сильно избили. Потом я заснул... И я не знаю, может быть, я еще и сейчас не проснулся... Мне нужно бежать! Завтра утром меня поведут из тюрьмы на допрос. И я решил действовать так...

Мушкетеры. Так!

Сашка. ...как только мы отойдем от тюрьмы шагов на сто и очутимся у проходного двора...

Мушкетеры. Так!

Сашка. ...я опрокину конвой...

Мушкетеры. Так!

Сашка. ...и переулками пущусь к нашим — предупредить...

Мушкетеры выражают полный восторг.

Д'Артаньян. Неплохо! Вспоминаю, как я перевозил графа Рошфора из Бастилии к кардиналу Мазарини. Это было нелегкое дело. И если б не мои друзья...

Сашка. У меня тоже друзья! И у них большое преимущество: вас выдумали, а мы существуем!

Д'Артаньян. Для гасконца выдумка и действительность одно и то же!

Сашка. Мне нужно бежать! У меня нашли список. Ребята могут подумать, что я их предал...

А т о с. Разве твои друзья могут о тебе так подумать?

Свет на мушкетерах гаснет. Голая тюремная стена.

С а ш к а. Мне нужно бежать! Я должен предупредить...

На стене вновь возникает видение. И мушкетеры, сняв шляпы и плащи, оказываются старыми друзьями Сашки — Н а п р а в о, Н а л е в о, К о л е й и Я к о в о м. Сашка, потрясенный, смотрит на них.

Н а л е в о. Сашка!..

С а ш к а. Ребята!..

Н а п р а в о. Д'Артаньян!

Свет на них гаснет.

С а ш к а. Когда я представляю себе, как ребята сидят там и говорят, что сначала я был хвастуном, а потом оказался предателем, мне становится так тяжело, так страшно...

Вновь возникают м у ш к е т е р ы.

А т о с. До рассвета осталось два часа. Тебе нужно собраться с силами.

Д' А р т а н ь я н. Друзья! Пусть он отдохнет.

Музыка. Мушкетеры исчезают.
Голос Арамиса: «Желаем успеха! Мы торопимся...»
Голос д'Артаньяна: «Мы спешим к следующему поколению!»
Голоса: «Прощай!»

С а ш к а *(один)*. Мне нужно бежать! Я должен бежать!..

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Костя
(перед занавесом)

Так проходила молодость, как песня,
Воспитана на дружбе и крови...
Давайте вместе крикнем ей: «Воскресни!
Бессмертно в нашей памяти живи!»

Я с вами говорю, как современник,
Как старый комсомолец, говорю.
Мы жили так: на несколько ступенек
Взойдешь — и вот уже достал зарю.

А в наши дни заря была такая,
Что на сто лет одним лучом согрет!
И светит вновь, года пересекая,
Далеким дням шестидесятых лет.

Так заучите ж, как стихотворенье,
Всю нашу жизнь, чтоб, молодость храня,
Глаза в глаза столкнулись поколенья
И поздоровались, как старые друзья.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Рыбаковая Балка. К о с т я и Я к о в. Они вооружены.

К о с т я. Ты подумай! Из нас всех только ты и Коля были в бою. А сегодня наше общее боевое крещение. Скажи, когда тебе в первый раз сказали, что ты идешь в бой, у тебя руки дрожали?

Я к о в. Подожди, я сейчас вспомню. *(После паузы.)* Дрожали.

К о с т я *(жадно)*. Расскажи, расскажи, как это было.

Я к о в. Разве я не рассказывал?

К о с т я. Нет, не рассказывал.

Я к о в. Понимаешь, мне все кажется, что я это уже раз пятьсот рассказывал, а когда начинаю рассказывать, ничего не получается. Я только хорошо помню, что мне показалось, будто кто-то ударил меня в плечо и что правая рука моя совсем не слушается. А потом мне очень хотелось пить.

К о с т я. Знаешь, о чем я сейчас подумал? Вот сегодня мы идем в бой. И если меня ранят, скажем, в левую руку, тогда мы с тобой будем Налево — Направо. *(Пауза.)* Мне очень скучно без брата.

Я к о в. Я, наверно, плохой руководитель, Костя.

К о с т я. Почему?

Я к о в. Я не смог уберечь всех своих товарищей.

К о с т я. Это неправда. Но я сегодня весь день думаю о нем, потому что сегодня — восстание, а он так хотел участвовать в нем. *(Пауза.)* Сейчас, должно быть, еще очень рано. Посмотри, вон там, где еще горит огонек,— это мой дом, а там, через балку,— там живет Сашка!

Я к о в. Теперь уже скоро!

К о с т я. Мне говорили, что когда летит пуля — это похоже на жужжание пчел...

Я к о в *(подумав)*. Да, немного похоже.

К о с т я. А где сейчас Коля, наш командир?

Я к о в. Он сейчас на вокзале. А потом зайдет к нашим. А потом придет сюда.

К о с т я. Как бы он не опоздал!

Я к о в. Коля! Коля не опоздает.

К о с т я. С Днепра — туман. Посмотри, какой густой...

Я к о в. А за туманом — Буденный. Он подойдет к самому городу, и его нельзя будет разглядеть.

К о с т я. Страшный туман...

Я к о в. Когда туман, то кажется, что все спит. А вот мы с тобой знаем, что там, где труба, там сейчас собираются кирпичники, а за водокачкой, вон там,— табачники. Семен сказал, что к вечеру город должен быть нашим.

К о с т я. А сейчас мы все еще как в осажденной крепости. Я думаю вот о чем. Если бы состоялось такое общее собрание всех комендантов когда-либо осаждавшихся городов и крепостей: коменданта Трои, коменданта Измаила, коменданта Вердена... в общем, всех таких комендантов...

Я к о в. Ты хочешь сказать, что мы были бы там не последними людьми?

К о с т я. Да. *(Пауза.)* Ты давно видел Валю?

Я к о в. Сегодня.

К о с т я. И вчера?

Я к о в. Вчера тоже.

К о с т я. Хорошая девушка... Видишь ли, если бы сейчас было более спокойное время, я бы с тобой подрался за нее. А сейчас — бог с тобой... *(Пауза.)* Я думал еще вот о чем... Вот жили все эти цари —

Александры, Николаи, Людовики... Они жили, царствовали, потом умерли... Я бы хотел, чтобы они дожили до наших дней...

Я к о в *(улыбаясь)*. Почему ты им желаешь такого долголетия?

К о с т я. Слишком хорошо они жили! И когда они умирали, их торжественно хоронили в склепах. А я бы хотел, чтобы они дожили до наших дней и чтобы их большевики расстреляли. Это было бы гораздо справедливее!.. Я не знаю, сам ли я это придумал или где-нибудь вычитал, но, в общем, смысл такой: надо жить и поступать так, как будто на тебя смотрит следующее поколение... Представь себе, что оно сейчас на нас смотрит...

Гудок.

Я к о в. Пора! Идем!

К о с т я. Идем!

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната Берты Кузьминичны.

С е м е н *(читает)*. «В Украине кипит восстание против Деникина. Необходимо собрать все силы, чтобы разбить до конца деникинские войска, пытавшиеся восстановить власть помещиков и капиталистов... Пусть же коммунистам России и Украины удастся терпеливой, настойчивой, упорной совместной работой победить националистские происки всякой буржуазии, националистские предрассудки всякого рода и показать трудящимся всего мира пример действительно прочного

союза рабочих и крестьян разных наций в борьбе за Советскую власть, за уничтожение гнета помещиков и капиталистов, за всемирную Федеративную Советскую Республику. Н. Ленин». Всё.

Хозяйка *(смотрит в окно)*. Он все еще тут стоит. Он притворяется, будто совсем не следит за нами. Я пойду его выругаю. Может, он тогда уйдет.

Семен. Оставайтесь здесь, Берта Кузьминична. Не надо, чтобы он знал, что мы его заметили. *(Остальным.)* Коля сюда не приходил?

Дуня. Нет.

Семен. Он никого не присылал?

Моисей. Нет.

Семен. Вы еще ничего не знаете?

Тося. Нет.

Семен. Ну, Тося, держись, а то упадешь... Восстание назначено на сегодня. Этого дня мы ждали, и этот день наступил. Сегодня город атакует буденновская конница.

Хозяйка. Сегодня во всем городе только и слышно: Буденный, Буденный...

Моисей. В город прибыла новая дивизия. По всему берегу расставлены батареи. Нелегко будет взять город.

Семен. Невозможно будет взять город, если мы не поможем отсюда. Когда буденновцы пойдут в атаку, депо даст четыре гудка, и эти гудки — сигнал к восстанию. Не забудьте — четыре гудка. Комсомольцы пойдут на тюрьму. Коля поведет комсомольский отряд. Сбор на Озерном базаре.

Тося. И мы освободим Сашку!

Семен. И Сашку, и всех наших... Восстание вспыхнет одновременно в разных концах города. А теперь надо уходить.

Хозяйка. А что, если придут Валины подруги репетировать пьесу? Что им сказать?

Семен. Кланяйтесь им от нашего имени. Скажите, что драмкружок кончился. Драмкружок свое дело сделал.

Тося. Мы так мало успели!

Семен. Мало! А помнишь, когда ты примчалась к железнодорожникам... предупредить об облаве...

Моисей. Если бы у Сашки не нашли этого списка, мы могли бы работать гораздо смелее. Как он к нему попал? Что это за список?

Семен. Сегодня мы все узнаем. А сейчас надо отсюда уходить. Тося, мы выйдем с тобой. Моисей, через пять минут ты выйдешь с Дуней. Видишь, каким я тебя ухажером сделал. Пройди к вокзалу и непременно дождись Колю. Предупреди его, что сюда ни в коем случае нельзя показываться.

Моисей. Хорошо.

Семен. А остальных мы сами предупредим.

Хозяйка. Через пять минут я опять останусь совсем одна.

Семен. Не грустите, Берта Кузьминична. Когда наши займут город, мы повесим ваши портреты на всех улицах. Вы станете самой знаменитой женщиной во всем городе.

Хозяйка. Знаменитой легче стать, чем счастливой.

Семен. Ну пошли...

Хозяйка. Как же вы пройдете? Он все еще стоит у ворот...

Семен. Берта Кузьминична! В следующий раз, когда вам придется перейти в подполье...

Все улыбаются.

...заметьте себе: если у ворот стоит только один шпик, можете проходить совершенно спокойно — он только наблюдает. Вот если бы их было, скажем, трое, тогда... Пошли!

Т о с я. До свиданья, Берта Кузьминична, до свиданья!

Х о з я й к а. Ты была самой смешной из девочек, которых я знала. Я очень хочу, чтобы ты не забыла меня.

Т о с я. Я вас не забуду. Честное слово, я вас никогда не забуду. Ну, Дуня...

Д у н я. Иди, Тося. Мы скоро увидимся.

М о и с е й. Через пять минут мы пойдем следом за вами.

С е м е н. Будьте осторожны. Пошли.

Семен и Тося уходят.

Х о з я й к а *(смотрит в окно)*. Он пошел за ними, видите?!

Д у н я. Он вернулся, ему нельзя отсюда уходить.

М о и с е й. Ну вот, они уже далеко.

Все отходят от окна.

Х о з я й к а *(грустно)*. Мне кажется, что я вас всех вижу в последний раз.

М о и с е й. Моя мать тоже всегда говорит: «Моисей! Мне кажется, я вижу тебя в последний раз». А я потом опять являюсь.

Д у н я. Мы еще увидимся, Берта Кузьминична!

Х о з я й к а. Скоро пройдет пять минут...

М о и с е й. Раз, два, три, четыре, пять, шесть...Хорошо, что я умею считать. Так быстрее проходит время.

Д у н я. Вот... ровно пять минут. Прощайте, Берта Кузьминична.

М о и с е й. Берта Кузьминична! Я оставляю здесь свое сердце. Если вы найдете его, отнесите на Озерный базар.

Х о з я й к а. Моисей! Вы такой невозможный...

Дуня и Моисей уходят. Хозяйка идет к окну, затем бросается к двери.

Стойте! Стойте!.. Вам нельзя идти... Их трое. Они окружили весь дом... Вам теперь не уйти.

Д у н я и М о и с е й возвращаются. Секунда замешательства.

Д у н я *(указывая на заколоченное окно)*. Куда выходит это окно?

Х о з я й к а. Во двор...

Д у н я. Берта Кузьминична!

М о и с е й. Двери внизу... заприте!

Х о з я й к а. Не беспокойтесь, я сюда никого не пущу. *(Выходит.)*

Д у н я *(у окна)*. Моисей, иди сюда! Смотри! Может быть, тебе удастся пройти здесь вдоль карниза, потом ты влезешь на эту крышу и поползешь вдоль стены... и предупредишь Колю...

М о и с е й. Не говори глупостей. Я без тебя никуда не пойду!

Д у н я. Пойдешь! Посмотри! Ты видишь — мне не пройти, я не сумею. И мы все пропадем — и я, и ты, и Коля... Иди... Я потом попытаюсь...

М о и с е й. А если ты не успеешь? Как же так? Я буду жить, я буду ходить по земле, а ты? Нет, я без тебя никуда не пойду....

Д у н я. Моисей! Милый! Иди...

Шум за сценой. Вбегает С а ш к а.

Сашка!

С а ш к а. Тихо! Они у меня нашли список... действующих лиц... «Двадцать лет спустя».

М о и с е й. А!..

Д у н я. Как ты убежал?

С а ш к а. Я должен был вас предупредить... Вот видишь... я так боялся... вы подумаете, что я вас предал.

Д у н я. Я знала, знала, знала, что ты не хвастаешься.

Стук в дверь.
Голос хозяйки: «Здесь никого нет. Здесь только мои дети. Здесь только...»
Выстрел.

М о и с е й. И теперь они тут!..

С а ш к а. Они повели меня на допрос... Я как опрокину их двумя ударами!.. Но они погнались за мной...

Стук переходит в треск. Удары прикладами в дверь.

М о и с е й *(достает револьвер)*. Сашка! Бери Дуню — бегите через окно... Я задержу их...

С а ш к а. Моисей! Дай револьвер мне... я не хочу, чтобы вы погибли из-за меня... Ступайте!

Моисей не хочет отдавать оружия. Сашка силой вырывает у него.

Ступайте!

Стук. Выстрел.

Д у н я. Иди...

Моисей бросается к окну, вылезает. Сашка несколько раз стреляет в дверь, затем в окно. Дуня бросает бумаги в горящую печь. Выстрел. Сашка оборачивается. Выстрел в окно. Сашка медленно опускается на пол.

Д у н я. Сашка...

С а ш к а. Дуня! Кто передаст ребятам, что я... вовсе не хвастался...

Д у н я. Сашка!

Четыре гудка.

(Радостно бросается к двери, но ее задерживают выстрелы, к окну — выстрелы, к другому окну — пулеметная очередь. Она лихорадочно бросает в огонь последние бумаги. Одна бумага задержалась в ее руке, Дуня пристально смотрит на нее и читает.) «И если мне придется кого-нибудь огорчить своею смертью, сделай так, чтобы в эту минуту закрылся занавес». *(Поворачивается спиной к зрительному залу, приставляет револьвер к груди и снова настойчиво повторяет.)* «И если мне придется кого-нибудь огорчить своею смертью, сделай так, чтобы в эту минуту закрылся занавес».

Медленно, в полной тишине, закрывается занавес.
Музыка боя, переходящая в «Песню о сороковом годе».

ЭПИЛОГ

У крыльца комсомольского клуба. Комсомольский отряд перед походом.

С е м е н. Костя! Ты наш летописец... Я хочу сказать несколько слов, и ты их запомни... Потом они тебе пригодятся... Запомнишь?

К о с т я. Запомню!

С е м е н. Пройдет год, десять лет, двадцать лет, и ты напишешь о последнем дне подполья и о первом дне новых боев. Ты напишешь о том, как много лет спустя, накануне новых боев, соберется другая, новая моло-

дежь, очень похожая на вас, потому что и у той, у новой молодежи завтрашний день означает сражение. И я говорю им, нашему Васе, нашей Дуне, нашему Сашке: вы живете в следующем поколенье, потому что комсомольское мужество бессмертно. Напишешь, Костя?

К о с т я. Я напишу. Мне кажется, что я знаю, как написать. Когда я сегодня, первый раз в жизни, был в бою, я даже забыл, что это первый раз в жизни. Я думал — пьеса начинается так: Ночь. Снег. Двое часовых. У штаба... Не у нашего штаба — у штаба мировой революции... Вот так... Смотрите...

В глубине сцены возникает Красная площадь. Д в о е ч а с о в ы х у Кремлевской стены.

Т о с я. Где это мы?

К о с т я. Глупенькая! Это же двадцать лет спустя...

П е р в ы й ч а с о в о й. Двадцать лет тому назад мой отец...

В т о р о й ч а с о в о й. Молчи! На посту нельзя разговаривать.

Бьют куранты.

З а н а в е с

1939

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ,
ЧЕТЫРНАДЦАТИ КАРТИНАХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Коробейничев Кузьма Николаевич — подполковник сорока лет; лейтенант в Великую Отечественную войну.

Охотин Сергей Владимирович — капитан, командир батальона.

Федя Болмасов — ординарец капитана Охотина.

Татьяна Петровна — начальник медпункта батальона.

Маруся — санитарка.

Шипов Иван Иванович — капитан, новый командир батальона.

Катя — повариха и санитарка в батальоне.

Бекперген — казах.

Продавец — игрушечных дел мастер; красноармеец в Великую Отечественную войну.

1-й мальчик.

2-й мальчик.

Девочка.

Покупатель.

1-й связист.

2-й связист.

Красноармейцы.

Полковник.

Секретарь.

Васильев.

Выдрин.

Варшавский.

Связист.

Связной.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Крохотный игрушечный магазин. Полка с игрушками, у которой стоит продавец. Впереди, на отдельной тумбочке,— игрушечный слон с большой, отчетливо видной цифрой «7» на боку. Подполковник склонился над ним. Он ударяет слона по затылку, и тот прилежно качает головой. Подполковник ударяет еще раз.

Подполковник. Меня интересует этот зверь.

Продавец. Этот зверь не продажный.

Подполковник. Жаль! *(Он с сожалением оставляет слона и осматривает полку.)* Что же тут можно выбрать?

Продавец. Возьмите календарь на пятьдесят пятый год.

Подполковник. Спасибо. Год уже кончается.

Продавец. На пятьдесят шестой еще не выпущен. Вам для какого возраста?

Подполковник. Мальчик восьми лет, девочка четырех лет.

Продавец. Поищем.

И пока продавец ищет, подполковник снова подходит к слону и с явным удовольствием ударяет его по голове. Слон усиленно закачал головой.

П о д п о л к о в н и к. Жаль, что ты не продажный, зверюшка!

П р о д а в е ц. Его нельзя продать. Его подарить можно.

П о д п о л к о в н и к *(очарованный слоником)*. Простите, как это понять?

П р о д а в е ц. А скажите, этот абажур вас не устроит?

П о д п о л к о в н и к *(даже не посмотрел в его сторону)*. Я сказал: девочка четырех лет, а не двадцати четырех.

П р о д а в е ц. А вы посмотрите, может быть, этот абажур вам что-нибудь напомнит?

П о д п о л к о в н и к *(издали смотрит на абажур)*. Он мне напомнил, что у меня на столе перегорела лампочка.

П р о д а в е ц. И все? Жаль, жаль... *(Заводит механизм музыкального ящика.)*

И при первых же звуках музыки подполковник сразу настораживается. Он подходит к продавцу, и они напряженно смотрят друг другу в глаза.

П о д п о л к о в н и к. Фрайенвальде?

П р о д а в е ц. Так точно, товарищ подполковник.

П о д п о л к о в н и к. Святкин?

П р о д а в е ц. Так точно, товарищ подполковник.

П о д п о л к о в н и к. Послушайте... Черт ты этакий!

Он обнимает продавца за плечи, и они медленно, как возлюбленные, приближаются губами друг к другу. Их поцелуй долог.

Черт ты этакий! Я думал, что ты уже давно ноги протянул.

Продавец. Одну протянул. Видите — она у меня совсем не сгибается... Как же вы меня не узнали? Я-то вас сразу узнал.

Подполковник *(виновато)*. Не узнал... Старость, наверно...

Продавец. А вот вы тогда лейтенантом были, а сейчас подполковник. А все равно узнал. Даже если бы маршалом стали, все равно узнал бы.

Подполковник. Не узнал... Как же ты живешь? И почему ты с игрушками водишься?

Продавец. Я всегда игрушки любил и производил. Я игрушечных дел мастер. Значит, абажур вам ничего не напомнил?

Подполковник. Напомнил, напомнил. Только Татьяна Петровна всегда с чертиками рисовала.

Продавец. Татьяна Петровна! Я ее будто не в жизни, будто в кино видел, будто в сказке прочел... Вы Жюля Верна читали?

Подполковник. Читал, конечно.

Продавец. Помните «Дети капитана Гранта»? Вот когда я вспоминаю все наше прошлое, мне кажется, что я был знаком и что я плавал по всем океанам с детьми капитана Гранта... Как же она поживает, Татьяна Петровна? Все такая же?

Подполковник. Ты забываешь о времени, друг мой. Когда убили капитана — не Гранта, конечно, а нашего капитана — комбата,— ей было двадцать пять лет. После того мы воевали еще два года. И еще десять лет прошло с конца Великой Отечественной войны. Значит, она теперь почти сорокалетняя женщина... А ты думаешь — такая же...

Продавец. Может, остановить музыкальный ящик?

Подполковник. Нет. Пусть играет. Пусть все время играет.

Они слушают музыку.

Как же ты его протащил сюда через две тысячи километров?

Продавец. Протащил! Я только с ним на границе намучился. Говорят, таможня музыку не пропускает. Я и подхожу к часовому и говорю: «Друг дорогой! Я эту музыку из-под самого Берлина везу. Помоги мне эту музыку скрыть от чиновника!» А он отвечает: «Пока что положи свою музыку ко мне в будку, а потом заходи за ней». Я так и поступил. А потом оказалось: таможня музыку пропускает. Но все равно — человек оказался хороший!

Подполковник. Человек — хороший, а часовой — плохой!

Продавец. А человек — хороший. Я его потом отыскал. Он и сейчас ко мне ходит музыку слушать.

Подполковник. А ты Шипова помнишь?

Продавец. А Марусю?

Подполковник. А Бекпергена?

Продавец. А Федю Болмасова?

Подполковник. А Катю?

Входит покупатель.

Продавец. Гражданин! Магазин закрыт!

Покупатель. На обед?

Продавец *(яростно)*. Нет! На воспоминания!

Покупатель. Как?

Продавец. Я вам говорю: магазин не работает! *(Выпроваживает покупателя и закрывает за ним дверь.)*

Молчание.

А ведь все это было, товарищ подполковник...

П о д п о л к о в н и к. И капитан, и Маруся, и весь батальон на болоте — все это не выдумано, все это было, было... Не правда ли — было? *(Он ударяет слона по голове и говорит в такт покачиванию.)* Да, да... было, было...

П р о д а в е ц. А помните вашу речь на годовщине? Это была... *(Ищет, но так и не находит эпитета.)*

П о д п о л к о в н и к. Да, да... Погоди, как она начиналась? *(Задумывается.)* Товарищи! *(Вспоминает.)* Товарищи! Быстротечное время делает свое дело!..

Играет музыкальный ящик. Свет гаснет. Освещен только слон, качающий головой. При затемнении возникает следующая картина.

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Левая часть сцены затемнена. Сквозь густой туман угадывается какой-то унылый пейзаж.

Вправо, на возвышении,— длинный праздничный стол, за которым сидят б о й ц ы. Стол заканчивается, очевидно, далеко за кулисами. Мы видим только с десяток бойцов, но, судя по шуму, доносящемуся справа, их значительно больше.

Переборы гармоники.

Знакомый уже нам подполковник — сейчас еще только лейтенант К у з ь м а Н и к о л а е в и ч К о р о б е й н и ч е в — сидит во главе стола.

К о р о б е й н и ч е в *(поднимается, старается перекричать шум)*. Товарищи!

Стало тише.

Товарищи! Быстротечное время делает свое дело. Вот мы уже сегодня празднуем годовщину нашего соединения. Мы были на близких подступах к Москве, мы оста-

новились на дальних подступах к Ленинграду. Почему мы остановились?

Молчание.

Б о е ц *(догадываясь)*. Болота́?

К о р о б е й н и ч е в. Совершенно правильно — бо-ло-та́! Я готов поверить, что господь бог создал нашу планету в семь дней и в семь ночей. Но, спрашивается, где он столько грязи набрал? Только теперь нам становится понятным, на чем Петр Великий свой Петербург строил. Тут по одним названиям можно догадаться, что это за роскошные места такие! Вот, пожалуйста! *(Вынимает из планшетки карту.)* Большие Язвища, Малые Язвища, Большие Жабны, Малые Жабны, Гари. Во-няв-ки-но!..

Б о е ц. Это же потом стыдно будет рассказывать, где воевал.

К о р о б е й н и ч е в. Ничего. Скажешь: «Воевал в Ленинградской области», и ничего больше говорить не надо будет. И всякий поймет, что немец здесь не прошел не потому, что здесь есть болота, а потому — что здесь есть мы! Давайте, товарищи, посмотрим на свою боевую задачу! Что я, например,— ваш партийный организатор,— вижу? Может, я за этими гнилыми местами Невский проспект вижу!

Б о е ц *(поправляет)*. Проспект Двадцать пятого октября.

К о р о б е й н и ч е в *(соглашается)*. Проспект Двадцать пятого октября. Может, мне вон за той гатью Адмиралтейская игла виднеется! Она еще не переименована?

Б о е ц. Она как была иглой, так и осталась.

К о р о б е й н и ч е в. Кто мы с вами есть? Мы с вами есть маленький гарнизон, выставленный как бое-

вое охранение на двадцать километров впереди своей бригады. И сколько бы немца ни шло — полк, дивизия,— мы должны удержать его до подхода наших основных сил. В этом есть наша огромная героическая задача. И вот я представляю себе: окончится война, мы вернемся домой, и родные спросят у нас: «Почему о вас не писали в газетах? Что вы там такое делали или не делали?» И я долго думал: что я отвечу родным и близким людям? Знаете, что я им скажу?

Напряженное молчание.

Кто скажет, что я отвечу родным и близким людям?

Молчание.

Один из бойцов. Я скажу.

Коробейничев. Говори.

Боец. Ты приедешь домой из Германии, и тогда ничего говорить не надо будет.

Коробейничев. Совершенно правильно, товарищи! Наша победа уже на колесах. Как говорится в художественной литературе: паровоз победы набирает пары. Паровоз победы уже двинулся в путь!

Один из бойцов. Что-то уж больно тихо идет твой паровоз победы.

Коробейничев *(не сразу нашелся)*. Эшелонов много! Путь занят! Верно я говорю, товарищи?

Голоса. Верно! Правильно!

Коробейничев. Так выпьем, товарищи, за дальнейшее движение этого паровоза и за вечное здоровье нашей родной бригады!

Он поднял кружку, но в это время кто-то затянул песню:

Далеко-далече
Мирное житье,
Об отце лепечет
Малое дите...

(Хором.)

Ну-ка, вспомним детские игрушки,
Дочку, сына, милую жену...
Ух! Ух! Ух! — грохотали пушки.—
Шел солдат семейный, шел через войну!

Далеко-далече
Мирное житье,
Подвиг твой отмечен
В сердце у нее...

(Хором.)

Ну-ка, вспомним встречи на опушке,
Ну-ка, вспомним очи-васильки!..
Ух! Ух! Ух! — грохотали пушки.—
Вышли в наступление русские полки!

Далеко-далече
В этот самый час
В очень теплой речи
Вспоминают нас...

(Хором.)

Ну-ка, кружки наливай полнее!
За твое здоровье, старый друг!
Ух! Ух! Ух! — грянет батарея.
Грянет над Германией — ух! ух! ух!

Они чокаются жестяными кружками.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Блиндаж комбата. Койка, столик, на уровне земли — окошко. На стене — гитара. К потолку привешен странный, необычный для блиндажа, абажур.

Лейтенант Кузьма Коробейничев склонился у стола над картой. Ординарец комбата Федор Болмасов рисует у самодельного мольберта. Маруся позирует ему. Свист ветра. Дождь бьет по крыше и по стеклу.

Кузьма
(тихо напевает).

Там во будни все дождь, дождь...
Там по праздникам — дождь, дождь...

Маруся. Это как будто о нашем фронте песня.

Федя. Ох, как я желаю на юг! Я больше не могу воевать в сырости! Нам всем вместо автоматов зонтики нужно выдать. *(Продолжает рисовать.)*

Кузьма *(склонился над бумагами)*. ...на пятьсот метров впереди роты на ничейном участке находится как бы небольшой островок, кусок сухой земли, окруженный болотом. Передвинуть роту на этот островок... есть передвинуть... и тогда, во-первых, артиллерия противника будет бить по пустому месту...

Федя. Знаешь, Маруся. Я еще мальчишкой мечтал забраться на пароход и поплыть хотя бы в ту же Германию. Я думал, что там живут одни Бетховены и ученые. А сейчас я не то что их видеть — я ихнего противного разговора слышать не могу! Гыр-гыр-гыр!

Маруся. Ты какие немецкие слова знаешь?

Федя. Зер гут!

Маруся. И все?

Федя. Все. И больше знать не хочу!

Кузьма. ...во-вторых, мы вклиниваемся во фланг немцу... есть вклиниться во фланг... и при первом же

приказе рассекаем его на части. Никаких наступательных операций отсюда вести не надо.

Федя. Ты сама откуда родом, Маруся?

Маруся. Сумской области.

Федя. А я саратовский... А когда-то область называлась губернией. Красивое слово — губерния! Оно похоже на слово «желание»! Губерния Желание!... Ты еще не устала, Маруся?

Маруся. Немножко.

Федя. Тогда антракт устроим. *(Ему понравилось слово «антракт», и он повторяет.)* Устроим антракт!

Кузьма *(подходит и рассматривает портрет)*. Ты бы все же с Татьяной Петровной посоветовался. Она в этом деле ученая.

Федя *(возмутился)*. Ученая! *(Подходит к абажуру и тычет в него кистью.)* Ты только посмотри, Кузьма Николаевич, чего она тут намалевала! Ну скажи, разве черти с двумя хвостами бывают?

Кузьма. А с одним хвостом бывают?

Федя. Так этому я хоть поверить могу! *(Обходит абажур со всех сторон.)* Ну скажи, что это такое! Прямо чертячий штаб какой-то! Чтобы женщина могла придумать такое! Интеллигенция!

Кузьма. Это у них за красоту почитается. Это у них символизмом называется.

Федя. Если она красоту любит, зачем же она к нам, на наши гнилые болота, пожаловала?

Кузьма. Война тоже свою красоту имеет.

Федя. Красота солнце любит. Нет, никакой красоты у нас нету.

Кузьма. Кто его знает.

Федя. Ну что ты, Кузьма Николаевич! Если бы у тебя жена рябая была, ты бы тоже говорил, что она красивая?

Кузьма. Говорил бы.

Федя. Что ж ты не женишься?

Кузьма. Рябых мало.

Федя. И за что только наш капитан ее так любит!

Маруся. Тебе мамка в детстве сказки рассказывала?

Федя. Рассказывала.

Маруся. И про жар-птицу рассказывала?

Федя. Рассказывала.

Маруся. Ну вот. Наш капитан — простой человек, а она для него — как жар-птица.

Федя. Жар-птица! Вот еще придумала!

Кузьма (*смотрит на портрет, констатирует*). Хорошо получается. Хо-ро-шо! Ты бы его, Маруся, хоть поцеловала за это.

Маруся. Что вы, товарищ лейтенант!

Кузьма. Ну да. Как сахару — так два куска, а как целоваться — так губа узка!

Они весело смеются.

Маруся (*пристально смотрит на абажур*). Красиво. У нее все красиво.

Федя. Надоело мне это — красивая, красивая!.. Вот ты — красивая.

Маруся (*с искренним удивлением*). Я? Ну что ты! (*Берет зеркальце и смотрится в него.*) Ну что ты!

Федя. Кузьма Николаевич, я пойду дровец принесу.

Кузьма. Иди.

Федя. Побудь здесь, Маруся. Мы сейчас.

Но Маруся его не слышит. Она остается одна. Она продолжает смотреться в зеркальце и повторяет, как бы своему изображению.

М а р у с я. Ну что ты! *(Замечает, что никого нет, и лихорадочно быстро начинает убирать блиндаж: поправляет постель капитана, переставляет что-то на столике, подметает пол. Затем останавливается и говорит успокоенно.)* Пусть у него чисто будет!

На столике лежит какая-то открытка. Маруся берет ее в руки и внимательно рассматривает. Входят К у з ь м а и Ф е д я. Они принесли дрова.

К у з ь м а. На что это ты так загляделась, воробушек?

М а р у с я. Что это за фотография? Тут по-немецки написано, не разберу.

К у з ь м а. Обыкновенный снимок с города Берлина, Бранденбургские ворота.

Маруся не отрываясь смотрит на открытку.

Ф е д я. Ничего тут особенного. Ворота как ворота. Только калитки нету.

М а р у с я. Сколько же до этих Бранденбургских ворот расстояния будет?

К у з ь м а. Много.

М а р у с я. Тысяча километров будет?

К у з ь м а. Будет. Больше будет.

М а р у с я. Все равно я до них дойду.

К у з ь м а *(улыбаясь)*. Ты про нас не забудь. Вместе дойдем, Маруся.

М а р у с я. И когда я дойду до них, я остановлюсь. Потом тихонько пройду. Потом поверну обратно. Сто раз я пройду под этими воротами! Я буду ходить и ходить, туда и обратно, ходить и ходить — до обморока...

Ф е д я. Что это ты так?

М а р у с я. У меня под Харьковом немцы всю

семью вместе с домом пожгли... Капитан не рассердится, если я у него возьму эту фотографию?

Федя. Возьми. Я скажу, что потерялась.

Маруся прячет открытку. За окном дождь и ветер.

Кузьма
(напевает).

Там и день будет длиться,
Там и дождь будет литься...

Маруся *(посмотрела в окно)*. Татьяна Петровна идет!

Федя мгновенно поворачивает портрет лицом к стене. Кузьма одергивает на себе гимнастерку. Входит Татьяна, она жмурит свои близорукие глаза.

Татьяна. Вы меня вызывали, товарищ лейтенант?

Кузьма. Точно. *(К Феде и Марусе.)* Вы бы пошли, молодежь, погуляли.

Федя. Куда мы в такую дождину пойдем?

Кузьма. Я говорю — вы бы пошли погуляли...

Маруся выходит. Недовольный Федя выходит вслед за ней. Молчание.

Татьяна. Вы нездоровы и поэтому послали за мной?

Кузьма. Я здоров. Я очень здоровый. Я самый здоровый во всем батальоне.

Татьяна. Что-нибудь произошло?

Кузьма. Произошло. Я получил приказ, который обязан показать нашему капитану.

Татьяна. Почему же вы это сообщаете мне? Я ведь всего только начальник медпункта.

Кузьма. Потому, что это печальная новость, а мне кажется, вы самый дорогой ему человек.

Т а т ь я н а. Мы все друг для друга — дорогие люди.

К у з ь м а. Он и не знает, какой он мне родной! Я себе не представляю, что вдруг он уедет, а я останусь.

Т а т ь я н а. Существует почта.

К у з ь м а. Да, если он уедет, я наконец начну получать письма.

Т а т ь я н а. Молитесь, чтобы я уехала. Я вас тогда буду засыпать письмами.

К у з ь м а. Вы, наверно, пишете очень хорошие письма. Но вы лучше, чем ваши письма.

Т а т ь я н а. Спасибо. О чем приказ?

К у з ь м а. О том, что наш капитан уже не командир батальона.

Т а т ь я н а. Можно ему сейчас этот приказ не показывать?

К у з ь м а. Он ждет нового заместителя по строевой, а приедет новый командир батальона.

Т а т ь я н а. Но можно ему этот приказ показать потом?

К у з ь м а. Я думаю — можно.

Т а т ь я н а. Пусть он спокойно проведет свою боевую операцию.

К у з ь м а. Вы же видели, что с ним было, когда он получил тот первый приказ вот об этой предстоящей операции! Восемь месяцев мы стоим в обороне — и вдруг такой приказ! Он же теперь по всем ротам рыщет, как сумасшедший.

Т а т ь я н а. Он, как вы обычно говорите, «встал на новую путь». Так вы, кажется, произнесли на годовщине?

К у з ь м а. Точно так.

Т а т ь я н а. Что же вы? Сельский учитель — и пе знаете, что «путь» мужского рода?

Кузьма. Я знаю. Но только я еще не встречал ни одного железнодорожника, который бы не говорил: «вторая путь», «четвертая путь»... Так что я даже сомневаюсь, кто прав — грамматика или железнодорожники.

Татьяна. Грамматика права.

Кузьма. Вероятно.

Татьяна. Я вас, очевидно, совсем мало знаю. Я вас представляла себе другим. Например, мне до сих пор казалось, что язык ваш не совсем...

Кузьма. Я политический работник. Я разговариваю с разными людьми.

Пауза.

Татьяна. А что ожидает нашего капитана?

Кузьма. Его посылают учиться.

Татьяна. Это хорошо. Это очень хорошо.

Кузьма *(увлеченно)*. Ему надо учиться. Он ведь очень талантливый. Правда, он талантливый?

Татьяна. Кажется.

Кузьма. Наверно, я преувеличиваю. Я его очень люблю.

Татьяна. Он будет учиться, хорошо учиться, и он будет генералом.

Кузьма. И тогда вы за него выйдете замуж.

Татьяна. Я за него никогда не выйду замуж. Он будет учиться, он вырастет и поймет, что я вовсе не заморское чудо.

Кузьма. Меня не посылают учиться. Для меня вы навсегда останетесь заморским чудом.

Татьяна *(пристально смотрит на него)*. Я никогда не думала, что вы будете со мной так говорить.

К у з ь м а. С людьми все случается...

Т а т ь я н а. Что мы еще обсудим на нашем военном совете?

К у з ь м а. Вот еще что. Если этот новый комбат приедет до начала или во время операции, как нам тогда поступить?

Т а т ь я н а. Это непоправимо. Будем надеяться, что это не произойдет.

К у з ь м а. Будем надеяться.

Плащ-палатка, служащая дверью, раздвигается. Входит капитан Ш и п о в.

Ш и п о в. Разрешите?

К у з ь м а *(поднимается)*. Войдите, товарищ капитан. Лейтенант Коробейничев, парторг батальона.

Ш и п о в. Капитан Шипов. Мне нужен капитан Охотин.

Т а т ь я н а. Капитан скоро будет. Подождите его.

Ш и п о в *(к Татьяне)*. Младший лейтенант! Почему вы не приветствуете старшего по званию?

К у з ь м а *(заступается за Татьяну)*. Мы все уже друг с другом давно знакомы. Мы — старая боевая семья.

Ш и п о в. Я не поклонник боевой семьи. Я поклонник боевой части. Учтите это.

Т а т ь я н а *(поднимается)*. Младший лейтенант Кашинцева, начальник медпункта батальона.

К у з ь м а. Подождите капитана. Он скоро будет.

Ш и п о в. Я не стану ждать. Я пойду знакомиться с батальоном. Передайте капитану, что я буду находиться во второй роте.

К у з ь м а. Есть передать капитану. Разрешите вас проводить?

Ш и п о в. Не надо. Мне бойцы покажут дорогу. *(Выходит.)*

Молчание.

Т а т ь я н а. Что же мы теперь скажем нашему капитану?

К у з ь м а. Наш капитан не обязан знать, кто пошел во вторую роту.

Т а т ь я н а. Но вы обязаны подчиняться новому комбату.

К у з ь м а. Откуда я знаю, кто он такой? Он только сказал, что он — капитан Шипов. Больше он ничего не сказал.

Т а т ь я н а. Но вы же знаете, кто он.

К у з ь м а. Знаю. Я поступаю в интересах батальона. Новый комбат батальона не знает, и операция пройдет неудачно. Наш комбат батальон знает, и операция пройдет удачно.

В дверях — лицо молодого казаха Б е к п е р г е н а.

Б е к п е р г е н *(с несильным акцентом)*. Я очень извиняюсь.

К у з ь м а. Чего тебе, Бекперген? Войди.

Б е к п е р г е н *(входит)*. Я очень извиняюсь. Мне нужна Екатерина Великая.

Т а т ь я н а. Кто? Кто вам нужен?

К у з ь м а. Это они все так нашу Катю зовут. Как же тебе не стыдно, Бекперген, советскую женщину таким царским именем называть?

Б е к п е р г е н *(широко улыбаясь)*. Она — полторы женщины...

Т а т ь я н а. Я ее недавно видела. Она тут где-то в лесу ходит.

Б е к п е р г е н. Я пойду поищу ее.

К у з ь м а. Где же ты ее, чудак, в лесу найдешь?

Б е к п е р г е н. Я ее найду. Такую большую женщину никакой лес не спрячет. Я ее найду. У нее сегодня день рождения. Ей сегодня двадцать пять лет получилось. Четверть века. Я все восточные блюда знаю. Я ее сегодня накормлю пловом. Я вас тоже накормлю пловом. Я весь батальон накормлю пловом... Скажи, лейтенант, который у нас теперь час?

К у з ь м а. Скоро одиннадцать.

Б е к п е р г е н. В двенадцать часов немец начнет стрелять. До двенадцати часов я устрою самый великолепный день рождения.

К у з ь м а. Где же ты тут рису достал?

Б е к п е р г е н. Я старшина роты. Я для моего сердца, если нужно, даже апельсины достану.

Уходя, сталкивается с вошедшим капитаном О х о т и н ы м.

Я очень извиняюсь. *(Уходит.)*

О х о т и н *(весело хлопает по себе руками)*. Ну и запачкался же я! Как последняя неряха! Ну и запачкался!

Татьяна и Кузьма энергично чистят его.

Хорош я? Скажите, хорош?

Т а т ь я н а. Очень хорош.

О х о т и н *(совсем весело)*. Как всегда, как всегда... Двое суток я лазил по болотам. Мне теперь тут каждая кочка знакома. Слушай, Кузьма! К третьему ориентиру гати не надо. Так пойдем. А теперь мне еще только заглянуть во вторую роту, и все будет в порядочке.

К у з ь м а *(сразу поднимается)*. Не ходи во вторую роту!

О х о т и н. То есть как это — не ходи?

Татьяна. Кузьма Николаевич сам обещал зайти туда. Кузьма Николаевич тоже неплохой командир.

Охотин. Отлично, отлично. Пойдем с тобой вместе, лейтенант.

Кузьма *(притворяясь обиженным)*. Думаешь, я один не справлюсь? Справлюсь.

Охотин. Что это ты такой обидчивый стал? У меня теперь бойцы знаешь какие веселые?! Если все их-ние улыбки сложить, так эта улыбка полтора километра займет. Восемь месяцев, как идолы, в обороне стояли. А сегодня в шестнадцать ноль-ноль начнем, а в двадцать два тридцать приказ будет выполнен до последней точки.

Татьяна. Я думала, что вы начнете раньше проводить операцию.

Охотин. Куда торопиться? Незачем торопиться.

Кузьма. Можно было бы начать сейчас.

Охотин. Ну да. Стану я своих бойцов под дневной свет подставлять! В темноте они у меня целее будут.

Кузьма. Это верно, конечно.

Охотин. Это не бог весть какая операция. Но все же операция. А вот скоро люди начнут читать в газетах: «Наши войска, перейдя в наступление...» А это я перешел в наступление!

Татьяна. Вам в славе ходить хочется?

Охотин *(широко улыбаясь)*. Хочется. Не буду врать — хочется!.. А знаете, какое с Пановым несчастье?

Кузьма. Убит? Ранен?

Охотин. Нет. Посылают учиться.

Кузьма. А знаешь, сколько сейчас народу посылают учиться? И знаешь, для чего?

Охотин *(недоверчиво)*. Ну, ну?

К у з ь м а. Для того, чтобы в газетах все чаще появлялось: «Наши войска, перейдя в наступление...»

О х о т и н. Я никаких училищ не кончал. Я войну рядовым начал. Я не по книжкам воевал.

Т а т ь я н а. Ну, вот и стоите в обороне.

О х о т и н. А вы что думаете — война вечная будет? Так для чего учиться? Чтобы после войны не воевать? Успеть, успеть навоеваться в эту войну! Во что бы то ни стало — успеть! Потом поздно будет! Нет! Я бы... я бы с ума сошел, если бы меня сейчас послали учиться!

Тягостное молчание.

Что такое? Что такое?

Т а т ь я н а. Ничего. Мы просто немного устали.

О х о т и н. Вы устали! Я вот двое суток как волчок вертелся по всему батальону, а я только после боя устану. Вот когда я устану! А больше всего меня беспокоит первая рота. Против нее почти батальон стоит. Ты будешь с этой ротой, Кузьма. Продержишься?

К у з ь м а. Продержусь. Умирать — так с музыкой!

О х о т и н *(очень весело)*. Неверно! Не с музыкой! Совсем неверно! Слушайте, вы знаете, кто я такой по профессии?

К у з ь м а. Знаем. Шофер.

О х о т и н. Точно. Шофер седьмой базы Орловского райпотребсоюза. А вы знаете, кто был мой отец?

Оба вопросительно смотрят на него.

Извозчик! С кнутом, с бородой, с рессорами и так далее. Самый настоящий извозчик. И я по наследству стал, так сказать, механизированным извозчиком... А вы знаете, кто были мои предки и прапрапредки?

Т а т ь я н а. Не знаем.

О х о т и н *(торжествующе)*. Мои предки были самые настоящие ямщики! «Гайда, тройка, снег пушистый...», знаете? Ям-щи-ки! Так вот был у меня один такой прадед. На его тройке было бубенчиков... целый оркестр. И пусть тебе на дороге вьюга, пусть разбойники — он все равно едет. «Умирать — так с бубенчиками!» — так он любил говорить. И он так и умер: его тройка мертвым привезла. И у нас в роду всегда все так говорят. И я у себя всех так научил говорить.

Входят Ф е д я и М а р у с я.

Ф е д я. Разрешите присутствовать, товарищ капитан. Нам деваться некуда.

О х о т и н. Ну как, Федя? Умирать — так с музыкой?

Ф е д я *(весело)*. Никак нет, товарищ капитан. Умирать — так с бубенчиками!

О х о т и н. Понятно? Молодец, Федя! За такую твою поддержку знаешь, что я для тебя сделаю? Какую я тебе радость принесу? Догадываешься?

Ф е д я. Никак нет, товарищ капитан.

О х о т и н. Я для тебя сниму вот этот абажур.

Ф е д я *(поспешно)*. Снимите, снимите! Век благодарен буду!

О х о т и н. А все-таки на всем фронте, от Белого до Черного моря, ни в одном блиндаже нету такого абажура!

Ф е д я *(сразу помрачнел)*. Попугая еще заведите. Ни в одном блиндаже нету.

О х о т и н. Ты ничего не понимаешь. Это есть самый настоящий художественный вымысел. Самый настоящий вымысел. *(Ему хочется еще говорить, но он не знает, о чем. Он озирает блиндаж.)* Кто это мне так

роскошно постель убрал? Что-то на тебя непохоже, Федя!

Ф е д я. Это не я. Я так не могу.

Т а т ь я н а. Это, наверно, Маруся.

М а р у с я *(смущенно)*. Я... Мы с Федей сейчас встретили какого-то капитана.

О х о т и н. Какого капитана?

Ф е д я. Не знаю. Мы его никогда не видали. Он шел по дороге во вторую роту.

Т а т ь я н а. Это, наверно, из редакции армейской газеты.

М а р у с я. Нет. Я из редакции всех знаю.

О х о т и н. Это что за капитаны бродят у меня тут под самым командным пунктом? Почему ты его сюда не позвал?

Ф е д я. Я не могу к нему обращаться первый.

О х о т и н *(обеспокоенно)*. Лейтенант! Выяснить, что это за капитан, и доложить мне!

К у з ь м а. Есть выяснить и доложить!

Входит Б е к п е р г е н. Не глядя ни на кого, он расстилает па полу коврик. Все в недоумении.

О х о т и н. Что это такое?

Б е к п е р г е н *(торжественным полушепотом)*. Это — день рождения.

О х о т и н. Чей день рождения? Твой? Мой?

Б е к п е р г е н *(еще торжественней)*. Екатерины!

Устремляет взгляд на дверь, и все невольно смотрят туда же. Входит К а т я. Она обеими руками обнимает большой горшок с пловом. Она идет медленно, как богиня изобилия, и останавливается посреди блиндажа.

К а т я *(певуче)*. Прошу дорогих гостей к столу, хлеба-соли откушать!

О х о т и н. Ничего не понимаю! Да какой же я гость, если ты ко мне ввалилась без спроса, без ведома?

Т а т ь я н а. И какой стол, если стола нет.

Ф е д я. А где хлеб и соль? Один плов азиатский.

Б е к п е р г е н *(убеждающе)*. У нее сегодня день рождения!

К у з ь м а. Все понятно. Давай разворачивай!

Бекперген, Кузьма, Федя и Катя мигом организуют «стол». Бекперген сейчас же усаживается по-восточному — на корточки.

Т а т ь я н а. А нам как же, Бекперген?

Б е к п е р г е н. Если хотите, садитесь на стулья. Но тогда я буду в унижении.

Все, исключая капитана, садятся, подражая Бекпергену.

О х о т и н. Тебе сколько лет стукнуло, Катя?

К а т я. Двадцать пять, батюшка.

О х о т и н. Да какой я тебе батюшка, когда мне тоже двадцать пять? Не сяду, пока ты меня не поцелуешь.

Он подходит к ней и обнимает ее, но она медленно, павой отворачивает голову. Капитан терпеливо ждет. Кате очень хочется, чтоб ее поцеловал командир батальона, и она, как бы против воли, приближает к нему свои губы. Охотин целует ее. Бекперген напряженно смотрит на них.

Ты ревнуешь, Бекперген?

Б е к п е р г е н *(не понимая)*. Рев-ну-ешь? Нет. Я только смотрю.

О х о т и н. Ну вот. Теперь я, как старший по званию, поднимаю тост. Разрешите, товарищи, разгласить военную тайну: Бекперген влюблен в Катю. Как всякая военная тайна, эта тайна в свое время тоже ста-

ла известной. Я хочу выпить за твое счастье и за твою любовь, Бекперген,— как говорится военным языком: за прекращение сопротивления со стороны противника, за ваш брак и за ваших детей! Дай бог мне такого счастья, какое ожидает тебя, Бекперген.

Бекперген *(с влюбленностью смотрит на Охотина)*. Я пью за тебя, дорогой капитан! Весь батальон пьет за тебя!

Кузьма. Ты пей за Катю. У капитана будет свой день рождения.

Бекперген. Совершенно верно. За Екатерину! За мою великую Екатерину! *(Залпом выпивает.)*

Все следуют его примеру. Потом все закусывают пловом.

Федя. Если я так посижу еще хоть одну минуту, я навеки так и останусь на корточках. У меня ноги совсем отнимаются.

Катя. У меня тоже ноги не для такого сидения. У меня ноги для пляски.

Все поднимаются, кроме Бекпергена. Федя снимает со стены гитару и играет на ней. Оркестр подыгрывает ему. Катя пускается в пляс. Она пляшет очень темпераментно,— просцениум для нее как бы продолжение блиндажа,— потом, усталая, опускается рядом с Бекпергеном.

Кузьма. А вы говорите — война, оборона, скучно... Это же «Лебединое озеро»! Это же так только народные артистки пляшут! И то не все.

Бекперген *(совершенно покоренный)*. Ты когда танцуешь, Екатерина, как будто небо танцует и все время падают ангелы. Ты когда не танцуешь, Екатерина, в тебе как будто спит твой танец.

Катя *(кокетливо)*. Уж так вы меня любите?

Б е к п е р г е н. Я когда тебя вижу, Екатерина, я набожный становлюсь. Я когда тебя вижу, я молиться хочу!

Ф е д я. Ты бы людей постеснялся, Бекперген. Все ведь слышно.

Б е к п е р г е н. Когда чистый человек говорит, ему всегда кажется, что ему никто не мешает. Почему, когда я люблю, я должен бегать в беседку? У меня чистая любовь — пускай все слушают.

М а р у с я. Говори, Бекперген, говори.

Б е к п е р г е н. Когда я представлю себе, Екатерина, как мы с тобой идем по степи, и над нами замечательное казахстанское солнце, и мы идем с тобою как близкие люди, Екатерина...

Молчание.

К а т я. Я еще не давала своего согласия.

Б е к п е р г е н. ...и мы идем с тобой как близкие люди,— я понимаю, сколько мне еще воевать надо! Без этого не будет моего счастья, Екатерина!

К а т я *(вдруг)*. Только чтобы у нас в хозяйстве верблюдов не было!

Б е к п е р г е н. Почему? Верблюд — очень настоящее животное.

К а т я. Я горбатых людей жалею. А тут еще скотина горбатая,— я от жалости работать не смогу!

О х о т и н. В отставку верблюдов. Я вам на свадьбу всех лошадей батальона подарю.

Ф е д я. Хорошо бы еще что-нибудь из самодеятельности.

О х о т и н. Хватит нам самодеятельности. Мы ее тысячу раз видели и слышали. Надо придумать такое, чего не было.

К у з ь м а. Трудно еще что-нибудь придумать.

О х о т и н. Придумаем, придумаем. *(К Татьяне.)* Вы придумаете!

Т а т ь я н а. Что я еще могу придумать?

О х о т и н *(положил ей руки на плечи и смотрит ей прямо в глаза)*. Придумайте.

Они долго и молча смотрят друг другу в глаза.

М а р у с я. Кажется, я придумала.

Ф е д я *(обрадованно)*. Скажи, скажи...

М а р у с я. Я придумала, но я не могу исполнить. Это сможете только вы, Татьяна Петровна.

Все с любопытством ждут.

Я придумала, что вот уже давно окончилась Отечественная война и вы рассказываете людям вот о нашем сегодняшнем дне рождения... Ну, устроить такой вечер будущих воспоминаний...

Ф е д я. Верно, верно, Маруся. Ты у нас самая главная выдумщица.

О х о т и н. Вы сможете?

Т а т ь я н а. Попробую. *(Выходит вперед.)* Товарищи! Это было в то время, когда я еще не дарила Феде своих абажуров... Не сердитесь, Федя. Я только шучу.

Ф е д я *(сердито)*. Как барыня — так вы со мной шутите.

Т а т ь я н а. Неправда, совсем неправда... Это было в то время, когда наши войска только готовились к прыжку и мы занимали оборону на обширных болотах. Был день рождения Кати. *(Увлекаясь, она продвигается вперед; и чем дальше она продвигается, тем слабее свет над остальными участниками пиршества.)* И мы отпраздновали ее день рождения накануне одного из боев местного значения. Мы собрались, как большая

теплая семья. В жизни у меня уже такой семьи не будет. Как я берегла, как я впитывала в себя каждый час, каждую минуту на этой войне. Я знала, что они неповторимы! Я знала, что никаким другим временем не оправдаешь потери этого времени. И как я любила этих окружавших меня людей! *(Она все продвигается вперед. Вышла на просцениум, и совсем слабый свет, как далекое воспоминание, освещает остальных, неподвижно сидящих участников.)* Мне кажется, что и сейчас они находятся где-то недалеко от меня. И эта чудесная Катя, душа которой похожа на русское утро, и Бекперген, чистейшая любовь которого для меня и сейчас как волшебство, и душа батальона — лейтенант Кузьма Коробейничев, и милый Федя, который меня не любил, а потом полюбил, и Маруся — кроткая русская девушка со своей затаенной любовью к капитану Охотину, и сам капитан Охотин — славный потомок русских ямщиков, часто такой же увлекающийся и нерассудительный, как его предки. Вы еще проследите за судьбой этих и за судьбою других людей. А я... я буду все время стараться оставаться в тени. Я буду стараться быть незаметной, чтобы они — эти светлые люди — во всей своей чистоте дошли до вас.

Нет! Не знатной, к походам привычной
Героиней торжественных дней,—
Я хочу себя вспомнить обычной
Среди тех необычных людей.

Я хочу о войне этой часто
Вспоминать, вспоминать, вспоминать,
Чтобы снова прекрасное «здравствуй!»
Этим людям знакомым сказать.

Светлый образ бойца молодого —
Никогда ты не будешь забыт!
И прошедшее снова и снова,
Как далекая песня, звучит!

(Прислушивается.)

Музыка. Доносится голос поющей Кати. Полный свет — и Татьяна возвращается в прошлое, а Катя поет.

Катя

Замело и завьюжило хаты,
Ничего не видать впереди...
Вьюга воет и просит солдата:
«Дай поспать у тебя на груди!

Мне еще над землею вертеться,
По дорогам кружить без конца...
Я хочу отдохнуть и согреться
У горячего сердца бойца!»

И солдат отвечает, как другу:
«Я согласен. Ложись и поспи.
Но во сне не ворочайся, вьюга,
Не дави мне на ребра мои!»

Только вьюга прижалась к солдату,
Ясный месяц над речкою встал,
Огонечками светятся хаты,—
Вьюга спит, и солдат задремал...

На рассвете проснулися оба.
Шепчет вьюга солдату: «Поверь!
Я за ласку — с тобою до гроба,
Ты мне первый хозяин теперь!..»

Так споем же мы песню друг другу,
Как в боях побывать нам пришлось,
Как солдат нашу русскую вьюгу
До германской столицы донес!

Молчание. И сразу — грохот канонады.
Люди вздрогнули. Они ненадолго забыли, что они на войне.

Б е к п е р г е н. Двенадцать часов. Немец кончил пить свой кофе.

Ф е д я. Ну что это за фронт такой, где немец все по расписанию делает.

О х о т и н. Ничего. Мы ему вечером покажем расписание! Пока мой батальон — мой, немец у меня не очень кофе напьется. Катя! Бросай кухню и становись санитаркой.

К а т я. Мне не привыкать. Я на каждое свое плечо по одному раненому положить могу.

О х о т и н. День рождения объявляю закрытым! Все по своим местам!

Люди начинают расходиться.

Передовое охранение в порядке?

К у з ь м а. В порядке.

О х о т и н. Давно сменяли?

К у з ь м а. Пора сменять.

О х о т и н. Пойдем сменим. Мне сейчас двигаться хочется.

Они уходят. Федя остается один, прибирает, что не успел прибрать, потом поворачивает мольберт и продолжает рисование. Он экспромтом напевает вполголоса.

Ф е д я

Мне любовь моя вместо мечты сокровенной...,
Я прошу вас, Маруся, быть откровенной.

Если я вам кажусь неродным и далеким,
Я сумею достойно быть одиноким...

Снаряд попадает в блиндаж. Стена рушится. Федя вылез из-под обломков, ушибленный, с трудом становится на колени. Он осматривает мольберт — портрет цел. Потом взгляд Феди падает на разбитый абажур. Лицо Феди мгновенно светлеет, и он кричит с нескрываемой радостью:

Татьяна Петровна! Татьяна Петровна! Ваш абажур немцы разнесли к чертовой матери!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

По краям просцениума два телеграфных столба, на которые взобрались два связиста: они налаживают прерванную связь.

1-й связист. Сокол! Сокол! Ты меня слышишь, Сокол? *(Прислушивается.)* А, черт! *(Продолжает работу.)*

2-й связист. Ласточка! Ласточка! Ты меня слышишь, Ласточка? *(Прислушивается.)* А, черт! *(Продолжает работу.)*

1-й связист. Вот, говорят, такое правило для воинского поведения выйдет: ежели, скажем... Сокол!.. Сокол!.. Ежели, скажем, ты идешь об руку с женщиной и навстречу тебе лейтенант... Сокол! Сокол!..

2-й связист. Ласточка! Ласточка!

1-й связист. ...и навстречу тебе лейтенант, то не ты первый, а он тебя первый приветствует.

2-й связист. Почему же это?

1-й связист. Потому что ты идешь об руку с женщиной... Сокол! Сокол! Если до начала операции связь не наладим, капитан сказал — голову оторвет.

2-й связист. Вот как! Значит, выходит, женщина выше лейтенанта?

1-й связист. Выходит, выше.

2-й связист. Ласточка! Ласточка!

1-й связист. Сокол! Сокол!.. И вот, говорят, во второй роте какой-то чудной капитан появился. И говорят, будто этот неизвестный нам капитан сменит нашего капитана и возьмет на себя батальон.

2-й связист. Ну а ежели навстречу полковник?

1-й связист. Какой полковник?

2-й связист. Неужто и он первый приветствует?

1-й связист. Первый. А ты уж ему отвечаешь. Потому что ты идешь об руку с женщиной.

2-й связист. И генерал?

1-й связист. Что — генерал?

2-й связист *(совсем удивленно)*. И генерал первый приветствует?

1-й связист. Первый. В том же порядке.

2-й связист. Ласточка!.. Ласточка!..

1-й связист. Сокол!.. Сокол!.. И вот получается так, что мы теперь вроде под двумя капитанами ходим.

2-й связист *(интересуясь только одним)*. Не может этого быть, чтобы женщина была самое высокое звание. Маршал, я думаю, выше.

1-й связист *(убежденно)*. Маршал выше... Сокол!.. Сокол!.. И вот, кто же теперь командовать будет в сегодняшней боевой операции — тайна глубокая.

2-й связист. Значит, получается так: сначала идет маршал, потом женщина, потом генерал, полковник и так и далее?

1-й связист. И так и далее.

2-й связист. А вот у нас в Тринадцатой армии был генерал... Так он, когда встречал раненого бойца, всегда первый его приветствовал!

1-й связист. Правильный генерал!

2-й связист. Значит, выходит, что мы долж-

ны относиться к женщине так, будто она тяжело раненный товарищ?

1-й связист. Выходит, так... Сокол! Сокол!.. Ты меня слышишь? Наконец-то! Говорит Иванов. Повреждение исправлено. В порядочке! *(Скатывается со столба.)*

2-й связист. Ласточка! Ласточка!.. Ты меня слышишь? Наконец-то! Говорит Сергеев. Повреждение исправлено. В порядочке! *(Скатывается со столба.)*

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Ветхая землянка. У стен расставлена разная посуда, в которую (слышно) стекает вода. На стене — гитара из предыдущей картины. Татьяна и Маруся разбирают книги и медикаменты.

Татьяна. Я помню, когда я еще училась в четвертом классе, учитель спросил меня: «Если будет война, Таня, что ты будешь делать?» Я ответила: «Я буду впереди войска!»

Маруся. Если все будут впереди войска, тогда войско будет в тылу. Это для меня непонятный фронт.

Стук.

Татьяна. Войдите!

Никто не входит. Молчание. Стук повторяется.

Войдите!

Никто не входит.

Маруся. Это дятел.

Кукует кукушка.

Раз, два, три, четыре, пять...

Т а т ь я н а. Что ты задумала?

М а р у с я. Сколько еще воевать будем. Пять. Пять недель, месяцев, лет?

Т а т ь я н а. Я в жизни ни одного англичанина и ни одного американца не видала. Хотела бы я на них посмотреть — можно им верить или нельзя?

Стук.

Войдите! *(Шутя.)* Это дятел.

Входит Ф е д я; он очень взволнован.

Ф е д я. Это же не жизнь! Это же какое-то вавилонское столботворение. Я же с моим капитаном — душа в душу всю войну! А сейчас... Вы знаете, откуда я сейчас? Я из второй роты. Вы знаете, кто этот новый капитан?

Т а т ь я н а. А вы знаете?

Ф е д я. Знаю.

Т а т ь я н а. Никогда не рассказывайте всего, что вы знаете. Вас сочтут болтливым.

Ф е д я. А вы не делайте мне замечаний. У меня для замечаний есть начальство свое.

Входит капитан О х о т и н.

О х о т и н. Мирная жизнь? Книжечки разбираете? Это же Отечественная война! Это же волноваться надо! Федя! Через тридцать минут собрать ко мне командиров рот! Маруся! Хоть из-под земли привести ко мне лейтенанта Коробейничева! Живо!

Федя и Маруся уходят.

Т а т ь я н а. Когда вы решили начать?

О х о т и н. Вечером. Вы знаете, чем хорошо воен-

ное дело? Тем, что все одинаково волнуются. Я сейчас волнуюсь, как Суворов или какой-нибудь Гарибальди. Бойцы засиделись в этой сырости, заскучали. Как мы сейчас все волнуемся! Почему вы спокойны?

Татьяна. В бою одного волнения мало. В бою еще нужно спокойствие. Я буду вашим спокойствием.

Охотин. Правильно.

Молчание. Слышен шум падающих капель.

Подумать только — такая сырость! И вы в ней живете. Вы же не жаба, вы же умная и красивая женщина! Вот сегодня мы займем немецкие блиндажи, и я вам уступлю самый лучший из них. И сегодня в этом бою я твердо для себя установлю — нужно ли мне заниматься военным делом или мне, как шоферу, всю остальную жизнь на своем «газике» хлопотать надо.

Татьяна. Вы на шофера долго учились?

Охотин. Четыре месяца.

Татьяна. А на командира?

Охотин. Что это вы с Кузьмой все воспитательной работой занимаетесь? Вот отвоюю и пойду учиться. *(В упор.)* Вы пойдете со мной?

Татьяна. Нет.

Охотин. Ну да. Что вам какой-то капитан!

Татьяна *(улыбаясь)*. Конечно. На что-нибудь меньшее, чем генерал, я не согласна. *(Пауза.)* Но только я бы хотела, чтобы вы были этим генералом.

Охотин *(жадно)*. Верно вы говорите? Сейчас вы не шутите? Так я же буду генералом! Я еще повоюю, потом пойду в академию, кончу ее,— и тогда... тогда вы всегда будете со мной! Будете! Будете! *(Говорит он вначале очень уверенно и потом робко.)* Будете?

Татьяна. Может быть.

О х о т и н *(удивленно)*. Вы же только что твердо сказали, что будете!

Т а т ь я н а. Я еще много раз буду говорить поразному. Вам к этому привыкнуть надо.

О х о т и н. Я не привыкну. Я не хочу привыкать. Или прикажите, чтобы я от вас убирался ко всем чертям, или...

Т а т ь я н а. Это невежливо, капитан.

О х о т и н. Я пока еще не генерал. Я могу быть невежливым.

Т а т ь я н а. Все должны быть вежливыми.

О х о т и н *(волнуясь, шагает по землянке, потом останавливается, рассматривает открытку на стене)*. Бранденбургские ворота! Стоящая скульптура! Только они мне такие не нужны. Мне они нужны настоящие, из камня, чтобы я по ним стрелять мог!

Входит К у з ь м а.

Вот и старик припер. Знаешь, зачем я тебя искал? Слушай! Мой заместитель по строевой заболел и выбыл из строя. Так? Так. Ожидаем нового. Заместителя по политчасти мне уже месяц обещают прислать и пе присылают. Так? Так. Так что мы с тобой сейчас душа и мозг батальона. Хочешь, ты — душа, хочешь, ты — мозг. Предстоит задача. Очень ответственная.

К у з ь м а. Я уже думал об этом. Я тебе помогу. Четырнадцать новых коммунистов будут участвовать в этом бою.

О х о т и н. Правильно! И пока мы на войне — мы воевать будем! Мы молодые! Молодые! *(Обнимает Кузьму.)* Старик! От души прошу: не лезь в самый огонь! Я хочу, чтобы ты со мной всегда живой разговаривал. Ты же такой широкий и толстый. Пуле же очень трудно пролететь мимо.

Кузьма. Да. Я большой и обширный. Я, можно сказать, как Россия! Неплохо сказал? А?

Охотин. Мудрец! Ну прямо мудрец!

Они оба в полном восторге от себя и друг от друга, хлопают друг друга по плечам, по животу, по спине.

Татьяна. Вы сейчас похожи на двух влюбленных буйволов.

Кузьма. Один буйвол сейчас уходит. Ему еще четырнадцать бланков нужно заполнить. Я тебе помогу, дорогой буйвол! Все будет в порядке. Будь спокоен, капитан! *(Быстро уходит.)*

Молчание.

Охотин. Знаете, Татьяна Петровна, я, когда был мальчишкой, жил вместе с сестрой. Мамка у нас рано померла. И я дико дулся в карты, в «очко». Но прежде чем идти играть, я становился перед сестричкой на одно колено, и она благословляла меня. Она благословляла меня на игру, как когда-то благословляли на ратное дело. И я всегда выигрывал! А теперь предстоит ратное дело, а сестричка далеко — и благословить меня некому. Благословите вы меня! Хоть в шутку благословите!

Татьяна *(улыбаясь)*. Становитесь на колено.

Капитан склоняется. За сценой слышен голос Кузьмы: «Сюда пожалуйте, товарищ капитан».

Кузьма входит. Татьяна резко поворачивается. Ничего не подозревающий капитан Охотин с любопытством смотрит на дверь. Входит капитан Шипов.

Шипов. Капитан Шипов, Иван Иванович.

Охотин *(очень приветлив; обеими руками пожимает руку Шипова)*. Капитан Охотин, Сергей Влади-

мирович. Очень, очень рад. Мы вас уже заждались. Что ж это вы так?

Ш и п о в. Я приехал вовремя.

О х о т и н. Ну да! Вовремя! Я уже почти месяц жду заместителя по строевой.

Ш и п о в. Я не заместитель по строевой. Я новый командир батальона.

О х о т и н *(долго с изумлением смотрит на него)*. Так, так, так... А я кто?

Ш и п о в. Вам предлагается явиться в распоряжение командира бригады. *(К Кузьме.)* Почему вы не доложили о моем приезде вашему командиру?

К у з ь м а. Я решил доложить завтра.

Ш и п о в. Меня не интересует, что вы решили. Вы должны подчиняться, а не решать. Итак, первое взыскание вы у меня уже получили.

О х о т и н *(к Кузьме)*. Ты знал?

Т а т ь я н а. И я знала.

Охотин резко поворачивается к ней.

Мы решили, что будет лучше, если вы об этом узнаете завтра.

О х о т и н *(ошеломленный)*. Когда разрешите сдать батальон? Сегодня?

Ш и п о в. Немедленно. Вот предписание. *(Протягивает Охотину бумагу.)*

О х о т и н *(неподвижным взглядом уставился на бумагу и возвращает, так и не прочитав)*. Да, да. Все правильно.

Ш и п о в. Я провел некоторое время во второй роте. Мне кажется, что я уже имею некоторое представление о том, что такое вторая рота.

О х о т и н *(оживляется)*. Что? Разве плохая рота?

Ш и п о в. Возможно, что это очень хорошая рота.

Но только командир ее никуда не годится. Мало боевого темперамента.

Т а т ь я н а. Вам ли говорить о темпераменте.

Ш и п о в *(резко)*. Мне. А вам внимательно слушать все, что я говорю.

О х о т и н. Объясните мне, как это сдают батальон? С чего нужно начинать? Я еще никогда не сдавал батальона.

К у з ь м а *(Шипову)*. Разрешите на минутку ваше предписание.

Ш и п о в. Я не обязан предъявлять вам свое предписание.

О х о т и н. А мне обязаны?

Ш и п о в. Пока обязан.

О х о т и н. Предъявите.

Шипов снова протягивает Охотину предписание.

«...Капитану Шипову И. И. принять батальон с десятого сего месяца».

Т а т ь я н а. А сегодня девятое сего месяца.

О х о т и н. Постой, постой, вчера было восьмое... Девятое! До двадцати четырех ноль-ноль я — командир батальона!

Ш и п о в *(так же невозмутимо)*. Что вам дадут эти несколько часов?

О х о т и н. Я хочу в бою попрощаться со своим батальоном! Понимаете?

Ш и п о в. Нет. Не понимаю. Если хотите попрощаться — достаньте водки и выпейте с друзьями. Если вы хотите провести операцию — взвесьте все и рассчитайте как командир.

О х о т и н. Сегодня вы убедитесь в состоянии батальона! Сегодня вы убедитесь!

Ш и п о в. Убедиться в этом я еще успею. В первую очередь я хочу помочь батальону.

К у з ь м а. Значит, операцию придется отложить?

Ш и п о в. Почему отложить? Приказ получен. Он должен быть выполнен.

О х о т и н. У вас какое военное образование?

Ш и п о в. Я окончил артиллерийское училище. А вы?

О х о т и н. Я ничего не кончил. Я войну рядовым начал.

Ш и п о в. Не будем препираться. Мне совершенно не важно, какого вы обо мне мнения — плохого или хорошего. Есть задача, которой мы оба подчинены. Командир второй роты не годится для предстоящей задачи.Назначьте меня на время операции во вторую роту.

О х о т и н. Вы назначены в батальон, а не в роту.

Ш и п о в. Сейчас я вас прошу об этом. В двадцать четыре ноль-ноль я вам это прикажу. Вы хотите в бою попрощаться с батальоном. Я хочу с батальоном в бою познакомиться.

О х о т и н. Хорошо. Приступайте к вашим обязанностям.

Ш и п о в *(козыряет)*. Есть приступить к обязанностям! Разрешите идти?

О х о т и н. Идите.

Шипов четко поворачивается и уходит. Тишина. Слышно, как со стен стекает вода.

Еще эта вода капает, будь она проклята!

К у з ь м а. Не надо горевать, Сережа! *(Он в первый раз называет капитана Сережей.)* Надо дело делать.

О х о т и н *(Татьяне)*. Знаете, мы, военные,— народ суеверный. Вы так и не успели меня благословить.

Татьяна. Я знаю много военных удач без всякого благословения.

Охотин. Может быть, может быть... Но вы все же благословите...

И только он стал на колено, как в дверях показалась голова Бекпергена.

Бекперген. Я очень извиняюсь...

Кузьма. Опять ты тут, Бекперген!

Бекперген. Разрешите войти?

Он входит, и за ним идут бойцы. Они идут длинной цепью, один за другим. Скоро вся землянка заполняется ими.

Охотин. Что это значит?

Федя *(выступил вперед)*. Это значит, что батальон пришел попрощаться со своим командиром!

Охотин. Откуда вы знаете?

Федя. Слух пошел, товарищ капитан.

Охотин *(долго всех озирает, потом подходит к Феде и обнимает его)*. Ну, прощай, Федя!

В это время за пасмурным окном выглянуло солнце.

Бекперген. Солнце!

Татьяна. На пять минут оно пришло, не больше.

Бекперген. Для меня пять минут солнце — еще пять лет воевать буду! Слушай, капитан, мы сегодня выступаем?

Кузьма. Выступаем, Бекперген, выступаем.

Бекперген. Батальон! Слушай мою команду! Давай сюда солнца! Давай сюда на всю войну солнца! *(Изо всей силы ударяет прикладом автомата по двери блиндажа.)*

Бойцы присоединились к нему. В пролом огромным потоком хлынуло солнце. Люди стоят как завороженные. Бекперген снимает со стены гитару и протягивает ее Охотину.

Слушай, дорогой капитан. Если есть гитара, значит, есть песня. Спой, пожалуйста. На прощание.

В проломе, щурясь от непривычного огромного солнца, капитан Охотин поет песню, и все бойцы, находящиеся в землянке, подхватывают припев.

Продрогли бойцы... На болотах глубоких
И капли тепла не найдется...
Мы верим, мы знаем — из далей далеких
Нам солнышко вновь улыбнется!

Болота, болота
Проходит пехота,
Проходят за ротою рота...
Сова заблудилась,
Лиса утопилась,
Где рота в бою находилась...

Шагает по грязи солдатское племя,
Но весело песня поется:
Дойдем до Берлина — и мирное время,
Как детская сказка, вернется.

Болота, болота
Проходит пехота,
Проходят за ротою рота...
В трясину залезши,
Расплакался леший:
Спасите — хоть конный, хоть пеший!

Бессмертная слава простуженным людям,
Прошедшим и воду и сушу!
Мы душу свою никогда не остудим —
Большую солдатскую душу!

Болота, болота
Проходит пехота,
Проходят за ротою рота...
Солдат не устанет,
На кочку привстанет —
Рукою до солнца достанет.

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Лес после артиллерийского налета. Обугленные, искалеченные деревья. Под расщепленной, грустной березой сидит красноармеец — и г р у ш е ч н ы х д е л м а с т е р. Он что-то строгает. Д в а м а л ь ч и к а и д е в о ч к а смотрят на него.

Д е в о ч к а *(на руках укачивает ребенка, напевает)*. Бабушка, абушка, бушка, ушка, шка, ка, а, ка, шка, ушка, бушка, абушка, бабушка...

1-й м а л ь ч и к. Что ж это ты? Боец Красной Армии, а игрушки делаешь? Ты что — ими стрелять будешь?

М а с т е р. Нет. Стрелять не буду.

1-й м а л ь ч и к. Зачем же ты их делаешь?

М а с т е р. Война не вечная будет. А дети — они вечные.

2-й м а л ь ч и к. Это что у тебя — слон будет?

М а с т е р. Точно. Слон.

2-й м а л ь ч и к. Ты где его — в зверинце видал?

М а с т е р. Нигде не видал. Я с ним на картинках познакомился.

2-й м а л ь ч и к *(презрительно)*. На картинках!

Д е в о ч к а. А зачем ты слона делаешь? Ты бы лучше собаку выточил.

М а с т е р. Собак и живых много.

1-й м а л ь ч и к. Пользы от него мало — от слона то. Ни запрячь, ни пахать.

М а с т е р. Пользы от него мало, это точно. Только он — слон-то — не для пользы. Он для счастья. Вот говорят: семь слонов — они счастье приносят.

Д е в о ч к а. Я бы на твоем месте каждый день по семь слонов делала.

М а с т е р. Этак устанешь, милая.

1-й м а л ь ч и к. А верно, вчера «языка» привели?

М а с т е р. Привели.

2-й м а л ь ч и к. Опасный?

М а с т е р. Все они опасные.

1-й м а л ь ч и к. А как его зовут?

М а с т е р. Кого, фрица-то?

1-й м а л ь ч и к. Ну да, фрица.

М а с т е р. Гансом зовут.

2-й м а л ь ч и к. А тебя как зовут?

М а с т е р. Владимиром зовут. Святкин — фамилия. Будем знакомы.

1-й м а л ь ч и к. Федька.

2-й м а л ь ч и к. Алешка.

Д е в о ч к а. Ксюшка.

М а с т е р. Спалил, значит, немец вашу деревню. Что ж вы, так под мокрым небом и живете?

1-й м а л ь ч и к. Не. Мы в ваших кинутых землянках живем. Как вы куда уходите — так мы и въезжаем.

2-й м а л ь ч и к. Скоро вы отсюда уйдете? А то нам тесно.

М а с т е р. Как получим приказ — так и двинем.

Д е в о ч к а. А наступление сегодня будет?

М а с т е р. Это почему ты так думаешь?

Д е в о ч к а. Больно уж артиллерию двигают.

М а с т е р. Мало ли зачем двигают.

Д е в о ч к а. У меня мамка горшок даром не переставит, а тут пушки переставляют.

Нарастающий гул самолета. Запрокинув головы, дети смотрят в небо.

1-й м а л ь ч и к *(констатирует)*. «Хейнкель».

М а с т е р. Точно. «Хейнкель».

Д е в о ч к а *(укачивает ребенка)*. Бабушка, абушка, бушка, ушка, шка, ка, а, ка, шка, ушка, бушка, абушка, бабушка...

2-й м а л ь ч и к *(указывает пальцем)*. Во-он моя мамка!

1-й м а л ь ч и к. А вон моя!

Д е в о ч к а. А моей мамки нету. Моя мамка за хлебом пошла.

М а с т е р. Где ж она в лесу хлеба возьмет?

Д е в о ч к а. Бог подаст.

М а с т е р. Вот хлеба пожуйте малость.

Протягивает детишкам хлеб; они стараются есть медленно, с достоинством.

Д е в о ч к а. Сам небось голодный останешься?

М а с т е р. Ничего. Завтра свежий выдадут.

Д е в о ч к а. А мы завтра опять придем.

М а с т е р. Приходите. Не обидите.

Д е в о ч к а. А тебе кто сказал, что семь слонов счастье приносят?

М а с т е р. Утверждают некоторые люди.

2-й м а л ь ч и к. А сейчас ты какого слона делаешь?

М а с т е р. Пятого точу.

Девочка глубоко вздохнула.

Ты это чего так тяжко вздыхаешь?

Д е в о ч к а. Я хочу поскорее седьмого слоника.

М а с т е р. Вот погоди — дойдем до Берлина, там и седьмого закончу.

1-й м а л ь ч и к. Ты это шутки шутишь?

М а с т е р. Я с детьми всегда серьезно разговариваю.

Близкие орудийные выстрелы.

Ну-с, друзья-товарищи, я пошел. А то время у меня уже все вышло. В шестнадцать ноль-ноль на месте быть надо.

М а л ь ч и к и. И мы с тобой!

М а с т е р. Нет, милые. Вот как войну закончим, тогда вместе и пойдем. А сейчас нам в разные стороны. *(К девочке.)* А ты почему сидишь?

Д е в о ч к а. А я не пойду. Я тут мамки дождусь.

Мастер и мальчики уходят. Артиллерийский огонь усиливается. Девочка не обращает на него внимания,— она продолжает укачивать ребенка.

Бабушка, абушка, ушка, шка...

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сумерки. Открытое болото с чахлой растительностью. Под небольшим навесом, за ящиком, заменяющим стол, сидят полковник — начальник политотдела, старший лейтенант — секретарь и Кузьма. Гул приближающегося боя. Близкие разрывы.

Полковник. Люди собрались?

Кузьма. Собрались, товарищ полковник.

Полковник *(секретарю)*. У тебя все готово?

Секретарь. В порядке, товарищ полковник.

Полковник. Вот какое дело, лейтенант. Я твоих людей совсем не знаю. Я в бригаде всего две недели, а в твоем батальоне впервые. Помоги мне.

Кузьма. Охотно помогу, товарищ полковник.

Полковник. Вот, скажем, Васильев. *(Протягивает Кузьме газету.)* Это он самый?

Кузьма *(смотрит на портрет)*. Он самый.

Полковник. Кликни Васильева.

Кузьма *(выходит из-под навеса)*. Старший сержант Васильев!

Из-за бугра показывается Васильев. Полусогнувшись под огнем, он добежал до навеса.

Васильев. Старший сержант Васильев.

Полковник. Ты со мною знаком, Васильев?

Васильев. Никак нет, товарищ полковник.

Полковник. А я тебя знаю.

Васильев *(всматривается в полковника)*. Никак нет, товарищ полковник.

Полковник. Знаю. *(Протягивает ему газету.)* Ты?

Васильев *(смотрит на свой портрет в газете и широко улыбается)*. Я.

Полковник. А может, не ты?

Васильев *(настойчиво)*. Нет, я! *(Он не может оторвать глаз от своего портрета: он восхищен.)* Ну прямо как в зеркале!

Полковник. Этот портрет твой напечатан в нашей армейской газете. Но я уверен, Васильев, что твои боевые подвиги прославят тебя на всю Россию.

Васильев *(честолюбиво)*. Так точно. На всю Россию, товарищ полковник.

Полковник *(поднимается и вручает Васильеву партбилет)*. Товарищ Васильев! Партия принимает вас в свои ряды в тяжелый момент боя. Носите с честью и достоинством этот великий документ. Оправдайте доверие партии.

Васильев *(козыряет)*. Оправдаю доверие партии!

Секретарь *(указывая на то, что чернила еще не просохли)*. Осторожно, еще не просохло.

Васильев *(мнется на месте)*. Извиняюсь, товарищ полковник. Нет ли у вас еще такого портрета?

Полковник. Вот тебе сразу три газеты, чтобы тебе три раза не возвращаться.

Васильев *(весело)*. Разрешите идти?

Полковник. Идите.

Полусогнувшись под огнем, держа в одной руке раскрытый партбилет и в другой ворох газет, Васильев убегает.

Следующий кто?

С е к р е т а р ь. Выдрин, Афанасий Иванович.

П о л к о в н и к. Что ты о нем скажешь, лейтенант?

К у з ь м а. Храбрый человек, и самый большой балагур в батальоне.

П о л к о в н и к. Постой, постой... Это который все романсы поет?

К у з ь м а. Точно. Откуда вы знаете?

П о л к о в н и к. Вся бригада знает. Кликни-ка Выдрина.

К у з ь м а. Рядовой Выдрин!

В ы д р и н *(подбегает к навесу, козыряет)*. Рядовой Выдрин.

П о л к о в н и к *(молча и пристально смотрит на Выдрина, потом вдруг напевает)*:

> Аллея кипарисов и свет луны,
> Напев любимой песни под плеск волны,
> Ты голову склонила...

Ты эту песню знаешь?

В ы д р и н. Я все такие песни знаю, товарищ полковник.

П о л к о в н и к. Откуда?

В ы д р и н. У меня в Рязани соседка — певица. Она целый день такие песни поет.

П о л к о в н и к. Убить надо такую певицу!

В ы д р и н. Никак нет, товарищ полковник. Симпатичная женщина.

П о л к о в н и к. У тебя что, роман с нею?

В ы д р и н. Так точно. Роман, товарищ полковник.

П о л к о в н и к. Значит, весело воюешь, товарищ Выдрин?

В ы д р и н. Весело, товарищ полковник.

П о л к о в н и к. А сегодня... сегодня, товарищ Выдрин, ты пойдешь в бой коммунистом. Ты понимаешь, что это значит?

В ы д р и н. Не посрамим, товарищ полковник.

К у з ь м а. Я тебя давно знаю, Афанасий Иванович. И я тебе верю, как самому себе.

П о л к о в н и к *(вручает партбилет)*. Оправдайте доверие партии!

В ы д р и н. Оправдаю доверие партии.

С е к р е т а р ь. Осторожно, еще не просохло. Следующий — Бекперген Юлдаев.

В ы д р и н *(держит партбилет раскрытым и кричит, полусогнувшись на бегу)*. Следующий — Бекперген!

Б е к п е р г е н стремительно мчится под навес.

П о л к о в н и к. Перед пулей не стыдно нагнуться, Бекперген. Тебя так и задеть может.

Б е к п е р г е н. Не заденет. Я — не белка, немец — не казах.

К у з ь м а. Он белку прямо в глаз бьет.

Б е к п е р г е н. Обязательно в глаз. В другой орган не годится, товарищ лейтенант.

П о л к о в н и к. Ты и немца в глаз бьешь?

Б е к п е р г е н. Зачем? Незачем. Белку я в глаз бил — боялся, шкурка испортится. У немца — не боюсь — шкурка испортится.

П о л к о в н и к *(вручает партбилет)*. Я в вас уверен, Бекперген Юлдаев. Вы оправдаете доверие партии.

Б е к п е р г е н. Обязательно оправдаю.

К у з ь м а. По-военному, по-военному, Бекперген.

Б е к п е р г е н *(вытягивается, козыряет)*. Оправдаю доверие партии!

С е к р е т а р ь *(забывает предупредить Бекпер-*

гена о том, что чернила еще не просохли). Следующий — Варшавский.

Б е к п е р г е н. Не торопись. Торопиться — это всегда некрасиво. *(К полковнику.)* Ты мне скажи, товарищ полковник, когда мы все-таки пойдем на Кенисбер?

П о л к о в н и к. Что это тебя на Кенигсберг тянет? Потерпи еще.

Б е к п е р г е н. Терпения много уходит. Совсем мало терпения осталось. Товарищ полковник, поторопи, пожалуйста.

П о л к о в н и к *(улыбаясь)*. Хорошо. Потороплю.

С е к р е т а р ь. Следующий — Варшавский.

Б е к п е р г е н *(выбегает)*. Следующий — Варшавский.

В а р ш а в с к и й *(бежит под навес)*. Рядовой Варшавский!

С е к р е т а р ь. Михаил Семенович?

В а р ш а в с к и й. Так точно.

В это время снова влетает Б е к п е р г е н. В руке у него раскрытый партбилет.

Б е к п е р г е н. Это же какое безобразие! Это же стыдно на всю Ве-Ка-Пе-Бе!

К у з ь м а. Что такое? В чем дело?

Б е к п е р г е н. Ты посмотри — партия такая бедная, что тебе даже промокашки купить не может!

П о л к о в н и к *(смотрит партбилет)*. Да, немного размазалось.

Б е к п е р г е н *(возмущенно)*. Немного размазалось! Тут же теперь нельзя прочитать, чья фамилия. Твоя фамилия, моя фамилия? Перемени!

П о л к о в н и к. Где ж я тебе возьму новый? После переменю.

Б е к п е р г е н. Я же не после вступаю в партию, я теперь вступаю в партию. Перемени!

К у з ь м а. Бекперген! Как ты с полковником разговариваешь?!

П о л к о в н и к. Правильно разговаривает, правильно... Я не виноват, Бекперген, честное слово, не виноват! Это с крыши капнуло. Дождь виноват.

Б е к п е р г е н. Слушай, полковник. Я же эту книжку сто лет носить буду. Понимаешь: партийный билет — и неизвестно, кто член партии! Перемени!

П о л к о в н и к. Слово даю, завтра же переменю.

Б е к п е р г е н. Хорошо. Слово даешь — хорошо. Не переменишь — я тебя всю войну мучить буду. Не забудь — слово даешь! *(Убегает.)*

Сумерки сгустились. Бой уже совсем близко. Действие кинематографически убыстряется. Смутно видны ф и г у р ы п р о б е г а ю щ и х б о й ц о в. Сейчас уже только лучи прожекторов и вспышки орудий освещают людей под навесом. Они мгновенно сменяют друг друга — молодые, пожилые, высокие, низкие, красивые, некрасивые... И при каждой вспышке новый боец произносит: «Оправдаю доверие партии!»

З а н а в е с

КАРТИНА ВТОРАЯ

Повернулся сценический круг, и приблизилось место боя. Пейзаж такой же безрадостный. Условия местности не позволяют правильно развернуть подразделения, и поэтому б о й ц ы расположились в некотором беспорядке. Большей частью они полулежат. Частый огонь.

И г р у ш е ч н ы х д е л м а с т е р *(Феде)*. Вот ты служишь ординарцем у нашего капитана, значит, ты человек образованный. Можешь ты мне сказать одну вещь?

Ф е д я. Могу.

М а с т е р. Ты, конечно, читал про бессмертный подвиг двадцати восьми панфиловцев?

Ф е д я. Читал, и даже фамилии помню.

М а с т е р. У нас сколько сейчас человек осталось? Тридцать?

Ф е д я. Тридцать один.

М а с т е р. Вот если сейчас, скажем, немец пойдет на нас целой дивизией, а нас всего тридцать один человек, а мы его не пропустим и все погибнем — напишут о нас, как о двадцати восьми?

Ф е д я. Нет. Не напишут. За эту войну столько подвигов люди совершили, что если каждый подвиг подряд описывать — это сколько ж бумаги надо?

М а с т е р. Верно. Двадцать восемь — они для примера нашей жизни описаны. А мы и так повоюем.

Луч прожектора скользит по полю боя. Вот он остановился на рядовом В ы д р и н е.

В ы д р и н
(долго прицеливается, напевает)

Утомленное солнце нежно с морем прощалось,
В этот час ты сказала, что нет любви...

(Стреляет.)

Г о л о с. Попал?

В ы д р и н. Попал.

Прожектор осветил другую п а р у б о й ц о в.

1-й б о е ц . Знаешь, я по чем соскучился? Я по пыли соскучился. Идешь вот по сухой дороге, а за тобой — пыль...

2-й б о е ц . Да... А здесь под сапогом все хлюпает.

Вышла луна и осветила все ровным светом.

Ф е д я. Вон двух раненых понесли. А вон еще одного. Убитого.

М а с т е р. Теперь нас ровно двадцать восемь.

Яростный огонь. К а т я впереди себя тащит катушку. Появляется с в я з и с т. Рядом — разрыв. Связист падает. Когда он поднимается, на поле боя странное явление: частые вспышки выстрелов — и ни одного звука.

С в я з и с т *(изумленно озирается вокруг — сначала с недоумением, потом с нарастающим страхом)*. Что же это такое, граждане? Что же это такое? Я оглох, что ли? *(Напряженно прислушивается.)* Сестрица! Сестра! *(Кричит в полном отчаянии.)*

Катя впереди себя тащит катушку, связист быстро уходит. Как только он исчезает, свет приобретает звук — вспышки сопровождаются грохотом разрывов. Потом огонь становится тише.

В ы д р и н
(напевает)

Веселья час и боль разлуки
Делили мы с тобой всегда...
Давай пожмем друг другу руки
И — в дальний путь на долгие года...

(Стреляет.)

Г о л о с. Попал?

В ы д р и н. Попал.

Г о л о с. Ты это почему всегда поешь, когда стреляешь?

В ы д р и н. У меня без пения прицел неточный.

Снова частый огонь. Бойцы прижимаются к земле. Появляется Т а т ь я н а. Она стоит в полный рост и близорукими глазами всматривается в мигающий горизонт.

Ф е д я. Ложитесь, Татьяна Петровна!

Татьяна продолжает стоять в той же позе.

(Отчаянно.) Ложитесь, Татьяна Петровна!

Т а т ь я н а. Спасибо. Я постою. *(Как будто ее приглашают садиться.)*

Ф е д я. Это же с ума сойти и перевернуться! *(Встает и становится рядом с Татьяной, заслоняя ее от огня.)*

Т а т ь я н а. Вы почему встали?

Федя с молчаливым презрением всматривается в горизонт.

Я сдаюсь, Федя. *(Ложится.)*

Федя продолжает стоять.

(С беспокойством.) Ну, Федя! Умоляю вас!..

Ф е д я *(медленно ложится)*. То-то же...

Р а н е н ы й. Сестрица! Когда же меня возьмут? Я раненый...

Т а т ь я н а. Санитары не успевают. Я пришла вас перевязать. Потерпите.

Р а н е н ы й. Я могу потерпеть. Я потерплю.

Появляется К у з ь м а.

К у з ь м а. Где командир роты?

Молчание.

Где командир роты?

М а с т е р. Выбыл из строя наш командир.

К у з ь м а. Кто же командует ротой?

Молчание.

Я командую!

Б е к п е р г е н *(он все время лежал незаметно)*. Приглашаем тебя немного пострелять, товарищ лейтенант.

М а с т е р. Что это тебя все время не слышно было, Бекперген?

Б е к п е р г е н. Я немножко заснул. Сны смотрел.

К у з ь м а. Под такой шум тебе, наверно, военные сны снились?

Б е к п е р г е н. Нет. Гражданские.

К у з ь м а. Катя, наверно, приснилась?

Б е к п е р г е н. Екатерина. Только она очень шумела.

Общий хохот.

Слушай, лейтенант, смешная история получается.

К у з ь м а. Какая история? Почему смешная?

Б е к п е р г е н. Слушай, лейтенант. У нас в роте теперь все коммунисты и комсомольцы и только один беспартийный.

К у з ь м а. Ну и что же?

Б е к п е р г е н. Слушай, лейтенант. Получается, что мы все — партия, а он один — беспартийная масса.

К у з ь м а. Вот ты бы его и сагитировал.

Б е к п е р г е н. Я не умею. Ты его агитируй. Пусть у нас будет целая коммунистическая рота.

Молчание.

К у з ь м а *(Феде)*. Ты почему здесь? Ты обязан быть при капитане! *(Тихо.)* Единым духом мчись к капитану и доложи, что противник вклинился с обоих флангов. Осталась только узкая щель между гатью на Шутовку и большаком на Козлов. Запомнишь?

Ф е д я. Есть запомнить, товарищ лейтенант.

К у з ь м а. Пусть пошлют туда хотя бы автоматчиков тридцать, иначе нам придется пробиваться, неся большие потери. Ясно?

Ф е д я. Ясно, товарищ лейтенант.

Но только он собрался уйти, как входит с в я з н о й.

Связной. Лейтенант Коробейничев!

Кузьма. Я!

Связной. Я с приказанием от капитана Шипова.

Кузьма. Пока батальоном командует не капитан Шипов, а капитан Охотин.

Появляется Шипов.

Шипов. Батальоном командую я. Начальника медпункта ко мне!

Татьяна. Я слушаю вас, товарищ капитан!

Шипов. Немедленно отправляйтесь на командный пункт батальона!

Татьяна. Я не могу оставить раненых. И здесь нет ни одного санитара.

Шипов. Не препираться. Я привел санитаров. Идите.

Татьяна. Но я здесь больше нужна, чем там. Разрешите остаться.

Шипов. Нет. Не разрешаю.

Татьяна. Разрешите потом вернуться, товарищ капитан.

Шипов. Если сможете — вернитесь.

Татьяна уходит.

(Отводит Кузьму в сторону.) Вам известна обстановка?

Кузьма. Известна, товарищ капитан. Рота отрезана.

Шипов. Какое же вы приняли решение?

Кузьма. Пробиваться назад к батальону.

Шипов. Я знал, что вы примете такое решение. И поэтому я пришел сюда. Это неправильное решение. К батальону вы не пробьетесь, и вам придется бросить всех раненых. Вы будете пробиваться вперед!

Кузьма. Это решение ваше или капитана Охотина?

Ш и п о в. Это решение мое и капитана Охотина.

К у з ь м а. Есть пробиваться вперед!

Ш и п о в. Вам будет трудно поднять роту в этот огонь. Но на войне все трудно.

К у з ь м а. Сколько сейчас времени?

Ш и п о в. Вы знаете, сколько сейчас времени. Вы хотите узнать, почему я преждевременно принял команду над батальоном.

К у з ь м а. Так точно.

Ш и п о в. Потому что капитан Охотин ранен.

К у з ь м а *(подался вперед)*. Тяжело?

Шипов молча смотрит ему в глаза.

Тяжело?

Ш и п о в *(не сразу)*. Смертельно.

К у з ь м а *(вдруг начинает гладить его по плечу)*. Подождите, дорогой... подождите... подождите...

Ш и п о в. Я жду.

К у з ь м а. Как я ему сейчас нужен!..

Ш и п о в. Сейчас вы нужны роте, а я — батальону. Больше других капитану Охотину сейчас нужна эта девушка. И я ее послал к нему. Я ухожу и доверяю вам роту. Слышите, товарищ лейтенант?

К у з ь м а *(почти не слыша)*. Да... слышу... да.., доверяете роту...

Шипов уходит.

Дайте мне закурить.

Ф е д я. Вы же некурящий, товарищ лейтенант.

К у з ь м а. Дай закурить!

Федя протягивает ему кисет. Кузьма начинает сворачивать папиросу. Ураганный огонь накрывает роту. Все бросаются наземь. Кузьма стоит, продолжая сворачивать папиросу.

Ф е д я *(тревожно)*. Кузьма Николаевич!

К у з ь м а. Кузьма, Кузьма... *(Ему приходит в голову какая-то мысль. Очень громко.)* Вот меня зовут Кузьма! А кого еще звали Кузьма?

Молчание.

Минина звали Кузьма! Минина — спасителя России — звали Кузьма! И меня зовут Кузьма!

Г о л о с. А меня зовут Василий. И Чапаева Василием звали.

К у з ь м а. Тогда становись сюда. Ко мне. Рядом.

Боец становится рядом с ним.

А кто скажет, как Кутузова звали?

Ф е д я. Михаил.

К у з ь м а. Есть среди нас Михаил?

Г о л о с. Я Михаил.

К у з ь м а. Становись!

Боец становится рядом с ним.

А величайшего русского полководца как звали?

Ф е д я. Александр.

Г о л о с. Нас тут два Александра. Кому становиться?

К у з ь м а. Оба становитесь. Был еще Невский Александр.

Б е к п е р г е н *(умоляюще)*. И меня, меня назови!

Ф е д я. Раз вы Минин, товарищ лейтенант,— пускай он будет Пожарский.

Г о л о с. Пожарский был русский.

К у з ь м а. А Багратион тоже был нерусской национальности. И фамилия тоже на «Б» начинается. Становись, Бекперген! Слушай мою команду! К проверке готовьсь!

Бойцы выстраиваются шеренгой.

Чапаев!

Голос. Я!

Кузьма. Кутузов!

Голос. Я!

Кузьма. Суворов!

Голос. Я!

Кузьма. Багратион!

Бекперген. Я!

Кузьма. Минин — я! *(Вскакивает на бруствер.)* Теперь, немец, попробуй — убей!

Федя *(пытается стащить его)*. Убьют ведь, товарищ лейтенант!

Кузьма. Не убьют! Может, когда и убьют, а сейчас не убьют! Сейчас вся история налицо! За мной, орелики!

Кузьма стремительно бросается вперед, и все способные носить оружие бросаются за ним. Федя задержался у пулемета. Он сталкивается с вошедшей Марусей.

Федя. Ты уже знаешь, Маруся?

Маруся. Знаю.

Федя. Почему ж ты к нему не идешь?

Маруся. Я у него была. И я ушла. Я должна помогать тем, кому можно помочь. *(Склонилась над раненым.)*

Федя с пулеметом следует за ушедшими в бой.

Раненый *(спокойно)*. Я буду жить? Как считаешь, сестрица?

Маруся. Два проникающих ранения... нет, он жить не будет... *(Помогает раненому встать.)*

Раненый. Ну а я? Может, она у меня не проникающая? Я-то жить буду?

Маруся. Начинается перитонит... еще случая не

было, чтобы с этим выжили... он жить не будет... *(Пошатнулась от горя, раненый поддержал ее.)*

Р а н е н ы й. А кто знает, сестрица. Может, он и выживет. На войне все бывает. Медицина — она ого! Может, он и выживет...

Так они уходят, поддерживая в горе друг друга. Тишина. Один раненый подползает к другому.

1-й р а н е н ы й *(очень деловым тоном)*. Слушай, дружок! Ты мне не скажешь, в каком порядке обеспечиваются семьи погибших?

2-й р а н е н ы й. Ты что — умирать собрался?

1-й р а н е н ы й. Я на всякий случай.

2-й р а н е н ы й. В каком порядке — не скажу, но обеспечиваются. Обязательно обеспечиваются.

1-й р а н е н ы й. У нас там председатель был. Он бы позаботился. Да он в армию ушел. И сейчас у нас там председательша. И вот я беспокоюсь. Все-таки женщина; она и забыть может...

3-й р а н е н ы й *(толкает неподвижного соседа)*. Слушай, человек! Понимаешь, какое горе... Жена-то моя... замуж вышла моя жена. А я тут страдаю. Бывают же люди... Ах сука, сука!

Появляется Б е к п е р г е н. Он идет пошатываясь, согнувшись, обеими руками держась за грудь, потом склоняется на колени, опускает голову. Так он и пребывает — неподвижен, похожий на какого-то страдающего божка. Входит К а т я.

К а т я. Ну, солдатики-касатики, раненые страдальцы мои дорогие! Кого на плечо взять, из боя вывести? *(Склонилась над раненым.)*

Р а н е н ы й. Я потерплю. Ты дальше иди. Там Бекперген твой. Худо ему...

Катя идет дальше. Она склоняется над другим раненым.

2-й раненый. Дальше, дальше...

Катя *(подошла к Бекпергену)*. Что с тобой, Бекперген?

Бекперген *(поднимает голову, смотрит на Катю счастливыми глазами)*. Екатерина!

Катя *(матерински обнимает его)*. Что с тобой, Бекпергенушко?

Бекперген *(слабеющим голосом)*. Передай лейтенанту... оправдал... доверие... *(Еще раз повторяет с восхищением красивое слово.)* Екатерина! *(Его голова безжизненно падает.)*

Катя снимает с головы платок и накрывает им лицо Бекпергена. Простоволосая, она причитает над ним.

Катя

Ах ты доля, долюшка солдатская,
Одинокая могила братская...
Встретит мужа, встретит сестра братика,
А не будет моего солдатика...

Неподвижно лежащие раненые тихо подпевают ей.

А еще звездою ночь засветится,
А еще с тобой никто не встретится,
Без тебя взойдет в саду смородина,
Без тебя поля запашет родина...

Свет над Катей гаснет. Прожектор освещает бойца с перевязанной головой. Он напевает под тихий оркестр, и прожектор то освещает поющего, то скользит по полю боя.

Боец

И генерал, и подполковник наш,
Когда умолкнут годы боевые,
В кругу родных, под звон победных чаш
Припомнят вновь сражения былые,

И капитан, и молодой майор
В простых словах, в задумчивой беседе
Возобновят прекрасный разговор
О чудесах, о жертвах, о победе...

И рядовой, и взводный командир,
Артиллерийский грохот вспоминая,
Услышат вновь, как наполняют мир
Гуденье пчел и шелест урожая...

И вспомнит вся военная семья
Пути боев, пройденные когда-то,
И ты поймешь, любимая моя,
Как трудно было русскому солдату!

Любимые! Придет победный час —
Навстречу нам раскройте настежь двери.
Встречайте нас и обнимите нас,—
Мы заслужили это в полной мере!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На койке лежит капитан Охотин. Татьяна склонилась над ним.

Охотин. Я буду жить! Я, наверно, долго проваляюсь в госпитале, но я буду жить! Ты не знаешь, какая наша порода! Моего прадеда — ямщика — разбойники всего искололи, а он — жил! И я буду жить! Я не то что мертвым, я себя старым представить не могу. Я — и вдруг старый! Я — и вдруг мертвый! Нет! Я буду жить!

Т а т ь я н а. Да, да. Вы будете жить. Обязательно будете жить.

О х о т и н. Ты же врач, ты же понимаешь...

Т а т ь я н а. Да, я понимаю. Я говорю как врач. Как опытный врач. Вы будете жить. И вы окончите академию. И вы будете генералом...

О х о т и н. Да, да. Я буду генералом. И ты будешь моей женой...

Т а т ь я н а. И я буду вашей женой.

О х о т и н. И я обещаю тебе, что... *(Вдруг громко застонал.)*

Т а т ь я н а. Больно?

О х о т и н. Очень больно. Но я больше стонать не буду. Я боли не боюсь. Я и смерти не боюсь. «Умирать — так с бубенчиками» — помнишь? Ты не знаешь, какая наша порода! Слушай! Ты не знаешь, никто не знает. Я придумал новый план построения батальона в бою. Это совсем новое построение... Совсем не уступом. Будет меньше потерь, будет такой результат, будет... Слушай! Я тебе сейчас все расскажу. Слушай!.. *(Вдруг умолкает и напряженно прислушивается.)* Слушай! Слышишь?

Татьяна прислушивается. Она отрицательно качает головой.

Неужели не слышишь?

Они оба прислушиваются. Издалека возникает звон бубенчиков. Охотин не отрываясь смотрит на Таню. Звон бубенчиков все громче, но Татьяна его не слышит.

Я умираю!

Т а т ь я н а. Ну почему, почему вы так думаете?

О х о т и н. Потому что... потому что я слышу то, чего ты не слышишь!

Татьяна громко заплакала.

Плачь! Плачь! Еще плачь! Я хочу перед смертью слышать, как ты обо мне скучать будешь. *(У него начинается агония, и он говорит очень быстро под нарастающий звон бубенчиков.)* Знаешь, что мне сейчас всего обиднее, всего горше? Знаешь, знаешь?

Т а т ь я н а. Говорите! Говорите!

О х о т и н. Я умираю в бою местного значения... «Наши войска, развивая стремительное наступление...» — вот что должно быть в газетах, когда я умираю. Когда я читал о войнах и о солдатах, я думал: это такие красивые души! И я всегда думал: были они или не были? А они — были! И о нас когда-нибудь будут думать: неужели они были! Неужели они могли воевать на этих болотах? А ведь мы были! Были!

Ненадолго освещается игрушечный слон, покачивающий головой, и горестно склонившийся над ним п о д п о л к о в н и к.

П о д п о л к о в н и к *(в такт покачиванию.)* Да, да! Были, были!

Свет над столиком гаснет.

О х о т и н. Хочешь, я тебе дам клятву? Хочешь? Хочешь?

Т а т ь я н а. Какую клятву?

О х о т и н. Хочешь, я тебе поклянусь, что в самую последнюю минуту я буду думать о тебе? Хочешь?

Т а т ь я н а. Хочу.

О х о т и н. Нет. Наверно, не хочешь. Ты всегда думала, что я... что я для тебя мало... малокультурный. А ты знаешь, сколько я читал? А ты знаешь, какого писателя я любил так, что сказать невозможно? Не знаешь? Ну, угадай, угадай!

Т а т ь я н а *(наугад)*. Толстого?

О х о т и н *(торжествующе)*. Нет, ни за что не угадаешь! Тур-ге-не-ва! О-о-о! Тургенева! Только объясни мне, почему он пишет: «Пойдемте ужинать»,— предложил хозяин. «Пойдемте»,— возразил Лаврецкий». Ну почему — возразил, если он согласен? Это, наверно, Тургенев спешил...

Т а т ь я н а. Нет, Тургенев не спешил...

О х о т и н. А я спешу, я очень спешу... Слушай. Шипов, наверно, справится с батальоном. Но ты только подумай — не я буду командовать моим батальоном! *(Кричит из последних сил.)* Батальон! Батальон! Мой батальон!

Т а т ь я н а. Где же ваша клятва?

О х о т и н *(очень медленно; он уже теряет сознание)*. Какая... клятва...

Звон бубенчиков резко обрывается. Темно.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Свеженасыпанный холмик. Дождь. В плащ-палатке, с обнаженной головой, стоит К у з ь м а К о р о б е й н и ч е в.

К у з ь м а. Товарищи! Идет дождь. И в этом дожде мы хороним нашего славного командира — капитана Сергея Владимировича Охотина. Товарищи! Давайте внимательно и с любовью посмотрим друг на друга — кого мы увидим и кого не увидим после войны, после победы.

Товарищи! Нет ничего тяжелее на свете, чем хоронить друга, боевого друга! *(Голос его на секунду срывается.)* Может, у меня в жизни такого друга не будет!

(Овладевает собой.) Идет дождь, товарищи... Попрощаемся с нашим дорогим капитаном, застегнем наши плащ-палатки и — пошли воевать дальше! *(Застегивает плащ-палатку, надвигает капюшон и уходит.)*

На сцене пусто. Дождь усиливается.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Осыпающиеся траншеи. Глина с песком. Мороз. В траншеях — бойцы с винтовками наизготовку. Поет простуженный тенорок. Ему отвечают хриплые солдатские басы. Бойцы неподвижны, и только к концу песни — нарастающее движение.

Много солдат на снегу погибало зимой,
Молча бойцы на зеленой траве умирали...
А не пора ли, друзья дорогие, домой?
К женам и к детям, в родительский дом — не пора ли?

Хор

Нет! Не пора, не пора, не пора!
Бьет миномет, и «катюша» играет с утра,
Мертвый соловушко падает с ветки, сраженный,
Ждут-ожидают бойцов терпеливые жены...

Черная непогодь нас провожает в бои,
Пьем без отрыва страдания полную чашу...
А не пора ли, друзья дорогие мои,
Вывести к солнцу продрогшую молодость нашу?

Хор

Нет! Не пора, не пора, не пора!
Войско с победой на родине ждет детвора,
Ждут-ожидают родители наши и деды...
Совестно, братцы, до дому прийти без победы!..

Слушай меня, рядовой и сержантский состав!
Слово мое строевым боевым офицерам:
Разве не время ударить по зверю стремглав,
Гнать беспощадно к проклятым немецким пещерам?

Хор

Самое время ударить по зверю стремглав!
Самый момент — оправдать наш солдатский
устав!
Гильзы пустые детишкам швырнуть на колени:
На, мол, балуйтесь остатками наших
сражений!..

Музыка боя.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Блиндаж капитана Шипова. Федя рисует. Маруся позирует ему.

Маруся. Кто тебя научил рисовать?

Федя. Я все на свете умею. Я вот тебя могу нарисовать. Я могу из хлеба статую вылепить. Я на всех инструментах играю. Только вот на арфе не пробовал.

М а р у с я. На арфе после царя Давида никто не играет.

Ф е д я. Играют. Редко, но играют...

Молчание.

М а р у с я. Вот уж сегодня три месяца, как нет нашего капитана. И все мне не верится... Так не верится, что мне даже хочется ему письмо написать: «Дорогой Сергей Владимирович! Уж как давно я вас не видела».

Ф е д я. И лейтенант наш уж третьи сутки под хмелем находится.

М а р у с я. Как же ему, коммунисту, не стыдно?

Ф е д я. Ничего тут стыдного нету. Бывали же когда-то у людей поминки. А у лейтенанта близких людей на свете, кроме нашего капитана, и не было. Он за два года одно письмо получил. *(Молча продолжает рисовать.)* Чуточку подними голову. Ну вот. Я даже твою слезу нарисовал.

М а р у с я. Будет на сегодня рисовать. А то еще капитан придет. Знаешь, он какой?

Ф е д я *(складывает краски и бумагу)*. Верно. Я еще такого... неодушевленного человека в жизни не встречал. Из него же шестьдесят килограммов сухарей можно сделать. *(Пауза.)* Вот уж сегодня он третьи сутки не спит. Все ходит, все проверяет, все подгоняет. У него теперь батальон как самовар блестит.

М а р у с я. А ты видал, что на дорогах делается?

Ф е д я. Ты только пойми: боеприпасы в лесу уже не помещаются, уже ящики со снарядами по обочинам лежат. Это же скоро мы такой оркестр устроим! Это же как рванем до твоих Бранденбургских ворот!.. И вот

капитан теперь все готовит к приказу. Чтобы сею же минутою двинуть. Ему теперь наяву этот пакет из бригады снится.

Входит капитан Ш и п о в. Его покрасневшие веки опускаются сами собой. Он тяжело садится.

Ш и п о в *(Марусе)*. У вас ко мне какое-нибудь дело?

М а р у с я *(растерянно)*. Нет... Я зашла вот... к Феде...

Ш и п о в. Здесь живет не Федя, а живу я — командир батальона. У вас ко мне какое-нибудь дело?

М а р у с я. Нет... я пойду...

Ш и п о в. Погодите. У вас нет в аптечке какого-нибудь сильного лекарства? Кофеина, что ли? Мне очень спать хочется. А мне нельзя спать.

М а р у с я. Я пойду поищу...

Ш и п о в. Погодите. Вы можете остаться. Здесь Федя тоже живет. Мы живем вдвоем. Я и Федя. *(Закрыл на минуту глаза; и когда открыл их — Маруси уже не было.)* Где эта милая девушка?

Ф е д я. Она ушла.

Ш и п о в. Жаль. *(Опять закрывает глаза.)* Если придет пакет из бригады, разбудите меня. Если я буду крепко спать — бейте меня, но разбудите!

Ф е д я. Есть разбудить, товарищ капитан!

Ш и п о в *(сквозь дрему)*. Я что-то забыл... что-то я забыл... Да, да, вспомнил. Позовите ко мне лейтенанта Коробейничева.

Ф е д я. Есть позвать лейтенанта Коробейничева.

Федя выходит. Шипов еще некоторое время дремлет, потом резко встает. Он делает несколько гимнастических движений. Вошедший К у з ь м а застает бодрого и подтянутого начальника.

Кузьма. Товарищ капитан! Лейтенант Коробейничев явился по вашему приказанию.

Шипов. Садитесь.

Молчание.

Не скажете ли вы мне, лейтенант, сколько времени в батальоне не было заместителя по политчасти?

Кузьма. Два с лишним месяца, товарищ капитан.

Шипов. Точнее.

Кузьма. Два месяца и семнадцать дней, товарищ капитан.

Шипов. Потом?

Кузьма. Потом я был назначен заместителем по политчасти.

Шипов. Еще скажите: вам известно о ближайшем нашем наступлении?

Кузьма. Известно, товарищ капитан.

Шипов. Вам известны размеры этого наступления?

Кузьма. Известны, товарищ капитан.

Шипов. Каковы эти размеры?

Кузьма. Небывалые размеры, товарищ капитан.

Шипов. И вот перед самым наступлением небывалых размеров мой новый заместитель по политчасти — политический воспитатель батальона — ходит вот такой... нетрезвый! *(Яростно ударяет кулаком по столу.)* Встать!

Кузьма встает.

Может быть, я говорю неправду?

Кузьма. Правду, товарищ капитан.

Ш и п о в. Это для меня не ответ. Я требую более подробных объяснений.

К у з ь м а. Вот уже сегодня три месяца, как я скучаю по моему другу — по капитану Охотину. Я очень любил этого человека.

Ш и п о в. И что же, вы не могли удержаться?

К у з ь м а. Не мог.

Ш и п о в. Это не ответ командиру. Это — во-первых. Во-вторых, вы подумали о том, как вы выглядели в глазах своих подчиненных?

К у з ь м а. Они смотрели на меня очень сочувственно. Моя дружба с капитаном протекала у них на глазах.

Ш и п о в. Ну да. Вы давно в батальоне. Вас любят.

К у з ь м а. Да. Меня любят.

Ш и п о в. А меня не любят?

К у з ь м а. Вас не любят, товарищ капитан.

Ш и п о в. Меня еще не любят. Меня полюбят.

Молчание.

К у з ь м а. Какое последует наказание, товарищ капитан?

Ш и п о в. Наказания не последует.

К у з ь м а. Разрешите идти?

Ш и п о в. Но если подобный случай еще раз повторится, товарищ лейтенант, вы незамедлительно будете отправлены в штрафную роту. Идите!

Кузьма поворачивается и уходит. Молчание.

Ординарец!

Ф е д я входит.

Ф е д я. Слушаю, товарищ капитан!

Ш и п о в. Достаньте немедленно водки!

Федя остолбенел.

Я приказал!

Федя исчезает и с быстротой молнии возвращается с фляжкой.

Ф е д я *(наливает водки в стакан; у него от волнения дрожат руки и в голосе появилось даже что-то лакейское)*. Прошу-с!

Ш и п о в. А себе?

Ф е д я *(еще больше поражен)*. Могу-с! *(Наливает себе и вдруг смелеет.)* За что выпьем, товарищ капитан?

Ш и п о в. За светлую память капитана Охотина!

Ф е д я *(радостно)*. За Сергея Владимировича?

Ш и п о в. За Сергея Владимировича.

Федя благоговейно чокается. Они пьют.

Ф е д я. Это же такой человек был, такой человек... Это ж с ним можно было никогда не состариться. Это же...

Ш и п о в. Повторите мое последнее приказание.

Ф е д я *(не сразу)*. Немедленно разбудить вас, как только придет пакет из бригады.

Ш и п о в. Вы можете идти.

Федя уходит. Шипов медленно распоясывается и с трудом начинает снимать гимнастерку. В это время вбегает Т а т ь я н а.

Т а т ь я н а. Иван Иванович! Это необходимо сделать в первую очередь. Это...

Ш и п о в *(его голова закрыта полуснятой гимнастеркой)*. К кому вы обращаетесь?

Т а т ь я н а *(недоумевая)*. Здесь никого больше нет. К вам, конечно.

Шипов. Не понимаю. К кому это — к вам?

Татьяна. К вам — к капитану Шипову.

Шипов. Теперь понимаю. Выйдите и войдите по-военному.

Татьяна. Товарищ капитан. Я ведь пришла по делу.

Шипов. Вы пришли по-военному делу. Исполняйте приказание.

Татьяна *(выходит и сейчас же входит, козыряет)*. Товарищ капитан. Младший лейтенант Кашинцева. Разрешите обратиться?

Шипов. Не надо обращаться. Я знаю: вы пришли ко мне по поводу нехватки медикаментов. Я добыл медикаменты в соседнем медпункте, и к вечеру они будут доставлены. Что еще?

Татьяна. Все, товарищ капитан.

Шипов. Можете идти.

Татьяна. Я... еще хочу обратиться к вам с рапортом, товарищ капитан.

Шипов. С каким рапортом?

Татьяна. Я прошу вас освободить меня от службы в батальоне. Я не кадровый военный. Мне тяжело исполнять все ваши требования.

Шипов. Может, вам еще на Кавказ хочется съездить? Может, вам с любимым в беседке посидеть хочется? Может, вам еще по прериям на неоседланном мустанге скакать хочется? Раненые нуждаются в вашей помощи и в ваших знаниях. Вы будете воевать до победы. Можете идти!

Татьяна. Это вы к кому обращаетесь?

Шипов. Как — к кому? Естественно, к вам.

Татьяна. К кому это — к вам?

Шипов. К младшему лейтенанту Кашинцевой.

Татьяна. Тогда одевайтесь и будьте в полной

форме. Для меня раздетый командир — не командир!

Шипов застыл.

Застегнитесь!

Шипов застегнул воротник; он растерянно стоит. Татьяна продолжает командовать.

На все пуговицы!

Шипов еще застегивается.

Я не только ваш подчиненный, я еще — женщина. Учтите это! Ремень!

Шипов надевает ремень.

Разрешите идти!

Ш и п о в. Идите. Ради бога, идите.

Татьяна уходит.

(Облегченно.) Ушла! *(Снимает наконец гимнастерку. Как только он остается в свитере, сразу теряет все свои черты волевого командира. Перед нами стареющий русский мужичок. Он садится на койку и начинает оттягивать сапог. Но непреоборимый сон мгновенно одолевает его, и голова его камнем падает на подушку.)*

Шипов лежит на койке. Сильный стук в дверь. Вбегают К у з ь м а и Ф е д я. Кузьма трясет капитана.

К у з ь м а. Капитан! Капитан! Вставайте, капитан!

Ш и п о в *(с трудом очнувшись)*. А? Что?

К у з ь м а. Товарищ капитан! Пакет из бригады!

Ш и п о в *(все еще не придя в себя, разрывает пакет и читает. Он мгновенно вскакивает на ноги. Оттянутый сапог мешает ему,— он подтягивает его)*. Поднять людей по тревоге! Батальон наступает уступом вправо!

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Д в а м а л ь ч и к а взобрались на телеграфные столбы и, приложив ладошки к глазам, наблюдают за происходящим вдали боем. Д е в о ч к а, страдая, бегает между столбами: она не может вскарабкаться на столб.

1-й м а л ь ч и к. Противник ввел в действие минометы.

2-й м а л ь ч и к. Противник сильно огрызается.

1-й м а л ь ч и к. Нашим войскам плевать на противника!

Д е в о ч к а. Пустите меня! Пустите меня!

2-й м а л ь ч и к. А ты лезь! Тебе никто не мешает.

Девочка делает безуспешную попытку вскарабкаться на столб.

1-й м а л ь ч и к. «Катюша» играет! Пять, шесть, восемь... Наверно, двадцать «катюш»! Ух, здорово!

Д е в о ч к а *(умоляюще)*. Ты с левого флангу гляди!

2-й м а л ь ч и к. Батальоны, вперед! Батальоны, вперед!

1-й мальчик. С левого флангу... с левого флангу... *(Напряженно всматривается.)*

Девочка. Ну, чего там? Чего?

1-й мальчик. Туман мешает... с левого флангу танки идут!

2-й мальчик. Раз, два, три, шесть... много, много танков! *(Замолчал.)*

Девочка. Идут танки?

1-й мальчик. Идут! Идут!.. Ах ты немец проклятый!

Девочка. Горят?

1-й мальчик. Горят наши танки... два танка горят... Ксюшка! Беги и скажи нашим, что с Ведьминой горки немецкая пушка бьет. Нашим оттуда не видать. Нет... не беги. Ух, боже мой!

Девочка. Чего, чего?

1-й мальчик. Ух, боже мой! На Ведьмину горку наша танкетка взобралась...

Девочка. Как же она туда влазила? Туда же человек не влазит.

2-й мальчик. Влазила! Го-го! Она села на немецкую пушку! От пушки теперь один бублик остался! Ах ты горе какое!

Девочка. Какое горе? Федька! Какое горе?

2-й мальчик. Горит наша танкетка, горит!..

1-й мальчик. А вот пехота наша пошла! Сколько пехоты!

2-й мальчик. Я и не знал, что столько людей на свете есть!..

Девочка. А кавалерию видать? Видать кавалерию?

1-й мальчик *(всматривается)*. Ничего уже не видать. Туман... Ничего не видать... *(Вдруг хватается рукою за левое плечо, подносит руку к глазам. На руке —*

кровь.) Я ранетый? *(Спрашивает сам себя, еще не веря, и сползает со столба. Еще раз проверяет.)* Я ранетый?

Второй мальчик, очень заинтересованный, тоже скатывается со столба.

(Убедившись в том, что он действительно ранен, бежит и кричит с великим торжеством.) Ма-амка! Я ранетый!

Остальные дети, явно завидуя ему, кричат: «Он ранетый! Он ранетый!» — и бегут за ним.

З а н а в е с

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Улица в немецком городке. Двухэтажный дом. Между первым и вторым этажами — широкая вывеска с немецкой надписью: «Брот». У цветущей яблони, впереди магазина, на лавочке сидят Ф е д я и М а р у с я. Стихающий артиллерийский гул. Удаляющаяся солдатская песня:

Из-за гор, из-за равнин
Приближается Берлин!
Ты играй, моя гитара,
Посреди земного шара!

Спросят матери-отцы:
— Что вы делали, бойцы?
— Штурмовала наша рота
Бранденбургские ворота!..

Поднесут родные нам
Восемь раз по двести грамм!
От подобной встречи, братцы,
Разве можно отказаться?..

Ф е д я *(указывает на вывеску)*. Вот смотри: «Брот». Это по-ихнему — хлеб. Это же как нужно не уважать хлеб, чтобы называть его «брот»!

М а р у с я. У каждого народа свои слова.

Ф е д я. Ничего мне у них не нравится. Вот только яблони у них неплохие. Не хуже наших, пожалуй. Ты только подумай! Надо было мне пройти столько болот, всю Польшу пройти, германскую границу пересечь, чтобы с тобой вот под этой яблоней посидеть. Как будто у нас в России яблонь мало!

М а р у с я. Под всеми яблонями не пересидишь.

Ф е д я. Весной в России все яблони заняты. Нам бы с тобой хоть одну найти.

М а р у с я. Потерпи. Скоро, скоро войну закончим. А у нас в Сумах яблонь не сосчитаешь!

Ф е д я *(нетерпеливо)*. Ну-ну?

М а р у с я. Там найдется одна свободная яблоня...

Ф е д я *(восторженно)*. Так ведь до твоих Бранденбургских ворот с гулькин нос осталось!

М а р у с я. Пятьсот километров будет?

Ф е д я. Какое пятьсот! От силы триста. *(Вынимает из кармана стеклянный стаканчик.)* Видишь?

М а р у с я. Это что?

Ф е д я. Стаканчик. Стеклянный. Так называемый— стопочка. Помнишь, под Козловом, на болотах, мы день рождения Кати праздновали?

М а р у с я. Помню. Тогда еще Сергей Владимирович был жив.

Ф е д я. Вот я тогда этот стаканчик спрятал и сам для себя постановил: как только мы с тобой дойдем невредимые до твоих Бранденбургских ворот, я этот стаканчик об эти ворота и разобью! Ке-ек жахну!

Входит Т а т ь я н а.

Т а т ь я н а. Я очень устала, Маруся. Смени меня, пожалуйста. Я очень, очень устала.

Маруся поднимается, но в это время с треском раскрывается окно второго этажа. В нем — рядовой В ы д р и н с шапокляком в руке.

В ы д р и н. Можно мне какого-нибудь образованного человека? Пусть он мне объяснит, что это у меня в руке за плюшка такая?

Т а т ь я н а. Это шапокляк.

В ы д р и н. Извиняюсь. Объясните так, чтобы я понял.

Т а т ь я н а. Это на голове носят.

В ы д р и н. Пробовал. Сползает.

Т а т ь я н а. А вы ударьте.

В ы д р и н. Кого ударить?

Т а т ь я н а. Не кого, а что. Плюшку ударьте.

Выдрин ударяет по подоконнику. Шапокляк с треском раскрывается.

В ы д р и н *(констатирует)*. Техника! *(Снимает пилотку, надевает шапокляк, чуть приподнимает его и смотрит на свое изображение в ручное зеркальце, напевает.)*

Мадам! Уже падают листья,
И осень в смертельном бреду...

Т а т ь я н а. Что это вы всегда такие песни поете?

В ы д р и н. Я непонятные песни люблю. *(Продолжая напевать, исчезает в окне.)*

Ф е д я. Я тебя провожу, Маруся. *(Робко берет ее*

за руку.) Как говорится в художественной литературе: продолжение следует...

Они уходят. Далекая канонада. Усталая Татьяна сидит на лавочке, склонив голову. Входит капитан Ш и п о в. Он сейчас не похож на себя: возбужден, общителен, весел.

Ш и п о в. Татьяна!

Т а т ь я н а *(поднимается)*. Я младший лейтенант Кашинцева.

Ш и п о в. Кой черт младший лейтенант! Татьяна! Таня! Сегодня же такой день, что я Михаила-архангела Мишкой звать буду! Сегодня же такой день! Первый день в Германии! Понятно?

Т а т ь я н а. Понятно, товарищ капитан.

Ш и п о в. Да бросьте вы! Хотите, я на всю Германию закричу, что я не только капитан, что я еще Иван Иванович! Я Иван Иванович! *(Кричит он в пространство, и эхо отвечает ему.)* Понятно?

Т а т ь я н а. Понятно. И мне еще понятно, что вы очень хороший человек, Иван Иванович...

Ш и п о в. Мы с вами — прекрасные люди! Прекрасные! *(Пристально смотрит на нее.)* А вы... вы очень красивая сейчас... И нам надо скорей кончать войну, скорей победить! И мы с вами поедем в большой город, и я вас поведу в самую большую лавку, и я вам скуплю все шелка и атласы... А сейчас, под этой яблоней, вы похожи... вы похожи на испанскую революционерку... *(Совершенно неожиданно он поет.)*

Изабелла! Изабелла!
Все твои лобзанья — ложь!
Изабелла! Изабелла!
Точит ревность острый нож!

Ах ты господи боже мой! *(Вдруг застеснялся своей радости и быстро уходит. Доносится его восторженная команда.)* За мной, хорошие люди, за мной!

Татьяна продолжает стоять под деревом. Входит игрушечных дел мастер; он несет в руках играющий музыкальный ящик, ставит его на скамеечку рядом с Татьяной. Они почему-то говорят полушепотом.

Мастер. Слышите, Татьяна Петровна?
Татьяна. Слышу.
Мастер. Хорошо?
Татьяна. Хорошо.

Они молча слушают.

Мастер. Вы тут слушайте, а я пойду за пластинками. Их там неведомо сколько. Их там на всю жизнь хватит. *(На цыпочках уходит.)*

Музыка продолжается. Входит Кузьма.

Кузьма *(возбужденно)*. Всем победам победа, Татьяна! Наши соседи за четыре часа наступления прошли двадцать два километра!

Татьяна. Соседи! Не мы!

Кузьма. Как не мы? Мы — Красная Армия! Теперь во мне такая сила бушует, что даже подумать страшно!

Татьяна *(очень устало)*. И вы меня доведете до дому?

Кузьма. До дому, до победы, до счастья — куда хочешь доведу! Идем, Татьяна Петровна!

Татьяна. Идем... идем...

Кузьма обнимает ее, и они медленно уходят. Свет над улицей постепенно гаснет. В темноте играет музыкальный ящик. Он продолжает играть и тогда, когда освещается игрушечный магазин. Продавец преподносит подполковнику игрушечного слона.

Продавец. И я дарю вашим детям этого доброго зверя. Говорят, он счастье приносит. Пусть дети будут счастливы!

Подполковник. Пусть дети будут счастливы!

Они застыли в неподвижном объятии.
Музыка.

Занавес

1945

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бекперген — директор совхоза.
Николай — парторг.
Антон Бережков — подполковник запаса.

<table>
<tr><td>Сима</td><td rowspan="8">комсомольцы.</td></tr>
<tr><td>Паша</td></tr>
<tr><td>Катя</td></tr>
<tr><td>Прохор</td></tr>
<tr><td>Дмитрий</td></tr>
<tr><td>Петр</td></tr>
<tr><td>Аркадий</td></tr>
<tr><td>Костя</td></tr>
</table>

Алексей — парень, приехавший на целину.
Татьяна — сельская учительница.
Егорка — мальчик из колхоза.
Целинники и встречающие их колхозные ребята.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сумерки. Вьюга. По дороге мчится грузовик. На нем молодежь.

Песня:

Мы в чудесный край
Приезжаем.
Налетай,
Алтай,
Урожаем!

В будущее, в будущее
Тот, кто смел!
Всем нам на роду еще
Много дел!

Ты прости, прощай,
Мать родная!
Покорить Алтай
Уезжаю!

В будущее, в будущее
Тот, кто смел!

Всем нам на роду еще
Много дел!

Машину сильно тряхнуло. Все повалились друг на друга. Машина остановилась. Ребята зашумели.

П е т р

Так мы на место прибудем не скоро.
Знал бы, пешком бы пошел на Алтай.

С и м а

Сапожника дали нам вместо шофера.

П р о х о р

Быстрей, черепаха!

А р к а д и й

Давай нагоняй!

П а ш а

Как видно, ждать нам до глубокой ночи.

А л е к с е й
(подымается)

Какую станцию мы проезжаем?

П а ш а

Сочи.
Мимозы, пальмы, черт-те что вокруг!..
Пойдем на пляж, мой драгоценный друг!

Из-под машины вылезает Д м и т р и й.

Глядите, друзья, привиденье в пенсне!

П е т р

Живут, значит, призраки на целине!

Дмитрий

Представьте — живут, получают зарплату
И водят машину на высший разряд...

Петр

Ну ладно, клади поскорее заплату
На свой драндулет. Ты не знаешь ребят...

Паша

Они, даже призраком если б ты не был,
Тебя в полминуты отправят на небо.

Сима

Шофер, а уменья ни капельки нет!
Тебе б трехколесный велосипед!

Дмитрий

Сколько с начальником я воевал,
Чтобы сменил мне карданный вал!
Прошу величайшего извиненья —
Сейчас я продолжу ваше движенье.

Он пробегает на другую сторону. Мотор зафыркал, и машина снова пошла.

Песня:

Не старик сидит
На кобыле —
Комсомол летит
В полной силе!

В будущее, в будущее
Тот, кто смел!
Всем нам на роду еще
Много дел!

КАРТИНА ВТОРАЯ

ПРЕДГОРЬЕ АЛТАЯ

На переднем плане — группа колхозных комсомольцев, встречающая первых целинников. В руках одной из девушек плакат на шесте:
«Комсомольцы влюблены
В освоение целины!»
Костя — их заводила — репетирует с хором самодельную песню:

Пусть враги умышленно
Воют зло...

Костя
(отчаянно кричит в зрительный зал)

Еду-ут?

Егорка
(из зала так же отчаянно кричит)

Не вида-ать!

(Скрывается.)

Костя
(продолжает репетировать. Нетерпение одолевает его, и он снова кричит)

Еду-ут?

Егорка
(вбегает)

Показались!

(Снова убегает.)

Костя
(обрадованно)

Показались!

Он выстраивает хор и появившийся духовой оркестр.

Еду-ут?

Егорка
(вбегает, восторженно)

Тута!

Оркестр заиграл марш. Из зрительного зала на сцену с рюкзаками, чемоданами, баулами проходит приехавшая молодежь.

Костя
(приветствует ее собственными стихами)

Алтай существует немало уж лет,
Он был некультурным когда-то...
Советским рабочим горячий привет,
Привет от колхозного брата!

Настала пора богатырских работ,
Поднимем горою пшеницу,
И в каждой избушке любовь расцветет,
А кое-кто будет жениться.

Ну что, дорогие, еще вам сказать?
Мы искренне очень вам рады!
Крестьян и рабочих незыблема рать,
Могучие наши отряды!
(Он дает сигнал хору и дирижирует.)

Хор

Пусть враги умышленно
Воют зло,—
Прибыла промышленность
В наше село.

Здравица, здравица
В честь гостей,
Чтоб с работой справиться
Поскорей!

Костя

(снова выступает вперед)

Еще такого дня не знало мирозданье,
Еще таких людей не видела земля!
Вы прибыли сюда, чтоб выполнить заданье,
Чтоб распростерлись новые поля.

Привет богатырям, гигантам и титанам!
Великооткрывателям привет!
Своим трудом, большим и неустанным,
Нужду в зерне сведете вы на нет!

Я убежден — понравитесь вы нам.
А может быть, и вам у нас понравится,
Когда пойдут машины по степям...
За вас, друзья, я поднимаю здравицу!

(Он дирижирует.)

Хор

Будем замечательно
С вами жить,
Очень нам желательно
С вами дружить!

Здравица, здравица
В честь гостей,
Чтоб с работой справиться
Поскорей!

Молодежь знакомится. Возникает пляска на снегу. Появляется Бекперген. Костя кричит: «Внимание! Внимание!» Все затихают.

Б е к п е р г е н

Ну, как Сибирь? Не испугала вас?
Еще у вас раскаяния нету?
Признайтесь только, и я вам тотчас
Могу достать обратные билеты.

Общий смех.

Я вижу — порох есть в пороховницах,
Я слышу молодые голоса,
И если будете не чересчур лениться,
Мы будем делать с вами чудеса!
Вы думаете, кто у вас в глазах
Сейчас отображен? Простой казах?

Г о л о с а

Парторг! Профорг! Оратор! Агроном!

Б е к п е р г е н

Директор! Вы не ошибетесь в нем.
Друзья мои! Чего от вас хочу я?
Хочу, чтоб вы сквозь трудности невзгод,
Как кабардинский конь, простор почуя,
Неслись неукоснительно вперед.

Г о л о с

Уря!

Б е к п е р г е н

К такой земле не так легко прижиться.
Не ежедневно каждый будет сыт,
Но стоит для истории трудиться —
Она потом вас отблагодарит.
Не сразу будет теплая квартира,
Из очага не сразу будет дым...
Еще, возможно, будут дезертиры...

Голоса

Не будет!.. Нет!..

Бекперген

Ну что же, поглядим.
Я верю в комсомольских сил избыток,
И как когда-то Пушкин говорил:
«Я длинный разворачиваю свиток»...
Надежда Позднева!
Есть!
Петровский Михаил!
Здесь!
Рожкова Прасковья!
Тут!
Бережных Павел!
Есть!
Романов Аркадий!
Здесь!
Крылечко Опанас!
Тута!
Соболь Серафима!
Я!
Шания Арчил!
А как же!
Бережкова Екатерина!
Есть!
Пуговкин Прохор!
Я!
Ибрагим Измаил-оглы!
Безусловно!
Савельев Петр!
Я!
Воронцова Светлана!
Здесь!

Гольцов Евгений!

Есть!

Макаров Михаил!

Здесь!

Кузнецова Тамара!

Вот она я!

Толстых Григорий!

Здесь!

Заріня Бирута!

Да!

Мамедов Рашид!

Мы!

На перекличке постепенно гаснет свет, и в темноте совершается переход к следующей картине.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната в новой колхозной школе.

В связи с приездом целинников комната приобрела необычный вид. На протянутой веревке — белье. На столе керосинка и флакон одеколона. На койках задумчиво полулежат Сима и Паша. Катя убирает комнату. За стеной — тихая гармонь. Низкий женский голос:

Ты родился, дружок, не в Италии,
Ты алтайский с рожденья, дружок,
И тэ дэ и тэ пэ и так далее —
Ты не запад, а русский восток.

Молчание. Распахивается форточка, и в ней — пунцовое от мороза лицо молодой колхозницы. Она насмешливо под баян поет частушку:

Мы пахали, мы косили,
Мы трудились каждый час...
Белоручки городские,
Поработайте за нас!
(Скрывается.)

Сима
(вскакивает)

Не могу! Не хочу я слоняться без дела!
Ну, прямо уж сердце мое разрывается!
Знала бы, лучше б я дома сидела
И вышивала на коврике аиста.
А здесь пропадают все лучшие годы!
Зачем я приехала в этот буран?
Я б лучше сосала фруктовую воду
По сорок четыре копейки стакан.
Что мы тут делаем этой зимой?
Кто издевается так над народом?

Катя

Тогда поезжайте обратно домой.

Сима

Нет! Больше не буду я счетоводом.
Скучно жила я, подружки. А ныне
Хочется мне — еще молодой —
Стать не то чтобы героиней,
Стать интересной себе самой.
Мы первые отозвались на клич
Правительства, партии, собственной чести,
И что же? Как будто у нас паралич —
Так мы бездельничаем все вместе.
Вот Катя-бездельница!.. Дома отец
Холил ее, как игрушку, как чудо...
Когда ж ты научишься наконец?
Да разве так кто-нибудь моет посуду?

Колхозница
(снова появляется в окне)

Вы попробуйте-ка в поле
Потрудиться целый день!
На руках у нас мозоли,
А у вас одна мигрень!

Сима досадливо плеснула в форточку водой и захлопнула ее.

Катя

Отец не хотел отпускать одну —
Мало ему одной переписки,
А я вот уехала на целину...

Сима

Она, по расчетам, где-то тут близко.

Катя

Знаете, это я только кажусь
Неженкою такою капризной.
Я обязательно научусь
Трудной, хорошей и правильной жизни.

Сима

Ты опоздала взрослой стать. Пойми,
Что ты живешь по-детски неумело,
Ты обращаешься всегда с людьми,
Как будто каждый Гамлет иль Отелло.
Да ты пойми, что нам претит покой,
Что молодость моря и горы сдвинет,
Что жизнь — такая вещь, где пьесы никакой,
Где Гамлеты молчат, а Васьки матерщинят.

За стеной голос:

Ты родился, мой милый, не в Африке,
Там чужой и неведомый край...

Биография и география—
Для тебя это тот же Алтай.

Сима

Поет-заливается пташечка снова...
А, Паша, ты, может быть, вымолвишь слово?

Паша

Я, девоньки, человек дела. Я стихами разговаривать не умею. Я спрашиваю: где техника? Я согласна терпеть, но только для пользы. Посевная на носу, а техники нет. Опоздает! Что же, мы ее по воде перетаскивать будем? А вдруг разлив? Я на своей спине трактор не донесу. Я ожидать могу долго, но только чтобы дело не окончилось одним ожиданием.

Стук в дверь. Девушки поспешно срывают белье.
Стук повторяется.

Войдите!

Входит заснеженный Дмитрий.

Дмитрий

Простите, идешь, все на свете забыв,
Как будто живешь не теперь, а когда-то...
Я думал, что здесь Магелланов пролив,
А это простая колхозная хата.

Паша

Садись, путешественник. Ну как — все открываешь неизвестные острова?

Дмитрий

Я агронома в город отвез,
Мне нужно часов через пять возвратиться.
Сдало отопление. Страшный мороз...
Позвольте от стужи у вас защититься.

Паша

Ты путешествовать любишь? Что, это у тебя страсть такая — путешествовать? Это правда?

Дмитрий

Смешным я до старости буду, наверно.
С юности так у меня повелось —
Гляжу: ресторан, а читаю «таверна»,
Химки читаю, как «Лос-Анжело́с».
Путь бесконечный мне снится и снится,
Горы, моря и полярная мгла...

Сима

Значит, тебе дорога заграница?

Катя

Значит, родная страна не мила?

Дмитрий

Странные, девушки, мненья у вас!
Надо глядеть и серьезней и шире.
Скажем, избороздил я Кавказ,
А вот ни разу не был в Сибири.
В Ташкенте я не был и в Алма-Ата...
И кажется мне, признаюсь вам, порою,
Что настоящая красота

За полем, за лесом, за той вон горою!
Вырос, а предо мною, как прежде,
Таинственность неизведанных стран,
Путь Ушакова, мятущийся Дежнев,
Васко де Гама и Магеллан...

Сима

Что там еще? Пролив Лаперуза,
Малайя... Забыла. Я вспомню потом.

Дмитрий

Я путешествовал по Союзу,
Я еще не был за рубежом.

Паша

Поедешь! У меня блат — я тебе все устрою. Раз уж ты сегодня, Катенька, дежурная, согрей чайку для нашего Васьки де Гама.

Катя

Кажется, еще не остыл кипяток,
И чай настоящий и густо заварен.

Дмитрий

Действительно, я как будто продрог
И буду очень вам благодарен.

Паша

Послушай, Дмитрий Павлович! Когда в стеклах твоего пенсне отразятся волны Мексиканского залива, не забудь о своих товарищах — пришли весточку.

Дмитрий

Я весточку пришлю. И пусть в полярной мгле,
Пусть в тропиках придется мне скитаться,—
Так важно на чужой земле
От собственной земли не отрываться!
Перед тобою неизвестный край,
И дикари так интересно пляшут,
Но существует в мозжечке Алтай,
И там живет какая-нибудь Паша.

Паша

Я тебе не какая-нибудь. Я — одна на свете. Понял? Заруби себе это на носу.

Дмитрий

Я зарублю все это на носу,
Потом поеду к северным медведям,
На льдине предложение внесу:
«Давайте к Паше на чаек заедем!»

Паша

Ты шутить умеешь? А я думала, что ты совсем серьезный. Ну, какая же ты прелесть!

Она подходит к нему и сильно обнимает его.

В каком бы фантастическом краю
Ты ни был — нечего стесняться,—
Оставь мне фотографию свою,
Я буду ночью ею любоваться...
В тебе, мой Митя, есть такая сила,
Что вдруг стихами я заговорила!

Дмитрий
(от испуга заговорил прозой)

Постойте, постойте... Я, конечно, к вам хорошо отношусь, но дайте мне подготовиться...

Паша
(продолжает стихами)

Ты подготовишься. Я помогу тебе.
Я за тебя взялась, и нет пути обратно!
И ты пойми, что я в твоей судьбе
Единственное главное! Понятно?
Я — не дитя. Мне жизнь уже знакома.
Я, знаешь, не святая простота,
Меня любил ведь секретарь райкома,
Ответственный товарищ — тра-та-та!
А мне чудак был нужен. Он пришел.
Шофер. В пенсне. На Чехова похожий.
Ты — суженый. Ты — самый лучший шелк
На платье подвенечное...

Дмитрий
(так же испуганно)

И что же?

Паша
(опять переходит на прозу)

А вот ты сейчас ломай себе голову: шутила я или не шутила?

Дмитрий

Наверно, шутила.

П а ш а

(многозначительно)

Неизвестно. Так вот, девоньки, скучно сидеть, ожидаючи.

Она вдруг поднялась и, танцуя, запела:

Над деревней светлый дождик,
А зимой летит снежок...
Ты в погодушку любую
Приходи ко мне, дружок!

Хорошо в деревне летом,
Там неплохо и зимой...
Говори слова любви мне,
Будь ты хоть глухонемой!

Я хочу, чтоб ты к блаженству
На руках меня донес...
Воскреси меня для жизни,
Как умел Исус Христос!

С и м а

Любовь — это целина. Вспахать бы ее!

П а ш а

Митя! Садись рядом со мной. Я нуждаюсь в ласке.

Дмитрий покорно садится рядом с Пашей.

Погладь меня по голове.

Дмитрий робко гладит ее по голове.

Довольно. На сегодня хватит. А теперь давай разговаривать. Только не стихами, а по-человечески.

Дмитрий

Я... Я не знаю...

Паша

Я тебе помогу. Вот скажи — с чего ты такой малохольный?

Дмитрий

Какой?

Паша

Ну, чудаковатый. Мне так надоели серьезные люди. Доклады, прения... Я все время ищу человека с какой-нибудь сумасшедшинкой. Ты для меня — клад. Понимаешь? Митя! Ты мне скажи, кто были твои родители, которые создали такое необыкновенное существо?

Дмитрий

Мой отец был геологом. Это он научил меня путешествовать. Он меня очень любил. Он меня научил трем языкам.

Паша

«Их хабе, ду хаст» — знаешь?

Дмитрий

Немецкий знаю... Отец умер. И вот я теперь путешествую. Я — богатый наследник. Я могу одолжить вам денег, сколько хотите.

Паша

Дай тысячу.

Дмитрий
(протягивает ей деньги)

У меня всего шестьдесят восемь.

Паша

Спрячь на черный день.

Дверь приоткрывается. От нее по направлению к присутствующим катится банка консервов. За ней — другая, третья.

Заходите, затейники!

В ответ покатилось несколько яблок. Входит Алексей.

Алексей

Здравствуй, беспокойный комсомол!
Дед-Мороз с подарками пришел!
Дед-Мороз погреться очень рад
Там, где три Снегурочки сидят.

Паша

Дед-Мороз воспринял грамм шестьсот?

Алексей

Полтораста. Все наоборот.

Паша

Дом у нас открытый для друзей.
Дед хорош. Гостеприимны внучки...
Познакомьтесь — Дмитрий, Алексей...
Ну, пожмите-ка друг другу ручки.

Дмитрий и Алексей молча знакомятся. Входит Прохор. Алексей жестом приглашает его к столу.

Прохор

Нет, я пришел совсем не в гости!
Выбрали меня секретарем,
Значит, легкомыслие отбросьте.
Что к чему, подробно разберем.
Потесниться надо. Кабинета
Мне еще не дали. Очень жаль...
Скажете опять, что денег нету?
Все равно платите за февраль.

Он вынимает тетрадку, чернильницу-невыливайку, штампик и садится за работу. У девушек действительно нет денег. Они собирают мелочь по разным карманам.

Алексей

Дмитрий! В общежитье просто — Митя...
Митя! Стопочку со мной примите.

Дмитрий

Я не пью.

Алексей

Совсем не пьешь? Нихт гут!
Странные встречаются знакомые...
Выпей, будь сознательным! Не пьют
На Руси одни лишь насекомые...
Кто ты по профессии?

Дмитрий

Шофер.

Алексей

И не пьешь ни капли до сих пор?

Дмитрий

Очень мало.

Алексей

Значит, думать надо,
Ты шофер не первого разряда.

Паша

Философия твоя гнилая что-то...
Ты и дальше думаешь так жить?

Сима

Я мечтаю взяться за работу,
Может, не трудиться мне, а пить?

Алексей

Руки мои вянут от безделья,
Жди покорно... Разве в этом цель?
До чего мне, братцы, надоели
И политучеба и метель!
Протестует, понимаешь, Прохор,
Все мое большое существо!..
Обвиненье? Хорошо. Неплохо б
Точно сформулировать его.

Сима

Алексей! Вот мое обвинение. Ты
Оскорбляешь всю нашу молодежь,
Ты вместо идеи и вместо мечты
Мелкими радостями живешь.
На тебя должна смотреть, любя,
Вся земля, весь мир! Я так считаю.
А разве можно показать тебя

Европе, Индонезии, Китаю?
Разве это первый раз с тобой —
Кутежи и пьяные дебоши?
Чем ты наполняешь день любой?

К а т я

Все равно, я знаю — он хороший.

Сима пристально посмотрела на нее, потом на Алексея.

Не надо ругать его, он исправится,
Он ведь сюда приехал не зря...

А л е к с е й

Спасибо тебе, дорогая красавица,
От имени падшего богатыря!
(Хочет обнять Катю, но ее заслоняют.)

П р о х о р

Совсем нализался наш богатырь.

П а ш а

Может, ему предложить нашатырь?

А л е к с е й

Пошел я.

П а ш а

Пойди проводи его, Прохор.

Алексей собирает банки консервов и яблоки. Он уходит.

Не человек, а сплошное вранье.

С и м а

Его не устраивает эпоха,
А он не устраивает ее.

К а т я

И все-таки он не пропащий совсем,
Он может быть любящим, нежным,
послушным...

П а ш а

Великий психолог! Признайся же всем,
Что ты к нему вроде неравнодушна...
Какие ж черты тебе в нем дорогие?

К а т я

Я сделаю то, что не могут другие.
(Уходит вслед за Алексеем.)

Д м и т р и й

Ну вот, я согрелся. Пора мне идти.

П а ш а

Ну что же, иди. Не замерзни в пути.

Дмитрий уходит. Девушки снова развешивают белье.
За стеной тот же голос:

Ты родился не в жадной империи,
А тебя воспитал комсомол...
Не в пампасах, не в джунглях, не в прерии,
Ты меня на Алтае нашел!

Стук в дверь.

С и м а

Еще кого-то черт принес сюда!
Белье так не просохнет никогда!

Стук повторяется. Сима срывает белье.

П а ш а

Войдите!

Входит тепло укутанный А н т о н. Он тяжело опирается на палку. Он не спеша раздевается. Вошедшая К а т я застыла от изумления.

К а т я

Отец!

Молчание. Все смотрят на Антона.

А н т о н
(смущенно)

Это я, моя доченька, я!
Родитель единственный. Все же семья...
Платок твой привез, чтоб теплее было.
Вот... Ты его в суматохе забыла.

Девушки рассматривают платок.

С и м а

Четверо суток везли, я считаю...
Их сколько угодно у нас на Алтае.

А н т о н

Простите меня за нежданный приход.

П а ш а

Садитесь.

А н т о н

Благодарю вас. Так вот,
Мне любопытно: что здесь происходит?
Как комсомол? Как он время проводит?
В газетах читаешь про то и про это...

Да разве подробно расскажет газета?
И вот я собрал свои старые кости,
Сложил чемоданчик — и к дочери в гости!
А здесь пригодятся без всякого спора
И натиск военный, и опыт сапера.

Катя.

Теперь, значит, снова заботы, опека...

Антон

Да что ты, Катюша!

Катя

Довольно, отец!
Взрослым, самостоятельным человеком
Когда же я сделаюсь наконец?
(Подходит к Антону и обнимает его.)
Я очень люблю тебя, но рассталась
С тобой, чтоб приехать сюда на Алтай.
Я очень прошу тебя — самую малость
Самостоятельности мне дай.

Антон

Что ты, Катюша! Я, безусловно,
Не помешаю тебе... Ни за что!
Хочешь, таскай стопудовые бревна,
Хочешь, в морозы ходи без пальто.
И ноги и руки себе исцарапай,
Все можешь, все делай — отец твой молчит...

Сима

И все-таки странно — приехала с папой,—
Это не очень красиво звучит.

А завтра, представьте, я вызову маму,
А кто-нибудь выпишет тетю жены...
Что ж это будет? Семейные драмы,
А не освоение целины.

А н т о н

Ах, девочка! Ну когда это было,
Чтоб молодость родственников любила?

В окне голова Б е к п е р г е н а.

Б е к п е р г е н

Эй, девушки, дайте согреться немного!
Партторг и директор стоят у порога.

Сима впускает их. Бекперген протягивает руку Антону.

Директор совхоза. Зовут Бекпергеном.

А н т о н

Полковник в отставке Антон Бережков.

Б е к п е р г е н

Партийный?

А н т о н

Так точно.

Б е к п е р г е н

Ну, вот вам и пленум
Трех повстречавшихся большевиков.

Н и к о л а й

Антон?

А н т о н
(вглядывается в него)

Николай?

Н и к о л а й

Он самый.

А н т о н

Ползешь
Все еще по планете?

Н и к о л а й

Ползу, как ни странно...

А н т о н

Да, если друг другу сказать без обмана,
Мы — постаревшая молодежь.
Зимний наш возраст начался ныне...

Н и к о л а й

А мы ведь встречали с тобою весну.

Б е к п е р г е н

Вы где комсомолили?

А н т о н

На Украине.

Б е к п е р г е н

А я в Казахстане.

П а ш а

А я на Дону.

Николай
(в сторону Кати)

Дочурка твоя?

Антон

Нельзя не узнать!

Николай

Бог мой, до чего же похожа на мать!

Бекперген

Включайтесь в работу! Лирической встрече
Не время теперь для людей трудовых.
Потом вы продолжите нежные речи,
Мы чуткие — мы вас оставим одних.
(Разворачивает план.)
Совхоз наш. Пока на бумаге, понятно.
Знакомиться коротко. Дело не ждет.
Приехал и не уеду обратно,
Не победив! Понимаете? Вот,
Смотрите внимательно — это посевы,
А это наш будущий городок.
А что, объясните, пожалуйста, слева?

Паша

Река.

Бекперген

Река — это слишком. Простой ручеек.
Рекою назвать ручеек неприлично.
Директору — мне как прикажете быть?
Представьте — семьсот комсомольцев отличных

Живет здесь, и ноги им негде помыть.
А сколько, скажите, здесь речек?

Сима

Три.

Бекперген

Вот, вот! Я такой человек —
Я переверну весь этот план!
(Чертит мелом на доске.)
Будет совхоз наш меж этих трех речек
Расти и цвести, как роскошный тюльпан.
Вам с детства, наверное, сказки знакомы?
Мы лучше, чем в сказках, работать должны,
Чтоб удивились темпу такому
Все старые ведьмы и колдуны!
И встанут поля в несказанной красе!
Ведь здесь не простые ребята сошлися!
За сказку в работе! Отныне вы все
Как будто Иванушки и Василисы.

Паша

А техника?

Николай

Ждем. Но, как ни усердствуй,
Не очень внимательно министерство.

Женский голос за стеной снова запел:

Ты родился, мой милый, не в Лондоне,
Ты родился на русской печи...
На Алтае все зимы холодные,
А поля и в мороз горячи!

Бекперген

Прекрасно! Прошу я немедля ответа;
Тамара Ханум или Барсова это?

Паша

Татьяна.

Бекперген

Вы ей передайте привет.
Мы голос ее никогда не забудем...
Но что же ей петь для звезд и планет?
Мы — люди, мы ей аплодировать будем.

Катя

Стесняется. Лишь в одиночку поет.
А замечательная певица...

Бекперген

А я вот, представьте, наоборот —
Один не умею ни петь, ни трудиться.
Для каждого дела мне непременно
Нужно побольше, побольше людей!
А чем занимается эта сирена?

Сима

Она географии учит детей.

Бекперген

Как только я слышу такую девицу,
Хочу я на ней моментально жениться.
И в этом практически точный расчет —
Пусть лучше жена не кричит, а поет!

Пение — пеньем, а дело не ждет.
Сейчас мы отправимся все на разведку —
Знакомиться с новым плацдармом работ.
С этой минуты начнем пятилетку.

Паша

А что вы под снегом увидите?

Бекперген

Всё!
Все я увижу, лишь покажите!
Считайте, что я уже не новосел,
Что я уже местный трудящийся житель.
Как чуткий товарищ, мешать я не стану.
Друзья повстречались, оставим вдвоем...
Еще покажите мне вашу Татьяну —
Мы каждый талант на заметку возьмем.

Все, кроме Николая и Антона, уходят. Сима уходит последней. Она поднимает упавшую на пол шапку Николая и бережно чистит ее.

Антон

Давай разговаривать.

Николай

Нет, помолчим.
Давай приглядимся друг к другу поближе...
Ты тот же, по-прежнему нелюдим?

Антон

А ты оптимист, как и прежде, я вижу.

Николай

Представь, что не очень.

Антон

Мотало меня
По нашему шарику... Ох как мотало!
Жизнь — это все же большая возня.
Не то чтобы скис я, а очень усталый.

Николай

Так что же ты думаешь делать? Вернее,
Что можешь?

Антон

Идти на врага.
Врага побеждать, как военный, умею —
Полковник в отставке. И вся недолга.
А дочь как? Понравилась?

Николай

Не наглядеться!

Антон

Она еще не оторвалась от детства...

Николай

Очень ты любишь ее?

Антон

До предела,
До беспомощности, до отчаяния люблю!
Ты осуждаешь меня?

Николай

Напротив, хвалю.

Антон

И вот я приехал. Она не хотела.

Николай

Балуешь?

Антон

Балую. Как же иначе
Могу поступить? Ты не можешь понять:
Смеется — я счастлив, а только заплачет,
Я звезды пойду для нее собирать!
Как же ее отпускать одну?
Это ж безумие! Путь такой длинный...
Как я о ней тосковал в войну
Вместе с покойной моей Антониной!
И, где бы я ни был, вторгается в душу
И в сердце стучит, ударяет в висок:
«Тонечка, Тоня! Катюша! Катюша!..»

Николай

Лидия, Лидия! Так-то, дружок!
Ты Лидию помнишь? Воспоминанья
Не стерлись еще? Ты прямо скажи.

Антон

Что ты! Идет через все рубежи
Девочка мирового восстанья!

Н и к о л а й

Встретились, друг... И сейчас вот именно
Снова давнишние всплыли года.
Ты не забыл такого имени —
Лидия? Помнишь ее?

А н т о н

Всегда.

Николай показывает Антону старую фотографию. Оба пристально всматриваются в свое прошлое.

Н и к о л а й
(напевает)

Неустанно песни льются
И в степях горят костры...
Мировая революция
Нам родней родной сестры!

А н т о н
(подхватывает песню девятнадцатого года)

Пусть над нами бомбы рвутся —
Не погас огонь в груди...
Мировая революция,
Ты к нам ближе подойди!

Постепенно гаснет свет. В темноте — цоканье копыт. Под баян продолжается песня девятнадцатого года. И то, что так пристально на фотографии разглядывали Николай и Антон, возникает на сцене. Неподвижные, в буденовках, с винтовками в руках, застыли помолодевшие на тридцать пять лет А н т о н и Н и к о л а й. И между ними — в кожанке и в буденовке — «девочка мирового восстания» — погибшая Л и д и я. Песня за сценой удаляется. Живая фотография меркнет. И когда вновь возникает свет, мы видим Н и к о л а я и А н т о н а, по-прежнему всматривающихся в фотографию.

Николай и Антон
(заканчивают песню)

Может, нас и не дождутся,—
Ну и что же, ну и что ж!..
Мировая революция
Обнимает молодежь!

Николай

Мы прожили, сделали все, что могли,
Мы путь указали другим поколеньям,
По пятилеткам, как по ступеням,
Ко дню этой нашей встречи пришли.
Чего только не было! Был Волго-Дон...

Антон

До этого был Комсомольск-на-Амуре...

Николай

Потом сорок первый — военная буря,
В которую капелькой ты погружен.

Входит Бекперген.

Бекперген

Друзья успели уж наговориться?
Я их интимность свято берегу,
Но все же я — общественная птица,
И только в стае я летать могу.
Я должен информировать вас вкратце:
Я два совхоза выстроил уже,
И вот сейчас я, дорогие братцы,
У третьего стою на рубеже.

Друзья! Я в рассужденьях очень прост;
Кто не поднимет за победу тост?

Вдруг заиграла гармонь, и Татьяна за стеной заканчивает песню:

Ты родился, мой светлый, не в Дании,
Шел за все человечество в бой,
Потому что любовь и страдание
С колыбели дружили с тобой!

Они невольно повторяют:

Потому что любовь и страдание
С колыбели дружили с тобой!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Изба. Ветер. Дождь.
Бекперген и Николай. Они смотрят в окно.

Бекперген

Проклятый дождь!

Николай

И паводок проклятый!

Бекперген

Потоп. Иначе не определить...

Николай

И небо все заволокло, как ватой...

Бекперген

Проклятый дождь! Ты долго будешь лить?
Дождались! Техника к нам наконец пришла!
Как провести ее стихией водяной?

Николай

Ребята мечутся напрасно...

Б е к п е р г е н

Ну, дела!
Что будет?

Н и к о л а й

Катастрофа с посевной.

Входит П р о х о р. Он промок, злой.

П р о х о р

Всё, товарищ начальство! Всё! Ни черта!
Нам не помогут какие-то лодки.
Иметь нам хотя бы четыре плота
При чертовой этой погодке!

Б е к п е р г е н

А где я возьму их? Ты лесу мне выставь.
Я отдал бы жизнь за любое бревно!
Ближайший лесок километров за триста...
Слетать бы, да крыльев, увы, не дано!

П р о х о р

Мне жалко ребят. На дожде, на ветру
Хлопочут, бессмысленно лодки таская...
Мы начали день трудовой поутру,
Сейчас уже сумерки. Польза какая?

Н и к о л а й
(Бекпергену)

А ты говорил — совхоз, как тюльпан,
У нас расцветет...

Б е к п е р г е н

На тюльпан не похоже,
Скорее похоже на океан.

Николай

Сам выбрал три этих речушки...

Бекперген

И что же?
Терпеть не могу я дела без препятствий!
В кровь расшибемся, а выход найдем!
И вместо того, чтобы нам препираться,
Давай пораскинем мозгами вдвоем.
Я знаю — ребята у нас молодцы,
Добьются они своего — в это верю я...

Прохор

Да как же?

Бекперген

Да так же, как наши отцы
Через Сиваш пронесли артиллерию.
Хороший, упрямый, смышленый народ!

Прохор

Так дайте нам Фрунзе — пусть он поведет!

Бекперген

Тебе еще, может быть, Бонапарт
Нужен как штатная единица?
Без гениев можно вполне обходиться...
Где мужество? Где комсомольский азарт?

Медленно, один за другим, входят комсомольцы. Все мокрые, злые, усталые. Долгое, очень долгое молчание.

Николай
(весело)

А у меня сегодня день рождения.

Голос

Поздравляю.

Николай

Подарков не вижу.

Ребята с недоумением смотрят на него.

Ну, хоть что-нибудь.

Все начинают рыться в карманах, кто-то протягивает ему мундштук, кто-то еще какую-то мелочь.

Сима

А сколько ж вам лет?

Николай

Не мне, совхозу. Он уже родился.

Голос

Родился — утопился.

Николай

А вы как, гости милые, хотите? Чтоб новорожденный вас встретил хлебом-солью? А он еще в пеленках. Баю-баю...
Я, как отец ребенка, удивлен.
Не вам совхоз подарки поднесет,
А вы ему — он маленький совсем.
Поймите вы — он может простудиться!
Его баюкать надо и следить,

Чтоб он не выпал вдруг из колыбели…
Как видно, я позвал не тех гостей —
Они себя детьми считают, а ребенка
Считают взрослым… Ну-ка, Прохор,
Считай себя за крестного отца
И речь произнеси…

Прохор
(заученно, но сбивчиво)

Товарищи! Во всенародной борьбе за осуществление наших задач по освоению целины комсомолу принадлежит почетное место. Наша славная молодежь с юношеским задором трудится на благо нашей родины для преумножения ее богатств…

Паша

Завел машинку! Чего ты сказать-то хочешь?

Алексей

Говорить и я умею.

Многоголосица

— А что мы можем сделать на лодках?
— Мы не карасей везем, а технику!
— Трактор потяжелей карася будет!

Прохор
(растерялся)

А вот, значит, как наши отцы пушки через Перекоп тянули…

Аркадий

Да пушка что! Трактор двести пудов весит. У них, у отцов-то, все подготовлено было. И артиллерия была, и плоты...

Алексей и его двое друзей собираются уходить.

Прохор

Куда?

Один из друзей Алексея

Домой. К маме.

Николай
(Бекпергену)

Дело ясное. Нам с тобой вдвоем всю технику не перетащить. А больше некому. По домам, ребята! Спать, отдыхать...

Бекперген

Спать, отдыхать — молодым подражать.

Бекперген и Николай уходят.

Алексей

Ну и пойдем. Чего пугаете?

Сима
(выскакивает вперед)

Вы не уйдете! И мы не уйдем! Никто не уйдет отсюда! Только скажите, что нам делать, и мы всё сделаем!

Алексей

Как что делать? Митинговать! Митинговать — это и я умею!

Прохор

Давай выходи, митингуй!

Алексей

Умею, да не хочу!

Сима

А ты ничего не хочешь. Ты сюда за длинным рублем приехал!

Алексей

А денежка — она карман не тянет.

Паша

Ребята, сложимся по полтиннику, дадим ему, и пусть он убирается к чертовой матери!

Общий шум. Возглас Кати: «Так что же все-таки делать?»

Один из друзей Алексея

Перекоп брать!

Алексей

Если, знаете, каждый день Перекоп брать — жизни не напасешься.

Паша

А ты его хоть один день брал?

Алексей

А мне не положено. Моя специальность мирная. Я не солдат, а маляр.

Петр

Так ты что — степь сейчас красить будешь?

Прохор

Ты будешь делать все то, что будут делать твои товарищи.

Алексей

Интересно, что они будут делать, мои товарищи?

Прохор

Все! Все, что нужно для дела! Идти по шею в воде и спасать технику!

Один из друзей Алексея

По горло в воде?

Алексей

Ну что ж, можно и так... Сколько дадите?

Прохор

Чего дадим?

Алексей

А то, что полагается.

Прохор

Денег?

Алексей

Их.

Пауза.

Паша

Воды много. Можно его утопить.

Сима

Легкая смерть для такого рвача!

Голоса

— И откуда он такой взялся?
— Фамилия как?
— Фамилия Сколькодадите!

Алексей

Я, ребята, что? Я — ничего! Это я пошутил.

Прохор

Ты по своим кабакам так шути. А с нами не выйдет!

Входят Антон, Николай и Бекперген.

Бекперген

Говори, полковник.

Антон

Я знаю, что делать!

Прохор

Что вы можете предложить?

Антон

Плоты.

Общий смех.

Прохор

До этого и мы додумались. Да где вы их возьмете?

Антон проводит рукой, указывая на стены.

Не понимаю.

Антон

Насколько мне известно, избы строятся из бревен, а не из железобетона.

Прохор

Вы хотите разрушить избу?

Антон

Я хочу построить плоты.

Прохор

Она же колхозная!

Антон

Сейчас — моя! Когда я наступаю — все мое! Как вы думаете: совхоз наш будет богатый?

Катя

Очень богатый.

Антон

Так вот, мы колхозу на месте этой ветхой избы дворец построим!

Многоголосица

— Со всеми излишествами!
— С двумя каменными львами!
— С четырьмя!

Антон

Сколько у нас топоров?

Прохор

Шестьдесят.

Антон

Пил?

Прохор

Шестнадцать.

Антон

Каната?

Прохор

Хватит.

Антон

Так вот — за полчаса эта изба должна превратиться в четыре плота. Действуйте!

Молодежь уходит. Слышен стук топоров. Антон задерживает Катю.

Катя

Ну что? Скажешь: иди домой, простудишься, заболеешь?

Антон

Заболей, но от других ни на шаг! И старайся быть впереди.

К а т я
(быстро обнимает отца)

Наконец-то!

(Выбегает.)

Антон выходит. Стук топоров усиливается. Бревна постепенно исчезают одно за другим. В образовавшийся большой проем видна разбушевавшаяся стихия. По пояс в воде Б е к п е р г е н и Н и к о л а й несут огромное бревно.

Б е к п е р г е н
(оглядываясь назад)

Идут?

Н и к о л а й

Пойдут. Не останавливайся.

Проходят. Прибывает вода. Появляется К а т я. Сгибаясь под тяжестью, она несет небольшое бревно. Ее обходит несущий на себе огромное бревно А л е к с е й.

А л е к с е й

Не обойдешь!

(Кричит назад.)

За мной, вольница!

С бревнами на плечах проходят к о м с о м о л ь ц ы.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Палатка. В палатке П р о х о р, С и м а и П а ш а. Вне палатки П е т р и А р к а д и й.

ВНЕ ПАЛАТКИ

А р к а д и й

Ты не волнуйся, Петр! Твоя анкета
Гладка, бела, чиста, как полотно.

Петр

А то, что я вчера подрался, это,
Ты думаешь, не будет учтено?

Аркадий

А кто видал-то? Я да Васька...

Петр

Слухи
Всегда идут быстрее телеграмм.

Аркадий

Покайся, поклянись. Все в этом духе.
При самокритике грехи прощают нам.
Здесь нужно хладнокровие. Понятно?
И чтоб к тебе придраться не могли,
Ты им скажи, что и на солнце пятна
Какие-то ученые нашли.

Петр

Ты говоришь — на солнце пятна есть. Ему же
Не отвечать за пятна за свои.
Я ж человек...

Аркадий

Чем ты другого хуже?
А ну-ка одного хоть назови.
Робеешь?

Петр

Да.

Аркадий

А я вот не робею.
Что б ни спросили, дам один ответ —
Как ни решат, а я душою всею
Есть комсомолец. В том сомнений нет.

В ПАЛАТКЕ

Прохор

Не все бюро собралось. Нас поменьше,
И очень положение остро —
На две трети состоит из женщин
Наше комсомольское бюро.
Факт не очень положительный. Но все же...

Паша

Нечего тебе сейчас острить!

Сима

Надо дело делать. Молодежи
В комсомол пора переходить.

Прохор
(рассматривает бумаги)

Сколько заявлений разбирать?

Сима

Всего три.

П р о х о р

Два паренька тут и одна девица...
Ну что ж, начнем, товарищи. Посмотрим
И покумекаем, чтоб не ошибиться.
Романов Аркадий!

Решительно входит А р к а д и й, но сразу робеет. Он смотрит на всех, все на него.

П а ш а

Боишься?

Аркадий отрицательно качает головой.

Фамилию помнишь свою?

А р к а д и й
(тихо)

Романов.

П р о х о р

Ты что же, из царского рода?

Аркадий отрицательно качает головой.

Награды? В каком отличился бою?

А р к а д и й

Да я же... я с тридцать девятого года.

П а ш а

Ты, парень, смелей! Потому что дитя
Еще не боец. Ты позлее, позлее...
И нас в комсомол принимали, хотя
Я тоже робела...

А р к а д и й

И я... как умею...

С и м а

Романов Аркадий! В своем заявленье
Ты пишешь: прошу записать в комсомол.
Какие тебя привели побужденья?
Как ты до мысли до этой дошел?

А р к а д и й

А я все хотел подражать Кошевому.

П р о х о р

И Павел Корчагин был на уме?

А р к а д и й

И Павел Корчагин. Ушел я из дому,
Чтоб, значит, пожить в комсомольской семье.

П а ш а

А в нашей семье нет ни папы, ни мамы...

П р о х о р

Прочел ты устав, изучил ты программу?

А р к а д и й

Да. Я вот пред вспашкой подал заявленье,
И вы убедитесь — я буду не плох...

П а ш а

А ты не боишься переутомленья?

А р к а д и й

Я буду работать. За двух. И за трех.

П р о х о р

Земля подсыхает. Остались минуты
До вспашки, до наших весенних трудов.
Проверь-ка на совесть: готов ли к труду ты,
Как воин к атаке бывает готов?

С и м а

И ты расскажи нам, так это, просто,
Почему ты находишься на целине?

П а ш а

Ты отвечай, не смущайся, подросток.

А р к а д и й

А я... так сказать... помогаю стране.

П р о х о р

И партии?

А р к а д и й

И партии тоже...
Ну и друзьям, и знакомым... и всем...
Вот очень хочу я быть с молодежью...

П а ш а
(протягивает ему яблоко)

Съешь яблочко.

А р к а д и й

Благодарствую, съем.

Все терпеливо ждут, пока он ест яблоко.

Примите меня, я буду достоин.

Паша

В ребенке уже пробуждается воин.

Аркадий

Так примете?

Прохор

Я не скажу заранее —
Ведь наше мненье будет утверждать,
Ты знаешь, комсомольское собрание.

Паша

Ты будешь принят, по всему видать,
И, в общем, парень ты, дай бог, что надо.
Щенок еще, а уж почти солдат.

Аркадий

Я очень рад.

Паша

И я.

Сима

Я тоже рада.

Прохор

Ну, что сказать тебе? Я тоже рад.

Аркадий

Мне как — идти?

Паша

Езжай на мотоцикле,
А мы всегда ходить пешком привыкли.

Аркадий

Так мне идти?

Паша

Иди, иди, Аркаша,
Ступай смелее, будущее наше!

Аркадий уходит.

ВНЕ ПАЛАТКИ

Петр

Ну как?

Аркадий

Орлу необходим полет.
Смелее! Смелость города берет.
(Он уходит четким шагом.)

В ПАЛАТКЕ

Прохор

Савельев Петр!

Петр
(входит)

Вот Петр сюда пришел.

Прохор
(смотрит следующую анкету)

Еще нам предстоит Екатерина,
Как будто мы царей сегодня в комсомол
Всех принимаем... Страшная картина!

Паша

Ну, Петр! Как Петербург? Стоит?

Петр
(у него сразу пропала всякая напряженность, и он широко улыбается)

Я из Ростова.

Паша

Южный Петербург.
Рассказывай нам, чем ты знаменит?

Петр

Нет, я не царь. Я — просто металлург.

Сима

Как ты откликнулся на партии призыв?

Петр

Как все. Я просто так считаю:
Трудись как следует, пока ты жив,
Что в Туле, что в Москве, что на Алтае.

Сима

Ты понимаешь, молодежь пошла
На целину, как на святое дело...

Петр

Везде у нас в России есть дела,
Но только надо делать их умело.

Прохор

А что вчера произошло с тобой?

П е т р
(смущенно)

Так... стычка легкая...

П а ш а

По-русски — мордобой.

С и м а

Проступки есть, а ты не признаешь их.

П а ш а

Так жить — одна сплошная благодать.

П е т р

А я вовек не бил людей хороших,
Я бил плохих. Им следует воздать.

С и м а

Дурная слава так пойдет повсюду.
А комсомольцем став, ты драться будешь?

П е т р

Буду.
Ведь если я несправедливость вижу,—
Попробуй удержись, стерпи!
Допустим, женщину обидели — да вы же
Сами попросите меня: «Влепи!»

П а ш а

Вот настоящий темперамент, братцы,
Такой характер надо понимать!

Сима

Но если комсомольцы будут драться,
То кто же будет разнимать?

Паша

Должна сказать тебе — ты парень бравый,
А я парней трусливых не терплю.

Сима

Явился ты сюда за славой?

Петр

Нет, за Клавой.
Уж очень я ее люблю.

Паша

Та, востроносенькая?

Прохор

Что же, одобряем.
Давай крепи советскую семью.

Паша

Когда тебя поздравить с урожаем?
С детьми? С пятью? С шестью?

Прохор

С семью?

Петр

Она меня не любит.

Паша

Не грусти.
Мы, женщины, коварны — ты учти.

Прохор

Бюро! А о любви заговорили.
Мне нелегко все это понимать...
Какие женщины меня любили?
Всего одна — моя родная мать!

Паша

А смотришь — на земле все любят. Поцелуи
Звучат повсюду, как колокола...

Сима

Друзья! Терпеть все это не могу я,
Вы увлекаетесь, а ждут дела.

Прохор

Ну что ж, мы помним паводок весенний,
В спасенье техники он не последний был!
Трудился Петя за мое почтенье,
Никто из нас об этом не забыл.

Паша

Плохого о тебе никто не скажет.
И Клаву знаю я, и я ее люблю.
И пусть она тебе в замужестве откажет,
Я ей строжайший выговор влеплю.
Ты не горюй: бывает трудно людям,
Любовь, она для человека — честь.

П р о х о р

Иди. Анкету обсуждать не будем.
Ты — комсомолец. Будь достоин.

П е т р

Есть!

(Он убегает через зрительный зал и радостно кричит.)

Клава! Клава!

П р о х о р

Бережкова Екатерина!

Отстранив Катю, неверными шагами входит А л е к с е й.

А л е к с е й

Я — тут! Добродушный, хороший, веселый.
Я — молод! Хочу поступить в комсомол.

П р о х о р

Здесь не кабак, а бюро комсомола.

П а ш а

Откуда ты — этакий светлый — пришел?

А л е к с е й

Откуда? Государственная тайна!
Иду домой, на огонек забрел.
Ничто, ничто на свете не случайно.
Прошу вас — запишите в комсомол.

С и м а

Уйди отсюда!

А л е к с е й

Сима, дорогая!
Ты не ругай меня, я сам себя ругаю.
Хочу в организацию вступить.
Я стал сознательным, и как мне быть?

П а ш а

Проспаться! Глупости ты мелешь сдуру.

А л е к с е й

Не глупости... И кто меня поймет?
Я телом собственным закрыл бы амбразуру,
И враз заглох бы вражий пулемет.
Пойди дождись войны! Нет, это удивленье,
Что чужд я комсомолу! Значит, враг?

С и м а

Ну что ж, подай попробуй заявленье...

А л е к с е й

Опять бюрократизм, мать вашу так!

Прохор и девушки бросаются на него, но он легко одолевает их.

(Прохору.)
Сиди спокойно, друг!

С и м а

Ты безобразен!

А л е к с е й

Пусть безобразен, но силен зато!
Смотрите — пропадает Стенька Разин!
А кто виновен? Времечко не то!
Я безобразен. Симочка права.

П а ш а

Одно пижонство и одни слова.

А л е к с е й

Я очень пьян?

П а ш а

Считаю, что порядком.

С и м а

Мертвецки.

П р о х о р

Образумиться пора!

А л е к с е й

Ну что ж, друзья! Шагайте по остаткам
Того, кто Алексеем был вчера.
Я — анархист! Что скажете вы мне?
Слыхали вы об этаком ученье?
Живу в коммунистической стране,
А с дисциплиной мне одно мученье!
Допустим, я солдат. Ну что ж, терплю.
А в мирной жизни власти не люблю!

С и м а

А кушать любишь ты?

П а ш а

А одеваться?

П р о х о р

Дадите сколько?

П а ш а

Денежки гони?

С и м а

Ты — паразит несчастный!

А л е к с е й

Дайте, братцы,
Мне вспомнить детства золотые дни...
Я матери не знал. Отца бы тоже лучше
Не знал я!.. Все катилось вниз...
Общественность и...

П р о х о р

Интересный случай!
Мы тоже не графьями родились.

С и м а

Ты уходи!

А л е к с е й

А где же чуткость, Сима?
Перед тобой униженно дрожу.

С и м а

Ты уходи!

А л е к с е й

Шел ваших окон мимо,
Увидел огонек, зашел и ухожу.
(Уходит.)

П а ш а

Нам надо все же что-то с ним решить.

Сима

Да этого Алешу б задушить!
(Решительно встает и кричит.)
Бережкова Екатерина!

Входит Катя.

Прохор

Фамилья? Возраст? Пол? Образованье?

Катя

Так ты в анкете все это прочел.

Прохор

Не «ты», а «вы». Здесь заседанье,
Здесь юность принимают в комсомол.

Паша

Орлята начинают свой полет.

Сима

Небось у входа папа робко ждет?

Катя
(вызывающе)

Да, ждет! И ждут и дед, и прадед,
И двести бабушек меня у входа ждут.
А я приехала сюда чего же ради,
Чтоб только родственники были тут?

Сима

Ты злишься?

Катя

Злюсь.

Сима

Я это понимаю.
Ты выросла, Катюша, срок пришел.
И ты пойми — я вовсе не желаю,
Чтоб добренькою ты вступала в комсомол.

Паша

И самая, понимаешь, беда,
Когда ты полюбишь не суть, а названье.
Быть комсомолкой — не пафос всегда,
Это активное существованье.

Они прислушиваются. Слышно далекое фырканье трактора.

Трактора пошли.

Прохор

Трактора! Выходим в поле!

Паша

Господи благослови!

Прохор
(машинально повторяет)

Господи благослови!

Сима

Комсомольцы! Может быть, вы тут еще молебен устроите?

Темно. Видны фары идущих тракторов. Шум нарастает.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

У слияния трех речек. Августовский вечер. Появляются Катя и Алексей с гитарой в руках и ромашкой в петлице.

Алексей
(поет)

Метель метет, и вся земля в ознобе,
И поезд мчится, мчится сквозь метель,
А вы лежите пьяненький в сугробе,
И вам квитанции не надо на постель.

Потом зима признала все ошибки,
И все кругом зазеленело вновь,
Опять весна — трава, цветы, улыбки,
А вам квитанции не надо на любовь.

Придет к вам старость в жалком одеяньи,
В демисезонном выцветшем пальто...
И жизни нет, и нет воспоминаний,
И вам квитанции не надо ни на что!

Такую песню вот поет, Катюша,
Измученный, не старый человек.
Да, песня эта мне проникла в душу,
И в ней она останется навек.

Катя

Хочу поговорить с тобой, Алеша.
Я передумала так много в эти дни.
Никто с тобой не дружит. Ты заброшен.
Я ласкова с тобой. Ты это хоть цени.

Алексей

Да господи! Я все ценю в тебе,
О существо мое ты дорогое!
Как, слабенькая, крепнешь ты в борьбе!
Как ты меняешься, становишься другою!

Катя

Я не пойму тебя. Я за тебя боюсь,
И все равно я за тебя борюсь!
Никто в тебя не верит, только я.

Алексей

Поженимся. Получится семья...
Последний раз напьюсь. Потом такой хороший
Я стану, что прекрасней не найдешь!

Катя

Ты здесь останешься. Ты не уйдешь, Алеша!

Алексей

Нет, я уйду сейчас.

Катя

Нет, не уйдешь!
Смотри, вот я перед тобой стою.
Люблю! Ты этого не ценишь?
На что меняешь ты привязанность мою?
Ты ради стопки водки ей изменишь?

Алексей

Так ведь в последний раз!

Катя

Нет, ни в какой!
Ни в первый, ни в последний! Ты — со мною!
Тебе милей кабацкий шум и вой
И очень скучно быть со мной одною?

За сценой заиграла гармонь.

Частушки, хочешь, я тебе спою,
Чтоб только нам побыть с тобою вместе?

Алексей

Да ты не знаешь их...

Катя

А выдумку мою
Ты знаешь? Сочиню на месте!
(Она пляшет и поет.)
Все пошло наоборот,
В жизни все бывает!
Мой Алеша пить не пьет,
Только выпивает.
Ох-ох-ох-ох!

Мой миленок, мой кумир
Ни во что не верует,
Колбасу, капусту, сыр
Все на литры меряет.
Ох-ох-ох-ох!

Поднесу тебе цветы,
Знай ты свою милку!
Ты не гордый, только ты

Любишь лезть в бутылку!
Ох-ох-ох-ох!

Гармонь замолчала, и Катя перестала петь.

Алексей

Ну, я пойду...

Катя

Постой, я покажу
Прекрасный фокус! Я их много знала.

(Проделывает фокус с платком.)

Я узелком платочек завяжу...
Раз! Два! И узелка как не бывало!
Видишь?

Алексей

Вижу...
(Хочет уйти.)

Катя
(сквозь слезы)

Что видишь? Ты слепой!
Ну что ж, иди! Возьми свою гитару,
Кривляйся, буйствуй, и скандаль, и пой
О том, что ты красивый и не старый.

Алексей

Ну что ты так, Катюша, разошлась!
Пойду и выпью. Но в последний раз.
(Он пытается обнять Катю, но она отталкивает его.)

Катя

Ты помнишь девочку в нейлоновых чулках?
Теперь такая я? Совсем другая!

Алексей

Живи ты, девочка, живи в своих мечтах.
Я не тебя, я сам себя ругаю.

(Он резко поворачивается и уходит, забыв гитару и пиджак.)

Катя грустно смотрит на ромашку в петлице. Она обрывает лепестки.

Катя

Любит — не любит, плюнет — поцелует,
К сердцу прижмет — к черту пошлет!

Возвращается Алексей. Он берет пиджак и гитару и на цыпочках уходит. Катя сидит, опустив голову на руки. Антон тихо подходит и садится рядом. Молчание. Катя поднимает голову.

Катя
(зло)

Инспекция пришла?

Антон

Да. Главный ревизор.

Катя

Так всю жизнь будет продолжаться?

Антон

Пока я жив, я буду твоим отцом. Смешно было бы, если бы я перестал им быть.

Катя

Ну да, все вы, старые люди, считаете, что наша молодость никуда не годится. А ты как себя вел в моем возрасте?

Антон

Может быть, так же. Но у меня тогда не было отца.

Катя посмотрела на него, положила ему голову на плечо и заплакала.

Худо, доченька?

Катя

Худо.

Антон

Поплачь еще...

Но Катя взяла себя в руки.

Катя

Расскажи, как влюблялись в девятнадцатом году?

Антон

Безумно. Как и сейчас.

Катя

Как ты влюбился в маму?

Антон

Точно сказать не могу. Можешь ты точно сказать, как ты влюбилась в Алексея?

Катя

Ты это знаешь?

Антон

Я не слепой.

Катя

И ты меня осуждаешь?

Антон

Пока не осуждаю. Выясняю.

Катя

А за что ты полюбил маму?

Антон

Как за что? Ты знаешь, какая это была чистая, устремленная девочка? У нее были такие ясные глаза, как будто она все время смотрит в будущее. А какая у нее была походка! Как будто она все время идет в будущее!.. Помнишь, она пела:

Зажглась на небе звездочка,
Вся ночка впереди,
А сердце, словно в гнездышке,
Лежит в моей груди...

Ты только подумай — в такие дни что она пела! Наверно, от бабушки слышала. А у тебя нет бабушки. Ты мои песни запомнишь.

Неустанно песни льются,
И в степях горят костры...

Ты знаешь, что мне казалось? Что пройдет несколько поколений, а она все равно будет идти в будущее. А я ее похоронил...

Катя

Успокойся, папа.

Антон

Я никогда не успокоюсь... А твой Алексей — он идет в будущее? Нет! Он идет в прошлое, в самое отвратительное кабацкое прошлое.

Катя

Я сделаю так, что он пойдет в будущее. Вы все видите в нем только плохое. А я вижу хорошее. Только это хорошее на большой глубине. Ты знаешь, как добывают нефть?

Антон

Знаю. Роют очень глубокую скважину. А вдруг там, где ты буришь изо всех своих силенок скважину, нефти не окажется?

Катя
(упрямо)

Окажется.

Антон

Дай бог, дай бог...

За сценой заиграла гитара. Алексей поет свою песенку. Катя встала и уходит, как загипнотизированная. Антон остается один. Он обращается к зрителю:

Вы видели, как дочь моя влюбилась?
Страдай, Катюша милая, страдай!
Пусть даже ты с отцом родным простилась,
Когда любовь хлестнула через край.
Тебе помочь, Катюша, не могу я.
Идея и любовь так схожи меж собой:

Люби меня и не люби другую —
Вот лозунг и для той и для другой.
Я — старый большевик. Вы думаете — просто
В анкете эта истина нужна?
Ведь я был мальчик маленького роста,
Отсталою была моя страна.
А я сказал стране: — Не будь отсталой! —
Страна сказала: — Правильно, сынок!
Ты напрягись во что бы то ни стало.—
И я напрягся, видите, как мог!
Пусть будет жизнь как подвиг, не как случай!
Я спрашиваю вас от всей души:
Страна и дочка! Кто из них двух лучше?
Я думаю, что обе хороши.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Палисадник, в который вдается угол нового дома. Костя со своим хором репетирует самодельную песню. Он кричит в зрительный зал: «Еду-ут?» Выскочивший Егорка отвечает: «Не вида-ать!» Костя продолжает репетировать. «Еду-ут?» — «Показались!» И снова: «Еду-ут?» — «Тута!»

Музыка. Из зрительного зала на сцену поднимается свадебный кортеж. Идут новобрачные — Паша и Дмитрий. Их сопровождают Бекперген, Николай, Антон и друзья-комсомольцы.

Костя
(приветствует новобрачных)

С новым счастьем!

Хор
(повторяет)

С новым счастьем!

Костя

Желаем вам счастья на множество лет!
Вы стали семейными ныне,
Привет жениху и невесте привет —
Будущей матери-героине!
На радость и счастье судьба вас свела,
Свели трудовые напевы,
И на целине ваша встреча была,
Как встреча Адама и Евы.
Вы отличились могучим трудом,
Порою даже бессонным,
И вы без боязни в свой новый дом
Войдите, молодожены!

Все проходят в палисадник, где накрыт свадебный стол. Рассаживаются.

Николай

Давайте поднимем заздравную чашу
За молодоженов — за Митю и Пашу!

Заиграл баян. Николай запевает:

Женятся, женятся
Молодые люди,
И бокалы пенятся,
Колбаса на блюде...
Чудеса, чудеса —
Появилась колбаса!
Горько! Горько! Го-о-рько!

Антон

Паша с Митей женятся,
Вы, друзья, поймите —
Станет Паша пленницей

Дорогого Мити...
Чудеса, чудеса —
Камень срезала коса!
Горько! Горько! Го-о-рько!

Бекперген

За медовым месяцем
Будни наступают,
Он тебя — прелестницу —
Целый день ругает...
Чудеса, чудеса!
Вот тебе и сказка вся.
Горько! Горько! Го-о-рько!

Все подхватывают последний куплет и весело выходят из палисада.

«Шестой уж год я царствую спокойно»,—
Так говорил когда-то Годунов.
Я — первый год. Не царь я, а директор
Совхоза, что пока еще мечта.
Но вот уже построен первый дом,
И я, весьма ответственный товарищ,
О молодости вспомню о своей...
Вот я был мальчиком... Просторы Казахстана...
Всё в будущем! Романтика! Мечты!..
И вот я взрослым стал... Да что там взрослым — старым!
Уже никто не влюбится в меня.
А хочется какой-нибудь Джульетте
Понравиться. Ромео постарел.
И не поможет никакой Шекспир!
Но с новым счастьем каждый год, друзья,

Меня, строителя, прошу вас, поздравляйте...
За первый дом, друзья!

Николай

За новый город,
Что в будущем году воздвигнем мы!

Антон

За молодость! За жизни украшенье,
За яблони, что мы посадим здесь!
За первый детский крик!

Смех.

Заиграла музыка. Общая пляска. Постепенно все расходятся. Увлекшийся пляской Бекперген остается один. За сценой голос Татьяны:

Лишь только месяц заблестит,
К тебе ночами длинными
Летит любовь моя, летит
Над русскими равнинами...

Появляется Татьяна.

И в небе звездочка зажглась,
И просветлело облако.
Как будто мы в вечерний час
Идем с тобою об руку...

Бекперген подходит к ней.

Бекперген

Здравствуйте, Татьяна Николаевна! Почему это вас среди гостей не было?

Татьяна

Не могла. В школе дел много.

Бекперген

Эту вашу песню я никогда не слыхал. Вы мне ее допоете?

Татьяна не отвечает.

Допоете, допоете! Вот скоро учебный год наступает. Тетрадки проверять будете... А я все казенные письма пишу. Написал бы нежное, да некому. А вам боюсь: грамматических ошибок много будет.

Татьяна

А я поправлю.

Бекперген

Двойку поставите?

Татьяна

Не знаю.

Бекперген робко протягивает ей конверт, она хочет его раскрыть, но Бекперген смущенно останавливает ее.

Бекперген

Потом, потом... Хотите, я вам сейчас покажу, где я новую школу построю?

Татьяна

Конечно, хочу.

Бекперген

Пойдемте. Только песню допойте.

Татьяна

Я на людях петь не могу.

Бекперген

А вы тихонечко, тихонечко...

Татьяна
(тихо поет)

Скажи, береза, ясень, клен —
Любви моей свидетели,
Он все еще в меня влюблен?
«Влюблен!» — они ответили.

Она уходит. Восхищенный Бекперген следует за ней. Далекий крик Петра: «Клава! Где ты?» Входят Прохор и Аркадий. В руках у них гармонь и гитара. Вбегает Петр.

Петр

Вы Клаву не видели?

Прохор

Никого не видели. Сегодня выходной. Все бродят парами. Только два печальных индивидуума одиноки. Это мы с Аркашей.

Петр

А может, она в колхоз пошла?

Прохор

Все возможно. Пути женщины неисповедимы.

Петр

Что вы сейчас делаете?

Прохор

Выходной. Наблюдаем чужое счастье.

Молчание.

Петр

Видали, какие хлеба поднимаются! Первая наша работа на земле. Интересно! Богатыми станем. Куплю «Победу».

Аркадий

Клавку катать будешь?

Петр

Именно. А мне самому и трамвай — роскошь. *(Он вдруг стремительно вскакивает.)* Клавка! *(Убегает и сейчас же возвращается.)* Обознался. Старуха какая-то.

Прохор

У нас с тобой, Аркаша, любовь не получается. Так давай мы хоть Петру поможем.

Они все вместе отчаянно кричат: «Кла-ава! Кла-ава!» Никакого ответа. Отчаявшийся Петр убегает.

Так вот... Никто нас не любит, Аркаша.

Аркадий

Я про это не думаю.

Прохор

Нельзя про это не думать. Понимаешь, Аркадий, личная жизнь — это тоже великое дело. Тебе какие сны снятся?

Аркадий

Разные. Как в кино.

Прохор

Да... Молодой ты еще. Вот Клавка с Петром, Паша с Дмитрием. Это, брат, личное счастье называется. Понял? А у нас с тобой что? Личное горе называется.

Аркадий

Гм... Личное горе... Интересно!

Прохор протягивает Аркадию ноты, и тот вслух читает:

«Личное горе». Слова Прохора Пуговкина. Музыка Прохора Пуговкина.

Прохор запевает, и Аркадий вторит ему:

Личное горе пришло на свиданье...
Просим на время присесть!
В нашем веселом и солнечном зданье
Печальная комната есть.

Личное горе! Личное горюшко...
Мужество! Бей в барабан!
Горе — ты реченька, счастье — ты морюшко,
А молодость — ты океан!

Личное горе, давай посражаемся!
Кто же из нас победит?
Бей нас, терзай нас, а мы постараемся
Принять торжествующий вид!

Гордо уходят. Из дома выходят Паша и Дмитрий.

Паша

Вот мы и поженились, и, значит, твоим путешествиям конец.

Д м и т р и й

Почему — конец? Пока совхоз не станет степным городом, не уеду. Я ж комсомолец. Путешествия — это моя личная страсть, а совхоз — страсть человеческая. А вот годика через полтора-два меня поминай как звали!

П а ш а

Я с тобой вместе поеду.

Д м и т р и й

Куда?

П а ш а

На остров Гонолулу. Или в Рязань. Мне все равно. Я тебя одного не оставлю. Ты — слабенький.

Д м и т р и й

Это я — слабенький? Я полтора года боксом занимался. *(Он пытается поднять Пашу, но безуспешно. Он смущенно отвернулся.)*

П а ш а

Для бокса ты не годишься. Знаешь, дурачок, как я тебя полюбила?

Д м и т р и й

Спасибо. Меня еще никогда никто не любил.

П а ш а

Ты — слабенький.
Я — сильная. Я на руках донесу
Тебя до мечты, до волшебного края.

Со мною ты будешь, как дома, в лесу
Или чужой океан рассекая.
Могу я, как перышко, донести
Тебя на Памир, на Казбек и на Альпы,
Полмира могу я с тобою пройти,
Добуду тебе бумеранги и скальпы!

Дмитрий

Состарятся, Пашенька, наши года,
И молодость станет для нас, как пословица...
Нет большего, высшего счастья, когда
Твоя благодарность любовью становится!
Да я же боялся тебя полюбить!
И вот я победу торжественно чествую...
Зачем мне по скучной земле колесить?
Да ты же и есть мое путешествие!
И вот мы, минуя пролив Магелланов,
Попали с тобою в страну великанов.

Паша

Мы — выше.

Дмитрий

Конечно, мы выше! Пойми —
Мы встали высоко над всеми людьми,
И не в общежитии, а на вершине
С тобою мы, Паша, прописаны ныне.

Паша

Ты не шути. Есть минуты святые,
Где набожность необходима, где мы
С тобою идем сквозь сады золотые,
Где розы цветут посредине зимы.
Я — Паша простая — волшебницей стала!

И золота у меня сундуки!
Я людям простым раздаю пьедесталы:
Вы низкими были, теперь — высоки!
Волшебница я! Вот я легким движеньем
Зажгла над землей ослепительный свет.
Спеши, человечество! Праздник рожденья —
Ведь Мите сегодня четыреста лет!
Ты будешь такой, как сейчас, малохольный,
И ты переменишь десятки пенсне...
Ты — счастье! Ты праздник мой
первопрестольный!

Дмитрий

Паша! Любимая! Я как во сне...

Паша

Давай путешествовать... Остров Таити,
И я с людоедами рядом живу.
Ты знаешь, что я людоедам скажу?
«Ешьте меня, а его отпустите!»

Петр
(вбегает)

Клавку не видели?

Паша

Клавка твоя уже, наверно, замуж вышла.

Петр

Ладно, ладно... Тебе лишь бы слова произносить. А у меня два билета в кино пропадают. «Индийская гробница». Вторая серия. *(Убегает.)*

Входит Алексей. Он сильно пьян.

А л е к с е й

Катьку не видели?

П а ш а

Сатана тебе в таком виде нужен, а не Катя.

А л е к с е й

Ты что — мне любовь запрещаешь? Сама вот со своим Митькой путаешься, а я, значит, предмет неодушевленный?

Д м и т р и й
(поднимается и подходит вплотную к Алексею)

Извинись!

А л е к с е й

Ишь ты! Извинись... Интеллигент какой!

Д м и т р и й
(настойчиво)

Извинись!

П а ш а
(становится впереди Дмитрия)

Отойди. Бить его буду я!

А л е к с е й

Женщина для меня — священное животное. Бей!

П а ш а
(растерялась)

Эх ты!..

Входят Н и к о л а й, С и м а и д р у г и е р е б я т а.

Николай

Что за шум, пальба и крики,
И эскадра на Неве?

Алексей

Да вот... бить меня хотят.

Николай

За что?

Паша

Следует.

Сима

Я вам всегда говорила: «Бойтесь этого человека!»

Николай

Не надо преувеличивать. Трудный человек. Значит, надо его больше воспитывать.

Алексей

Все воспитываете, воспитываете, а жить когда? Я пойду.

Дмитрий

Нет, не пойдешь, пока не извинишься.

Алексей

Перед кем? Перед тобой?

Дмитрий

Нет. Перед женщиной.

Алексей

Женщина! Преклоняю пред тобой колено.

(Становится на колено. Дмитрию.)

А ты что, очкарь, меня вежливости учишь? Ты что, пенсне носишь и думаешь — ты интеллигент? Плевал я на твои пенсне!

(Срывает с Дмитрия пенсне, швыряет на землю и давит каблуком.)

Вот они — твои пенсне!

Все потрясены. И вдруг Николай наносит Алексею сокрушительный удар в подбородок. Алексей падает.

Николай

Лежать! *(И через несколько секунд.)* Уйди!

Алексей поднимается и хочет броситься на Николая, но комсомольцы со сжатыми кулаками заслонили его.
Вбегает Катя.

Катя

Не бейте его! Не бейте! Он же сейчас не в себе... Понимаете?..

Алексей

Уйду... Вы меня еще попомните! *(Уходит.)*

Николай

Хорош у вас парторг! Мордобоем занимается. Здорово мне нагорит, друзья мои.

Петр

А вы ошибаетесь. Это не вы, это я ударил. Я — драчун известный.

Прохор

Клевета! Это я ударил.

Паша

Неправда! Это его баба стукнула.

Сима

И эта баба — я!

Петр

Бил я!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Комната в саманной избушке. В постели — заболевший Н и к о л а й.

Н и к о л а й

Я так хочу, друзей своих собрав,
Решить простой вопрос — я прав или не прав?
Всё так. А может быть, не так?
Я поступил, наверно, сгоряча,
И влепит мне в райкоме строгача
Какой-нибудь ответственный чудак.
Дисциплинированный шел я в бой,
Общественностью был я уважаем,
И вдруг — мальчишка, драка, мордобой...
Нехорошо, парторг, не одобряем!

В дверь осторожно заглядывает П р о х о р. Он тихо произносит:

Николай Викторович!

Н и к о л а й

Это ты, Прохор?

П р о х о р

Я.

Николай

Заходи.

Прохор

Я не один. Нас целая банда.

Николай

Заходите всей бандой.

Вслед за Прохором входят Петр и Катя. В руках у Кати большой сноп. Все почему-то ходят на цыпочках.

Катя
(тихо)

Мы вам букет принесли.

Николай

Вы что, простудились все? Говорите нормально.

Петр
(громче, чем следует)

Мы вам букет принесли.

Николай

Спасибо.

Прохор

Правда, букетик еще зеленый. Еще не расцвел.

Петр

Мы торопились. Мы вас поскорей хотели обрадовать.

Николай
(восхищаясь колосьями)

Значит, было для чего приезжать на Алтай?

Петр

Было. То ли еще будет!

Николай

Ребята! Стащите меня с постели и толкните в поле.

Петр

Погодим. Вы, пока больны, будете идейное руководство. А когда выздоровеете, пойдете на практику.

Николай

Ребята! Вы прелесть. Вот лежал я тут — одинокий, брюзжащий старик, и как будто после жестокой зимы весна появилась. Свет! Полный свет!

Катя зажигает верхний свет. Входит Антон.

Антон

Здравствуйте, товарищи!

Ребята

Здравствуйте!

Николай

Значит, Катя, я нарушил устав?

Катя

Нарушили.

Николай

Знаю, что нарушил.

Петр

Нарушили, нарушили... Вместо одного раза надо было два раза стукнуть.

Прохор

Значит, план выполнили только на пятьдесят процентов.

Антон

Стало быть, вы считаете, что Алексею мало дали? Это и есть ваши комсомольские традиции?

Прохор

А вы помните случай у Макаренко в «Педагогической поэме»?

Антон

Это был единичный случай.

Прохор

А у товарища парторга это тоже случается не ежедневно.

Петр

Удар кулаком иногда необходим человеку, как дождь потрескавшейся земле.

Антон

Не думаю, не знаю... В наше время мы шли к своей цели — голодные, босые, но всё шли, неуклонно шли... А вам все подавай на блюде!

Прохор

На моем блюде сегодня была только манная каша, и то в небольшом количестве.

Петр

Тигров соломой кормят.

Катя

Ты меня очень баловал, помнишь? А я ушла. Одна. Без тебя. Потому что для того, чтобы что-то найти, надо что-то покинуть. И мы всё покинули, чтобы найти.

Петр

И нашли много хорошего.

Катя

Много хорошего. Но не всё. Ты всегда говоришь о традициях. Ты думаешь, что только после тебя останутся традиции, а после нас не останутся. Ты в степи был? Это уже не степь. Это — поле. Разве это не традиция?

Петр

А то, что вы произвели физическое действие, товарищ парторг, это, может быть, ваш лучший поступок за последнее время.

Шум подъезжающей машины. Входят Бекперген, Дмитрий, Паша и Сима.

Бекперген

Ну как, не умер?

Николай

Жив пока.

Бекперген

То-то же! А то у меня в строю все меньше друзей остается. Рассказывать?

Николай

Рассказывай.

Бекперген

Думаешь, я в Рубцовск за запасными частями ездил? Мне бы их все равно прислали. Я из-за тебя, проклятый, ездил.

Петр
(беспокойно)

Ну и как?

Бекперген

Сейчас я вам расскажу — как. Вы думаете, что я с каким-нибудь сморчком беседовал? Я с ответственным товарищем беседовал. Это была схватка двух тигров. Ты присутствовал, Дмитрий?

Дмитрий

Присутствовал.

Бекперген

Давай это лучше в лицах покажем. Устроим спектакль. Ты присутствовал, Дмитрий?

Дмитрий

Присутствовал.

Бекперген

Так вот — ты ответственный товарищ, а я — бедный Бекперген из недоделанного совхоза. Сделай страшные глаза!

Дмитрий делает «страшные» глаза.

Достаточно. Кричи на меня!

Дмитрий

Я забыл — вы с ним на «вы» или на «ты»?

Бекперген

На «ты».

Дмитрий
(наступает на Бекпергена)

Ты это что? Боксерский ринг устраиваешь или совхоз строишь? Когда прекратятся эти драки?

Бекперген
(ко всем)

Сейчас я ему отвечу... Когда исчезнут люди, тогда прекратятся драки.

Петр
(восторженно)

Правильно.

Бекперген
(продолжая игру)

Хочешь, я тебе вместо совхоза кладбище сооружу? Ни одной драки не будет.

Дмитрий

Послушай, Бекперген. Я, ты сам знаешь, ответственный товарищ. Как мне поступить с этим твоим парторгом?

Бекперген

Выдать ему еще пару кулаков. В запас.

Дмитрий

Ладно, ладно... Ты обедал?

Николай

Обедал.

Дмитрий

Это я не вам, а ему.

Бекперген

Какой там к черту обедал, если ты у меня лучших коммунистов отнимаешь! В общем, мы пошли к нему обедать. У него — жена. Теперь, Дмитрий, ты мне не нужен. Паша!

Паша

Что я должна делать?

Бекперген

Ты вместо «Бекпергéн» должна говорить «Бекпéрген».

Паша

И все?

Бекперген

Всё.

Паша

Садитесь, товарищ Бекпéрген. Откушайте.

Бекперген

Я — Бекпергéн.

П а ш а

Извините, товарищ Бекпе́рген.

Б е к п е р г е н
(яростно)

Я — Бекпергéн! Вы что — издеваетесь над национальностью?

П а ш а

Что вы! Что вы! Откушайте грибочков, товарищ Бекпе́рген.

Б е к п е р г е н

Будь ты проклята! Я тебя через десять минут убью.

П а ш а

Долго ждать, товарищ Бекпе́рген.

Б е к п е р г е н

Сокращу сроки... Вот так мы беседовали. Я, конечно, плотно пообедал. Во мне уже содержание начало превышать форму. Меня мой друг — ответственный товарищ Иван Иванович Иванов (очень оригинальная фамилия) — усадил на самолет, называется «уточка». Сейчас, кажется, иначе называется. Вы когда-нибудь видели летящего ангела? Это был я. Сидишь в небе, как на стуле. Доклад делаешь. Птицам.

П а ш а

И они слушали, товарищ Бекпе́рген?

Б е к п е р г е н

Уйди от меня. Ты мне противна...

П а ш а

Больше не буду, товарищ Бекпéрген.

Б е к п е р г е н

Будь ты трижды проклята, я от тебя с ума сойду. Пощади.

Н и к о л а й

Ну, довольно шутить. Скажи, как будет выглядеть мой партбилет?

Б е к п е р г е н

Трудно работать, когда у тебя парторг — ребенок. Ты же видишь, что я веселый приехал. Твой партбилет останется таким же чистым и незапятнанным, каким ты пронес его все эти тридцать пять лет.

Все окружают Николая и поздравляют его.

А теперь — разошлись. Человек болен, предоставим ему покой.

Все расходятся. Сима задерживается.

Н и к о л а й

А ты почему не ушла, девочка?

С и м а

Мне с вами поговорить надо.

Н и к о л а й

О чем?

С и м а

По делу... и не по делу.

Николай

Что ж, давай сначала по делу.

Сима
(не сразу)

Вот, помните, весной на вспашке у меня была неприятность?

Николай

Как же! Ты учла Аркадию сто десять гектаров, а там было всего сто.

Сима

Я не нарочно.

Николай

Понимаю. Опыта не было. Ты была первый раз на вспашке.

Сима

А теперь я впервые на уборочной. Тоже опыта нет.

Николай

Приобретешь опыт. Поможем.

Сима

Вот я к вам и пришла за этим.

Николай

В этом деле я тебе не очень помогу. Тебе скорее поможет наш старший агроном...

Сима

Его что-то не видно.

Николай

Завтра приедет. Еще какие дела?

Сима

Вот возле будущей школы домик достраивается. Надо Петру дать комнату. Он очень устает, гоняясь за Клавой.

Николай

Хорошо. Поженим. Дадим комнату. Еще какие дела?

Сима

Нет больше дел.

Николай

Тогда будем говорить не по делу.

Сима молчит.

Что же ты в рот воды набрала? Говори.

Сима

Поверьте, мне так тяжело объясняться.
Но вот я решилась на всё. Так и быть!
Могли бы вы, скажем, если вам двадцать,
Женщину лет в сорок пять полюбить?

Николай
(изумлен)

Проблема не очень-то легкая, скажем,
Я мир по-мальчишески понимал.
Я в двадцать и тридцатилетнюю даже
Достопочтенной старухой считал.

С и м а

Так, значит, никак, никак не могли бы?

Н и к о л а й

Девочка! Что происходит с тобой?
Давит какая-то тяжкая глыба?
Сердечко твое дает перебой?

С и м а

Почему так интересуются люди:
Ты молод еще или ты староват?
Когда я люблю, пусть любимому будет
Не пятьдесят, а сто пятьдесят!

Н и к о л а й

Тебе не покажется он стариком?

С и м а

Я вижу его! Он живет, не старея,
В любой благородством наполненный час.
Мечтаю: к нему бы, к нему бы скорее!

Н и к о л а й

Кого же ты любишь, несчастная?

С и м а

Вас!

Н и к о л а й
(приподнявшись)

За что же?

Сима

За все! За ушедшую юность,
За ночи войны, где не видно ни зги,
За то, что сидели вы, пригорюнясь,
Когда вашу Лиду убили враги.
Я на нее ведь похожа?

Николай

Похожа.
И все мы похожи. Мне их не забыть —
Похожих и непохожих.

Сима

Так что же
Мешает меня, как ее, полюбить?

Николай

Мой паспорт. Рожденья четвертого года.
К покою уже призывает природа.

Сима

Так паспорт — он для прописки всего лишь!
В кого ты влюблен и кого обездолишь,
Не сказано в нем. В нем написано проще:
Что вы проживаете в Марьиной роще,
С такого-то года живете в Москве...
Позвольте погладить вас по голове.

Николай молчит. Сима робко гладит его по голове.

Николай

О, как повторения прошлого хочется!
Неужто, весеннего солнца нежней,
Тридцатилетнее одиночество

Ты озаришь любовью своей?
Нет, я недостоин этого чуда!

Сима

Достойны! Я тоже достойною буду!

Николай

Девочка милая! Доченька! Внучка!
Выкинь все это из головы!
В жизненном опыте ты недоучка,
Цветок, что поднялся чуть выше травы.
А я уже дерево старое-старое,
И юность моя миновала давно.
У окон любимой стоять мне с гитарою,
Не правда ли, было бы очень смешно?
Совсем уже немощным буду я вскорости...
Ты разум на помощь себе позови,
Тогда ты поймешь, что все твои горести
Продиктовала потребность любви!
Любовь же сама предстоит еще, милая,
Такая, что и представить нельзя!
Она налетит с ураганною силою,
С ног опрокинет, закроет глаза...

Сима
(перебивает его)

Я все понимаю, Николай Викторович! Все, все понимаю! Ничего не будет. Тогда разрешите мне просто рассказать вам, почему я вас люблю.

Николай

Говори, девочка.

Сима

Знакомиться мне приходилось не раз,
То кто-то знакомил, то сталкивал случай.
Хороших людей немало у нас...
Вы — лучше!
И пусть я немножко как будто проста —
Друзья мои благородством не нищи,
И главное качество их — чистота...
Вы — чище!
Я ведь не в состоянье скучать,
Я делаю все, чтобы жить веселее,
Чтоб сверстников светлые взгляды
встречать...
Вы — светлее!

Николай

Девочка, милая! Я просто не знаю, как себя с тобой вести...

Сима

Никак.

Николай

Может, поговорим по делу?

Сима

Не сейчас. Всё... Ухожу.

Николай

Что тебе, Симочка, сказать на прощанье?

Сима

Скажите «до свиданья»!

Николай

До свиданья, Сима!

Сима

До свиданья!

(Уходит.)

Николай остается один.

Николай

Я с юностью уже давно в разлуке,
Увы, увы, года уже не те,
Но все еще протягиваю руки
К заманчивой, несбыточной мечте.
Ну ладно, сердце! Хватит! Урезонься!
Твоя пора горячая прошла.
Спасибо хоть за то, что греет солнце
Пусть небольшим количеством тепла!
Дух молодости годы не развеют.
Пусть становлюсь я с каждым днем старей,
Как юность, солнце далеко, а греет
Два миллиарда на земле людей.

(Ложится. Поворачивается лицом к стене.)

На пороге Алексей. Он стоит мрачно, с сжатыми кулаками.

Это ты, Алексей?

Алексей
(глухо)

Я.

Николай

Я знал, что ты придешь. Мстить пришел?

Алексей

Именно.

Николай

Оружие есть?

Алексей

Кулаки есть.

Николай

У меня тоже есть кулаки. Ты уже убедился в этом.

Алексей

Мои кулаки сильнее.

Они одновременно бросаются к ночному столику. Николай овладел ножом.

Николай
(протягивает Алексею нож)

Возьми!
(Он хладнокровно ложится спиной к Алексею.)

Алексей

Повернулись бы, Николай Викторович!

Николай

Подождешь.

Алексей

Смелый! Небось револьвер под подушкой спрятан.

Николай

Под подушкой — нет, а в столике есть.
(Он вынимает из ночного столика пистолет.)

Алексей
(наклонился и читает на металлической дощечке)

«Верному солдату мировой революции. К. Ворошилов». Именной?

Николай

Именпой. Ты что думаешь — Врангеля не боялся, Гитлера не боялся, а тебя испугаюсь? Возьми!

Алексей берет пистолет.

Стрелять умеешь?

Алексей

Никогда не стрелял.

Николай

Значит, убить не умеешь, просто шуметь хочется?

Алексей

Хочется.

Николай

Шуми. Сними предохранитель. Он с левой стороны.

Алексей не знает, как обращаться с пистолетом. Нечаянный выстрел. Алексей от испуга падает. За дверью — шум. Вбегают комсомольцы.

Комсомольцы

— Что случилось?
— Кто стрелял?
— Этот негодяй опять здесь?

Николай

Ничего страшного, друзья. Просто мы с Алексеем блатные песни разучивали. Под аккомпанемент выстрелов. Гитара с тобой?

Алексей

За дверью.

Кто-то приносит гитару.

Николай

Как там у тебя: «И мне квитанции не надо ни на что»? Так?

Алексей

Так.

Николай

Моя песня не хуже. Ребята! Я дам знак, а вы повторяйте припев.

Прохор

Есть повторять припев!

Николай
(поет)

Печально я встретил сегодня рассвет,
Я сразу проснулся от горя.
На палубу вышел, а палубы нет,
Ни чаек, ни неба, ни моря.

Навек попрощался с домашней мечтой,
Лежит предо мною дорога...
Ты думаешь — я совершенно пустой?
Во мне содержания много!

Костюмчика даже я не приобрел,
Лишь много неправды и фальши,
А жизнь улетает, как старый орел,
Все дальше, и дальше, и дальше...

Последние строки он поет очень грустно. Комсомольцы подхватывают:

А жизнь улетает, как старый орел,
Все дальше, и дальше, и дальше...

Николай

Все, что ты делаешь, Алексей, я легко и свободно могу делать. А вот то, что мы делаем, ты делать не можешь.

Алексей
(покорно)

Не могу.

Паша

Научись!

Прохор

Научись!

Петр

Научись!

Катя

Ты научишься, Алеша!

Алексей

Я научусь! Только не требуйте, чтобы я давал торжественные обещания... Я не пионер.
(Он накрылся гитарой и заплакал.)

Николай

Слезы — это для маленьких. Спасибо тебе, Алексей. Я сразу выздоровел. Знаешь, Северо-Западный фронт, болота, гниль всякая... Дайте мне мои доспехи!

Ему подают пиджак. Входят Бекперген и Антон. Они, вопреки обстоятельствам, настроены очень весело.

Бекперген

Оказывается, пока меня тут не было, в совхозе открыли тир.

Антон

Безобразие! Тир должен был открывать я. Человек военный. Ты что смотрел, Николай?

Николай
(указывает на Алексея)

Молодежь, что с ней поделаешь!

Бекперген

Убитых нет? Тогда в обстоятельства не вникаю.

Антон

Вы знаете — у меня такое впечатление, что я живу уже третью жизнь. И все время выстрелы.

Бекперген

А мне кажется, что я вступаю в четвертый период своей жизни. Выстрелов больше не будет?

Антон

Попадание точное?

Николай

Точное попадание.

Алексей

В меня точное попадание.

Антон

Ты довольно большая мишень, но попасть в яблочко все равно трудно.

Катя

Сейчас ты опять начнешь говорить о традициях. Почему вы все не можете смотреть в будущее?

Бекперген

Это я не могу смотреть в будущее? Это вы не умеете. Вы что думаете — что я всю жизнь и читаю что инструкции из центра? Вы знаете, что я сейчас читаю? Сказки! Да, да, сказки... Русские, казахские... И для меня каждая сказка — не рассказ о прошлом, а рассказ о будущем. Но нельзя сразу перескочить через огромную лестницу, которая называется будущим. Надо терпеливо и настойчиво идти по ступеням. Каждая ступенька — год. Показать вам следующую ступеньку?

Голоса

Покажите!

Бекперген

Показать вам в торжественном плане или с доброй улыбкой?

Николай

С доброй улыбкой.

Бекперген

Таня! Очень прошу тебя — пой, пока мы идем в ближайшее будущее.

Все

Таня! Пой!

Таня выходит вперед.

Бекперген

Пошли, товарищи!

Все переходят на просцениум, и за ними закрывается занавес. Бекперген изредка заглядывает за занавес — можно ли уже показать ближайшее будущее. Таня поет, и все подхватывают рефрен.

Таня

По высоким ступеням вперед!
Наша лестница к солнцу ведет.
И чем дальше, чем выше ступень,
Тем светлее наш завтрашний день!
С нами юность на шаре земном,
Завтра мы до вселенной дойдем!
Значит, только вперед и вперед —
Наша лестница к солнцу ведет!

За занавесом слышится плач ребенка.

Бекперген
(разливает вино)

Итак, друзья, за жизнь!

Антон

За наше настоящее!

Николай

За наше будущее!

Бекперген

Пошли, товарищи!

Сима

Куда?

Бекперген

В будущее, товарищи, в будущее!

Сима

А это далеко?

Николай

Пойдем посмотрим.

Раскрывается занавес. На указателе: «Родильный дом имени Клары Цеткин». Из дома выходят Паша с Дмитрием. Паша несет на руках новорожденного. Паша поет колыбельную. Дмитрий вмешивается в припев.

Паша

Ты пока еще пищишь, мой милый,
Но, активно продолжая жить,
Может быть, с необычайной силой
Будешь речи ты произносить.
Баюшки, баю-бай-бай!

Соберутся люди в темном зале,
Ты на них с любовью посмотри,
Говори, чтоб люди понимали,
А иначе и не говори.
Баюшки, баю-бай-бай!

Полюби товарища, как брата,
Без любви ведь смысла в жизни нет...
Спи же, спи, усни, родной оратор
Будущих семидесятых лет.
Баюшки, баю-бай-бай!

Все окружают молодых родителей: «С новым счастьем!»
Таня выступает вперед и поет:

Новый мир создают наши руки,
Комсомольский огонь не погас...
С новым счастьем, и дети и внуки!
С новым счастьем, товарищи, вас!

Занавес

1956

ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ

СОВРЕМЕННАЯ ФАНТАЗИЯ В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ ПО МОТИВАМ КАРЛО ГОЦЦИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Учитель физики, он же маг Челио.
Учитель физкультуры, он же Труффальдино.
Сильвио — король королевства Треф.
Тарталья — принц, сын его.
Коля, он же Панталоне.
Три апельсина, они же девушки-принцессы — дочери Конкула, короля антиподов. Первая девушка — Свобода, вторая девушка — Верность, третья девушка — Любовь (Нинетта).
Смеральдина — арапка-служанка.
Клариче — принцесса, племянница короля.
Леандро — валет Треф, первый министр.
Моргана — злая фея.
Комендант.
Дворецкий.
Дьявол с мехами.
Креонта — великанша-волшебница.
Собака.
Школьники.

Действие происходит в советской школе и в сказочном королевстве Треф.

ПРОЛОГ

Школа. Физический кабинет, оборудованный новейшими приборами. Комендант убирает что-то в один из шкафов. Только что кончился урок физкультуры. Вбегают школьники в спортивных костюмах, и за ними входит учитель физкультуры.

Школьники:

— А все-таки на кольцах я лучше всех поработал.

— А на брусьях — я.

— Нет, я!

— Ты — на брусьях! Ой, девочки, вы слышали? Умереть можно. Он — на брусьях! Чуточку лучше, чем бегемот...

— И намного хуже верблюда.

— Смотри, смотри — проснулся. Всю физкультуру проспал.

— Летаргическим сном.

— Каким?

— Крепким. Многодневным.

Учитель физкультуры. Тише, ребята! Сейчас я пойду и приглашу вашего нового учителя физики. *(Уходит.)*

Комендант. Ничего на столе не трогайте. Ни к чему не прикасайтесь. Новенький физический кабинет. Беречь надо. И учитель новый. Сейчас придет. И урок первый. Фи-зи-ка!

Школьники
(окружая коменданта):

— А сейчас, Федор Гаврилович, вы нам прикажете вести себя прилично...

— Культурно...

— Как подобает будущим культурным людям...

— Соблюдать дисциплину...

— Никому не мешать...

— Уважать старших...

— Сейчас, Федор Гаврилович, вы нам прикажете вести себя кор... кор... *(С трудом справляется с иностранным словом.)* Кор-ректно.

Комендант. Со мной-то ладно, вы как-нибудь справитесь, а вот как новый учитель на ваше поведение посмотрит.

Один из школьников. А мне все равно, что старый, что новый учитель. Все они одинаковы.

Комендант. «Одинаковы», «не одинаковы»... *(Строго.)* Учитель есть учитель. *(Уходит, и тут же обнаруживается, что за его спиной уже кто-то успел нарисовать на доске смешного бородатого человечка и сделать надпись: «Наш новый учитель».)*

Одна из школьниц. А кто это ему еще стул мелом вымазал? Ужас какой! *(Бросается к стулу, но... поздно. Учитель уже давно в классе. Он был свидетелем сцены с комендантом.)*

Учитель физики. Здравствуйте, дети!

Все *(встают)*. Здравствуйте!

Учитель физики. Вы не учли одного обстоятельства, ребята. Дело в том, что я на уроках никогда не сижу. На уроках я всегда хожу. Но если это действительно смешно — видеть своего учителя в жалком

положении, — то я могу и присесть. *(Делает движение по направлению к стулу.)*

Школьники *(вскакивают и загораживают ему дорогу)*. Нет-нет! Не смешно!.. Нисколько не смешно!

Учитель физики. Я очень благодарен вам, мои молодые друзья, за хорошее отношение ко мне. И постараюсь сделать так, чтобы вам со мной было весело и интересно. Итак, сегодня мы начинаем наш первый урок физики. Кстати, девочка, на уроках читать неприлично.

Школьница. А сейчас большая перемена.

Учитель физики. Значит, я пришел раньше времени. Ну тогда читай! *(Подходит к девочке и смотрит, какую она читает книгу.)*

Входит учитель физкультуры. Его не замечают.

Карло Гоцци. «Любовь к трем апельсинам». Интересная сказка.

Школьники:

— Ничего там нет интересного.
— Никакого смысла.
— Какие-то принцы.
— Король Треф.
— Если б про футбол!
— Или про космонавтов!
— Сплошное садоводство эти апельсины!

Учитель физики. Значит, вы не любите сказок?

Школьники:

— Сказки-то мы любим...
— Мы уже не маленькие.
— Мы любим физику, а не сказки.

Учитель физики. А ведь физика — это самая современная и самая чудесная сказка. Я вам докажу, что физика и сказка — две родные сестры. Сейчас, пока у нас большая перемена, давайте пофантазируем и вместе пойдем в сказку.

Голос. А как мы туда перенесемся?

Учитель физики. Для физики время и пространство — не препятствие. Для физики нет ничего невозможного.

Учитель физкультуры. Ну вот вы и познакомились, Петр Степанович!

Учитель физики. Я надеюсь, вы нас в этой сложной ситуации не покинете. Нам очень пригодится ваша сила, ловкость и находчивость. В сказке без этого нельзя.

Учитель физкультуры. Согласен. В сказках добрым силам приходится встречаться со злом. Борьба эта очень трудная, и я, конечно, не покину вас в этом опасном путешествии.

Комендант *(входя)*. Товарищ физик, разрешите и мне принять участие в сказке. Бывший гвардии сержант Федор Гаврилович Попов.

Учитель физики. Прекрасно. Вы человек дисциплинированный, порядок знаете. Итак, как вы помните, сказка «Любовь к трем апельсинам» начинается с того, что в своем дворце король Треф... Ах да, кто же будет королем? Ты, мальчик.

Школьник. Ура! Я — король!

Учитель физики. Вот тебе знак королевской власти. *(Протягивает ему палочку от электрофонной машины, что-то шепчет мальчику на ухо, тот, утвердительно кивнув, уходит.)*

Учитель физкультуры. А Коля у нас будет советником короля — Панталоне.

Коля. Кем-кем?

Учитель физики. Панталоне.

Коля. Ни за что! Не буду я носить такую ужасную фамилию. Я скорее умру. Меня ведь с такой фамилией все мальчишки и девчонки засмеют.

Школьница. Если не хочешь быть Панталоне, называйся Брючкин.

Учитель физкультуры. Ничего не поделаешь, Коля, мы не имеем права менять эту фамилию. Не мы написали сказку. Придется тебе потерпеть. Пожертвуй собой во имя коллектива.

Коля *(вытирает слезы)*. Хорошо. Пожертвую.

Учитель физики. Но в старину все королевские советники носили большие портфели. Вот тебе портфель. *(Вручает ему портфель.)*

Коля *(открывает его и вынимает огромную бороду)*. Ой!

Учитель что-то шепнул ему, и Панталоне пошел вслед за королем.

Чей-то язвительный голос

(вслед ему):

— Хорошо веселым тучкам
Плыть по небосклону...
Ай да Брючкин, ай да Брючкин,
Бывший Панталоне!

Школьница. А я кем буду?

Другая школьница. А ты будешь коварной принцессой Клариче. Мы твой характер знаем.

Школьница. Еще неизвестно, какой у тебя характер!

Учитель физики. А вот в сказке все ваши характеры и выявятся... Может быть, вам двоим даже придется подружиться... Ты будешь первым министром

короля и первым Клариче другом — Леандро. Вам всем придется любить, ненавидеть, волноваться...

Школьник. Волноваться? А я не хочу. Можно мне не участвовать?

Учитель физики. Вот ты и будешь принцем Тартальей. В первой сцене участвуют Панталоне и король Треф. Правда, у нас нет дворца, но мы возьмем строение молекулы. А вот из этих магнитов мы сделаем арки. А это будет сторожевая башня. Итак, дворец готов! Включаю приборы. Сказка начинается.

Темнеет. Включаются приборы, мелькают огоньки, вращается электрофонная машина, звучит музыка. Занавес закрывается. На авансцену выходит учитель физики.

Учитель физики

Наденем забавные маски,
Нас время веселое ждет...
Друзья! Итальянская сказка
Сегодня к нам в гости придет.
Мы все ее ласково встретим,
Мы скажем ей: «Сказка, взгляни —
Ты видишь, как русские дети
Всем детям на свете сродни».
Вам, рыцарям лучших отметок,
Как добрый учитель, я рад
Помочь фантазировать этак
На годиков двести назад!
Ах, как это все интересно!
Мы вместе на сцену пойдем,
Споем итальянские песни
И русские песни споем.

И тут кончается пролог и начинается современная фантазия по мотивам Гоцци.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ВО ДВОРЦЕ

Король, Панталоне, затем Леандро и Клариче.
Монарх рыдает в голос. Он рыдает, как тысяча вдов.
А Панталоне невозмутим.

Король

О, если бы ты понял, Панталоне,
Несчастие, постигшее меня!
Таких несчастий не было на свете.
Единственный мой сын — наследный принц
Тарталья —
Уж десять лет неизлечимо болен.
Леченье доктора́ считают бесполезным.
(Опять зарыдал.)

Панталоне

Что доктора! Не верьте им, король!
Ценнее золото им нашего здоровья.
Лечить они не могут. Умертвлять
Они способны. Доктор для меня
Что ангел смерти. И к больному он
Пусть приезжает прямо в катафалке.
Лишь знахари секрет болезней знают,

Вы им должны довериться вполне.
Рецепт они лишь могут приготовить.
Есть у меня один знакомый знахарь,
И вот какой он сочинил рецепт.
Сварить на медленном огне лягушку,
Червей десяток кинуть в кипяток
И двести грамм подсолнечного масла.
И уверяю вас: любой больной
Микстуры этой выпьет хоть стакан —
И станет всех здоровых здоровее.

Король

И знахарей я звал, и докторов,
Всё бесполезно. Доктора считают,
Что если их больной не засмеется,
То скоро видеть мне его в гробу.
Смех — первый признак исцеленья.
Я стар уже, а сын мой умирает.
Останусь я с племянницей своею,
С принцессою Клариче. Ей
Достанется все это королевство,
Она жестока, своевольна, зла —
Как не жалеть мне подданных моих.

(Снова рыдает. Он рыдает почти в каждой сцене, в которой присутствует.)

Панталоне

Вот мой вам дружеский совет:
Вы объявите празднества везде,
Пусть всюду будут игры, маскарады.
И поручите это Труффальдино —
Он мастер опытный в искусстве смеха,
И принц ему как будто доверяет.

И, может быть, Тарталья засмеется
И выздороветь сможет в краткий срок.

Король

О Панталоне, я с тобой согласен.
Распоряжусь об этом непременно.

Входит Леандро.

Панталоне

Большой министру первому привет!
Я низко кланяюсь вам, господин Леандро!
(В сторону.)
Все чудится мне, что предатель он,
И кажется, что я не ошибаюсь.

Король

Леандро! Отдаю тебе приказ.
Ты должен сделать так, чтоб королевство
Отныне неустанно веселилось,
Чтоб царствовали празднества и игры,
Чтоб фейерверки затмевали солнце...
(Снова всхлипнул.)
О бедный, бедный сын мой, мой Тарталья!
Тому, кто сможет рассмешить его,
Без сожаленья я отдам полцарства...
И двух породистых собак в придачу.

Леандро

Мой милостивый, светлый государь!
Я, к сожаленью, мнения другого.
Я думаю, что празднества чужие
Больному могут только повредить.

Панталоне

Король! Испробовать все средства надо.
И я вполне, вполне согласен с вами —
Испробовать и это средство надо.
Быть может, в нем спасенье для Тартальи.

Король
(Леандро)

Когда б ты был, допустим, королем,
То я б тебе послушно подчинялся.
Но ведь не ты, покуда я король.
Изволь мои приказы выполнять.
(Уходит.)

Панталоне
(торжествующе в зрительный зал)

По-моему, Леандро жаждет смерти
Тартальи. Но не тут-то было,
Я этого вовек не допущу!
Я, как и вы, поверьте мне, ребята,
Зло ненавижу. Победит добро!
И гнев великий первого министра
Меня не устрашит. Быть в курсе
Всех интриг я не смогу, конечно,
Но я на вас, товарищи, надеюсь,
Вы в случае чего предупредите.
(Уходит вслед за королем.)

Леандро

Признаться надо вам, что я смущен.
Противодействие я вижу, но причин,
Как ни стараюсь, не пойму никак.

Входит Клариче.

Приветствую тебя, моя Клариче!

Клариче

Привет тебе, ничтожество Леандро!
Ты кто? Ты крыса, жаба, скорпион!
Тебе я выйти замуж обещала
И возвести на золотой престол,
Коль я наследую все это королевство.
Для этого нужна всего лишь смерть
Двоюродного брата моего.
А ты что сделал? Выжидаешь смерти
Естественной его? Да мы умрем скорее,
Чем он! Чтоб этого не произошло,
Нам надо быть активными! Понятно?

Леандро

Ты не права, мой друг. Я был у феи
Морганы. Мы давно уж дружим с ней.
Она дала мне верную отраву.
Ее необходимо в хлеб запечь,
И принц умрет значительно скорее.

Клариче

Скорее? Нет! О бегемот! О африканский
Крокодил! О шелудивый пес!
Придумал что! «Скорее»! Ха-ха-ха!
Немедленно он должен умереть!

Леандро

Сюда прибудет некий Труффальдино.
Маг Челио его прислал сюда.
Маг Челио! Он дикий враг Морганы.

На лице Клариче выражение ужаса.

Сюда прибудет некий Труффальдино,
Чтоб принца рассмешить и всю его семью.

Клариче

Хороший «некий»! Это... Труффальдино!
Пойми, болван,— я видела его.
Пойми, он так смешон, что даже я,
Я — не девчонка и не хохотушка —
Каталась по полу от смеха. Он
Кого угодно рассмешить сумеет.
Принц выздоровеет. Что же будет с нами?
(Задумалась.)

Леандро отходит в сторону.

И что ты посоветуешь, Леандро?

Леандро
(не сразу)

Есть выход!

Клариче

А какой?

Леандро

Совсем простой.
Мы до того, как принца отравить,
Без сожаления отравим Труффальдино.

Клариче

Какими средствами? Учти, мой друг,
Что Труффальдино — всех людей любимец,
И если нас в убийстве обвинят,
То, знаешь, по головке не погладят.

Леандро

Цианистый есть калий, опий есть.
Да мало ли на свете есть отравы,
Что убивает тихо, незаметно...

Клариче

О, как ты глуп! Не надо чушь пороть.
В тебе понятья нет о Труффальдино.
Он может есть паркет, известку, гвозди,
Он съест гранита целую скалу —
И ничего ему от этого не будет.
Он выпил валерьянки два ведра,
И хоть бы что! Любой сильнейший яд
Он пьет, как газированную воду.
Ему, наверное, с рожденья выдал бог
Желудок из нержавеющей стали.

Леандро

Я это все сказал на всякий случай.
Есть колдовство, что действует верней.
Моргану я вчера предупредил,
Что здесь давно уж празднества готовят
Для развлеченья принца, чтобы он
Захохотал и стал вполне нормальным.
И вот она мне твердо обещала,
Что явится сама на этот праздник
И смеху принца противопоставит
Проклятие свое. Тут помощь бесполезна.
Проклятие сведет в могилу принца.

Клариче

Убеждена я в колдовстве Морганы.
Ее проклятие сильней любого яда.
И мы еще посмотрим, чья возьмет!

Леандро

И мы еще посмотрим, чья возьмет!

Уходят.

В КОРОЛЕВСКИХ ПОКОЯХ

Король, Панталоне, дворецкий, позже Труффальдино и Тарталья.

Король и Панталоне плачут. Перед ними — дворецкий. Он примерно в два раза выше короля. Вступает музыка.

Король и Панталоне
(поют)

Мы слезы льем,
Мы слезы льем,
Они крупнее с каждым днем.
Где тот волшебник, что придет
И принца нашего спасет?

Король
(как всегда, хнычет)

Молю я бога днем и по ночам:
«Спасти Тарталью помоги врачам!»
О, как устал я, как я изнемог,
Хоть я король, меня не слышит бог!

Панталоне

О, как, король, хочу утешить вас.
Поверьте мне, спасенья близок час;
И засмеется принц, недолго ждать,
И весь народ вас будет поздравлять.

Король и Панталоне

Мы слезы льем,
Мы слезы льем,

Они крупнее с каждым днем.
Где тот волшебник, что придет
И принца нашего спасет?

Пение и музыка обрываются.

Король

О, где же, где же этот Труффальдино?
Мне кажется, я жду его сто лет!
И беспокойство все меня грызет —
А вдруг и он окажется бессилен?
Тогда мой сын умрет. И вместе с ним
Погибну я. Утешь меня, прошу.

Дворецкий

А как это смогу я вас утешить?
Я в жизни никого не утешал.

Король

Ну приласкай меня.

Дворецкий

А как это ласкают?
Я в жизни никого не приласкал.

Король

Погладь меня по голове.

Дворецкий

По всей?

Король

По всей.

Дворецкий

Обеими руками иль одной?

Король

Обеими.

Дворецкий

Я королю служу.

(Так сильно трет голову короля, что тот даже приподнимается от боли.)

Король

Не ласка — это смерть моя!
И ты с любимой так же поступаешь?

Дворецкий

Я в жизни никого не полюбил.

Появляется Труффальдино. Его внешность, костюм и грим — это дело фантазии художника.

Труффальдино

О, наконец я вижу двух влюбленных!

Король

Ты Труффальдино!

Труффальдино

Нет. Я — божья матерь,
И молятся все люди на меня.

Король

(с плачем бросается ему на шею)
О Труффальдино! Верный мой спаситель!
(Дворецкому.)
Пойди за принцем.

Дворецкий уходит.

Если бы ты знал,
Как жизнь моя меня отягощает!
Спаси меня! Пусть мой любимый сын
Опять обрадуется жизни, солнцу, звездам,
Пусть расцветает молодость его,
Пусть улыбнется он, пусть засмеется он!
О, как я буду счастлив, Труффальдино!
Мой бедный сын! Он болен, тяжко болен.
Заставь, прошу, Тарталью засмеяться,
И сразу выздоровеет он.
О, как болезнь измучила его!
Его сравнить бы можно со скелетом.

Труффальдино

Сравненье слишком мягко это,
Мне он напоминает трость
Иль даже псом обглоданную кость.

Король

Бедняжка! Он так сильно исхудал,
Что сквозь него просвечивают звезды.

Труффальдино

Я вижу, как проносятся вдали
Искусственные спутники Земли.

Входит дворецкий. Он ведет за руку принца. Это необыкновенно толстый мальчик.

Король

О сын мой дорогой! Пришло спасенье.

Тарталья

Спасенья нет и быть не может. Я
У ста тринадцати врачей лечился,
И я такие принимал лекарства,
Что дети всей Италии не пили.
Мне надоели все эти массажи,
Бесчисленные все эти уколы...
Я безнадежен. Надо умирать.
И чем я болен, так и не пойму.
И целый день я плачу, плачу, плачу...

Дворецкий
(в сторону)

Наследственное это. Слез папаши
Я выношу за сутки два ведра.

Труффальдино
(подходит к принцу и вынимает склянку)

А ну-ка плюнь!

Тарталья

Зачем?

Труффальдино

Необходим анализ.

Принц плюет в баночку, и Труффальдино тщательно через лупу рассматривает содержимое.

Анализ. Диагностикус. Симулянтус.

К о р о л ь
(испуганно)

Что-что?

Т р у ф ф а л ь д и н о

Латынь. Латынь вы не поймете.
Теперь ты сам, Тарталья, посмотри.
Ты видишь наверху скопленье пузырьков?

Т а р т а л ь я

Да, вижу, вижу. Что это такое?

Т р у ф ф а л ь д и н о
(видит, что принц чуточку заинтересовался, и решает поразить его неожиданностью)

Веснушки черта. Вот.

Т а р т а л ь я

Нет у чертей веснушек.

Т р у ф ф а л ь д и н о

Есть у чертей веснушки. Сам господь
Своим чертям на месяц аккуратно
По два кило веснушек выдает.

Т а р т а л ь я

Так много?

Т р у ф ф а л ь д и н о

Все равно им не хватает.
Веснушки черта — вот болезнь твоя.

Т а р т а л ь я

Плевать мне на чертей!

Труффальдино

Плевать — и то наука.

Король

Спаси его!

Труффальдино

Сейчас не выйдет ничего.
Вас только двое. Вдохновенья нет.
Народ мне нужен! Что я без народа?
Нужны мне сотни возбужденных лиц,
И тысячи горящих глаз,
И миллион расплывшихся улыбок!
(Берет Тарталью за руку.)
Идем к народу!

Тарталья
(отчаянно визжит)

Нет! Я не пойду!
Я видеть не могу людей! Я болен.

Труффальдино

Пойдешь!
(Тщетно пытается поднять его. Дворецкому.)
Неси его!

Тарталья

Не смей!
Я прикажу тебя немедленно казнить!

Дворецкий

Ослушаться я принца не осмелюсь.

Труффальдино

Сейчас я принц! И я король! И я господь!
Неси!

Дворецкий уносит сопротивляющегося и дико орущего принца.

Папаня! Все в порядке будет!

Занавес закрывается

ПЕРЕД ЗАКРЫТЫМ ЗАНАВЕСОМ

Леандро и Моргана в образе карикатурной старухи.

Леандро

Но как же ты прошла сквозь запертые двери?

Моргана

Моргана я! Я все, я все умею!
И что мне там какой-то Труффальдино!
Его всегда вкруг пальца обовью,
Что б ни было, а принца погублю!
Уж коли за него взялась Моргана,
Пускай заранее заказывает гроб.

Леандро

Существовало б государство зла,
Моргана, ты была б его царицей.

Моргана

Я все равно царица! Подчинен
Весь мир моей неодолимой власти.
Пусть попытается мне кто-нибудь перечить —

Был человек, а станет жалкой щепкой.
Земля и небо, трепещите! Я — Моргана!
Давай, Леандро, будем начинать.

Раскрывается занавес.

КОРОЛЕВСКИЙ ДВОР

Король, Тарталья, Клариче, Панталоне, Труффальдино, Моргана.

На балконе — король, Тарталья, закутанный в шубу, Клариче и Панталоне. Внизу веселится народ. Танцуют. Пляшут. Моргана скрывается где-то в толпе.

Песня

Пусть песня звучит и звучит без конца,
Пусть в танцах сотрутся сандалии,
И пусть расцветают все наши сердца,
Согретые солнцем Италии.

Мы веселы все, мы не знаем зимы,
Нам танцы необходимы...
Любимая есть, и уверены мы,
Что с нею рядом любимый.

Для общего танца сигнал прозвучал,
Мелькают счастливые лица,
Кружится сверкающий наш карнавал,
Кружится, кружится, кружится.

Мы веселы все, мы не знаем зимы,
Нам танцы необходимы...
Любимая есть, и уверены мы,
Что с нею рядом любимый.

Веселый говор.

Отдельные голоса:

— Подумайте — устроить два фонтана!
— В одном вино струей веселой брызжет...
— В другом бурлит оливковое масло...
— Как хорошо, что мы кувшины захватили...

В толпе презабавно вертится Труффальдино. Невозможно передать, что он проделывает. Вот он подходит к балкону. Музыка смолкает, а пары продолжают кружиться.

Труффальдино

Ну как? Еще не весело тебе?
Не улыбнулся ты?

Тарталья

Какие там улыбки!
Меня знобит, мне страшен свежий воздух.
Мне жить не хочется. Ты не старайся
Меня развлечь и рассмешить. Все бесполезно.
Дни сочтены мои.

Труффальдино

Не сочтены еще!
Зови меня безмозглым идиотом,
А хочешь — глупой жабой назови...
Зови меня раздавленной мокрицей,
Протухшим трупом старого шакала,
Вонючею гиеной назови,
Чем хочешь называй, но будь я проклят,
Скорее в ад пойду, чтоб лечь на сковородку,
Но засмеешься ты, будь трижды проклят я!

Моргана
(подходит к Труффальдино, тихо)

Напрасны все твои потуги!
Не рассмеется принц, не рассмеется!

Труффальдино
(узнав ее)

Моргана!
(Становится перед ней на колени.)
О лучезарная моя! О свет моих очей!
Твой стройный стан подобен кипарису...

Моргана отодвигается от него, но Труффальдино на коленях следует за ней.

Как две звезды глаза твои большие,
Как легкий ветерок твоя походка.
Ты ласточка, что взмыла в небеса.
Ты чайка, ввысь летящая над морем,
Ты вся, ты вся как мчащийся олень,
Ты — чувство, ты — любовь, ты — красота.
Изящнее тебя нет никого на свете!

Приподнявшийся Тарталья внимательно следит за происходящим. Отступающая Моргана споткнулась и упала, высоко задрав ноги. И тут Тарталья громко и заразительно захохотал. Все изумленно повернулись к нему. А Тарталья весело захлопал в ладоши, продолжая хохотать. И все присутствующие один за другим захохотали. Сцена представляет забавное зрелище — все буквально корчатся от хохота. Все, как бы поздравляя Тарталью с выздоровлением, тянутся к балкону. Только Леандро и Клариче грустные стоят в стороне. Разъяренная Моргана, поднявшись, бросает в лицо принцу страшные проклятия.

Моргана

Проклятие тебе! Где б ты отныне ни был —
Под близким или под далеким небом,

Под мирным кровом, в городе, в пустыне,—
Проклятие мое с тобой отныне!
Проклятие! Проклятие! Проклятие!
Всю жизнь твою, не раз и не однажды,
Измучает к трем апельсинам жажда.

Все человечество искало их напрасно!
И ты их не найдешь, несчастный!
О горькая твоя, ужасная судьбина —
Напрасно будешь ты искать три апельсина!
Проклятие! Проклятие! Проклятье!

Т а р т а л ь я
(остолбенел, потом кричит)

Я жить не буду, если не найду три апельсина.
Вы слышите? Я жить не буду!

М о р г а н а

Проклятие!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

У ПРИНЦА

Панталоне, Тарталья, затем Труффальдино, король, Леандро, Клариче.

Панталоне — в одной из комнат принца. Он снимает с себя бороду и разглаживает ее электрическим утюгом.

Панталоне
(жалуется зрителям)

Ох, ребята, до чего мне эта моя борода надоела! Я вот уже десятый год живу на свете и никогда не думал, что борода может быть такой тяжелой. Мне кажется, что она весит не меньше ста килограммов. Но ничего не поделаешь. Как говорится, взялся за гуж — не говори, что не дюж. Сейчас я опять надену свою бороду и буду продолжать сказку.

Что делать мне с моим несчастным принцем?

Тарталья
(входя)

Я жить не буду, если не найду три апельсина.

Панталоне

Мне кажется, он просто обезумел:
Он целый день гоняется, как лошадь,
За парою железных башмаков.

Он собирается бродить по свету,
Пока он не найдет три апельсина.

Тарталья

Я их найду! Найду! Найду!

Панталоне

По-моему, так это очень глупо —
Искать в Италии три апельсина!
Или в России — три картошки!
Ну что за блажь напала на Тарталью!
Зашел бы в магазин
Иль съездил бы на рынок,
Купил бы три громадных апельсина,
Содрал с них шкуру, кушай на здоровье.

Тарталья
(вдруг спокойно)

Ты что ж, меня за дурака считаешь?
Ты думаешь, что мне вот так и снятся
Какие-то простые апельсины,
Простые и дешевые такие,
Что каждый нищий может их купить?

Вбегает Труффальдино с апельсинами.

Труффальдино

Вот я тебе принес три апельсина.
Чего так мало? Даже триста
Купил бы я. Мне денег ведь не жалко...

Тарталья

Ты не прикидывайся, Труффальдино,
Ты не дурак, насколько мне известно,
И все великолепно понимаешь.

Панталоне

Тогда я сам дурак! Я не пойму,
Чего ты хочешь! Также не пойму
Твоей нужды в железных башмаках.
Тебе чего, на двух твоих ногах
Мозолей не хватает? Боже! Боже!

Тарталья

Ты думаешь, что я обыкновенный принц,
Из тех, что всюду в сказки насовали,
Да так, что негде яблоку упасть?
Я принц действительно необыкновенный,
И апельсины необыкновенные.
Три благородных имени у них,
Три имени: Любовь! Свобода! Верность!
Любовь! Свобода! Верность!
Меня зовут! И неужели я
Не двинусь с места? Двинусь, двинусь,
Сто тридцать раз я землю обойду,
Причем три раза только и присяду!
В начале раз и в середине два,
И раз ещё в конце пути присяду.
Сам понимаешь — никакая кожа
Не выдержит, конечно, и железо
Необходимо мне для башмаков.
(Уходит.)

Панталоне

Пойти мне, что ли, прямо к королю
За парою железных башмаков?
Я так ему скажу: «Мой дорогой король!
В народе вас зовут Железною Пятой.
Насколько знаю я, Пяте Железной

Не тапочки нужны, а кое-что
Потяжелее. Значит, есть у вас
Стальные башмаки. Не будьте жадным,
Пожертвуйте их сыну на дорогу.
Сапожника не с кожей, а с железом
По всей Италии я не могу найти.
Эх, пропадай ты, молодость моя!
Я ухожу на поиски железа.
(Уходит.)

Из-за занавеса летят вещи. Входит Тарталья.

Труффальдино

В поход! В поход!
Поход — это не тру-ля-ля,
Там нету папы-короля,
Обедов нет и нету чая.
Ненастье ждет нас и туман.
Тарталья, не сходи с ума.

Тарталья

Ты успокойся. Ты меня не убедишь.
Я десять, сотни раз с ума сойду,
А апельсина три найду! Да-да, найду!

Труффальдино

В чем преимущество у принцев перед нами?
Ты сумасшедший, а никто не замечает.
Как жаль, что я не принц! Неплохо
С ума сходить хоть раза два в декаду.

Тарталья

В поход! В поход! Моим оруженосцем
Тебя я назначаю. Будь со мною
И в горе и в беде...

Т р у ф ф а л ь д и н о

Но я-то не сошел с ума,
Чего же мне с тобой тащиться?
Один не сможешь разве ты пойти?

Т а р т а л ь я

Лишь на тебя была моя надежда,
Я думал — ты мне станешь близким другом,
Что ты со мной все странствия разделишь,
Все трудности моей большой дороги.
А ты... ты сразу предаешь меня!
Ну что ж, нет выхода! Пойду один!

Т р у ф ф а л ь д и н о

Постой, герой, ты пропадешь один.
Уж трогаться, так вместе.
И с музыкой!

Звучит музыка.

Вперед! В поход!

Входит к о р о л ь. П а н т а л о н е несет в тазу пару железных башмаков. За ним следует Л е а н д р о. Все это представляет весьма торжественное шествие.

К о р о л ь

О сын ты мой! О дорогое чадо!
О плоть моя! Безумие оставь!
Опаснейшие выбрал ты пути.
Объединенным страшным силам злым
Какую силу противопоставишь?

Т а р т а л ь я

Все разговоры бесполезны. Мы
Сейчас отправимся в далекую дорогу.

Подумай-ка — какой же ты отец!
Ты хочешь, чтоб я снова заболел,
Чтоб смерть меня в твоем дворце настигла!
Тогда ты не отец мне, я тебе не сын!

Король

Ты — сын мой, я — отец твой. Я боюсь
К исходу дней моих тебя лишиться.
О, если бы ты знал, что делать, Панталоне!

Тарталья

А ну-ка, помоги мне, Труффальдино,
Стать на ноги в железных башмаках.

Король

Прощай, мой сын, прощай, моя любовь.
Не знаю я, увидимся ли вновь.

Панталоне

Клянись отцу, мой милый Труффальдино,
Что обеспечишь безопасность сына.

Король

О сын, идешь ты на кулички к черту...
Пощупай пульс мой — я еще не мертвый?

Труффальдино

Папаня, все в порядке! Пульс отличный,
И все как у живого человека.

Труффальдино и Тарталья
(поют)

ПОХОДНАЯ ПЕСНЯ

Мы песню грозную споем,
И пусть гремит в веках,
Как мы живем, как мы идем
В железных башмаках!

Морозу нас не испугать,
Мы не боимся сырости!..
И раз, и два, и три, и пять!
Тысяча четыреста!

Да! Мы солдаты — первый сорт!
Нас только берегись!
А ну-ка на колени, черт!
Ты, дьявол, извинись!

Морозу нас не испугать,
Мы не боимся сырости!..
И раз, и два, и три, и пять!
Тысяча четыреста!

Свою счастливую звезду
Нам следует найти,
Затем как следует в аду
Порядок навести!

Морозу нас не испугать,
Мы не боимся сырости!..
И раз, и два, и три, и пять!
Тысяча четыреста!
(Уходят.)

Король в полуобморочном состоянии. Он хочет что-то сказать Панталоне, но непреодолимая икота овладела им.

Панталоне

Эй, слуги! Все сюда! Немедленно гонцов
Послать и в «Гастроном» и в «Бакалею»
Скупить весь уксус, что на складах есть,
И дать его понюхать королю!
За жизнь его иначе не ручаюсь.

Король
(пришел в себя)

Его уже убили?

Леандро

А кого?

Король

Да сына моего!
Пусть погрузится в траур государство,
И пусть господствует лишь черный цвет!
А кто наденет светлую одежду,
Пусть с жизнью попрощается своей —
Я прикажу его немедленно казнить!

Панталоне

О, как я разделяю ваше горе!
Давайте мы мои и ваши слезы
В одном смешаем носовом платке.
(Вынимает огромный носовой платок.)

Оба рыдают над ним. Затем выжимают платок. На пол обильным потоком льются слезы. Поплакав так, они уходят.

Клариче
(входит)

Итак, Леандро, поединок начат!
Вовек им не найти три апельсина.

Любовь погубим, Верность уничтожим,
Свободу умертвим. Так говорит Клариче!
Тогда, Леандро, ты займешь престол,
Но только при условии одном —
Распоряжаться буду только я!
А если же война на нас нагрянет,
Я стану во главе отважных войск,
Генералиссимусом стану!
Расправившись с врагами, снова буду
Я должности придворным раздавать.
О, сколько я устрою развлечений!

Леандро

Какие же, любимая Клариче?

Клариче

О, это будут зрелища такие!
Всех заговорщиков кидать я буду с башен,
Я буду медленно топить их,
По всей стране я разожгу пожары,
Все будут трепетать перед Клариче.

В ПУСТЫНЕ

Тарталья, Труффальдино, маг Челио, Креонта, Панталоне, собака.

Стремительно вбегают Тарталья и Труффальдино. За ними гонится дьявол с мехами. Он дует им в спину и заставляет бежать необычайно быстро. Дьявол убегает. Ветер прекращается. Тарталья и Труффальдино падают от усталости на землю и, перебивая друг друга, начинают рассказывать.

Труффальдино

Прошли мы восемь тысяч километров...
Мы видели такие чудеса,
Что людям и вовеки не приснятся.

Тарталья

Мы видели зверей на трех ногах...
И человека на одной ноге...

Труффальдино

Мы пили птичье молоко не раз...

Тарталья

Мы плыли по морям из простокваши...

Труффальдино

Мы знали мать одну, что за два года
Сто восемнадцать родила детей,
И все они потом отличниками стали.

Снова появляется дьявол. Погоня. Труффальдино неожиданным приемом кладет дьявола на лопатки.

Дьявол
(застонал)

Ой, это нечестный прием!

Труффальдино

Почему нечестный? Самбо.

Дьявол, корчась, уползает.

А теперь...
Пусть весь мир перевернется —
Мне плевать! Я есть хочу!

Тарталья

До чего ж прожорлив ты! Ты все забыл
И обо мне забыл, забыл о нашей цели,
Тебе лишь волю дай — и ты бы съел
Сейчас всех родственников, всех знакомых!

Труффальдино

Знакомых есть невкусно без горчицы.
О, как я жрать хочу! Но как ни изловчись,
Не сделаешь из воздуха котлеты.

Тарталья

Пусть голод следует за нами по пятам,
Пусть сто колдуний, и двенадцать леших,
И триста девятнадцать водяных,
И восемьдесят страшных эпидемий
Меня преследуют, я не сойду с пути.
А ну-ка, злые силы, выходи!

Появляется маг Челио.

Вы кто такой? Вы тоже злая сила?

Челио

Я — добрый маг. Зовите Челио меня.

Тарталья

А ну-ка, добрый маг, немедленно уйдите!
Я с детства добряков не выношу!
Мне дьявол нужен, а не добрый маг.
Иначе, как девчонка, я раскисну
И рукодельем буду заниматься!

Труффальдино
(Тарталье)

Нам не к чему с тобой судьбу дразнить.
Давай существовать с каким-то смыслом —
По четным числам мужественным быть
И чуть трусливым по нечетным числам.

Челио

Куда путь держите?

Тарталья

А вам какое дело?

Челио

Я — мастер добрых дел. Мне дело до всего!

Тарталья

Маг Челио! Вы не мешайте нам,
Уйдите прочь! Из всех известных слов
Единственное знаем мы: «Вперед!»

Челио
(спокойно усаживается)

Каких вы знаете великих полководцев?

Тарталья и Труффальдино в недоумении.

Тарталья

А это что, экзамен?

Челио

Да.
Каких вы знаете великих полководцев?

Тарталья
(растерянно)

Наполеон как будто был...

Труффальдино

И Цезарь был когда-то...

Челио

Вы оба правы. Был Наполеон,
И Цезарь был... А знаете ли вы,
Как поступали эти полководцы
Тревожной ночью накануне боя?

Труффальдино

Как поступали эти полководцы?..

Тарталья

Тревожной ночью накануне боя?..

Челио

Ложились спать! Чтобы добыть победу,
Необходим нам свежих сил приток.

Тарталья

Так что же нам, ложиться спать?
Нет! Дудки!

Челио

Я не ко сну зову.
Зову к фантазии. Но и как путь любой,
Необходимо к ней пути разведать.
А вы, мальчишки, вы пустились в путь
За Верностью, Любовью и Свободой,
Еще не понимая их как надо.
Веками человечество искало
Пути к Свободе, Верности, Любви,
А вы тяп-ляп, раз-два, и все такое,
Умнее всех прошедших поколений
Себя сочли. Еще вы не успели
Все горе человечества измерить,

Еще никто не передал вам опыт
Борьбы за правду. Вы, как говорится,
Питаясь материнским молоком,
Великооткрывателями стали!
Не зная броду, вы совались в воду,
А оказалось, нет воды — пустыня.
Вы заблудились. Так всегда бывает,
Когда и цель и путь к ней неизвестны.

Т а р т а л ь я

Но где же цель?

Ч е л и о
(указывая)

Вон там.

Т а р т а л ь я
(бросаясь вперед)

Тогда вперед!

Ч е л и о

Ни шагу дальше! Боль, мученья, кровь
И смерть Креонты замок охраняют.

Т а р т а л ь я

Довольно каркать! Вы совсем не маг,
Вы ворон! Ну, не мешкай, Труффальдино!

Ч е л и о

Ни шагу дальше!
Безумцы юные! Опасность велика!
Мучительно я вам хочу помочь!
И пусть мне кажется, что это невозможно,
Я постараюсь все же вас спасти.

Возьмете эту мазь и смажете засов
На старых перержавленных воротах,
А этот хлеб пусть съест голодный пес.
И если вам удастся унести три апельсина,
Немедленно покиньте замок. Вам
Запомнить следует, что каждый апельсин
Разрезать надо только у воды.
(Исчезает.)

Тарталья и Труффальдино осторожно продвигаются в глубину. В темноте раздается голос Креонты.

Голос Креонты

Проникнуть в замок не пытайтесь даже:
Замки крепки и неподкупны стражи!

Затемнение.

НА АВАНСЦЕНЕ

Панталоне, дворецкий, учитель физики.

Панталоне *(выбегая на авансцену)*. Вы понимаете, что происходит? Кошмар происходит. Ужас, ужас происходит! Эта злая волшебница их погубит! И все это произойдет почему? Потому что я, старый болван, отпустил их одних. Нельзя было их отпускать без меня. Значит, я был им необходим. А вместе с тем как же я мог упустить из виду Леандро и Клариче? Они ткут вокруг моего принца такую паутину, что любой паук им позавидует. Значит, я и тут необходим. Бедный мой Тарталья! И бедный король! Он так скорбит о своем сыне! И если он раньше наплакивал по два ведра слез в день, то сейчас — не меньше четырех.

Входит дворецкий. Он несет на коромысле два полных ведра слез.

Д в о р е ц к и й

Как тяжелы вы, слезы короля!

П а н т а л о н е. Полные ведра! Бабушка моя всегда говорила, что полные ведра — к счастью. А папа ей возражал. Кто его знает, может, бабушка была и права.

Д в о р е ц к и й

Быть может, счастье обещают ведра,
Когда они наполнены водой.
А эти — королевских слез полны...
А что такое счастье — я не знаю.

П а н т а л о н е

Все ясно для меня. Спасенья нет.
Погибнет принц, погибнет Труффальдино...

Появляется у ч и т е л ь ф и з и к и.

У ч и т е л ь ф и з и к и. Ну, это бабушка надвое сказала!

П а н т а л о н е *(бросается к нему)*. Петр Степанович! Погибнут такие ребята! Мои друзья! Такие хорошие люди!

У ч и т е л ь ф и з и к и. Коля! Запомни — в сказке хорошие люди не погибают, потому что добро всегда побеждает. И ты не так уж беспокойся — ведь добрый волшебник Челио снабдил их маслом для ворот и хлебом для собаки. Это им, конечно, поможет.

П а н т а л о н е. А я терпеть не согласен. Я немедленно должен узнать, что происходит с моими друзьями!

У ч и т е л ь ф и з и к и. Ну, это как раз проще

простого. Я хоть не маг Челио, но могу узнать вполне научным способом, что происходит с нашими друзьями. Дайте занавес!

Открывается занавес.

МРАЧНЫЙ ЗАМОК КРЕОНТЫ

Труффальдино, Тарталья, собака, затем Креонта. Труффальдино и Тарталья бросаются к воротам.

Голос Креонты

Мой верный пес! Ты свой забыл устав!

Собака
(бросается на Тарталью)

Гав-гав-гав-гав! Гав-гав!

Тарталья

Он загрызет меня! Не мешкай, Труффальдино!
Скорее хлебом пасть его заткни!
Где хлеб? Скорее кинь!

Труффальдино

Хлеб у меня в желудке,
Попробуй-ка извлечь его оттуда!

Тарталья

А масло для ворот куда ты дел?

Труффальдино

Ну как ты думаешь? Конечно, съел.
Чего заботиться мне о судьбе ворот!
Без масла несъедобен бутерброд.

Я не привык питаться всухомятку,
И съел я хлеб и масло без остатку.

Собака, услышав о хлебе и масле, жалобно повизгивает.

Тарталья

Ты понимаешь, что ты натворил, обжора?
Ты все, ты все на свете погубил.
Прощай, моя мечта об апельсинах!

Труффальдино

Маг Челио во многом прав, конечно,
Но не могу ж я быть голодным вечно,
Мозгами Труффальдино шевелит.
И он всегда умен, когда он сыт.
У Челио свои воображенья,
А у меня свои соображенья.

Да, сложное дело... Считаю, однако,
Не хлебом единым жива собака.

В народе говорят, и утверждает сказка:
Живому существу дороже хлеба ласка!

Скажи мне, пес, давно ль живешь ты тут?
Чем скрашиваешь ты сплошное одиночество?
Кто ты такой и как тебя зовут?
Скажи мне имя только, пусть без отчества.
(Называет подряд несколько собачьих имен, пес каждый раз отворачивается.)
Тебя зовут Полкан? Вулкан? Дружок?
Быть может, Бобиком тебя отец нарек?

Тарталья

Собачка! Не гляди ты на меня сердито.
Быть может, не мужчина ты, а дама?
И может быть, тебя назвали Афродитой?
А может быть, тебя назвали Эпиграмма?

Труффальдино

Мужчина он! Его другим в пример
Зовут иль Робинзон, иль Гулливер!

Тарталья

Молчишь... Ни звука ты не произнес...
Эх ты... Барбос!..

При слове «Барбос» пес радостно откликнулся.

Труффальдино

Теперь к тебе нет никаких вопросов,
Мой лучший друг Барбос Барбосович
Барбосов.
А ну и ты погладь его, Тарталья...

Тарталья тоже гладит Барбоса. Пес тает от счастья.

Ну как? Людьми доволен ты, каналья?
Ты друг ворот уже не год, не два, не три,
А вечность целую! Готов держать пари:
Попросишь только их раскрыться наконец —
Раскроются! И мы проникнем во дворец!
От имени ребят прошу — уговори!

Собака ласково уговаривает ворота, и они начинают медленно растворяться, но в это время раздается голос Креонты.

Голос Креонты

Закройтесь, раздавите их, ворота!

И ворота сразу захлопываются.

Тарталья

Ты визга ведьмы испугался, трус?
Сломать ворота я один берусь!

Набрасывается на ворота, но его мягко останавливает Труффальдино.

Труффальдино

Пойми — тут гнев и ярость ни при чем!
Мне о железо биться неохота.
Но если песню дружбы мы споем,
Любые нам откроются ворота.

Труффальдино и Тарталья
(поют)

Песенка дружбы

Ищу я друга целый день.
Трень-брень, трень-брень, трень-брень!
Мой друг, ты мною так любим.
Боб-бом, бом-бом, бим-бим!

Возьми ружье, рюкзак надень.
Трень-брень, трень-брень, трень-брень!
Вдвоем всю землю обойдем.
Бим-бим, бим-бим, бом-бом!

Для друга сделать все не лень.
Трень-брень, брень-брень, брень-брень!
Как воздух, друг необходим!
Бом-бом, бом-бом, бим-бим!

И кто на дружбу бросит тень,
Брень-брень, брень-брень, брень-брень,
Тому мы голову свернем,
Бим-бим, бим-бим, бом-бом!

Ворота раскрылись. В глубине замка мы видим три огромных апельсина. Труффальдино и Тарталья приближаются к ним. Появляется великанша Креонта.

Креонта

Ни шагу дальше двинуться не сметь!
Здесь только две хозяйки: я и смерть!
Назад!

Тарталья обращается в бегство, его останавливает Труффальдино.

Труффальдино

Нет слова лучше русского «вперед!».
Вперед, Тарталья, нас не испугаешь!

Укатывают с походной песней апельсины.

Креонта

Жить не могу никак без апельсинов!
Они ушли, навек меня покинув.
О молния! Скорее упади
И успокойся на моей груди!

Ударяет молния. Креонта испепеляется.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

НА БЕРЕГУ БОЛЬШОГО ОЗЕРА

Здесь живет фея Моргана. Много камней. Смеральдина, Моргана, Труффальдино, Тарталья, первый апельсин. Смеральдина сидит на камне. Это очень странная женщина. Ее речь — сплошные вопросы.

Смеральдина

Так где же, где же ты, моя Моргана?
Ты думаешь, я в ожиданье не устану?
Ты думаешь, я нищий на вокзале?
Я без копейки, а меня оштрафовали?
Ты думаешь, что это благодать —
Свою хозяйку непрестанно ждать?
Я не беседую, я лишь вопросы задаю,
Ты понимаешь ли судьбу мою?

Моргана выходит из озера.

Моргана

О Смеральдина, я к тебе иду.
Я полтора часа была в аду.
Все по-нормальному. И ад — обычный ад.

Поджаренные грешники кричат.
Огонь свирепствует, и дыму масса —
У грешников обычно много мяса.

Смеральдина

Неужто я допытываться стану,
Кто задержал в аду мою Моргану?
Со мной поссориться, Моргана, не хотите ль?

Моргана

Бежит Тарталья, мчится Труффальдино,
И катят впереди три апельсина.
Они хитрят, хитрят, а я хитрей! —
Сам Труффальдино движется быстрей.
Советую — спокойствие храни,
Булавку первую ты в девушку воткни —
И девушка в голубку превратится.
Пусть голубь не орел, но все же птица.
И принц разочаруется в невесте,
Они уж никогда не будут вместе.
Одна лишь мысль теперь владеет мной —
Чтоб стала ты Тартальевой женой.
Вторая предназначена булавка
Для Труффальдино. Ты ее воткнешь
В него — он потеряет память,
И, значит, он для нас безвредным станет.

Смеральдина

Собакой? Кошкой? Или тварь иная?..

Моргана

Ответить не могу. Сама не знаю.

С м е р а л ь д и н а   и   М о р г а н а
(поют)

ПЕСЕНКА ДВУХ ВЕДЬМ

Каждый день и каждый час
Трепещите, бойтесь нас:
Ведь мы —
Ведьмы!

Нас боится вся страна
От мышонка до слона:
Ведь мы —
Ведьмы!

Укусить мы можем так,
Как две тысячи собак:
Ведь мы —
Ведьмы!

Чтоб не грянула беда,
Избегайте нас всегда:
Ведь мы —
Ведьмы!

Пятью пять — не двадцать пять!
Вот как учим мы считать:
Ведь мы —
Ведьмы!

Счет у нас особый есть:
Шестью шесть — сто двадцать шесть.
Ведь мы —
Ведьмы!

(Они с грустью обнимаются.)

Как печально, черт возьми,
Что мы не были детьми:
Ведь мы —
Ведьмы!

Люди борются со злом,
Победят — и мы умрем:
Ведь мы —
Ведьмы!

Т р у ф ф а л ь д и н о и Т а р т а л ь я вкатывают три апельсина.

Т а р т а л ь я

Тут близко озеро. Я за водой пойду,
А ты тут оставайся караульным.
(Уходит.)

Т р у ф ф а л ь д и н о

Я много мучился, поверьте, не однажды,
Но, как сейчас, не погибал от жажды.

Смеральдина подкрадывается к Труффальдино, втыкает в него булавку и затем исчезает.

Разрежу апельсин. В короткий срок
Покончит с жаждой апельсинный сок.

Да, что-то Челио нам говорил:
«Разрезать апельсины вам надо...» ножом.
(Разрезает первый апельсин, из него показывается девушка.)

П е р в а я д е в у ш к а

Воды!

Т р у ф ф а л ь д и н о

Не надо мне воды!
Не буду пить отныне!
Быть может, девушка и в этом апельсине?
(Разрезает второй апельсин, там вторая девушка.)
Пусть будет мне невестой та и эта!

П е р в а я д е в у ш к а

Не знала я еще такой беды!
Ничто не нужно мне, один глоток воды!
Я никому не причиняла зла.
Узнайте все — со мной Свобода умерла!
(Умирает.)

В т о р а я д е в у ш к а

Я умираю. Из последних сил
Я говорю вам — Верность этот нож убил!
(Умирает.)

Т р у ф ф а л ь д и н о

Воды... Воды... «Разрезать апельсины
Вам надо у воды».
(В недоумении чешет затылок, натыкается на булавку и выдергивает ее. Колдовство кончается.)
Теперь я буду проклят всей землей.
(Бежит.)
Я слышу, как мне все кричат вдогонку:
«Вы знаете, кто это? Труффальдино,
Убийца Верности, палач Свободы!»
Что делать мне? Спаси меня, Тарталья!
Быть может, выход есть?
Тарталья мой, Тарталья!

Входит Т а р т а л ь я, он не замечает разрезанных Труффальдино апельсинов.

Т а р т а л ь я

Какой разрезать апельсин — те или этот?
(Разрезает третий апельсин. Из него выходит третья девушка, в голубом.)

Т р е т ь я д е в у ш к а

Хотела б стать я на болоте цаплей;
Чтобы водички выпить хоть две капли.

Тарталья ищет посуду, но ее нет. Тогда он снимает один из железных башмаков и приносит в нем из озера воды. Девушка жадно пьет.

Спасибо. Вы знаете, кто я? Я Нинетта, дочь Конкула, короля антиподов. Злая волшебница Креонта вселила меня в апельсин. Вы знаете, это очень неудобно — ждать жениха в кожуре апельсина. Вы женитесь на мне?

Т а р т а л ь я. Обязательно. Я так счастлив, что вы живете на свете!

Н и н е т т а. И я очень счастлива! Ведь я могла родиться на сто лет раньше или на сто лет позже, и тогда мы не встретились бы друг с другом. А сейчас я только и мечтаю о венчальном белом платье.

Т а р т а л ь я *(смотрит на ручные часы)*. Магазины еще не закрыты. Мы успеем.

Н и н е т т а. Ты любишь меня?

Т а р т а л ь я. О! О! О! А ты меня?

Н и н е т т а. Ах! Ах! Ах!

Т а р т а л ь я

Друзья мои, не знаю, как мне быть...
Где дружбы и любви, скажите мне, граница?
Ведь прежде чем кого-то полюбить,
Советуют нам раньше подружиться.

Вбегает Т р у ф ф а л ь д и н о.

Труффальдино

Тарталья! О, что я натворил!
Убил Свободу, Верность я убил!

Тарталья

Что делать мне? Кто может
Нам помочь их воскресить?
Нинетта, ты? Ведь ты любовь моя.

Нинетта

Вся жизнь моя спешит тебе на помощь,
Мой дорогой!.. Воды... еще воды...

Тарталья и Труффальдино убегают за водой.

Появляется Смеральдина.

Смеральдина. Нинетта! Ты мне нужна.

Нинетта. Зачем?

Смеральдина. Понимаешь, я забыла на озере снять свое изображение. Помоги мне его снять. Оно довольно тяжелое. *(Незаметно втыкает в голову Нинетте заколдованную булавку. У Нинетты вырастают крылья. Она становится голубкой.)* Лети!

Нинетта, плавно размахивая крыльями, удаляется. Смеральдина садится на камень. Входит Тарталья, не замечая, что Нинетта подменена Смеральдиной.

Тарталья

Нинетта!
(Замечает Смеральдину.)
Ты кто такая?

Смеральдина

Я твоя невеста.

Т а р т а л ь я

А бабушка моя покойная не ты ли?

С м е р а л ь д и н а

А что, я на невесту не похожа?

Т а р т а л ь я

Как я на крокодила. Уходи.

С м е р а л ь д и н а

Куда уйти мне? Я твоя невеста.
Насколько помнится, я родилась принцессой.

Т а р т а л ь я
(приходит в ярость)

Ты жабой родилась! И квакать ты должна
Не во дворце моем, а на болоте.
(Зрителям.)
Скажите, я на ангела похож?
Вот так она похожа на невесту.

С м е р а л ь д и н а

Тарталья, обними свою невесту.

Тарталья в ужасе отступает.
Затемнение.

НА ПРОСЦЕНИУМЕ

М о р г а н а

Да! Удалось им обмануть Креонту,
Похитить удалось три апельсина.
Но я — Моргана! Я — непобедима!

Я в состоянье затемнить сознанье,
Да так, что человек не знает —
Ему на пользу это иль во вред.
О, как бывает человек податлив!
Я утверждаю государство Зла,
Без Верности, Свободы и Любви!
И все теперь по-моему пойдет!
Забудьте обо всем, что было, люди!
Все на земле пойдет наоборот!
Наоборот! Дно станет как поверхность,
Поверхность станет дном,
И ненависть любовью обернется,
И маски с человеческим лицом
Общаться с вами будут!
Так утверждаю я! Моргана! Я! Я! Я!

ВО ДВОРЦЕ

Тот же дворец. Но он преобразился. Он угрюм и мрачен. На черном небе горит несколько звезд.

Дворецкий, король, Панталоне, Леандро, Клариче, Тарталья, Смеральдина, Труффальдино, дьявол с мехами, три апельсина.

Дворецкий на стремянке одну за другой задувает звезды. Становится еще темней. Король и Панталоне связаны кандалами. Король, как обычно, плачет. На троне — Леандро. Рядом на другом троне — Клариче. Тарталья в ужасе отступает от Смеральдины.

Смеральдина

Но я твоя невеста все равно!

Тарталья

О нет! О нет! Ты безобразней смерти!..
Отец! Родной! Ты видишь? Помоги мне!

Опаснейшие я прошел пути,
К Свободе, к Верности, к Любви стремился
И только безобразие нашел.

Король
(зарыдав еще сильнее)

Мой сын любимый! Я тебя предупреждал.

Панталоне

Да! Оба мы тебя предупреждали.
Пока ты в странствиях искал три апельсина,
Добро побеждено, зло село на престол.

Клариче

Престол навеки наш! Не правда ли, Леандро?

Леандро

Как скажешь ты, так будет. Я уверен.

Клариче

Назначь на завтра свадьбу красотки этой.

Тарталья
(отступая от Смеральдины)

О нет! О нет! За партою одной
Не стал бы я сидеть с такою образиной!

Прокравшаяся Моргана накидывает на лицо Смеральдины маску красавицы.

Смеральдина

Вглядись в меня и полюби меня!
Цветок ты разве можешь ненавидеть?

Тарталья
(на нем уже маска тупого злого мальчика, накинутая Морганой)

Нет, не могу! Ты хороша. Давай дружить!

Король
(плачет)

О сын мой! С ней дружить не надо!
Уж лучше бы ты с тигром подружился!

Моргана надевает маски на короля и Панталоне. На короля — маску весельчака, на Панталоне — маску подлизы.

(Захихикал.)
Красивую тигрицу приручить
Весьма приятно. Брак твой одобряю.

Панталоне

Вы правы, как всегда, прекрасная Клариче.
Великодушны и добры. Прошу вас
Скорей устроить брак Тартальи
с Смеральдиной.

В это время Моргана надела на Клариче ангелоподобную маску, на Леандро — маску низколобого властелина, на дворецкого — маску новорожденного.

Клариче
(ангельским голосом)

А где же наш любимый Труффальдино?
Ведь без него никак нельзя устроить
Ни свадьбы, ни красивых похорон.

Леандро

Люблю на свадьбе пир, в день похорон —
поминки.

А ну-ка приведи-ка Труффальдино!
Одной ногою здесь, другою там!

Дворецкий уходит.

Т а р т а л ь я
(нежно глядя на Смеральдину)

Ну что же, ты девчонка ничего!
И мы с тобой царапаться не будем.

С м е р а л ь д и н а
(тоже нежно)

Царапаться... А что это такое?

Вбегает Т р у ф ф а л ь д и н о.

Т р у ф ф а л ь д и н о. Ты понимаешь, принц, с апельсинами произошла какая-то колдовская история! *(Тревожно оглядывая всех.)* Я не пойму — кто здесь принц и кто занял трон? А кто остальные люди? Почему так мрачно во дворце?

К л а р и ч е

О милый Труффальдино! Мы с Леандро
Являемся главою государства.
Мы перекрасили и души
И знамена в черный цвет.

Т р у ф ф а л ь д и н о. Клариче! Значит, рядом с ней — Леандро! А кто этот смешливый старичок?

К о р о л ь

Я, милый Труффальдино, я!

Т р у ф ф а л ь д и н о

Король! Он прежде плакал, а теперь смеется...
А кто закован вместе с вами?

Панталоне

Ты не узнал меня? Не удивляюсь,
Меня б сейчас и мать родная не узнала.

Тарталья

Кончай волынку. Я — твой принц. А это —
Моя красавица, невеста Смеральдина,
И завтра наша свадьба состоится,
И в дом свой я невесту приведу.
Но понимаю, свадьбе шут необходим,
И за кусок поджаренного мяса
На свадьбе ты сваляешь дурака.
(Леандро)
Тебя прошу с двоюродной сестренкой
Быть посажеными у нас на свадьбе.

Король

А мне местечка не найдется в доме?

Тарталья

Ну ладно. Будешь спать на раскладушке.

Король

Но я — отец твой!

Тарталья

Ну и что ж такого?
От родственников только устаешь.
Не правда ль, Смеральдина?

Смеральдина

Да.
Они обуза в доме.

Панталоне

Могу вам посоветовать — снимите
Недорогую комнату отцу.

Клариче

Ни папочке и ни тебе
Нужды в жилплощади уже не будет.

Труффальдино

Я знаю почему. Ты их казнишь.

Клариче

Не я, а Мы. Не правда ли, Леандро?
Эй, заковать его!

Леандро согласно кивает головой.

Клариче *(Труффальдино)*. Мы у тебя все ногти выдерем, ты будешь питаться солью и не получишь ни глотка воды. Все муки ада ты испытаешь.

Дворецкий заковывает Труффальдино в кандалы.

Труффальдино. А ты, мой друг Тарталья? Ты почему молчишь? Приди на помощь.

Тарталья

Мой друг — Смеральдина.

Труффальдино

И только?

Тарталья

И только.

Труффальдино. Значит, я, разделявший с тобой все опасности, поддерживавший тебя на горных

тропинках над пропастью, вылечивший тебя от смертельной болезни, значит, я тебе только знакомый?

Т а р т а л ь я. Только.

Т р у ф ф а л ь д и н о. Значит, на земле вообще нет дружбы, а есть равнодушие. И только?

Т а р т а л ь я. И только. Отстань.

Т р у ф ф а л ь д и н о
(сначала грустно, а потом яростно)

Неужто нет тепла, а только льдины
Меня все время будут окружать?
И неужели в будни Труффальдино
На праздник дружбы некого позвать?
Я в человечество влюблен с рожденья,
Любых ребят я на руки возьму!
Откуда ж это злое наважденье?
И что же происходит? Почему?
Кошмар какой! Иль это только снится?
О люди, люди! Вам понять пора —
Земля не в сторону жестокости вертится,
Земля вертится в сторону добра.
И долга своего я не забуду,
Меня труба победная зовет.
Я и в цепях сражаться с вами буду,
За мною — жизнь, за вами смерть идет!
Я в человека продолжаю верить,
Я злу не подчинен, я гражданин любви.
Вы слышите меня, довольно лицемерить,
Сейчас же маску, принц, с лица сорви!

Среди присутствующих полная растерянность. Они взялись за маски, как бы собираясь сорвать их: Но в это время к ним приближается Моргана.

М о р г а н а. Ты — глупый человек! Ты никогда не победишь. Нас всегда было и всегда будет больше!

Эй, мои верноподданные, ко мне! На наш праздник! На праздник ночи!

К ней присоединяются Клариче, Леандро и Смеральдина. Начинается пляска, а затем пение.

Моргана, Клариче, Леандро, Смеральдина
(поют)

ПЕСНЯ ЗЛЫХ СИЛ

Пусть все ненавидят друг друга всегда,
Ведь мы ненавидим любовь.
Пусть вместо веселья нагрянет беда,
Пусть мрак воцаряется вновь.
В лесу ночном
Кричит сова,
Как смерть, страшны
Ее слова:
«Люблю мрак,
Мой друг — враг,
Царит страх,
Крах-трах!»
Давайте поднимем свои кулаки,
Давайте свободу убьем!
Свобода погибнет от нашей руки,
Неволю, как знамя, несем.
В лесу ночном
Кричит сова,
Как смерть, страшны
Ее слова:
«Люблю мрак,
Мой друг — враг,
Царит страх,
Крах-трах!»

Пусть песни любые с проклятьем звучат,
Иначе мы петь не хотим,
И мы соберем всех советских ребят,
И верности мы их лишим.
В лесу ночном
Кричит сова,
Как смерть, страшны
Ее слова:
«Люблю мрак,
Мой друг — враг,
Царит страх,
Крах-трах!»

На первом припеве этой песни появляется д ь я в о л с м е х а м и, вступает в песню и в общий пляс. Тарталья в конце песни вырывается из круга злых сил, подбегает к Труффальдино и пристально смотрит ему в глаза, потом срывает с себя маску.

Т а р т а л ь я

Как будто сердце ожило в груди,
Как будто я на свет родился вновь...
О равнодушие! Скорее уходи!
Скорей, скорей явись, моя любовь!

Появляется г о л у б к а. Тарталья гладит ее по голове и обнаруживает булавку. Он вынимает ее, и тотчас же голубка превращается в Нинетту.

Н и н е т т а

Меня позвал ты, я к тебе иду!
Спеши на помощь, отврати беду!
Спаси моих сестер, как спас меня!
Я без сестер не проживу и дня!

Тарталья

(подходит к отцу и Панталоне и снимает с них маски)

Отец! Я снова сын твой. Ты свободен! *(Панталоне.)*
Наставник мой! Свобода рядом с вами!

За их спиной возникает Свобода.

Свобода

Свобода с вами рядом навсегда!

Кандалы падают с короля и Панталоне сами собой.

Тарталья *(подбегает к Труффальдино)*. Я, как и прежде, твой верный друг. И только. И точка. Ты посмотри — с тобою рядом Верность.

За спиной Труффальдино появляется Верность.

Верность

И Верность с вами навсегда!

Три апельсина — Свобода, Верность и Любовь — окружают Тарталью, танцуют и поют. Злые силы пятятся от них.

ПЕСНЯ ТРЕХ АПЕЛЬСИНОВ

Под итальянскою жарой
Мы обрели здоровье,
У нас под желтой кожурой
Сердца полны любовью.

Кто в жизни лучший даст совет?
Кто лучшая дружина?
Три груши?
Нет!
Три сливы?
Нет!

Быть может, яблоки-ранет?
Три мандарина?
Нет, нет, нет!
Дружины нашей лучше нет!
Разумный дружеский совет
Дадут три апельсина!

Мы сделать все в короткий срок,
Не затрудняясь, можем!
Быстрее выучить урок
Мы каждому поможем!

Кто в жизни лучший даст совет?
Кто лучшая дружина?
Три груши?
Нет!
Три сливы?
Нет!
Быть может, яблоки-ранет?
Три мандарина?
Нет, нет, нет!
Дружины нашей лучше нет!
Разумный дружеский совет
Дадут три апельсина!

Мы повторяем вновь и вновь:
Мы — лучшая дружина...
Свобода, Верность и Любовь —
Вот кто три апельсина!

Кто в жизни лучший даст совет?
Кто лучшая дружина?
Три груши?
Нет!
Три сливы?

Нет!
Быть может, яблоки-ранет?
Три мандарина?
Нет, нет, нет!
Дружины нашей лучше нет!
Разумный дружеский совет
Дадут три апельсина!

В то время как звучит эта песня, мрачный, темный дворец постепенно светлеет и становится радостным. Труффальдино, Панталоне, король, Тарталья, дворецкий и три апельсина отделяются от злых сил.

Панталоне *(в зрительный зал)*. А злые силы? Неужели они так и останутся безнаказанными? Сейчас мы с ними расправимся. За мной!

Все наступают на злые силы.

Леандро, Клариче, Смеральдина. А при чем тут мы?

Клариче. Мы нисколько не виноваты!

Смеральдина. Это все она, Моргана! *(Выталкивает вперед Моргану.)*

Панталоне

Да! Это все она! Все эта ведьма!
Она чуть-чуть не погубила принца,
Меня и короля казнить хотела.
Меня, меня, честнейшего на свете,
Двуликим сделала. Вы знаете все это!
Нет, ты не женщина, не человек, ты — ведьма!

Все
(подхватывают)

Ведьма! Ведьма! Ведьма!

Моргана. Остановитесь! Вовсе я не ведьма! Я —

человек. Я — женщина. И я когда-то была девочкой, и прыгала через веревочку, и каталась на коньках. И даже была отличницей в шестом классе...

Панталоне. Она была девочкой, она каталась на коньках, она прыгала через веревочку, она была отличницей в одном классе? Неправда! Ложь! Вранье! *(Наступает на Моргану.)* Ведьмы никогда не бывают девочками. Они сразу рождаются старухами.

Моргана. Но я могу предъявить аттестат зрелости!

Панталоне. Да! Аттестат на звание ведьмы!

Тарталья. Послушай, Коля. Добро уже победило зло. Игра кончилась.

При следующих репликах ребята снимают с себя грим и костюмы.

Клариче. Ой, девочки! От него умереть можно!

Король. Панталоне! Кончай волынку! Высочайше повелеваю!

Леандро. Кончай, Брючкин — бывший Панталоне!

Панталоне. А кто может подтвердить, что она не ведьма?

Появляется учитель физики.

Учитель физики *(снимая по дороге костюм Челио)*. Я могу подтвердить. Во-первых, она действительно была отличницей, во-вторых, я учился с ней в одном классе.

Панталоне. Все равно не верю, не верю! Кто еще может подтвердить?

Появляется учитель физкультуры.

Учитель физкультуры *(снимая по дороге костюм Труффальдино)*. Я могу подтвердить. Она состоит в секции гимнастики «Спартака».

К о м е н д а н т. Я могу подтвердить!

У ч и т е л ь ф и з к у л ь т у р ы. Спокойно, Коля, не волнуйся. Все в порядке! Это же сказка! А сказка кончилась.

У ч и т е л ь ф и з и к и. Сказка никогда не кончается.

Звучит песня трех апельсинов.

К о н е ц

1962

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИНТЕРМЕДИИ И ПЕСНИ К ПЬЕСЕ «ТРИ МУШКЕТЕРА»

ИНТЕРМЕДИИ

ПРОЛОГ

Перед закрытым занавесом — К а с т е р а к и Р е н а р.

К а с т е р а к

В каком же мы веке с тобой живем,
Ренар, ты не помнишь?

Р е н а р

В семнадцатом будто.

К а с т е р а к

И мы для истории не пропадем,
Я слышу отсюда потомков салюты.

Р е н а р
(прислушивается)

Я что-то не слышу.

Кастерак

Неопытный малый!
Не раз нас на гребень волны поднимала
История!
Символом высшей отваги
Потомкам звучат мушкетерские шпаги!
Пусть жизнь наша сказочна невероятно —
Все это действительно было!
Понятно?

Ренар

О нет, уважаемый мой Кастерак!
Совсем мне не важно — все так иль не так.
Но вот — д'Артаньян! Не жалею червонца,
Но дай повстречаться с отважным гасконцем.

Кастерак

Нет! Встречи нам мало! В пылу боевом
Не раз д'Артаньяну на помощь придем!
Ты слышишь ли шпаг за ударом удар?
Дать занавес! Мы начинаем, Ренар!

Раскрывается занавес.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ВТОРОЙ КАРТИНОЙ

Кастерак

Ну вот тебе, Ренар, и д'Артаньян
Во всем его великолепном виде.

Ренар

Сегодня жив он. Завтра я, чуть пьян,
Присутствую на свежей панихиде.

Кастерак

Ты так уверен в этом?

Ренар

Он готов!
Да можно ль в результате сомневаться?
Когда жучок идет на трех слонов,
То за слонов не надо волноваться.

Кастерак

Ты за жучка волнуешься?

Ренар

О да!
Он так неопытен, он молод и наивен.
Они обиды не прощают, вот беда!
Он будет мертв, а мог бы быть счастливым.

Кастерак

Но он — гасконец.

Ренар

Что же из того?

Кастерак

Гасконцы в мертвых пребывать не любят.
Ты понял?

Ренар

Нет, не понял ничего.

Кастерак

Он выживет.

Ренар

Они его погубят.

Кастерак

Не думаю, готов держать пари.

Ренар

И я.

Кастерак

Вот начинается. Смотри!

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ТРЕТЬЕЙ КАРТИНОЙ

Кастерак

Кто выиграл пари?

Ренар

Вы, сударь Кастерак.

Кастерак

Гони монету и не спорь, чудак.

Ренар отсчитывает деньги.

Не думай — время медленно течет.
Ведь с той дуэли минул вот уж год.
Живешь, живешь, а ничего не знаешь,
Что будет впереди, нам предсказать нельзя —
Вчерашние враги, ты понимаешь,
Сегодня закадычные друзья.
Грядущее, увы, не видно нам отсюда,
И как судьбе мы можем угодить?

Ренар

Довольно разглагольствовать, мой сударь,
Пора уже за действием следить!

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ЧЕТВЕРТОЙ КАРТИНОЙ

Кастерак

Ну, как тебе понравилась миледи?

Ренар

Она прекрасна. Ангел! Херувим!
Уверен я теперь в его победе,
Я знаю, д'Артаньян непобедим.

Кастерак

Ты ангел, говоришь?

Ренар

И херувим — добавил.

Кастерак

Ты молод, зелен, мой Ренар. Теперь
Запомни, друг мой, лучшее из правил —
Разбойникам и женщинам не верь!

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД СЕДЬМОЙ КАРТИНОЙ

Ренар

(со шпагой в ножнах и с гитарой наголо выходит из-за кулис. Он напевает)

Подойди ко мне ближе!
Будь со мною, родная, всегда.
Я клянусь, что в огромном Париже
Так никто не любил никогда!
Не желаю я участи лучшей...

Говори, говори, говори!
Мне бы слышать твой голос певучий
Целый день от зари до зари.

Кастерак

О господи! Неужто же воочью
Ренара вижу я столь поздней ночью?

Ренар

Не мальчик я уже. Мне двадцать лет.
Ищу любви. Любви все нет и нет.

Кастерак

И я не мальчик. Мне под пятьдесят.
Как тряпки, все мечты мои висят.
Казалась девушка любая мне родной,
А в результате, понимаешь, ни одной!
Я так мечтал произнести: одна! —
У счастья моего ни потолка, ни дна.
Ты понимаешь ли теперь, молокосос,—
Ни разу я «люблю» не произнес!
Я так мечтаю на закате дней
С несуществующею — повидаться с ней!

(Поет.)

Только быть бы нам, милая, вместе,
Позови же меня, позови!
Пронесем от дворцов до предместий
Знамя нашей великой любви.
Не желаю я участи лучшей...
Говори, говори, говори!
Мне бы слышать твой голос певучий
Целый день от зари до зари.

Раскрывается окошко. Женская рука бросает цветок намеренно к ногам Ренара.

Р е н а р

Не вам, клянусь я, эту розу шлют —
Здесь молодость моя нашла приют!
(Напевает.)
Все пройдет — и закат и рассветы,
И беспечная юность уйдет,
Но бессмертна лишь песня поэта,
И любовь никогда не умрет.
Не желаю я участи лучшей...
Говори, говори, говори!
Мне бы слышать твой голос певучий
Целый день от зари до зари.

К а с т е р а к
(грустно)

Я стар, я стар и, значит, очень глуп.
А старую крапиву даже в суп не кладут...

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ВОСЬМОЙ КАРТИНОЙ

Д'А р т а н ь я н
(выходит на просцениум)

До Лондона в пять суток! Не успеть.
Где там успеешь! Легче умереть.

Кастерак и Ренар подходят к нему.

Р е н а р

Побольше золота возьмите. На людей
Дукаты действуют получше лошадей.

К а с т е р а к

Запомните, верша свои дела:
Круглы дукаты и земля кругла.

Д'Артаньян

На помощь золото вовек не позову,
Не золотом, а мужеством живу!
И пусть меня встречают все стихии,
Я ни одну из них не подкуплю!
Уверен— вы советчики плохие!
Не золото, а мужество люблю!
Я лишь одной мечтой всегда живу —
Я море в пять минут переплыву!
Опасностями кто меня обманет?
Пять суток — Лондон у меня в кармане!
(Уходит.)

Кастерак

Желаю вам удачи от души!
А ну-ка, молодость, давай спеши, спеши!

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ОДИННАДЦАТОЙ КАРТИНОЙ

Кастерак

На сердце, дорогой Ренар, так нелегко,
Меня пугают эти расстоянья...
Покинул д'Артаньян Париж. Он далеко,
И мы следить за ним не в состоянье.

Ренар

Он гонит лошадей и день и ночь,
Но бесконечны дальние просторы!
(Кричит в пространство.)
Послушай, д'Артаньян! Как нам тебе помочь?
К тебе придут на помощь мушкетеры!

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ДВЕНАДЦАТОЙ КАРТИНОЙ

Кастерак и Ренар по боевому сигналу готовятся к походу.
Быстро одеваясь, они поют боевую песню.

Вставай, вставай!
Войны огонь
Летит под небеса.
Несись, несись,
Мой верный конь,
Сейчас не до овса!

Мой верный конь!
Нам не до сна,
Несись, взметая прах,
Как будто ты —
Сама война
На четырех ногах!

Прощай, любимая моя!
Твой нежный голос смолк,
Когда исполнить должен я
Свой мушкетерский долг.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ТРИНАДЦАТОЙ КАРТИНОЙ

Кастерак

У молодых парней что в голове?

Ренар

Герои бастиона Сен-Жерве.
Здесь мужество и жизнь — как две подруги!
Пройдет война. Подумай на досуге,
Как нам себя вести и для чего живем?

Кастерак

Для мужества! Вся прелесть жизни в нем!

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРЕД ШЕСТНАДЦАТОЙ КАРТИНОЙ

Ренар

Он настрочил какую-то бумагу.

Кастерак

Его бумажка не заменит шпагу.

Ренар

Его бумажка многих шпаг сильней.
И нет ли в ней подвоха для друзей?

Кастерак

Я тоже беспокоюсь. Ришелье
Цветов не держит у себя в столе.
Нет! Доверять ему никак нельзя...
Посторонись-ка! Вот идут друзья!

ПЕСНИ

ЗАСТОЛЬНАЯ

Под небесами солнце
Закончило свой путь.
Веселые гасконцы
Не думают заснуть.
Среди глубокой ночи
Гасконцу не до сна,
Пока остался в бочке
Хотя б глоток вина.

По-прежнему
Мы вежливо
И понемногу пьем —
Пока, пока
По капельке,
Стаканами потом!

Друзья имеют право
Напиться в этот час.
За дружбу и за славу,
За каждого из нас!
Наука доказала —
Не выпить нам нельзя.
Поднимем же бокалы,
За родину, друзья.

По-прежнему
Мы вежливо
И понемногу пьем —
Пока, пока
По капельке,
Стаканами потом!

Гремит за кружкой кружка,
Навис табачный дым.
Давайте на пирушку
Мы солнце пригласим.
Пускай оно зажжется
У нас под потолком,
Пускай оно напьется
Бургундии вином.

По-прежнему
Мы вежливо
И понемногу пьем —
Пока, пока
По капельке,
Стаканами потом!

ТРИ МУШКЕТЕРА

Три мушкетера вычистили шпоры,
Три мушкетера сели на коней...
Дыму и картечи несемся мы навстречу,
Друзья, споемте песню о Франции своей!
Как львы, всегда с врагом дрались
И не считали ран
Атос, Портос и Арамис
И д'Артаньян!
Каждая шпага — слава и отвага,
Каждый за всех и все за одного!
Дело нашей чести — друзья дерутся вместе,
Друзья справляют вместе победы торжество.
Мы в вечной дружбе все клялись
И каждый в меру пьян —
Атос, Портос и Арамис
И д'Артаньян!
Реки и горы взяли мушкетеры,
Слышите топот мчащихся коней?
Свалим в смертной схватке мы бурю на лопатки.
Друзья, споемте песню о Франции своей!
Недаром на земле сошлись
В единый дружный стан
Атос, Портос и Арамис
И д'Артаньян!
Полную флягу, боевую шпагу —
Больше не нужно ничего иметь!
Большего н надо — всегда сражаться рядом.
Всю жизнь сражаться вместе и вместе песни петь!
Святая дружба — наш девиз
Для всех веков и стран,
Атос, Портос и Арамис
И д'Артаньян!

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ МУШКЕТЕРОВ

Время бессильно
Нас опрокинуть,
Лозунг победный
Наш:
Только в бессмертье,
Только в бессмертье,
Только в бессмертье
Марш!

Пусть донесется
К дальним потомкам
Славная эта
Весть:
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть!

1950

[СКАЗКА ЛЕТЧИКА]

Наброски к пьесе по мотивам сказки «Маленький принц» Антуана Сент-Экзюпери

Она, как многие взрослые женщины, часто повторяет последнее или два последних слова собеседника.

Пока я девочка, я буду жить в тебе. А когда я стану взрослой женщиной, я начну жить на земле.

Тарас Бульба у маленького принца.

Я женщина, и мне трудно перейти границу.

У меня три счастья. Первое — что я родилась. Второе то, что я тебя люблю. Третье, что ты меня не любишь.

А если я тебя полюблю?

Не смей! Я тебя тогда возненавижу!

Это так сладко, когда любовь уходит и, возможно, никогда не вернется. Что на свете может быть лучше удаляющейся любви?

Дети поднимаются вслед за Экзюпери. Они останавливаются у границы неба. Потом молча медленно спускаются вниз. Им навстречу идет Женевьева. Она останавливается у черты, которую не смогла перейти при жизни Антуана. Дети смотрят ей вслед, возвращаются, берут ее за руки, и они втроем удаляются в небо к Экзюпери. Появляется капитан. Старческими шагами он поднимается по спирали. Потом садится на одну из ступенек и горько плачет.

На земле все меньше становится королей. Но это вовсе не значит, что на земле исчезнут маленькие принцы. За неимением королей маленьких принцев начнет рожать простой народ. Вот я и принялась за это дело.

Старуха Барбье завела себе молодого любовника. За деньги все можно сделать. Кроме молодых людей, она еще любит кошек и кроликов. Она собирается состязаться с ними в деторождении. Но ничего у нее не выйдет. Молодой человек, как кролик, сгрызет у нее все обои и уйдет к другой хозяйке. Такова судьба стареющей женщины.

Пока я принц, я повелеваю. Надо будет, я вернусь. Повелеваю я!

Ну вот. А ты сказала, что он умер.

Я не сказала, что он умер. Я сказала, что он погиб.

Я еще могу вести машину и стрелять.

По просцениуму перед закрытым занавесом идет Главная девочка. Она везет на тачке большой овальный предмет.

Гл<авная> дев<очка>. Не удивляйтесь и не ломайте себе голову — что это я везу на своей одноколесной тачке. Я вам сразу все объясню. Я везу небольшую планету, на которой родился маленький принц. Вы привыкли к мысли, что планеты круглые. А на самом деле они — овальные. Они к полюсам сужаются. И я долго думала: как это люди живут на очень неудобной овальной планете? Так я ни до чего и не додумалась. Наверное, это явление социальное, а я в социальных явлениях ничего не понимаю. И зачем только я качу эту тележку с овальной планетой? Наверно, потому, что я очень люблю маленького принца. Но только я, как любая женщина, не могу точно сказать — любила или люблю. Боюсь, что для меня, как и для любой женщины, это выяснится слишком поздно.

(Она напевает.)

Не греет любовь и не светит
Сквозь времени круговорот...
Любовь не живет на планете,
А тачку с планетой везет.

Она уходит. Раскрывается занавес. На сцене — спираль, устремленная в небо. На спирали — несколько площадок, на которых часто разыгрывается действие. Маленький принц смотрит в небо.

М<аленький> п<ринц>. Сейчас он, наверно, летит над Андами. Южные Кордильеры. Красиво. Еще

очень красиво — мыс Доброй Надежды. Мыс-то есть. А как дело обстоит с надеждой? Плоховато дело обстоит с надеждой? Лети, Антуан, лети. Лети над планетой, которая куда больше, чем та, на которой я родился. Лети и придумывай людям красивые названия. Мне не так уж много лет, но я уже давно убедился в том, что нет ничего более обманчивого, чем красивое название. Лети, Антуан, лети! И привези мне оттуда, с небес, переулок святой дружбы, улицу вечной преданности, проспект человеческого великолепия! Лети, Антуан, лети! И привези мне оттуда, с небес, пусть небольшую планету, на которой миллиардам людей совсем бы не было тесно. У меня нет родителей, Антуан! Ты меня выдумал. Но ты — чистый, талантливый, светлый,— ты ведь не мог придумать совсем плохого мальчика. Внимание, Антуан! Мне кажется, у тебя барахлит правый мотор. Прислушайся! *(Он присл⟨ушивается.⟩)* Нет, я ошибся. Послушай, Антуан! Сейчас я увижусь с твоей Женевьевой. Послушай, Антуан. Не обращай внимания на то, что я еще совсем мальчик. Плюнь на то, что я еще, как говорится, не умудрен жизненным опытом. Не всегда старцы правы. Антуан, дорогой, единственный. Она тебя предаст. Она тебя попытается остановить на середине пути. Перейди эту половину. Без нее! Я, выдуманный тобою мальчик, умоляю тебя об этом! Так! Сейчас мне надо подготовиться для разговора с женщиной. *(Он поднимается на площадку, где его ждет Женевьева.)*

Женевьева. Мальчик! Я не спала всю ночь.

М⟨аленький⟩ п⟨ринц⟩. Это не удивительно. В вашем возрасте люди еще не спят.

Ж⟨еневьева⟩. Ты думаешь, что я его не достойна?

М⟨аленький⟩ п⟨ринц⟩. Я убежден в этом.

Ж⟨еневьева⟩. Что же мне делать?

М<аленький> п<ринц>. Пожертвовать собой.

Ж<еневьева>. Это нелегко.

М<аленький> п<ринц>. Легкая жертва — это не жертва.

Ж<еневьева>. Поганый мальчишка! Что ты понимаешь в человеческих чувствах?

М<аленький> п<ринц>. У меня нет родителей. Меня выдумал великолепный французский писатель Антуан Экзюпери. Он не мог придумать пошлого мальчишку.

Ж<еневьева>. Что же делать?

М<аленький> п<ринц>. Давайте вместе подумаем.

И пока они думают, свет переносится на следующую площадку. А на следующей сидит Капитан и беседует с давно умершей женой.

К<апитан>. Мери! Ты не злись на меня! Я всегда был замкнут. И вся беда заключается знаешь в чем? В том, что как только ты меня раскрыла, ты умерла. Ты ведь знаешь, как я понимал свой долг? Долг — это всегда конспирация. Когда человек говорит: «Я должен!», он никогда не отдаст долга. Долг — это пещера, и неизвестно, выйдешь ли ты из этой пещеры! Мери! Вот стоит пустой стул для тебя. А ты помнишь, как я впервые положил голову на твою грудь? Мне это показалось диким хамством — положить свою голову на голую женскую грудь. А я положил. Что, что? Ну да! Никогда больше не положу. А он сейчас летит над Андами! Южные Кордильеры! Ты спрашиваешь, кто он? Он! Он! И никого больше...

1963—1964

ПРИМЕЧАНИЯ

Во второй том включены драматические произведения Михаила Светлова: пьесы «Глубокая провинция», «Сказка», «Двадцать лет спустя», «Бранденбургские ворота», «Молодое поколение», «Любовь к трем апельсинам». В конце тома в разделе «Приложения» помещены интермедии и песни к пьесе «Три мушкетера» (инсценировка романа А. Дюма) и фрагменты не завершенного писателем замысла пьесы об Антуане Сент-Экзюпери.

Материалы в разделах расположены соответственно времени написания произведения. В примечаниях указывается первая публикация, основной источник, по которому печатается произведение, критические отзывы в прессе, а также краткие комментарии к постановке пьес в театре.

ТЕАТР СВЕТЛОВА

Особенности светловской драматургии, ее художественные принципы можно понять только в связи со всем творчеством поэта, его поэзией, от первых и до последних строк проникнутой духом нашего времени.

Рассказывая о работе над первой пьесой («Глубокая провинция»), Светлов заметил: «Я старался сохранить в моей первой пьесе черты, которые свойственны мне как поэту. Я старался сделать это не только вводом ряда песен — я стремился работать так, чтобы *весь строй пьесы* отвечал моему творческому облику как поэта»[1]. Долгие годы эти слова Светлова понимались бук-

[1] «Театр и драматургия», 1935, № 9.

вально и прямолинейно, критика писала об отсутствии в его пьесах четкой интриги, крепкого сюжета, о том, что пьесы Светлова — это, по сути, концерт поэта Михаила Светлова, предлог для того, чтобы продекламировать со сцены стихи и песни. А между тем, когда читаешь пьесы Светлова подряд, одну за другой, видишь, что и нарочитая обнаженность, искусственность построения этих произведений, авторский «произвол», демонстрирующий читателю и зрителю конструкцию пьес («диспут» героев «Сказки», обсуждающих по ходу действия неверные, с их точки зрения, «поступки» драматурга, литературные реминисценции из А. Дюма в пьесе «Двадцать лет спустя» и др.), подчеркнутая театральная условность, совершенно естественно соединяясь с живыми, реально существующими характерами героев, современниками зрителей,— создают очень своеобразную поэтическую атмосферу, необычайно близкую атмосфере стихотворных сборников поэта. Если мы вслушаемся в споры, рассуждения и мечты героев пьес Светлова, то совершенно явственно услышим все тот же знакомый нам голос поэта — с его представлениями о дурном и хорошем, о счастье, с его светлыми и всегда немного грустными воспоминаниями о прошедшем. Поэтическая стихия творчества Светлова преломляется здесь в живых, совершенно реальных характерах героев, поэт и в драматургии остается верен своему дарованию. И потому нет ничего странного в том, что мир Светлова-поэта и мир Светлова-драматурга заполняют собой зрительский зал в дни светловских спектаклей.

У героя Светлова разные имена, разные платья, он живет в двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые годы нашего столетия, ему двадцать, тридцать, сорок или пятьдесят лет... Это председатель артели имени Карла Либкнехта толстый Шульц и председатель артели имени Бела Куна тощий Керекеш с их постоянными ссорами и трогательной любовью («Глубокая провинция»); это комсомолец Сашка («Двадцать лет спустя»), зачитывающийся «Тремя мушкетерами» и размахивающий руками, но мужественно держащийся в белогвардейской тюрьме; это рас-

сеянный Моисей («Сказка»), засыпающий в самый неподходящий момент; это потомок ямщиков капитан Охотин, человек необычайно одаренной души, так и не дошедший до Бранденбургских ворот («Бранденбургские ворота»); это, наконец, Алексей из последней пьесы Светлова — «Молодое поколение», выпрямляющийся на целине. Люди совершенно непохожих характеров и судеб, и тем не менее это все тот же «парень, презирающий удобства», вспоминающий «юность свою боевую» — время, навсегда опалившее душу поэта. Главное в каждом из этих людей, то, что составляет их существо, человеческий стержень,— присуще и лирическому герою поэзии Светлова. Их общее — в отношении к жизни, в представлении о счастье, о цели и месте человека на земле.

«Я сам лучше кинусь // Под паровоз, // Чем брошу на рельсы героя»,— написал Светлов в стихах о «спасенных» им героях. В шутливых этих строчках своеобразное кредо не только Михаила Светлова-поэта, но и Светлова-драматурга. «Придумай хорошую сказку о хороших людях!»— говорит Таня в «Сказке», проговорившись здесь об одном из основных эстетических принципов драматургии светловского театра: хорошая сказка о хороших людях.

В пьесах Светлова мало «отрицательных» персонажей, да и те плутают сначала по жизни, ошибаются и потому попадают в беду, как, скажем, Алексей в драматической поэме «Молодое поколение». И тем не менее перед нами «Двадцать лет спустя» — с ее подлинно трагическими ситуациями, «Сказка», в которой условность, придуманность сюжетного хода не снимает драматичности происходящего, «Бранденбургские ворота», где страшное дыхание войны ощущается в судьбах героев. Драматизм достигается общей поэтической напряженностью всей атмосферы пьесы, которая, в свою очередь, увеличивает драматизм жизненной ситуации. И зритель, покоренный поэзией, захваченный ею, не сетует на то, что в пьесе нет традиционной драматичности,— зритель увлечен, ему интересно...

Главные герои Светлова — милые, честные и смелые люди — спорят, работают, сражаются, наконец, умирают... Но «в эту минуту» занавес падает, автор не может никого огорчить смертью героя. «И если в гробу // Мне придется лежать,— // Я знаю: // Печальной толпою // На кладбище гроб мой // Пойдут провожать // Спасенные мною герои...» Лирические воспоминания поэта получили новое рождение в его драматургии.

В конечном счете читатель или зритель понимали то главное, ради чего были написаны эти пьесы, нечто очень существенное и сокровенное для поэта. Высказаться ему было чрезвычайно важно — все равно, в какой форме...

Только надо, чтобы поколенью
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Светлов и рассказывал в своих пьесах о том, что считал «нужным»,— рассказывал просто и романтично, объединяя в своей драматургии условность и поэтически осмысленную действительность, своеобразно и интересно используя природу сценического действия.

Ф. Светов

ПЬЕСЫ

ГЛУБОКАЯ ПРОВИНЦИЯ

(Стр. 7)

Пьеса написана в 1935 году.

Впервые опубликована[1] в журнале «Красная новь», 1936, № 2. Вслед за этим вышла отдельным изданием: М. Светлов. Глубокая провинция. М., Цедрам, 1936.

В прижизненные сборники не включалась.

[1] Здесь и далее не принимаются в расчет стеклографированные издания, выходившие на правах рукописи.

В 1935 году поставлена в Москве в Театре ВЦСПС режиссером А. Диким.

В сезон 1935—1936 года — в Ленинграде на малой сцене театра Госдрамы, режиссер М. Соколовский, и в театре рабочей молодежи (ТРАМ), режиссер Н. Рашевская.

Печ. по изд.: М. Светлов. Глубокая провинция. М., Цедрам, 1936.

Первая пьеса поэта была продиктована ведущими общественными идеалами своего времени. Темы и проблемы ее — возрастающая мощь колхозов, радость освобожденного труда на общее благо, интернациональная солидарность — широко разрабатывались в художественной литературе, журнальной публицистике, в газетных репортажах. Светлов воплотил эту тематику в лирической пьесе, умышленно отказавшись от занимательной интриги, сквозного действия, сосредоточив все внимание на лепке образов, на создании характеров. По словам автора, ему больше всего хотелось, чтоб зритель, посмотрев пьесу, сказал о ее героях: «... какие это хорошие, умные люди, какие они простые, обыкновенные и какие в то же время яркие!» («Театр и драматургия», 1935, № 9).

Спектакль театра ВЦСПС получил хорошую прессу. «Правда» (1935, 17 декабря) поместила статью «Яркий спектакль», в которой писала о поэтичности пьесы, о верности общего плана постановки, о замечательном стиле игры. Отмечая некоторые недостатки пьесы («много размягченности, какой-то расслабленности... даже самые острые продовольственные затруднения в стране изображаются порою шуточно-лирически»), рецензент «Правды» оценивал весь спектакль как радостный, яркий и талантливый.

Восторженно отозвались о пьесе журналы «Рабочий и театр» (1935, № 19) и «Звезда» (1936, № 1); указывая на некоторые изъяны, но, в общем, весьма положительно писали о спектакле «Ли-

тературная газета» (1936, 15 января), журнал «Театр и драматургия» (1936, № 2) и др.

Однако после журнальной публикации пьесы в «Правде» (1936, 10 апреля) была напечатана редакционная статья «Мещанская безвкусица» с критикой по адресу Светлова. В частности, автора упрекали в незнании колхозной деревни, ее людей, в нежизненности созданных им образов.

Светлов сам признавался, что был недостаточно знаком с материалом, в статье «Трудности первой пьесы» («Театр и драматургия», 1935, № 9).

Стр. 27. ...*ЦЧО*...—Центрально-Черноземная область, образованная в 1928 году из бывш. Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, части Тульской и Рязанской губерний. Существовала до 1934 года.

Стр. 31. ...*Флексатоны* — ударные музыкальные инструменты.

Стр. 33. ...*сплошные Яши Хейфецы*.— Яша (Иосиф Робертович) Хейфец (р. в 1901 г. в г. Вильно) — скрипач-виртуоз, воспитанник Петербургской консерватории. С 1917 года жил в Америке. В 1934 году выступал с концертами в Советском Союзе.

Стр. 78. *Антон-Горемыка* — герой антикрепостнической повести Д. В. Григоровича «Антон-Горемыка» (1847).

СКАЗКА

(Стр. 87)

Пьеса написана в 1938 году.

Впервые опубликована в журнале «Молодая гвардия», 1939, № 4. Вслед за этим вышла отдельным изданием: М. Светлов. Сказка. М., «Молодая гвардия», 1939.

Включалась автором в сборники: Избранные стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1950; Стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1957.

В конце 1938 года пьеса была поставлена в Ленинградском ТЮЗе режиссером Н. Рашевской.

В Москве «Сказка» впервые шла в 1939 году в Московском государственном театре для детей. Режиссеры Б. Бибиков и О. Пыжова.

В процессе совместной работы с режиссерами автор вносил в текст некоторые изменения, вошедшие в изд. 1939 года (см. «Заметки режиссера», опубликованные в этом издании). Небольшие стилистические исправления Светлов сделал, готовя сборник «Стихи и пьесы», 1957.

Печ. по изд.: М. Светлов. Стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1957.

Светлов, присутствовавший на ленинградской премьере, телеграфировал о ней своему другу С. Гушанскому: «УЖА-А-АС!» Спектакль провалился (см. об этом в сб. «Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о М. Светлове». М., «Сов. писатель», 1973).

Московская премьера прошла с большим успехом. «Светлов написал прекрасную пьесу. В ней много смелости и большой поэзии»,— писал Константин Паустовский в «Советском искусстве» (1939, 3 марта). Паустовский восторгался мягкостью интонаций Светлова, простотой изложения, отмечал современность пьесы, ее воспитательное значение, отсутствие лакировки. Удача спектакля,— по мнению Паустовского,— заключалась в том, что постановщики и актеры *поняли* автора, нигде не нарушили поэтичности, «прекрасная молодежь играла прекрасную пьесу о себе».

Доброжелательной была критика и после опубликования «Сказки» в журнале. «Пьеса пленяет свежестью и оригинальностью формы, удачно найденным сочетанием фантастики и реальности»,— писали «Известия» (1939, 17 мая). Рецензент журнала «Литературное обозрение» (1939, № 15) отмечал, что автор без нажима, не обнажая тенденции, показывает рост нового сознания в человеке, освобождение от власти золота. «Золото, извечно по-

рождавшее вражду, ненависть, преступления и злодеяния», в пьесе стало «животрепещущим источником силы, бодрости, отваги, честности, дружеской преданности и патриотизма».

Журнал «Литературный критик» (1939, № 7), высказавший ряд замечаний по пьесе, признавал все же, что «Сказка» идет на сцене с неизменным успехом.

Пьеса шла во многих театрах страны.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(Стр. 185)

Пьеса написана в 1939 году.

Впервые опубликована отдельным изданием: М. Светлов. Двадцать лет спустя. М.—Л., «Искусство», 1941.

Включалась автором в сборники: Избранные стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1950; Избранное. М., Гослитиздат, 1953; Стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1957.

В 1941 году поставлена в Москве Московским государственным театром для детей; режиссеры Б. Бибиков и О. Пыжова, и театром им. Ермоловой, режиссер Н. Хмелев. В Ленинграде — в Новом ТЮЗе режиссерами Б. Зон и Т. Сойниковой.

Печ. по изд.: М. Светлов. Стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1957.

В пьесе «Двадцать лет спустя» нашли поэтическое воплощение многие события боевой комсомольской юности поэта. Комсомольцы Екатеринослава, среди которых был молодой Светлов, собирались в старом барском особняке, вели активную революционную пропаганду среди молодежи города, издавали свой журнал «Юный пролетарий», были помощниками екатеринославских большевиков (см. в сб. «Ты помнишь, товарищ...». М., «Сов. писатель», 1973).

Рассказывая, как трудно создавалась пьеса, Светлов сам говорил о жизненной достоверности ее героев и сюжета: «Берешь

живой факт, вписываешь его в пьесу, а на сцене живой факт сразу становится мертвым. Хочешь показать давно знакомого, живого комсомольца, а на сцене он еле дышит.

И тогда убеждаешься в непреложной истине: нужно показать не биографию героя, не точно все его качества, а те качества, которые исторически заслуживают этого.

Мне хотелось избежать недостатка многих пьес о комсомоле — «лобового», а следовательно, неполноценного показа комсомольцев. Мне это не везде удалось, не везде полностью раскрыта судьба героев. Но я еще драматург молодой и по-прежнему считаю себя больше поэтом, чем драматургом» («Московский комсомолец», 1941, 17 мая).

В критических спорах вокруг пьесы, среди разнородных мнений преобладали голоса, которые давали ей положительную оценку. Пьеса замечательна «чувством времени»,— писал критик журнала «Искусство и жизнь» (1940, № 7),— она «волнующая и остроумная, искренняя и новаторская». А рецензент журнала «Ленинград» (1940, № 13—14) отвергал упреки тех критиков, которые считали, что тема мушкетеров всего лишь литературная реминисценция. Он находил общность в характере комсомольцев и мушкетеров — молодежи разных исторических эпох: они «одинаково хорошо знают цену смелого подвига и товарищеской верности. Они знают, что такое самоотвержение и борьба». Не надо только забывать, что история дала каждому поколению «свои особые задания», «свои цели».

Выступая на конференции драматургов, А. Фадеев высоко оценил пьесу. Фадеев отметил, что в драматургии Светлова наиболее сильной стороной являются качества, идущие от Светлова-поэта, условности же пьесы оправдываются лирической основой произведения («Вечерняя Москва», 1941, 28 апреля).

Постановки в Москве и Ленинграде были удачны и шли с большим успехом (см. об этом журнал «Театр», 1941, № 5; «Огонек», 1941, № 9). Ленинградский спектакль рецензент жур-

нала «Искусство и жизнь» (1941, № 3) считал одним из лучших спектаклей сезона.

«Двадцать лет спустя» обошла многие периферийные сцены, восстанавливалась в репертуаре московских и ленинградских театров.

Пьеса была экранизирована режиссером А. Манасаровой. Кинофильм «Двадцать лет спустя», отснятый на студии «Мосфильм», вышел на экран в 1966 году.

Стр. 185. *Двадцать лет спустя.*— Название пьесы М. Светлова повторяет название романа А. Дюма-отца «Двадцать лет спустя» (1845), в котором действуют те же герои, что и в «Трех мушкетерах»,— Атос, Портос, Арамис, и д'Артаньян. Далее в тексте пьесы неоднократно упоминаются персонажи и события романа Дюма.

Стр. 255—256. *«В Украине кипит восстание... за всемирную Федеративную Советскую Республику. Н. Ленин».*— Из «Письма к рабочим и крестьянам Украины» В. И. Ленина (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 41, 47). *Н. Ленин* — один из псевдонимов В. И. Ульянова-Ленина.

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

(Стр. 263)

Пьеса написана в 1945 году.

Впервые опубликована в издании: М. Светлов. Стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1957.

В Москве пьеса была поставлена в 1946 году театром им. Моссовета. Режиссеры Ю. Завадский и М. Чистяков.

В том же году была показана Ленинградским драматическим театром. Режиссер А. Пергамент.

Печ. по изд.: М. Светлов. Стихи и пьесы. М., Гослитиздат, 1957.

В сентябре 1945 года в беседе с сотрудником «Советского искусства» (1945, 14 сентября) Светлов говорил о своей новой пьесе: «...Перед зрителем пройдут люди Северо-западного фронта, державшие оборону в то время, когда грохот Сталинградского сражения уже несся над миром. В вязкой грязи, в гнилых болотах, готовились войска фронта к прыжку». В пьесе,— сказал автор,— «много песен, которые мне, поэту, помогают оживить характеры действующих лиц...» И несколько позже писал: «Я не делал попытки раскрыть в «Бранденбургских воротах» все величие Отечественной войны,— это мне не по силам. Я хотел показать тех рядовых и милых мне героев, которых я знал, любил и с которыми вместе прожил четыре года. Мне кажется, что в показе их я не допустил фальши» (Сб. «Бранденбургские ворота». Материалы к постановке пьесы. М., ВТО, 1946).

Фронтовые друзья Светлова говорили впоследствии о жизненности и достоверности его героев. В. Славнов, командир стрелкового батальона 44-й бригады 1-й Ударной армии, где Светлов был военным корреспондентом, вспоминал: «Встречи Светлова под Старой Руссой с бойцами бригады оставили глубокий след в его творчестве. В героях пьесы «Бранденбургские ворота» узнаешь знакомые мотивы, друзей, себя, как бы снова переживаешь вместе с ними тяжелые бои» («Ты помнишь, товарищ...». М., «Сов. писатель», 1973).

В своих фронтовых воспоминаниях Б. Бялик, бывший, как и Светлов, военным корреспондентом, пишет, как много реальных характеров, реплик, шуток, жизненных ситуаций впитала в себя пьеса Светлова (Б. Бялик. Наедине с прошлым. М., «Сов. писатель», 1968).

Критика по-разному восприняла пьесу. Большинство критиков отмечало оригинальность замысла и исполнения, умение Светлова делать переходы во времени — легко отступать в воспоминания о прошлом, в воспоминаниях представлять воображаемое будущее; говорили о нравственной чистоте героев и поэ-

тическом раскрытии характеров (см., например, указанный выше сб. ВТО, 1946).

Журнал «Звезда» (1946, № 12) критически оценил постановку Ленинградского драматического театра.

По мнению рецензента, театру не удалось воссоздать поэтическую атмосферу пьесы,— мало музыки, песен, стихов. Режиссер сократил то, что составляет сущность светловской пьесы. Спектакль накреняется в быт, даже в баталистику.

Премьера театра им. Моссовета прошла успешно. Театральная интерпретация пьесы нравилась Светлову. Он писал, что бывает в театре почти на каждом спектакле, приходит, как в гости к давно знакомым и ненадоедающим людям (сб. ВТО, 1946).

МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ

(Стр. 349)

Пьеса написана в 1956 году.

Впервые опубликована в журнале «Октябрь», 1956, № 12, под названием «С новым счастьем».

Под этим первоначальным названием в 1957 году пьеса была поставлена в Московском театре им. Ермоловой режиссером С. Гушанским и в Ленинграде — в театре им. Ленсовета режиссером О. Ремезом.

Включена автором в стихотворный сборник «Горизонт», М., «Сов. писатель», 1959.

Печ. по этому изданию.

Работая совместно с режиссером С. Гушанским над сценическим вариантом пьесы, Светлов внес в текст значительные изменения: сокращал некоторые сцены, вводил новые эпизоды, уточнял характеристику действующих лиц, отказывался от многих «пустых», «проходных» диалогов, реплик и т. п. Об этом он писал

в «Вечерней Москве» (1957, 28 октября): «В процессе работы мной вносятся большие поправки в текст пьесы, многое подвергается переделкам. Основная тема пьесы — взаимоотношения двух поколений. Но она должна прозвучать здесь по-новому, без традиционного противопоставления отцов и детей».

Спектакль, поставленный к сорокалетию Октября, вызвал хорошие отзывы в прессе, хотя рецензенты делали и довольно существенные критические замечания. Так, рецензент «Советской культуры» (1957, 5 ноября) писал, что новый сценический вариант «дал возможность создать то радостное, бодрое, праздничное зрелище, которое щедро предлагают своим зрителям ермоловцы». Но кое-где стихия веселья и смеха «чрезмерно захлестывает спектакль», сбивает ритм, затормаживает действие. Местами «песни, пляски, развлечения, утратив значение фона, перестав быть дополнительной краской, выходят на первый план, превращаясь в своего рода самостоятельный аттракцион».

«Известия» (1957, 16 ноября) отмечали: «Это веселый, даже озорной спектакль», поэт и театр рассказали о молодых целинниках «задушевно, с доброй улыбкой и юмором». Но жизнь целинников «показана несколько односторонне, она не засверкала всеми присущими ей красками, она выглядит чересчур безмятежной».

При подготовке к печати сб. «Горизонт» Светлов снова пересмотрел текст пьесы, внес некоторые стилистические поправки, дал ей новое название — «Молодое поколение».

ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ

(Стр. 465)

Пьеса написана в 1962 году.

Впервые опубликована отдельным изданием: М. Светлов. Любовь к трем апельсинам. М., «Искусство», 1964.

Печ. по этому изданию.

В 1963 году пьеса поставлена на сцене Московского театра юного зрителя. Режиссер Е. Евдокимов.

Веселый, забавный, полный неожиданностей спектакль с энтузиазмом воспринимался зрителем. «Ребята жили всем тем, что происходило на сцене»,— писала «Вечерняя Москва» (1963, 28 мая). Особенно подчеркивал рецензент воспитательное значение и современность этой пьесы. Старый сказочный сюжет Карло Гоцци Светлов наполнил «сегодняшним смыслом, впервые символы сказки он сделал символами нашей жизни ... Большой гуманизм пьесы — вера в три апельсина — Свободу, Верность и Любовь — понятен аудитории людей, которых воспитывают на традициях Тимура и его команды ... «Апельсины», поставленные в реалистической манере, ни в коем случае не выглядят несовременными, потому что они пронизаны духом наших дней и отмечены печатью таланта».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИНТЕРМЕДИИ И ПЕСНИ К ПЬЕСЕ «ТРИ МУШКЕТЕРА»

(Стр. 537)

Интермедии и песни написаны в 1950 году к инсценировке романа А. Дюма, осуществленной С. Радзинским.

Печ. по авторизованной машинописи ЦГАЛИ, ф. 2286, оп. 1, ед. хр. 53.

«Заключительная песня мушкетеров» (стр. 549). — Печ. по машинописи. (Частное собрание.)

Спектакль был поставлен Московским театром юного зрителя в 1955 году. Режиссер Е. Евдокимов.

В рецензии на спектакль «Московский комсомолец» (1955, 16 ноября) писал: «Эти интермедии в стихах, мастерски написанные М. Светловым,— то размышления о судьбе героев, о грозящей

им опасности, то боевая, то лирическая песня... Они обращены к зрителю и как бы фиксируют его внимание на самых драматических эпизодах спектакля». Это внесло в спектакль «стихию лиризма».

[СКАЗКА ЛЕТЧИКА]

(Стр. 550)

Публикуемые наброски воспроизводят собственноручные записи Светлова отдельных разрозненных фрагментов незавершенного замысла пьесы об Антуане Сент-Экзюпери. Записи, относящиеся к пьесе, сделанные со слов писателя или под его диктовку друзьями и знакомыми, здесь не приводятся.

Печ. по автографу. (Частное собрание.)

Замысел подсказал поэту Малый театр, предложивший ему весной 1963 года написать пьесу об Экзюпери (см. «Новый мир», 1969, № 9). С тех пор и до конца жизни Светлова не оставляла мысль об этом. 28 января 1964 года «Вечерняя Москва» информировала своих читателей о работе Светлова над пьесой, приведя ее название — «Сказка летчика». Это же название фигурирует в корреспонденции «Литературной газеты» (1964, 11 августа).

В беседе с сотрудником «Литературной газеты» Светлов рассказал: «Сент-Экзюпери не даст мне покоя. Задумал пьесу ... Пока что я успел только осмыслить сюжет, представить себе действующих лиц и написать несколько маленьких кусочков ... О чем? Пьесы всегда бывают о людях. Я хочу, чтобы в этот раз на сцене ожил Сент-Экзюпери, удивительный человек нашего времени. Рядом с ним, видимо, появятся девочка, прачка, рабочие люди ... Пока лишь записываю кусочки, вернее, обдумываю все. Я могу писать только залпом: долго запрягаю, но потом быстро еду ... Возможно, иные записные критики удивятся, но я пишу о французском пилоте и верю, что он может быть истинным

героем советской пьесы. И к тому же, как принято говорить, героем положительным ... Я просто мечтаю написать «Сказку летчика». И хорошо написать».

Трудно сказать, как воплотился бы этот замысел в окончательной редакции. Можно только догадываться, что Светлов намеревался и здесь применить прием свободного перемещения героев во времени и пространстве, предполагая описать встречу героев Экзюпери со своим автором, с литературными персонажами иных эпох, с действующими лицами, вымышленными Светловым.

В предисловии к посмертной публикации набросков Н. Федосюк пишет: «Необычный ход его фантазии, причудливое переплетение сказки с обыденной жизнью, странные ассоциации порой озадачивали, приводили в недоумение. Помню, с каким увлечением описывал он сцену встречи маленького принца с Тарасом Бульбой и сыновьями, когда принц обращался к Тарасу со словами: «Ты слышишь меня, батько?» Или рассказывал о королеве-труженице, королеве, которая выпуждена весь день заниматься стиркой и лишь ненадолго отрываться от корыта. Часто он просил запомнить или записать что-нибудь, особенно ему понравившееся. У меня сохранились всего две краткие записи: «Королева весь день занята стиркой» — и слова введенного Светловым в пьесу персонажа — Девочки: «Я еще слишком маленькая, чтобы верить в смерть» («Новый мир», 1969, № 9).

Л. Смирнова

СОДЕРЖАНИЕ

ПЬЕСЫ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Светлов М.

С 24 Собрание сочинений. В 3-х томах. Т. 2. Пьесы. Составл. Р. И. Амирэджиби. Подготовка текста Л. Н. Смирновой. Примеч. Л. Н. Смирновой, Ф. Г. Светова. Оформл. худ. Ю. Алексеевой. М., «Худож. лит.», 1975.

576 с.

В том вошли шесть пьес М. Светлова: «Глубокая провинция» — о первых шагах социалистической деревни, «Сказка» — о воспитании молодежи, «Двадцать лет спустя» — о гражданской войне, «Бранденбургские ворота» — о второй мировой войне, «Молодое поколение» — об освоении целины, «Любовь к трем апельсинам» — о верности и дружбе.

Все пьесы пронизаны духом героики и романтики, умной любовью автора к молодежи, светлым призывом к воспитанию благородства, патриотизма.

$С\frac{70402-313}{028(01)-75}$ подписное Р2

МИХАИЛ АРКАДЬЕВИЧ СВЕТЛОВ

Собрание сочинений

том 2

Редактор *В. Буланова*

Художественный редактор *А. Виноградов*

Технический редактор *С. Ефимова*

Корректор *Т. Кузина*

Сдано в набор 5/II 1975 г. Подписано к печати А02109 от 24/VI 1975. Бумага типогр. № 1. Формат $70 \times 108^1/_{32}$. 18 печ. л. 25,2 усл. печ. л. 20,019+ 1 вкл.=20,069 уч.-изд. л. Заказ № 2412. Тираж 100 000 экз. Цена 80 коп.

Издательство «Художественная литература» Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

30 коп.